

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD-YENCHING
LIBRARY

HARVARD-YENCHING
INSTITUTE

СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО.

ОСНОВЫ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Ж. СИМОНА

БЫВШАГО ФРАНЦУЗСКАГО КОНСУЛА.

~~~~~
ПЕРЕВОДЪ

В. РАНЦЕВА.

1990
1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣева.

1886.

HARVARD-YENCHING LIBRARY
HARVARD UNIVERSITY,
2 DIVINITY AVENUE

Subbasement Storage

MAR 9 1970

12470/81

DS 719 .S56 1886x

Simon, Jules, 1814-1896.

Sredinnoe tsarstvo

Типографія и Литографія В. А. Тихонова. По Большой Садовой
улицѣ, между Мучнымъ пер. и Гороховой ул. д. № 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Часть I.	
Семья.	1
Часть II.	
Трудъ	63
Часть III.	
Государство.	131
Часть IV.	
Правительство.	185
Часть V.	
Семья Уангъ-Мингъ-Це	234
Приложеніе.	363

ЧАСТЬ I.

С е м ь я.

Многіе геніальныя люди, въ томъ числѣ Паскаль, Лейбницъ и Бэконъ, утверждали, что родъ человѣческій долженъ разсматриваться какъ одинъ человѣкъ, который все время живетъ и учится. Это положеніе, высказанное о всемъ человѣчествѣ въ совокупности, можетъ быть примѣнено и къ ограниченной его части, называемой семьей. Факты такъ называемаго атавизма, ежедневно наблюдаемые учеными, дѣйствительно открываютъ такую прочную солидарность между послѣдовательными поколѣніями, что отъ этой солидарности очень недалеко до единства и тождества, какъ понимали ихъ Паскаль, Лейбницъ, Бэконъ и Леру. Если утвержденія ихъ о человѣчествѣ вообще оказываются справедливыми по отношенію къ отдѣльной семьѣ, то они должны быть истинными также и по отношенію къ народности, являющейся промежуточнымъ звеномъ между отдѣльной семьей и человѣчествомъ. Всѣ древнія народности, о которыхъ сохранилось у насъ воспоминаніе, исчезли, за исключеніемъ одной, которая оказывается поэтому старѣйшей изъ всѣхъ су-

ществующихъ въ настоящее время. Можно было бы возразить на это, что болѣе юныя народности наследуютъ отъ предшествовавшихъ имъ, а потому начала французской, англійской, русской и т. п. народностей восходятъ ко временамъ самаго отдаленнаго прошлаго. На самомъ дѣлѣ, всѣ эти народности являются наследницами древнихъ лишь въ боковой линіи, тогда какъ современная китайская народность—прямая наследница народности древне-китайской. Этимъ и объясняется исконная ея самобытность. Наслѣдственность проявилась у нея совершенно правильнымъ образомъ, не подвергаясь сопротивленіямъ и видоизмѣненіямъ, вызываемымъ перемѣной среды. Прогрессивное развитіе въ области идей и фактовъ не испытывало въ Китаѣ никакихъ потрясеній, которыя могли бы нарушить его правильность. Не было внѣшнихъ вліяній, задерживавшихъ это развитіе или же измѣнявшихъ его направленіе. Этому обстоятельству, обуславливающему, какъ уже упомянуто, исконную самобытность китайской народности, слѣдуетъ приписать, быть можетъ, и непримѣрную въ исторіи долговѣчность китайскаго государства.

Съ китайской народностью Европа почти незнакома. Между тѣмъ было бы небезынтересно выяснить результаты, къ которымъ пришло человѣчество, развиваясь въ такихъ условіяхъ какъ въ Китаѣ, узнать достигнутую имъ степень прогресса, выработанный имъ общественный и государственный строй, короче сказать, познакомиться съ китайской цивилизаціей.

Книга эта имѣетъ цѣлью дать отвѣтъ на относящіяся сюда вопросы. Необходимо, однако, предварительно условиться относительно значенія слова «цивилизациа», такъ какъ съ этимъ словомъ могутъ быть соединены

весьма различныя понятія. Мы будемъ признавать наиболѣе цивилизованнымъ государствомъ такое, въ которомъ на данномъ территоріальномъ пространствѣ возможно большее число людей сумѣло доставить себѣ и распредѣлить между собою наиболѣе равномернымъ и дешевымъ способомъ наибольшее количество благосостоянія, свободы, справедливости и безопасности.

Разсмотрѣвъ съ этихъ точекъ зрѣнія положеніе «Срединнаго Царства», я укажу, какимъ путемъ, при посредствѣ какихъ именно руководящихъ принциповъ достигнуто было это положеніе.

I.

Сообразуясь съ указаннымъ порядкомъ изслѣдованія, необходимо прежде всего обратить вниманіе на численность народонаселенія. Для всей китайской имперіи численность эта простирается до 537 милліоновъ душъ (включая сюда кочевыя монгольскія племена, а также населеніе вассальныхъ Китаю странъ: Тибета, Аннама и т. п.). Эта почтенная цифра составляетъ болѣе трети всего населенія земного шара. Ограничиваясь, однако, предѣлами настоящей китайской территоріи, омываемой съ востока и юга моремъ, огражденной съ запада горными кряжами, отдѣляющими ее отъ Тибета, а съ сѣвера—Великою Стѣной, найдемъ тамъ, на пространствѣ 300 милліоновъ десятинъ (т. е. въ 6 или 7 разъ большимъ Франціи), населеніе болѣе чѣмъ въ 400 милліоновъ душъ.

Извѣстно, что Европа, обладающая поверхностью въ четверо или въ пятеро большей собственнаго Китая, имѣетъ всего лишь 280 милліоновъ жителей. Необходимо замѣ-

тить при этомъ, что въ Китаѣ есть области, которыя, не уступая по величинѣ Германіи или Франціи, имѣютъ по 5—6 и даже по 7 жителей на десятину. Въ нѣкоторыхъ округахъ, столь же обширныхъ какъ Бельгія, густота населенія доходить до 12 и даже до 16 человѣкъ на каждую десятину поверхности. Изъ европейскихъ мѣстностей можно сравнить по населенности съ Китаемъ развѣ только островъ Джерси и прибрежную полосу Валенсіи. Густота населенія въ «Срединномъ Царствѣ» кажется настолько чрезвычайной, что ее нерѣдко оспаривали, относясь съ незаслуженнымъ недовѣріемъ къ официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Для тѣхъ, кто имѣлъ случай путешествовать по Китаю, она не подлежитъ никакому сомнѣнію. Даже въ 8-ми стахъ миляхъ отъ морского берега, у самыхъ границъ Тибета (гдѣ населеніе сравнительно малочисленнѣй), мнѣ зачастую приходилось проѣзжать черезъ города съ народонаселеніемъ отъ 500 до 1.500.000 человѣкъ. Въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ нерѣдко встрѣчались мнѣ дорогой громадныя толпы народа, шедшаго на базарь. Случалось, что 15—20 тысячъ человѣкъ скоплялось такимъ образомъ тамъ, гдѣ за день передъ тѣмъ можно было бы найти лишь нѣсколькихъ трактирщиковъ. На всемъ моемъ пути, изъ конца въ конецъ Китая, лежало такое множество селъ, деревень и отдѣльных хуторовъ, расположенныхъ такъ близко другъ отъ друга, что объ этомъ могутъ дать нѣкоторое понятіе лишь окрестности большихъ европейскихъ городовъ. Поэтому то въ Китаѣ попадаются на нѣкоторыхъ озерахъ сады и огороды, устроенные на поляхъ. Непрístupныя на первый взглядъ скалы воздѣланы трудолюбивой рукой земледѣльца. Самый характеръ земледѣльской культуры отличается преобладаніемъ наиболѣе

цѣнныхъ и нѣжныхъ насажденій, требующихъ особенно тщательнаго и сложнаго ухода (сахарныя, шелковичныя, восковыя плантаціи и т. п.). Даже и на окраинахъ почва многихъ долинъ доведена до такого плодородія, что съ гектара (91 сотая десятины) даетъ отъ 12 до 14 тысячъ килограммовъ риса, вслѣдствіе чего гектаръ земли имѣетъ тамъ цѣнность отъ 25 до 30 тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, относительно численности населенія, китайцы оставили насъ далеко позади себя. Въ то время, какъ мы жалуемся уже на избытокъ народонаселенія и стараемся всячески уменьшить его посредствомъ войнъ, безбрачія, добровольнаго безплодія, и т. д., китайцы продолжаютъ плодиться и множиться, какъ еслибъ въ распоряженіи ихъ состояло безпредѣльное пространство земли. Возрастаніе численности народонаселенія ихъ нисколько не страшитъ, и я думаю, что они правы. Легко измѣрить пространство поля, но нельзя указать границъ его плодородію. Какъ говорится «по Сенькѣ и шапка», по человѣку и земля. Китай является этому нагляднымъ доказательствомъ. Самыя населенныя теперь китайскія области были нѣкогда сравнительно малонаселенными и безплодными. Пустынныя горы и обнаженныя скалы обращены теперь въ террасы, покрытыя цвѣтами и плодовыми деревьями. Необходимо замѣтить, что китайцы не тратятъ по пустому удобренія, которыя могутъ увеличить плодородіе почвы: они не спускаютъ нечистотъ въ рѣки, а считаютъ своею обязанностью возвратить землѣ то, что было отъ нея заимствовано. Это кажется имъ долгомъ справедливости, неисполненіе котораго наказывается, такъ сказать, само собою. Китайцы предполагаютъ также, что возрастаніе народонаселенія—самое надежное средство къ увеличенію общественнаго и част-

наго богатства. Всѣ общественныя сооруженія, какъ напр. дороги, каналы, и т. п., обходятся несравненно дешевле въ странѣ съ очень густымъ населеніемъ. Административные расходы оказываются тамъ гораздо меньшими, чѣмъ въ малонаселенной странѣ. Въ то же время промышленность можетъ достигнуть тамъ сравнительно большаго развитія.

Дѣйствительно, если административные расходы страны прямо пропорціональны ея протяженію, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратно пропорціональны численности ея населенія; немудрено поэтому, что китаецъ платитъ въ годъ круглымъ числомъ всего лишь 3 франка, тогда какъ во Франціи средняя цифра обложенія составляетъ отъ 90 до 100 франковъ съ человѣка. За то въ Китаѣ, можетъ быть, нѣтъ никакихъ общественныхъ сооружений? Увы, какъ это ни прискорбно для нашего европейскаго самолюбія, надо сознаться, что всѣ наши каналы, желѣзныя и шоссейныя дороги совершенно исчезаютъ по сравненію съ громадною сѣтью каналовъ, пересекающихъ Китай по всѣмъ направленіямъ.

Что такое наши общественныя сооруженія сравнительно съ великолѣпно обдуманной и грандіозной системой оросительныхъ каналовъ, которые, на пространствѣ въ 800 миль шириною, равномерно распредѣляютъ воду и предлагаютъ ее къ услугамъ земледѣльца?

Можно ожидать и другого рода возраженій: позволительно допустить, что уровень благосостоянія у каждаго китайца въ отдѣльности очень ограниченный? Мнѣ кажется, что такія возраженія уже достаточно опровергаются самою густотой населенія. Не очевидно ли, что китайцы, еслибъ имъ жилось на самомъ дѣлѣ плохо, сумѣли бы, подобно тому какъ это дѣлается у насъ

въ Европѣ, найти средства для предотвращенія избытка въ народонаселеніи? Къ тому же извѣстно, что точнѣйшею мѣрой благосостоянія какого-либо народа является процентъ такъ называемой преступности. Обращаясь къ фактическимъ даннымъ, могу заявить, что въ городѣ Гань-Кеу, почти съ 2-хъ миллионнымъ населеніемъ, гдѣ я жилъ въ теченіе нѣкотораго времени, было, за 34 года, совершено лишь одно убійство. Въ области Че-Ли, съ 25-ти миллионнымъ населеніемъ, казнено было въ 1866—67 году всего лишь 12 человекъ. Необходимо замѣтить, что въ Китаѣ третья кража наказывается смертью, что тамошніе суды не признаютъ смягчающихъ обстоятельствъ и что область Че-Ли включаетъ также столицу «Срединнаго Царства»—Пекинъ. Чтобы читатель могъ, однако, составить себѣ болѣе точное понятіе о благосостояніи китайскаго народа, ему слѣдовало бы самому посѣтить маленькіе крестьянскіе хутора и домики, въ которыхъ я столько разъ пользовался радушнымъ гостепріимствомъ. Онъ удивился бы опрятности помѣщенія, изяществу лакированной мебели и съ интересомъ просмотрѣлъ бы со мною хозяйственныя инвентари китайскихъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ крестьянъ—житель одного изъ наименѣе богатыхъ округовъ, владѣя всего лишь тремя съ половиной гектарами земли, откладываетъ ежегодно 1500 — 1800 франковъ; другой, хозяйничая лишь на одномъ гектарѣ, откладываетъ ежегодно 600—800 франковъ. Я хотѣлъ бы, чтобы читатель присутствовалъ на обѣдѣ у этихъ крестьянъ: онъ убѣдился бы, что пища ихъ гораздо обильнѣе и разнообразнѣе той, которою довольствуются наши земледѣльцы. Въ самой скромной хижинѣ подается къ десерту пирожное. Особенно бросается въ глаза легкая, смѣлая походка и развязность

любого китайскаго крестьянина, сравнительно съ тяжелымъ и какъ бы пристыженнымъ видомъ большинства французскихъ фермеровъ и батраковъ. Смотри на китайскихъ крестьянъ, сознаешь, что въ «Срединномъ Царствѣ» нѣтъ между богатыми и бѣдными (т. е. менѣе богатыми), между городскими и сельскими жителями такой разницы, какъ у насъ въ Европѣ. Тамъ чувствуется атмосфера давно установившагося равенства, въ которой всѣмъ живется легко. Существованіе такой атмосферы устанавливаетъ, во взаимномъ отношеніи между китайцами, изумляющую иностранца вѣжливость и благосклонность.

Въ числѣ способовъ передвиженія, употребительныхъ въ Китаѣ, однимъ изъ самыхъ удобныхъ въ горныхъ округахъ, гдѣ сравнительно мало судоходныхъ каналовъ, являются крытыя носилки или такъ называемые паланкины. Я лично сдѣлалъ въ такомъ паланкинѣ миль около семисотъ, по расчету 8 или 9 миль въ день, нанимая для паланкина четырехъ носильщиковъ. Нести какой-нибудь грузъ, даже и вчетверомъ, становится подъ конецъ утомительнымъ, и бѣдному люду въ Китаѣ это какъ нельзя лучше извѣстно. Что же дѣлали бѣдняки, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ? «Сударь,—говорили они, подходя къ одному изъ носильщиковъ,—мы сегодня еще ничего не заработали, не позволите ли намъ заступить ваше мѣсто, чтобъ вы могли тѣмъ временемъ отдохнуть?»—«Охотно, сударь, но мы не можемъ дорого вамъ заплатить, мы сами зарабатываемъ немного».—«Мы торговаться не станемъ, сударь, мы вполне полагаемся на ваше великодушіе». И такіе случайные носильщики заступали мѣсто нанятыхъ мною, давая имъ возможность пройти одну или двѣ мили позади носилокъ и нѣсколько поразмять плечи. Замѣчу кстати, что титулъ сударь

«сienъ-сенъ» употребляется только по отношенію къ совершенно незнакомымъ людямъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ лицомъ, находящимся въ томъ же возрастѣ, называютъ его по имени, прибавляя слово братъ. Въ большинствѣ случаевъ такіе названные братья и обращаются другъ съ другомъ по-братски. Замѣчательно, до какой степени доходитъ эта общая благосклонность даже по отношенію къ чужеземцу, къ европейцу, сумѣвшему снискать себѣ довѣріе китайцевъ. Не стану утверждать, чтобы было легко снискать ихъ довѣріе. Въ то время, когда я началъ странствованія мои по Китаю, это было дѣломъ довольно труднымъ. Всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Франція и Англія заставили богдыхана заключить унижительный для Китая миръ. Въ продолженіе нѣкотораго времени мнѣ пришлось состоять подъ секретнымъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ, который былъ для меня очень стѣснительнымъ. За то, когда надзоръ этотъ былъ признанъ излишнимъ, т. е. когда мѣстные власти убѣдились въ полной безобидности возложенной на меня миссіи и когда мнѣ разрѣшено было производить изслѣдованія въ областяхъ, пограничныхъ съ Тибетомъ, знаете-ли вы, читатель, какимъ образомъ эти же власти стали относиться къ вашему покорнѣйшему слугѣ. Какая изъ прерогативъ верховной власти кажется вамъ самою высшей и наиболѣе желательной? Безъ сомнѣнія—право помилованія. Вообразите же себѣ, что мнѣ было предоставлено это право. Съ прибытіемъ моимъ въ какой-нибудь городъ, власть управлявшихъ имъ чиновниковъ стушевывалась предъ высокимъ рангомъ, который правительство богдыхана заблагоразсудило за мною признать. Они продолжали исполнять свои административныя обязанности и отправлять правосудіе, но

все это дѣлалось отъ моего имени. Выходя изъ дома, я каждый разъ встрѣчалъ у своихъ дверей нѣсколькихъ просителей, ходатайствовавшихъ о помилованіи или же о смягченіи кары, къ которой они были за день передъ тѣмъ приговорены по суду. Несравненно болѣе, чѣмъ всѣ эти почести, трогаетъ меня еще и теперь воспоминаніе объ искреннемъ радушномъ гостепріимствѣ, какое оказывали мнѣ въ селахъ и деревняхъ. Зачастую, покинувъ нашу джонку или паланкины и распорядившись, чтобы они ждали насъ на слѣдующей станціи, мы сворачивали въ сторону по какой-нибудь тропинкѣ, шедшей черезъ поля, совершенно одни, не принимая никакихъ другихъ мѣръ предосторожности, кромѣ того, что одѣвались тогда въ китайскій костюмъ ¹⁾. Мы шли или, лучше сказать, прогуливались, останавливаясь на каждомъ шагу, болтая съ каждымъ встрѣчнымъ о погодѣ, объ урожаѣ, и т. п. Вижу, какъ теперь, дерево, подъ которымъ однажды, истомленные зноемъ и усталостью, мы расположились отдохнуть. Мелкая травка, настоящая травка, встрѣчающаяся такъ рѣдко въ «Срединномъ Царствѣ», гдѣ такъ дорожать каждымъ клочкомъ земли, дѣлала отдыхъ подъ этимъ деревомъ для насъ особенно пріятнымъ. Къ сожалѣнію, мы не замѣтили, что неподалеку оттуда въ маленькомъ садикѣ работали двѣ женщины. Кусты скрывали ихъ отъ насъ, да и онѣ, съ своей стороны, не сразу насъ увидѣли. Необходимо замѣтить, что въ Китаѣ считается неприличнымъ, со стороны мужчинъ, останавли-

---

¹⁾ Меня сопровождалъ въ одномъ изъ этихъ изслѣдованій М. Л. Бурре, командированный по моей просьбѣ французскими negociантами въ Шанхаѣ, для ознакомленія съ мѣстными произведеніями малоизвѣстныхъ европейцамъ китайскихъ областей, которыя мнѣ предстояло посѣтить.

ваться невдалекѣ отъ незнакомыхъ имъ дамъ. Мы сознавали неловкость нашего положенія, но въ то же время намъ жаль было распроститься съ гостепріимной сѣнью дерева, защищавшаго насъ отъ солнца. Мы рѣшились вступить поэтому въ переговоры.—«Здравствуйте, сударыни»,—сказалъ переводчикъ наипривѣтливѣйшимъ своимъ голоскомъ.—«Благодаримъ васъ, здравствуйте, но что вы тутъ дѣлаете? Уходите подальше». — «Какъ вамъ угодно, сударыни, но только мы очень устали, а до другихъ деревьевъ, вы сами видите, очень далеко». — «Что это за невѣжи,—возразила одна изъ сосѣдокъ,—развѣ можно нарушать такимъ образомъ всѣ приличія? Уходите же, говорятъ вамъ, и не заставляйте насъ повторять вамъ это приглашеніе». Пристыженные и сконфуженные мы поднялись, чтобъ идти, когда переводчику пришла мысль указать на свою трубку и заявить:—«по крайней мѣрѣ вы не откажетесь ссудить насъ огнемъ»? — «Ступайте своей дорогой, огня вамъ принесутъ». Мы медленно удалялись и, дѣйствительно, насъ вскорѣ нагналъ маленькій мальчикъ, принесшій огня, чтобы закурить трубку. Въ благодарность за это я подарилъ ему ножичекъ, цѣною въ 8 коп. Затѣмъ, пройдя еще нѣсколько шаговъ, мы опять расположились на отдыхъ. Спустя нѣсколько мгновеній, мальчикъ вернулся и подаль намъ четыре апельсина. Я подарилъ ему пачку иголокъ, послѣ чего онъ ушелъ, но намъ не пришлось долго оставаться однимъ; онъ вернулся въ третій разъ, въ сопровожденіи старика и двухъ или трехъ взрослыхъ мужчинъ, которые, послѣ нѣсколькихъ обычныхъ привѣтствій, попросили насъ зайти къ нимъ отдохнуть. Мы охотно согласились и часъ спустя чувствовали себя тамъ совершенно какъ дома. Хозяйки, безъ всякихъ церемоній,

занимались въ нашемъ присутствіи каждая своимъ дѣломъ: одна готовила кушанье, другая накрывала на столъ. Тѣмъ временемъ мужчины со всей деревни собрались у нашихъ хозяевъ и приняли участіе въ бесѣдѣ. Мы разсуждали о всевозможныхъ матеріяхъ или, употребляя китайскій терминъ, о востокѣ и западѣ, т. е. обо всемъ, что можетъ интересовать человѣка въ предѣлахъ этихъ противоположностей. Мы толковали объ Европѣ и, разумѣется, о своихъ родственникахъ, такъ какъ съ этого всегда обязательно начинается разговоръ. Наконецъ, распростившись съ этими хорошими, добрыми людьми, мы вынесли о нихъ воспоминаніе, которое не изгладилось у меня еще и теперь по прошествіи почти двадцати лѣтъ.

Точно также я никогда не забуду гостепріимства, оказаннаго мнѣ бѣднымъ китайскимъ крестьяниномъ, поселившимся за Великой Стѣной, въ Монголіи, на окраинахъ пустыни Гоби. Выѣхавъ въ пять часовъ утра изъ Чангъ-Кіа-Кеу, по дорогѣ въ деревню Си-Уангъ-Це, мы къ полудню не добрались еще въ этой безлюдной мѣстности ни до какого постоялаго двора, гдѣ могли бы закусить и отдохнуть. На пути намъ попадалось нѣсколько злополучныхъ деревушекъ, но или все населеніе было занято полевыми работами, или по какой-либо другой причинѣ, но только мы не видали тамъ ни одной души. Наконецъ, въ полдень, мы прибыли въ болѣе обширную деревушку, но и тамъ нашли всѣ ворота на запорѣ. Остановившись на площади, мы осматривались кругомъ, обсуждая, не придется ли намъ просто-на-просто приютиться у какого-нибудь забора, когда къ намъ подошелъ крестьянинъ и сказалъ: «напрасно вы ищете, сударь, въ этой деревушкѣ такой домъ, въ которомъ

могли бы прилично остановиться. Деревня наша маленькая, и мы сами слишком бѣдны. Я лично очень плохой человѣкъ, недостойный этой высокой чести, но если вы не откажетесь отдохнуть у вашего маленькаго младшаго братца, онъ постарается принять васъ какъ можно лучше. Вотъ его домъ». Домъ этотъ былъ нѣсколько просторнѣй сосѣднихъ хижинъ и отличался чрезвычайной чистотой. Едва мы тамъ расположились, хозяинъ оставилъ насъ однихъ и побѣждалъ охотиться за курами. Мы просили его пощадить куръ, объясняя, что запаслись провизіей на дорогу и нуждаемся только въ кровѣ, но онъ успѣлъ уже заколотъ пару крупныхъ цыплятъ. Пока готовили обѣдъ, у насъ съ нимъ завязалась бесѣда, и я не могъ довольно надивиться скромному и приличному его обращенію, простотѣ и достоинству манеръ.

За обѣдомъ онъ непремѣнно хотѣлъ прислуживать намъ самъ, со своимъ сыномъ, двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, такимъ вѣжливымъ и милымъ ребенкомъ, что, припоминая себѣ нашихъ французскихъ крестьянъ, я невольно долженъ былъ дѣлать сравненія, не особенно пріятныя для моего французскаго патріотизма.

Передъ отъѣздомъ я хотѣлъ оставить что-нибудь на память радушному хозяину, но онъ на это не согласился и просилъ лишь дозволенія представить мнѣ свое семейство. Кромѣ старшаго сына, помогавшаго прислуживать за столомъ, у него было еще двое дѣтей: дочь—маленькая четырехлѣтняя дѣвочка—и младшій сынъ—двухлѣтній ребенокъ. Малютки привѣтствовали насъ съ вѣжливостью и учтивостью благовоспитанныхъ взрослыхъ людей.

II.

Многіе изъ европейцевъ убѣждены, что Китай находится подъ гнетомъ тягчайшаго деспотизма. Между тѣмъ, позволительно было бы усумниться въ возможности деспотически управлять болѣе чѣмъ 500 миллионнымъ населеніемъ съ помощью всего лишь 25—30000 чиновниковъ, опираясь на постоянную армію изъ какой-нибудь сотни тысячъ манчжуръ, совершенно теряющихся въ многомилліонной народной массѣ. На самомъ дѣлѣ, Китай по преимуществу—страна самоуправленія. Китайцы въ семьѣ управляются всѣми членами таковой, въ городѣ—выборными депутатами, образующими совѣтъ, въ которомъ правительственный чиновникъ является лишь предсѣдателемъ. Въ случаѣ недовольства такимъ предсѣдателемъ, отъ него отдѣляются безъ особенныхъ церемоній, довольно оригинальнымъ способомъ. Въ одномъ изъ наиболѣе многолюдныхъ уѣздовъ заявлено было, во время моего пребыванія тамъ, о предстоящемъ приѣздѣ новаго уѣзднаго начальника, который пользовался самой дурною репутаціей. Народъ взволновался. Уѣздный совѣтъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе; къ вице-королю отправлено было множество адресовъ, съ просьбою замѣнить неудачно выбраннаго уѣзднаго начальника другимъ лицомъ. Вице-король оставилъ эти адреса безъ вниманія, и вскорѣ пришло извѣстіе, что новый уѣздный начальникъ находится всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Уѣздный совѣтъ собирается снова и приказываетъ разбить у городскихъ воротъ шатеръ, въ которомъ готовятъ обычную поздравительную закуску. Однако, вмѣстѣ съ обычными приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ новаго начальника, заготавливаютъ на

этотъ разъ также четыре паланкина съ бодрыми, здоровенными носильщиками. По прибытіи начальства, его встрѣчаютъ съ самой изысканной вѣжливостью, приглашаютъ отдохнуть и закусить, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляютъ, что онъ неугоденъ народу, а потому не будетъ впущенъ въ городъ, и что трое изъ членовъ уѣзднаго совѣта будутъ имѣть честь сопровождать его обратно въ областную столицу.

Дѣло уладилось такимъ образомъ къ общему удовольствію. Могутъ подумать, что это былъ исключительный случай. Нѣтъ! Протестъ былъ облеченъ въ правильную, узаконенную обычаемъ, форму, вполне согласную съ ученіемъ Конфуцзы—объ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ. Конфуцзы же, или, какъ его у насъ обыкновенно называютъ, Конфуцій является популярнѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ въ Китаѣ философомъ, моралистомъ и законодателемъ.

Мы видѣли образчикъ политической свободы въ «Срединномъ Царствѣ». Замѣтимъ тутъ же, что китайцы пользуются въ широкихъ размѣрахъ не только политической свободой, но и всѣми прочими видами свободы: свободой совѣсти, вѣроисповѣданія, богослуженія. Дѣйствительно, между китайскими чиновниками можно встрѣтить почти во всѣхъ рангахъ не только буддистовъ и людей безъ всякой религіи, кромѣ поклоненія предкамъ, но также мусульманъ, евреевъ и христіанъ. Правительство вмѣшивается въ религіозные вопросы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами нисходятъ на почву мірскихъ отношеній. Отъ времени до времени въ обычныхъ поученіяхъ, съ которыми обращаются къ народу губернаторы, вице-короли и самъ богдыханъ, можно встрѣтить совѣтъ, весьма странный съ европейской точки зрѣнія:

«не слишкомъ довѣряйте религіямъ». Основываясь на этомъ, обвиняли китайцевъ въ атеизмѣ, но, какъ выяснится впослѣдствіи, обвиненіе это лишено всякаго основанія. Точно также правительство не вмѣшивается и въ дѣло народнаго образованія. Въ Китаѣ никому не препятствуютъ открывать школу. Каждому предоставляется полная свобода учиться чему заблагоразсудится, или же и совсѣмъ не учиться, а между тѣмъ сомнительно, чтобы нашелся китаецъ, который бы не умѣлъ, по крайней мѣрѣ, читать, писать, считать и рисовать. Съ причиной такого широкаго распространенія грамотности въ «Срединномъ Царствѣ», мы ознакомимся тоже впослѣдствіи. Что касается до лицъ, посвящающихъ себя ученой дѣятельности, открывающей доступъ къ административной карьерѣ, то они имѣютъ дѣло лишь съ экзаменаторами, которые рассылаются по всей имперіи пекинскою академіею наукъ. Академія эта совершенно независима отъ правительства, хотя и содержится на государственныя счеты. Относительно свободы сходовъ и ассоціацій можно замѣтить, что въ теченіе многихъ уже столѣтій китайскому правительству наврядъ-ли приходила мысль о возможности ограничить таковую. Собирая сходку или же организуя какое-нибудь общество, китайцы не извѣщаютъ объ этомъ властей и не испрашиваютъ у нихъ предварительнаго разрѣшенія. Нигдѣ на земномъ шарѣ не составляется такъ много ассоціацій, задающихся самыми разнообразными цѣлями. Нигдѣ онѣ не проявляютъ такой замѣчательной силы и жизненности. Такой же неограниченной свободой пользуется и печать. Въ 1863 году, въ бытность мою въ Се-чунской области, я составилъ себѣ коллекцію въ высшей степени рѣзкихъ памфлетовъ противъ богдыхана и членовъ его правитель-

ства, подписавшихъ мирный договоръ съ Франціей и Англіей, послѣ разграбленія лѣтняго дворца и сожженія національной библіотеки. Памфлеты эти вывѣшивались на улицахъ. Мандарины ограничивались тѣмъ, что приказывали ихъ снимать, даже и не помышляя о преслѣдованіи авторовъ. Китайцы не нуждаются ни въ паспортахъ, ни въ патентахъ на право заниматься какой-либо отраслью торговли или промышленности. Заставные сборы сохранились лишь на границахъ областей, иностранные же товары обложены пошлиной, составляющей всего лишь 5—8% объявленной ихъ цѣнности. Такимъ образомъ Китай обладаетъ полной и болѣе дѣйствительной, чѣмъ мы это можемъ представить, свободой промышленности, ремеслъ, торговли, передвиженія товаровъ и капиталовъ.

Въ довершеніе я упомяну еще объ одномъ видѣ свободы, съ мыслью о которой для насъ, европейцевъ, трудно освоиться. А между тѣмъ это благороднѣйшая и самая возвышенная свобода, способная болѣе чѣмъ что-либо другое поднять уровень народной совѣсти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключающая, такъ сказать, въ зародышѣ всѣ остальные виды свободы. Я говорю о свободѣ самосуда, т. е. о принадлежащемъ самимъ гражданамъ правѣ суда. Въ своемъ мѣстѣ будетъ объяснено, какимъ образомъ китайцы пользуются этимъ правомъ. Теперь же я ограничусь лишь констатированьемъ его и замѣчу, что государство вмѣшивается и тутъ лишь когда его непосредственно къ этому приглашаютъ. Необходимость въ такомъ вмѣшательствѣ встрѣчается рѣже, чѣмъ можно было бы это предположить, принимая въ расчетъ многочисленность населенія Срединнаго Царства. Это указывается между прочимъ также и отсутствіемъ особыхъ специально-судебныхъ учрежденій. Вообще же въ Китаѣ нѣтъ ника-

нихъ кастъ: ни юридической, ни духовной, ни ученой, ни военной. Какого же лучшаго доказательства можно было бы пожелать полнотѣ гражданскихъ и политическихъ правъ китайскаго народа.

Я высказалъ уже, что право судебной власти, принадлежащее самимъ гражданамъ, способствуетъ повышенію уровня народной совѣсти и развитію въ народѣ чувства справедливости. Это теоретическое соображеніе подтверждается также и фактами. Извѣстно, что въ Китаѣ земледѣліе и непосредственно съ ней связанныя отрасли промышленности являются, такъ сказать, національной профессіей. Китайцы рождаются, собственно говоря, земледѣльцами и главнымъ образомъ воздѣлывателями риса, подъ который отводится у нихъ двѣ трети земель, пригодныхъ для обработки. Извѣстно также, что воздѣлыванье риса возможно лишь съ помощью искусственнаго орошенія. Необходимая для этого вода можетъ быть легко отведена и похищена. Какимъ же образомъ воздѣлыванье риса было бы возможно у народа, среди котораго не было бы развито чувство справедливости? Правильность въ распредѣленіи воды служить поэтому вѣскимъ доказательствомъ честности народнаго характера. Мишеле совершенно справедливо замѣтилъ: «гдѣ нѣтъ порядка, тамъ не можетъ быть земледѣлія». Правосудіе возникло изъ борозды, проведенной плугомъ. Церера, въ Аeiнахъ и Оивахъ, сблизившая людей и давшая имъ законы, Церера, которую можно, повидимому, отождествить съ Θεμιδой, являются воплощеніемъ идейнаго строя земледѣльческихъ народовъ. Китайцу приходится, впрочемъ, быть правосуднымъ не только при воздѣлываньи риса, но и при всѣхъ прочихъ видахъ земледѣльческой своей промышленности. Онъ съ малолѣтства приучается

воздавать должное землѣ, которую обрабатываетъ, и животнымъ, пособляющимъ ему въ обработкѣ. Въ китайскихъ законахъ, какъ и въ древне-персидскихъ, является: «воздавай должное растенію, буйволу и коню. Берегись, чтобъ корова не возвысила на тебя голосъ, не будь неблагодаренъ передъ собакой. Земля имѣетъ право быть засѣянной; оставленная безъ призора, она проклинаятъ, оплодотворенная же—воздаетъ сторицей. Человѣку, взрывшему ее справа налѣво и слѣва направо, она скажетъ: «да будутъ поля твои обильны всѣмъ, что пригодно въ пищу». Въ другомъ мѣстѣ говорится также: «воздѣлывай землю и засѣвай ее. Трудящійся такъ съ чистотой сердца исполняетъ чрезъ это весь законъ».

Честность и основывающееся на ней довѣріе во взаимныхъ отношеніяхъ являются тѣмъ же правосудіемъ, только въ другой формѣ. Приведу нѣсколько фактовъ. Не разъ, во время путешествій моихъ по Китаю, приходилось мнѣ отказываться отъ денежныхъ ссудъ безъ процентовъ, просто на слово, которыя предлагались мнѣ богатыми частными лицами и мандаринами. «Сударь,—говорили мнѣ эти люди,—вы живете теперь давно уже вдаль отъ своихъ соотечественниковъ. Быть можетъ, вамъ нужны деньги; располагайте нами въ такомъ случаѣ». Однажды я отослалъ обратно мандарину кругленькую сумму въ восемь тысячъ франковъ, которую онъ оставилъ въ темномъ уголкѣ моей квартиры послѣ отказа моего взять ее въ долгъ. Я былъ для китайцевъ просто чужеземецъ, и, если они относились такимъ образомъ ко мнѣ, то это дѣлалось лишь вслѣдствіе установившейся у нихъ привычки къ взаимному довѣрію. У насъ, въ Европѣ, иностранцы наврядъ ли будутъ имѣть часто слу-

чай отклонять подобнаго рода предложенія. Въ Китаѣ же такія предложенія въ порядкѣ вещей, особенно между хорошими знакомыми. Немудрено поэтому, что китайскіе банки придерживаются обычая кредитовать своимъ кліентамъ суммы, вдвое большія цифры ихъ вкладовъ, на сроки отъ трехъ дней и до шести мѣсяцевъ, не повышая нормы процентовъ. Взаимное довѣріе вошло въ обычай въ Китаѣ до такой степени, что тамъ ежедневно возникаетъ множество такъ-называемыхъ «Гоей-Цинъ», т. е. обществъ для выдачи ссудъ безъ процентовъ, или со взиманіемъ самыхъ ничтожныхъ процентовъ. Къ обществамъ этимъ обращается студентъ, не имѣющій средствъ продолжать образованіе, крестьянинъ, задумавшій прикупить себѣ буйвола, мелкій торговецъ, открывающій лавочку, мать семейства, выдающая замужъ дочь, и т. п.

Помощь обездоленнымъ является также одною изъ существенныхъ формъ правосудія. Обездоленные встрѣчаются и въ Китаѣ, хотя, сравнительно, въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Европѣ. Въ Срединномъ Царствѣ, какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ обществѣ, встрѣчаются калѣки, глухіе, слѣпые, нѣмые. Ихъ тамъ не оставляютъ безъ призора. Могутъ даже сказать, что частныя и казенныя заведенія, въ которыхъ ихъ содержатъ, могли бы, во многихъ отношеніяхъ, служить образцами для странъ, гдѣ до сихъ поръ хлопочатъ менѣе объ удобствахъ больныхъ, чѣмъ о блестящей внѣшности, долженствующей пустить пыль въ глаза посѣтителемъ. Такъ, я видѣлъ въ Китаѣ богадѣльни, въ которыхъ каждому призрѣваемому отводится маленькій садикъ и двѣ комнаты, съ правомъ содержать при себѣ ухаживающаго за нимъ родственника. Такъ же хорошо обставлены и воспитательные дома для дѣтей, покидаемыхъ родителями.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по этому поводу, тѣмъ болѣе что о юныхъ китайцахъ, покидаемыхъ родителями, рассказываются въ Европѣ несообразности самаго ужасающаго свойства.

Агенты общества «Святого Младенца», утверждаютъ, будто дѣтоубійство въ Китаѣ возведено на степень учрежденія не только терпимаго, но даже разрѣшаемаго закономъ. Человѣческая жизнь въ Китаѣ цѣнится, по словамъ ихъ, такъ низко, что родители, сплошь и рядомъ, выбрасываютъ дѣтей, безъ которыхъ могутъ обойтись, на съѣденіе свиньямъ. Недавно еще, въ подвѣдомственныхъ духовенству французскихъ народныхъ школахъ, можно было встрѣтить иконы, на которыхъ изображалось чудесное избавленіе китайскихъ младенцевъ отъ гибели, уготованной имъ безсердечными родителями. Хоругви съ такими изображеніями имѣются еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ католическихъ церквяхъ и употребляются, при случаѣ, въ религіозныхъ процессіяхъ. Однако же, и въ прошлыхъ и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, многіе миссіонеры неоднократно протестовали противъ вопіющей клеветы, взводимой обществомъ «Святого Младенца» на китайскіе нравы. Могу сослаться между прочимъ на письмо іезуитскаго патера Амю, обнародованное, кажется, въ 1790 году, въ IV томѣ «Мемуаровъ о китайцахъ». Письмо это должно было бы вызвать краску стыда у изобрѣтателей легенды о маленькихъ китайцахъ, пожираемыхъ свиньями; но означенная легенда приноситъ обществу «Святого Младенца» отъ 5 до 6 милліоновъ франковъ ежегоднаго барыша, а потому отказаться отъ нея не такъ-то легко.

Я лично прожилъ десять лѣтъ въ Китаѣ и за это время изъѣздилъ Срединное Царство вдоль и поперекъ.

За все это время до свѣдѣнія моего не дошло ни одного случая дѣтоубійства въ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ пришлось проживать, или же по сосѣдству. Но смѣю утверждать, чтобы въ Китаѣ никогда не совершались дѣтоубійства, но, во всякомъ случаѣ, преступленіе это встрѣчается тамъ сравнительно гораздо рѣже, чѣмъ во Франціи. Безъ сомнѣнія, могло случиться, что когда-нибудь какого-нибудь китайскаго младенца съѣли свиньи, но обобщать этотъ несчастный случай и дѣлать изъ него нѣчто въ родѣ общаго правила является презрѣнной, низкой клеветой. Называя ее настоящимъ ея именемъ, я не опасаюсь быть опровергнутымъ кѣмъ-нибудь изъ европейцевъ, дѣйствительно знакомыхъ съ Китаемъ, а не почерпнувшихъ свѣдѣнія о немъ изъ розказней поверхностныхъ наблюдателей или же людей, умышленно искажающихъ истину. Къ тому же существуютъ матерьяльные факты, прямо опровергающіе упомянутую клевету, если только обратиться на нихъ должное вниманіе.

Во-первыхъ, какимъ образомъ согласовать организованное дѣтоубійство съ быстрымъ приращеніемъ народонаселенія въ Срединномъ Царствѣ. Въ 1812 г. въ Китаѣ было всего лишь 360 милліоновъ жителей, тогда какъ теперь число жителей доходить до 537 милліоновъ. Не правда-ли, что фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя? Затѣмъ, каковы вообще причины дѣтоубійства? Не правда-ли, что оно обусловливается въ большинствѣ случаевъ крайнею бѣдностью и рожденіемъ дѣтей вѣ брака? Между тѣмъ китайцы пользуются, какъ мы видѣли, сравнительно высокою степенью благосостоянія, и если-бы надо было привести въ подтвержденіе этого какіе-нибудь другіе факты, можно было бы указать, что въ Китаѣ меньше чѣмъ гдѣ-либо встрѣчается нищихъ. Въ Пекинѣ

ихъ, безспорно много, и навязчивость ихъ крайне неприятна; но и тамъ численность ихъ значительно уступаетъ четыремстамъ тысячамъ официальныхъ парижскихъ нищихъ, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить огромное количество неофициальныхъ нищихъ. Въ провинціальныхъ городахъ Срединнаго Царства, по личнымъ моимъ справкамъ и наблюденіямъ, наврядъ-ли наберется 20 — 25 нищихъ на 150 — 200 тысячъ жителей. Въ деревняхъ, нищихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Вторая обычная причина дѣтоубійства, какъ мы сейчасъ убѣдимся, совершенно отсутствуетъ въ Китаѣ, гдѣ бракъ съ тройной точки зрѣнія — соціальной, политической и религіозной — оказывается на столько священнымъ и обязательнымъ долгомъ, что холостяковъ старше 24-хъ лѣтняго возраста днемъ съ фонаремъ не отыщешь. Правда, какія-либо непредвидѣнныя бѣдствія, обрушившіяся на семью, могутъ сдѣлать для нея тягостнымъ содержаніе новаго, только что появившагося на свѣтъ, члена. Но даже и при такихъ исключительныхъ условіяхъ родителямъ нѣтъ ни малѣйшей надобности убивать ребенка: они могутъ его покинуть, и это не преслѣдуется закономъ, признающимъ, что родители могутъ рѣшиться на такую тяжкую для нихъ мѣру лишь въ случаѣ крайней необходимости. Къ тому же въ Китаѣ, съ самыхъ незапамятныхъ временъ, существуютъ дѣтскіе пріюты и воспитательные дома, гдѣ покинутыя дѣти пользуются самымъ тщательнымъ и разумнымъ уходомъ. Заведенія эти посылаютъ, такъ сказать, на домъ за дѣтьми, которыхъ родители почему либо не могутъ держать при себѣ. Таково дѣйствительное положеніе дѣлъ, совершенно не согласующееся съ рассказами, будто, до прибытія католическихъ миссіонеровъ въ Китай, дѣти

умирали тамъ, какъ собаки, на улицахъ. Приходится по неволѣ убѣдиться въ ложности взгляда о томъ, что внѣ католической, апостольской и римской церкви не можетъ быть милосердія, состраданія и спасенія. Читателю предоставлена будетъ возможность составить по этому предмету собственное свое мнѣніе; но, прежде чѣмъ излагать сравнительныя достоинства китайскихъ и католическихъ воспитательныхъ домовъ и сиротскихъ пріютовъ, позволю себѣ замѣтить, что причины, вслѣдствіе которыхъ дѣтоубійства въ Китаѣ такъ рѣдки, обуславливаютъ также и ничтожность процента дѣтей, покидаемыхъ родителями. Во всякомъ случаѣ, процентъ этотъ оказывается въ Китаѣ гораздо меньшимъ, чѣмъ во Франціи. Миссіонеръ Шеррье (или Шевріе), завѣдывавшій воспитательнымъ домомъ въ Тіень Цзинѣ, городѣ болѣе чѣмъ съ трехсотъ тысячнымъ населеніемъ, рассказывалъ мнѣ въ 1862 г., что въ теченіе трехъ лѣтъ, со времени открытія этого заведенія, ему ни разу еще не удавалось помѣстить въ таковое хотя бы одного младенца.

Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что оставленіе дѣтей родителями не имѣетъ въ Китаѣ такого окончательнаго характера, какъ у насъ въ Европѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно является временной мѣрой, переходящей съ исчезновеніемъ вызвавшей ее причины. Какъ только имущественное положеніе родителей немного улучшается, они берутъ дѣтей, оставленныхъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ, обратно домой. Въ китайскихъ заведеніяхъ не представляется этому ни малѣйшихъ препятствій, но въ католическихъ не считаютъ возможнымъ возвращать окрещенныхъ дѣтей родителямъ, не исповѣдующимъ христіанство. Всѣмъ понятна исторія съ еврейскимъ мальчикомъ Мортарой. Эта злополучная

ревность, къ распространенію христіанства путемъ обращенія малолѣтнихъ дѣтей, вызвала въ 1870 г. избіеніе французовъ, въ Тіень-Цзинѣ, когда, вслѣдствіе наводненія отъ разлива Желтой рѣки, миссіонерамъ удалось добыть для своего воспитательнаго дома нѣсколько китайскихъ младенцовъ, которыхъ они потомъ отказались возвратить родителямъ. Общество во имя Святого Младенца поступало въ данномъ случаѣ совершенно послѣдовательно, такъ какъ оно задается главнымъ образомъ цѣлью спасти дѣтей не отъ тѣлесной смерти, а отъ смерти духовной. Для этого учрежденія было бы всего лучше, еслибъ каждый ребенокъ, поступающій на его попеченіе, умиралъ тотчасъ послѣ крещенія. Дѣти, остающіеся въ живыхъ, являются, такъ сказать, нежелательной обузой. Одинъ изъ епископовъ, Делапласъ, передавалъ мнѣ, что другой епископъ, Балдю, лично заявилъ ему: «хорошая епидемія была бы для насъ очень кстати; она избавила бы насъ покрайней мѣрѣ отъ лишнихъ сиротъ». Разумѣется, это была шутка, но подобная шутка могла прійти на умъ только католическому миссіонеру. Положимъ, что мальчиковъ, когда они подрастутъ, можно отдать въ ученіе или услуженіе на условіяхъ, достаточно выгодныхъ для того, чтобы общество Святого Младенца не осталось въ накладѣ, но воспитаніе дѣвочекъ—дѣло совершенно безвыгодное. Для нихъ трудно отыскать сколько нибудь подходящее занятіе, а выдавать замужъ ихъ можно лишь за католиковъ. Между тѣмъ, дѣвочекъ поступаетъ въ воспитательные дома больше, чѣмъ мальчиковъ, и къ тому же далеко не всѣ окрещенные мальчики остаются по достиженіи возмужалости христіанами. Поэтому общество Святого Младенца имѣетъ полное основаніе считать своихъ питомцевъ серьезной для себя помѣхой. Совершенно

въ иномъ положеніи оказываются китайскіе воспитательные дома, откуда мѣстные бездѣтные богачи часто берутъ себѣ питомцевъ въ пріемыши. Нерѣдко также состоятельные китайцы выдаютъ своихъ дочерей замужъ и женятъ своихъ сыновей на сиротахъ воспитательнаго дома. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ затраты на воспитаніе сиротъ возвращаются съ лихвой. Благодаря этому, воспитательные дома обладаютъ громадными средствами и могутъ доставлять дѣтямъ, поступающимъ на нихъ попеченіе, необходимый уходъ и комфортъ. Миссіонеръ іезуитскаго ордена, патеръ Даржи, завѣдующій католическимъ воспитательнымъ домомъ въ городѣ Су-Чеу, гдѣ считается отъ 500 до 600 тысячъ жителей, жаловался мнѣ на трудности конкурировать съ китайскимъ воспитательнымъ домомъ. «Онъ гораздо богаче,—говорилъ почтенный патеръ,—и можетъ хоронить дѣтей въ гробикахъ, тогда какъ мы должны завертывать своихъ покойниковъ въ солому. Поэтому намъ очень трудно добыть себѣ питомцевъ». Миссіонеръ не счелъ нужнымъ прибавить, что въ католическихъ воспитательныхъ домахъ дѣти мрутъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ китайскихъ, гдѣ уходъ за ними гораздо лучше и разсудительнѣе. Въ китайскихъ воспитательныхъ домахъ положительно воспрещается давать кормилицѣ болѣе одного ребенка, тогда какъ въ католическихъ заведеніяхъ даютъ зачастую трехъ и четырехъ младенцовъ, а иногда, по словамъ моего пріятеля врача, имѣвшаго случай убѣдиться въ этомъ въ Макао, даже и болѣе. Точно также въ китайскихъ воспитательныхъ домахъ не случается хоронить по ошибкѣ живыхъ дѣтей, принимая ихъ за мертвыхъ, между тѣмъ подобный фактъ чуть не произошелъ у христіанскихъ миссіонеровъ въ округѣ, сосѣднемъ съ тѣмъ, гдѣ я жилъ, и только лишь

неожиданное прибытіе епископа Делапласа спасло злополучнаго младенца. Въ виду плохого ухода за дѣтьми въ католическихъ воспитательныхъ домахъ, такіе факты могутъ случаться тамъ нерѣдко. Дѣйствительно, общество Святого Младенца заботится о томъ, чтобы маленькіе китайцы могли попасть въ рай: чѣмъ скорѣе они туда попадутъ, тѣмъ лучше.

Я упустилъ два обстоятельства, объясняющія до извѣстной степени преувеличенные рассказы о дѣтоубійствахъ въ Китаѣ; на эти обстоятельства указываетъ между прочимъ также и патеръ Даржи. Во-первыхъ, общество Святого Младенца вынуждено безусловно полагаться на показанія христіанскихъ повивальныхъ бабокъ, уполномоченныхъ совершать таинство крещенія надъ младенцами, жизнь которыхъ кажется имъ находящейся въ опасности. За cadaго окрещеннаго младенца онѣ получаютъ 20—25 сантимовъ; понятно, что, за отсутствіемъ всякаго контроля, повивальныя бабки склонны преувеличивать число окрещенныхъ ими дѣтей и сваливать на дѣтоубійство оказывающійся вслѣдствіе этого фиктивный избытокъ смертности надъ обыкновенною нормой. Во-вторыхъ, неимущія семьи въ Китаѣ зачастую выставляютъ умершихъ своихъ дѣтей на улицу, послѣ чего китайскіе воспитательные дома принимаютъ на себя погребеніе таковыхъ. Общество Святого Младенца, считаетъ умѣстнымъ заключить, что эти малютки умерли насильственной смертью. Очевидно, что подобная гипотеза лишена всякаго основанія.

Дѣтоубійство и общество Святого Младенца заставили меня до извѣстной степени выйти изъ предположенныхъ рамокъ, но трудно было говорить о дѣтоубійствѣ въ Китаѣ, не возбуждая массы вопросовъ, на которые я хо-

тѣль отвѣтитъ разъ навсегда. Надѣюсь, что подробности, въ которыя мнѣ пришлось вдаваться, окажутся съ этой точки зрѣнія не безцѣльными. Сообразуясь съ постановленной мной программой, я долженъ былъ бы говорить теперь о состояніи общественной безопасности въ Китаѣ; но что я могу сказать объ этомъ предметѣ такого, что не было уже мной сказано теперь или не будетъ сказано впоследствии? Не останавливаясь на общественной безопасности, я перехожу поэтому къ слѣдующему отдѣлу.

III.

Въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ, основами общественнаго зданія являются собственность и семья. Главная роль выпадаетъ, однако, на долю собственности, подъ которой я понимаю землевладѣніе. Государство зиждется на семейномъ очагѣ, за отсутствіемъ котораго все погибаетъ. Но этотъ очагъ, въ свою очередь, стоитъ на почвѣ и рушится, если она не прочна. Съ другой стороны, земля—кормилица человѣка. Отсутствіе свободного доступа къ ней равносильно смертному приговору. Вкладывая въ землю свой трудъ и свое умѣнье, человѣкъ дѣлаетъ ее, такъ сказать, сопричастной своей личности. Насиліе надъ землею является кражей.

Землевладѣніе въ Китаѣ претерпѣло уже нѣсколько послѣдовательныхъ преобразованій, соотвѣтствовавшихъ, какъ и вездѣ, послѣдовательнымъ состояніямъ цивилизаціи. Оно было общиннымъ въ то время, когда сравнительно малочисленное населеніе еще не вышло изъ пастушескаго или полуземледѣльческаго быта. Когда же населеніе возросло и должно было перейти къ интенсивному земледѣлію, землевладѣніе измѣнилось изъ общин-

наго въ частное. Затѣмъ, въ періодъ времени съ V вѣка до Р. Х. по III вѣкъ послѣ Р. Х. дѣлались во многихъ мѣстностяхъ Китая попытки возврата къ общинному землевладѣнію, обусловленные злоупотребленіями правомъ частной собственности, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Управление обширными землями поручено было довѣреннымъ лицамъ, которыя, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, съ теченіемъ времени вообразили себя собственниками довѣренныхъ имъ земель и вождями населенія, жившаго на этихъ земляхъ и оказавшагося по отношенію къ владѣльцамъ въ чрезвычайно тяжелой вассальной зависимости. Наконецъ, послѣ многихъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ, землевладѣніе подверглось, въ періодъ между 300 и 700 годомъ христіанской эры, дальнѣйшему преобразованію. Оно сдѣлалось заразъ и коллективнымъ и частнымъ. Въ этой формѣ оно сохранилось и по настоящее время.

Прежде чѣмъ говорить объ организаціи китайскаго землевладѣнія, необходимо объяснить, какимъ образомъ понимается въ Китаѣ коллективизмъ. Для китайцевъ, человѣческій родъ представляетъ собой одно цѣлое, единичность котораго не нарушается фактомъ существованія умершихъ, живущихъ и грядущихъ еще поколѣній. Настоящее прошедшее и будущее не въ силахъ прервать вѣчной солидарности и вѣчныхъ интересовъ человѣчества, понимаемого такимъ образомъ. Подобное единство и солидарность не отрицаются до извѣстной степени также и другими цивилизаціями, но встрѣчаютъ тамъ противорѣчіе въ предвзятыхъ идеяхъ о смерти и загробной жизни, тогда какъ у китайцевъ они признаются положительно вѣчными. Чтобъ лучше объяснить свой взглядъ на солидарность и единство че-

ловѣческаго рода, китайцы желали бы даже ослабить рѣзкое различіе между настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ человѣчествомъ. Говоря о нынѣшнихъ и грядущихъ поколѣніяхъ, они называютъ ихъ будущими предками.

Не довольствуясь этимъ, китайцы, для большаго выясненія солидарности между послѣдовательными поколѣніями, стараются свести ее, если можно такъ выразиться, къ тождественности, подъ каковою формою она представлялась имъ, кажется, наиболѣе понятной. Въ прежнее время существовалъ сохранившійся еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай, чтобы, при чествованіи памяти умершаго, мѣсто его заступалъ ребенокъ, долженствовавшій служить какъ бы воплощеніемъ усопшаго. Земля принадлежитъ поэтому не однимъ только нынѣ живущимъ. Китайцы не признаютъ, чтобы трудъ, приложенный къ землѣ и увеличившій ея стоимость, могъ бы полностью поглотить въ себя право владѣнія землей. Считая нынѣ живущихъ лишь преходящею частью человѣчества, китайцы не признаютъ за ними права растрачивать попусту то, что было скоплено трудомъ предшествовавшихъ поколѣній. Живущіе считаются лишь пожизненными собственниками земли, отвѣтственными за хозяйничанье на ней передъ потомствомъ. Въ прежнее время, землю, которая плохо обрабатывалась, просто-напросто конфисковали, да и теперь поземельная собственность въ Китаѣ является на самомъ дѣлѣ лишь правомъ пользованія. Одно лишь это право и можетъ подлежать отчужденію и передачѣ отъ одного частнаго лица къ другому. Оно называется у китайцевъ «тіеннь-міеннь». Что касается до права собственности, то это право сохраняется на вѣчныя времена коллективнымъ китайскимъ.

людомъ, представителемъ котораго служить государство. Это государственное право проявляется видимымъ образомъ во взиманіи поземельной ренты.

Когда китайскій землевладѣлецъ продаетъ или же отдаетъ въ наймы участокъ земли, то выручаемая имъ за нее плата представляетъ всегда лишь капиталъ или процентъ съ капитала, вложеннаго въ этотъ участокъ собственнымъ его трудомъ или же трудомъ его предковъ. Съ другой стороны, необходимо замѣтить, что коллективная единица, или государство, не считало себя въ правѣ возвышать ренту по мѣрѣ увеличенія цѣнности земельныхъ участковъ.

Поземельная рента въ Китаѣ взимается не съ цѣнности земель, а съ занимаемой ими площади. Установленная разъ навсегда, она не подвергалась затѣмъ никакимъ колебаніямъ. Эта рента является въ Китаѣ почти единственнымъ налогомъ *). Тамъ имѣютъ такое уваженіе къ труду и его результатамъ, что считаютъ совершенно неумѣстнымъ нарушать ихъ интересы возвышеніемъ земельной ренты или установленіемъ другихъ податей, въ концѣ концовъ лежащихъ всегда на трудѣ. Правда, что и поземельная рента взимается собственно съ труда, но необходимо принять во вниманіе, что лишь благодаря ей государство имѣло возможность предпринять и завершить грандіозныя публичныя работы, какъ напримѣръ: проведеніе каналовъ, дорогъ, и т. п.,

---

*) Прочіе государственные китайскіе доходы состоятъ изъ таможенныхъ сборовъ, горныхъ и соляныхъ пошлинъ. На содержаніе богдыханскаго двора идутъ частію соляныя пошлины, частію же доходы со стадъ, принадлежащихъ ему въ Монголіи, и съ даней, выплачиваемыхъ Китаю вассальными государствами.

которыя въ послѣдствіи обусловили такое блестящее развитіе производительности частнаго труда.

Я уже сказалъ, что поземельный налогъ взимается не съ цѣнности земельныхъ участковъ, а съ занимаемыхъ этими участками площади. Необходимо замѣтить однако, что при этомъ принята была во вниманіе большая или меньшая пригодность означенныхъ участковъ къ усовершенствованной культурѣ. Такъ, участки, лежащіе на равнинахъ и въ горныхъ мѣстностяхъ, не приспособленныхъ къ искусственному орошенію, уплачиваютъ меньшую ренту, чѣмъ земли орошаемаго района. Точно такъ же земли, завоеванныя у воды, какъ напри- мѣръ осушенныя болота, и т. п., не причисляются сразу къ одной изъ четырехъ большихъ категорій, а остаются въ теченіе извѣстнаго времени свободными отъ налога.

Въ сѣверныхъ областяхъ Китая воздѣлываются растенія, свойственныя умѣренному климату, а въ южныхъ— болѣе нѣжныя тропическія растенія. Но вообще говоря, доходность земель на сѣверѣ и на югѣ Китая оказывается почти одинаковою, вслѣдствіе чего географическое положеніе участковъ могло быть не принято въ расчетъ при опредѣленіи размѣра взимаемой съ нихъ ренты. Правда, что съ данной площади обработаннаго поля получается по вѣсу меньше пшеницы, чѣмъ рису, но за то пшеница имѣетъ большую продажную стоимость, такъ что поле, на которомъ она произрастаетъ, можетъ, безъ всякаго ущерба, уплачивать въ казну такой же налогъ, какъ и рисовое поле.

Короче сказать, китайское государство, сдѣлавъ на своей территоріи усовершенствованія, благопріятствующія интенсивной культурѣ, распорядилось со своей

землей, какъ владѣлецъ многоэтажнаго дома, который взимаетъ съ жильцовъ квартирную плату соотвѣтственно съ этажемъ, въ которомъ находятся ихъ квартиры, не принимая въ расчетъ денежные средства жильцовъ и родъ ихъ занятій. Поземельный налогъ въ Китаѣ измѣняется, смотря по разряду земель, въ предѣлахъ отъ полутора до пяти франковъ съ гектара (0,91 десятины). Отнесенный къ численности народонаселенія, налогъ этотъ составляетъ лишь около 3 франковъ съ души. Уплативъ эту сравнительно ничтожную сумму, каждый китаецъ воленъ заниматься, безъ всякихъ стѣсненій, какою ему угодно отраслью торговли или промышленности на всемъ протяженіи обширнаго Средняго Царства. Ему не приходится платить никакихъ дополнительныхъ податей и сборовъ. Онъ не нуждается въ исходатайствованіи себѣ разрѣшенія заниматься ремесломъ или торговлей. Онъ такъ же свободенъ, какъ воздухъ, которымъ дышитъ. Въ виду всего этого, можно сказать, что поземельный налогъ обусловливаетъ свободу китайца. Немудрено, что уплата его считается какъ мы это сейчасъ увидимъ, священнымъ долгомъ.

Всѣ прочіе налоги стали бы въ Китаѣ разсматриваться, какъ незаконныя покушенія на право труда. Фактъ существованія такихъ налоговъ въ другихъ странахъ до крайности удивляетъ поэтому китайцевъ. Всѣ капиталы и сбереженія создаются трудомъ, всѣ доходы служатъ къ поощренію и развитію таковаго. Налогъ на нихъ уменьшаетъ производительную ихъ силу, ослабляетъ средства къ обработкѣ сырья, сокращаетъ размѣры торговыхъ оборотовъ и промышленнаго производства, понижаетъ цѣнность продукта для продавца, или же искусственно повышаетъ ее для покупателя.

Китайскій поземельный налогъ, освобождая торговлю и промышленность отъ всѣхъ податей, которыя могли бы взиматься съ нихъ при другихъ системахъ обложенія, доставляетъ этимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности несравненную энергію и могущество. Дѣйствительно, найдется очень мало продуктовъ промышленнаго труда, которые не могли бы производиться въ Китаѣ дешевле, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи. Большинство европейскихъ товаровъ продается въ Китаѣ дешевле ихъ стоимости въ Европѣ. Англійскіе, французскіе и германскіе товары можно купить въ китайскихъ магазинахъ за цѣну на 30% меньшую той, по которой они продаются на европейскихъ рынкахъ. Что касается до туземныхъ китайскихъ продуктовъ, то мнѣ самому приходилось платить всего лишь одинъ франкъ и даже только 75 сантимовъ за длинныя гамашы или войлочную шляпу, которая въ Европѣ стоила бы по меньшей мѣрѣ три франка.

Китайскій поземельный налогъ является поэтому не только орудіемъ свободы, но также орудіемъ прогресса. Можно сказать, что земледѣльческій классъ, принимая на себя уплату этого налога, возмѣщаетъ его затѣмъ, благодаря общему благосостоянію, обеспечивающему земледѣльческимъ продуктамъ сборъ болѣе широкій, вѣрный и выгодный, чѣмъ при всякой другой системѣ податнаго обложенія. Кромѣ того, этотъ налогъ, постепенно распредѣляясь въ массѣ населенія, становится для всякаго китайца въ отдѣльности почти нечувствительнымъ.

Китайскій налогъ способствуетъ также упроченію въ народныхъ массахъ чувства справедливости. Основной принципъ этого налога—уваженіе къ труду—проводится также и во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ между поземель-

ными собственниками и арендаторами. До тѣхъ поръ, пока земледѣлецъ обрабатываетъ какой-нибудь участокъ, владѣлецъ этого участка не можетъ требовать съ него никакой надбавки къ первоначально условленной арендной платѣ. Если земледѣлецъ, по какой-либо причинѣ, отказывается отъ аренды, то владѣлецъ земли обязанъ вознаградить его за всѣ сдѣланныя улучшения, увеличившія цѣнность участка.

Въ этомъ отношеніи китайская система привела къ замѣчательнымъ результатамъ, которые я, къ сожалѣнію, долженъ только перечислить, такъ какъ не могу вдаваться въ подробныя ихъ обсужденія.

Система эта облегчила доступъ къ землѣ для тѣхъ, кто желалъ самъ заняться ея обработкою, отстраняя отъ земли всѣхъ спекуляторовъ или же ищущихъ помѣщенія для капитала. Налогъ, взимаемый съ площади земельного участка, дѣлаетъ невыгоднымъ обладаніе землей, если оно не соединено съ ея обработкою. вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ, кто лично обрабатываетъ землю, налогъ этотъ является совершенно нечувствительнымъ. Онъ представляетъ собою не болѣе, какъ разъ навсегда установленную аренду, которая уплачивается государству и обезпечиваетъ земледѣльцу спокойное пользованіе результатами труда, вложеннаго ими въ землю. Поощряя такимъ образомъ земледѣльческій трудъ, китайская система налоговъ привела къ такому увеличиванію плодородія почвы и къ такой интенсивной культурѣ, при которыхъ съ одного и того же участка снимается въ годъ нѣсколько жатвъ, и каждый гектаръ земли пріобрѣтаетъ цѣнность отъ 4000 до 15.000 и даже до 20.000 франковъ.

Въ то время, какъ европейскія системы налоговъ не благоприятствуютъ земледѣлію и сгущаютъ населеніе въ

городахъ, китайская система стремится удержать его въ селахъ. Она благопріятствуетъ при этомъ, какъ это сейчасъ увидимъ, развитію мелкой поземельной собственности. Раздѣливъ всю площадь китайской имперіи на число обитающихъ тамъ семей, приблизительно около 90 милліоновъ, найдемъ, что на каждую семью приходится всего лишь $3\frac{1}{2}$ гектара земли. Таковъ дѣйствительно средній размѣръ частной земельной собственности въ Китаѣ. Многія семьи, однако, владѣютъ всего лишь $1\frac{1}{2}$ гектаромъ или даже $\frac{1}{2}$ гектаромъ земли. Съ другой стороны, существуютъ и болѣе крупныя помѣстья. Не думаю, однако, чтобъ можно было найти много помѣстьевъ, большихъ чѣмъ въ 20 гектаровъ. Участки земли, доходящіе до 100 гектаровъ, чрезвычайно рѣдки; болѣе же обширныя помѣстья почти не встрѣчаются. Въ каждой изъ областей, съ населеніемъ въ 30—40 милліоновъ душъ, можно встрѣтить всего лишь 3 или 4 помѣстья въ 300—500 гектаровъ. Наибольшая величина обрабатываемыхъ участковъ земли ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ 12 гектаровъ.

Поземельная собственность въ Китаѣ, какъ мы уже видѣли, отличается коллективнымъ общенароднымъ характеромъ, который обусловливается установленной тамъ системой налоговъ. Однако же, во избѣжаніе тѣхъ заблужденій, благодаря которымъ прежніе администраторы общественныхъ земель конфисковали въ свою пользу эти земли, или же по какой либо другой причинѣ, китайское законодательство нашло умѣстнымъ признать въ извѣстныхъ предѣлахъ также и неотчуждаемость частныхъ земель, т. е. собственно говоря, неотчуждаемость права пользования результатами труда, вложеннаго въ нихъ владѣльцами и предками владѣльцевъ. Каждое отдѣльное

лицо или каждая семья, получивъ въ собственность участокъ земли, приобретаетъ надъ всѣмъ этимъ участкомъ, или надъ нѣкоторой его частью, право неотчуждаемаго владѣнія. Коллективно-народное право перешло, такимъ образомъ, до извѣстной степени къ семьѣ, ставшей хранительницей земли, поскольку сама семья представляла собой частицу народа. Размѣры неотчуждаемаго участка, доходившіе прежде до 30 гектаровъ, въ настоящее время уменьшены до трехъ четвертей гектара, составляющихъ такъ-называемое вотчинное поле. Изъ 330 милліоновъ гектаровъ, составляющихъ территорію самого Китая, отъ 70 до 75 милліоновъ гектаровъ являются неотчуждаемыми вотчинами. Онѣ не только обезпечиваютъ народную свободу, ограждая ее противъ возврата къ прежнему деспотизму, но имѣютъ также и философско-религіозное значеніе. Въ одной изъ священныхъ китайскихъ книгъ прямо заявляется: «поклоненіе небу имѣетъ цѣлью одухотворить землю». Не стану вдаваться теперь въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли цѣль эта вполне достигнута въ современномъ Китаѣ, но замѣчу лишь мимоходомъ, что китайцы по крайней мѣрѣ стоятъ, сколько можно судить, на пути, ведущемъ къ означенной цѣли. Неотчуждаемое и неприкосновенное вотчинное поле, такъ сказать, очеловѣчилось. Оно стало столь же священнымъ, какъ человѣческая личность, и точно такъ же, какъ эта личность, не подлежитъ продажѣ.

На этомъ вотчинномъ полѣ зиждется домъ, семейный очагъ, фамильный замокъ, какъ его понимаютъ французы. У состоятельныхъ семей устраиваютъ на вотчинномъ полѣ семейное кладбище; тамъ же воздвигается семейное зало, въ которое дважды въ мѣсяцъ собирается семья, чтобы почтить память предковъ и, въ случаѣ на-

добности, рѣшать тяжёбныя дѣла, судить проступки и преступленія, совершенныя ея членами. Тамъ же хранятся семейныя архивы и метрики. Рядомъ съ этой залой или семейнымъ храмомъ помѣщается библіотека и школа.

Теперь нетрудно себѣ представить общій характеръ китайскаго землевладѣнія и видъ, который должна была получить китайская сельская природа. Лѣса совершенно исчезли подъ совокупными усиліями напиравшаго на нихъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно густого населенія. Ихъ замѣнили деревни, столь же многочисленныя и такъ же тѣсно расположенныя другъ возлѣ друга, какъ въ окрестностяхъ нашихъ большихъ городовъ. Промежутки между деревнями устѣяны множествомъ хуторовъ или маленькихъ мызъ, расположенныхъ на участкахъ въ какихъ нибудь три гектара. Каждая мыза стоитъ обыкновенно въ серединѣ такого участка, на вотчинномъ полѣ, покрытомъ сплошь деревьями и кустарниками. Можно сказать безъ особеннаго преувеличенія, что мызы почти прикасаются одна съ другой. Но, кромѣ такой фактической близости, между ними существуетъ еще болѣе тѣсная нравственная связь. Почти всѣ сосѣднія мызы принадлежать членамъ одной и той же семьи. Обитатель самой ничтожной лачужки естественно находитъ въ родственной ему сосѣдней большой мызѣ необходимую помощь и содѣйствіе. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ прекрасно организованной ассоціаціей. Каждая маленькая деревушка, каждая группа мызъ представляетъ собой законченную систему, въ которой можно навѣрное найти школу, мѣстную управу, камеру семейнаго суда, рабочихъ буйволовъ, мельницу, водоподъемную машину, и т. п., которыхъ нельзя было бы завести для маленькихъ мызъ въ

отдѣльности. А между тѣмъ каждый у себя дома чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ, такимъ же самостоятельнымъ и независимымъ отъ государства и отъ своихъ сосѣдей, какимъ былъ у насъ въ Европѣ самый могущественный средневѣковой феодалъ, съ той лишь разницей, что нынѣшній китайскій крестьянинъ пользуется гораздо большей безопасностью въ своей неприкосновенной маленькой мызѣ.

Съ чисто художественной точки зрѣнія можно, разумѣется, представить себѣ болѣе живописные и величественные пейзажи, но нигдѣ въ мірѣ природа не проявляетъ красоты такой трогательной, такой симпатичной человѣческому сердцу. Мѣстами, по отлогимъ скатамъ холмовъ, высятся, одна надъ другой, бамбуковыя рощицы съ граціозной и легкой листвою. Вокругъ домовъ и полей зеленѣютъ древесныя насажденія, которыя въ ровныхъ мѣстностяхъ напоминаютъ очаровательный характеръ луарскихъ пейзажей, а въ гористыхъ странахъ—еще болѣе прелестные виды горныхъ виноградниковъ. Въ окрестностяхъ пагодъ, а также на нѣкоторыхъ горныхъ вершинахъ, уцѣлѣли еще кое-гдѣ остатки лѣсовъ, но то, что встрѣчается вездѣ и повсюду—такъ это цвѣты, цвѣты всевозможныхъ сортовъ. Пурпуровыя азалии, рододендры, душистыя гарденіи и глициніи одѣваютъ обрывистые склоны. Розы, ноготки и множество другихъ растеній, извѣстныхъ въ Европѣ лишь благодаря тому, что ихъ удалось вывести изъ Китая, наполняютъ ароматами воздухъ и веселятъ взоры во всякое время года въ окрестностяхъ мызъ.

Нигдѣ въ мірѣ человѣкъ не проникся такъ глубоко сокровеннымъ смысломъ окружающей его природы. Въ пѣсняхъ, которыя я слышалъ вечеромъ, по окончаніи

работъ, проѣзжая черезъ китайскія деревни, я напрасно ищу отголосокъ грустныхъ, покорныхъ судѣбъ, а иногда дышащихъ глубокимъ отчаяніемъ, мелодій нашихъ европейскихъ (особенно же сѣверно-французскихъ) рабочихъ. Въ китайскихъ легендахъ ничто не напоминаетъ также объ ужасахъ дремучихъ лѣсовъ, уединенныхъ, суровыхъ горныхъ вершинъ. Все это можно встрѣтить развѣ лишь за Великой Стѣной или еще далѣе, къ сѣверному полюсу, гдѣ нибудь въ Сибири. Самая популярная китайская народная пѣсня «Синъ-фа» имѣетъ очень пріятную, веселую мелодію, отъ которой такъ и вѣетъ миромъ и спокойствіемъ. Ни въ «Синъ-фа», ни въ какой другой китайской народной пѣсни или легендѣ не сохранилось даже и слѣдовъ борьбы съ беспощадными стихійными силами. Нигдѣ не сохранилось также отголосковъ страданій нашего крѣпостного права, жестокости и ужасовъ религіозныхъ войнъ. Тѣ, кто поютъ эти пѣсни и пересказываютъ эти легенды, пользуются въ теченіе уже болѣе двѣнадцати вѣковъ миромъ и спокойствіемъ, которые для насъ будутъ еще долго недосягаемыми. На этомъ фонѣ мира и тишины, не нарушаемымъ ни воспоминаніемъ о прежнихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ, ни надеждами на возмездіе и отмщеніе, созданъ нравственный строй, наиболѣе приспособленный къ обезпеченію всѣмъ и каждому такого количества благосостоянія, до какого, я опасаясь, намъ европейцамъ еще очень далеко. Необходимо, однако, вернуться къ дѣлу.

Можно сказать, что въ Китаѣ почти нѣтъ семьи, которая не обладала бы вотчиннымъ полемъ. Оно неприкосновенно. Китаецъ, по винѣ котораго кто-нибудь чужой получаетъ возможность вторгнуться въ священную ограду этого поля, становится какъ бы святотатцемъ.

Членъ семьи, незаконныя дѣйствія котораго вызвали внимательство правительственной власти, отлучается отъ семьи и предается проклятію. Имя его вычеркивается изъ семейной книги. Губернаторъ или полководецъ, попустившій непріятеля овладѣть однимъ изъ семейныхъ очаговъ, безопасность которыхъ онъ долженъ былъ охранять, лишаетъ себя жизни. Такова почва, на которой зиждется въ Китаѣ семейный очагъ, семья и государство. Перейдемъ теперь къ организаціи самой семьи.

IV.

Выяснивъ себѣ безсмертіе души путемъ вѣчной солидарности всѣхъ послѣдовательныхъ поколѣній человѣческаго рода, китайцы сочли бы противорѣчіемъ утверждать, что душа, съ отдѣленіемъ отъ тѣла, можетъ утратить какія либо изъ отличительныхъ своихъ свойствъ. Она сохраняетъ свои воспоминанія и привязанности. Въ ожиданіи случая къ новому воплощенію, она, вмѣстѣ съ другими домашними душами, поситя надъ семьей, страждетъ при ея бѣдствіяхъ и радуется ея радостями. Чувствуя себя забываемой, душа груститъ, жалуется, и жалобы ея являются вмѣстѣ съ тѣмъ предостереженіями. Бѣда тому, кто не обратитъ на нихъ вниманія, кто не почитаетъ душу своего отца, не будетъ помышлять также и о собственной душѣ, и въ ней угаснетъ тогда чувство справедливости. Безъ справедливости же не можетъ быть и благоденствія. Надо сохранять память о душахъ предковъ. Не слѣдуетъ о нихъ забывать. Какимъ же образомъ достигнуть этого, если семья могла бы угаснуть? Надо позаботиться о сохраненіи семьи. Въ виду этихъ

соображеній, бракъ является для китайцевъ священнымъ первѣйшимъ долгомъ.

Вмѣсто того, чтобы приковывать живыхъ къ мертвымъ, какъ это не разъ утверждали совершенно неосновательнымъ образомъ, религія предковъ является, напротивъ того, источникомъ прогресса и самымъ энергическимъ поощреніемъ къ таковому. Дѣйствительно, она возлагаетъ прежде всего на живущихъ обязательства заботиться о будущемъ. Прошедшее, которое для насъ фактически уже не существуетъ, мимолетное настоящее и воображаемое будущее, сливаясь для китайцевъ въ одну и ту же идею, становятся самой удивительной и животворной дѣйствительностью. Отовсюду слышится человѣку настоятельная и трогательная мольба: «поступай такъ, чтобъ память о насъ не угасла, чтобъ мы могли снова воплотиться и въ свою очередь почитать твою душу, благословить твою память». Гробница является преддверіемъ колыбели. Изъ той и другой возносится непрерывное призываніе къ жизни. Въ какой религіи, въ какой цивилизаціи можно было бы найти болѣе могущественное поощреніе къ прогрессу и производительному труду? Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣчто большее неясныхъ стремленій, подсказываемыхъ совѣстью. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ мифами какихъ-либо индійскихъ, египетскихъ или сирійскихъ вѣрованій: тутъ человѣкъ самъ обязанъ заботиться о своемъ спасеніи. Онъ убѣжденъ въ возможности одержать побѣду надъ смертію и надъ забвеніемъ. Передъ нами непрерывное воскрешеніе человечества, сознающаго самого себя и свои судьбы. Такое спокойствіе и миръ вносить въ умы это міросозерцаніе! Такимъ образомъ, семья становится въ Китаѣ основой религіи, которая, хотя и не утрачиваетъ землю изъ виду,

тѣмъ не менѣе, не лишена своеобразнаго величія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ этой домашней религіей, стоитъ другая, болѣе общая и возвышенная религія, связывающая созданное существо съ Творцомъ. Объ ней я упомяну впослѣдствіи.

Необходимо принять во вниманіе, что для китайца нѣтъ болѣе тяжелой, болѣе ужасной кары, какъ исключеніе изъ семьи. Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на его воображеніе. Что станется съ его душой, если имя его будетъ предано въ семьѣ проклятію? Чтобы избавиться отъ такой злополучной участи, онъ готовъ пожертвовать всѣмъ и даже жизнью. Это обстоятельство не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду. Прогнанный отъ семейнаго очага, затерявшись въ толпѣ, тѣснящейся въ приморскихъ городахъ, этотъ несчастливецъ будетъ работать, какъ волъ, жить, какъ попало, добровольно подвергать себя самымъ тяжкимъ лишеніямъ. Онъ запродастъ себя въ рабство, въ отдаленныя, чуждыя страны, согласится выносить самое обидное обращеніе и всѣ страданія, какимъ можетъ подвергнуться въ изгнаніи, и будетъ жить одной лишь надеждой—добиться упорнымъ трудомъ возстановленія добраго своего имени въ семьѣ. Эта надежда, воодушевляетъ большинство эмигрантовъ, направляющихся изъ Китая въ Америку и въ Европу. Дѣйствительно, почти всѣ безъ исключенія китайцы, удаляющіеся, хотя бы временно, за предѣлы Китая, въ собственномъ смыслѣ этого слова,—люди, выгнанные изъ семьи. Число такихъ изгнаній, по приблизительному разсчету, простирается ежегодно до 130 тысячъ. Изъ нихъ около 50 тысячъ возвращается впослѣдствіи на родину. Такимъ образомъ, многіе изъ совратившихся съ пути истиннаго возвращаются снова на этотъ путь. Многіе,

однако, умирають, не добившись возвращенія своего въ семью, и частью, быть можетъ, не заслуживая еще этого возвращенія. Бываютъ, однако, и такіе, которые, убѣдившись, что получили уже прошеніе, чувствуя себя слишкомъ несчастными въ чужомъ краю, добровольно лишаютъ себя жизни, чтобы скорѣе вернуться въ свою вѣчную семью.

Перейду теперь къ положенію, занимаемому въ семьѣ отцомъ, матерью и дѣтьми. Въ древности власть отца семейства была почти неограниченной. Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ отецъ имѣлъ надъ всѣми членами семьи право жизни и смерти. Еще за 600 лѣтъ до христіанской эры, въ царствованіе династіи Танговъ, отеческая власть стояла на такой чрезмѣрной высотѣ. Съ этого времени, рядомъ съ законами, подтверждающими эту власть, встрѣчаются также и другіе, которые ее смягчаютъ. Родители, дѣти которыхъ умерли отъ побоевъ, подвергаются судебной отвѣтственности. Во всякомъ случаѣ, времена неограниченной отеческой власти теперь уже минули. Уже при Конфуціи, т. е. за 400 лѣтъ до Р. Х., эта неограниченная власть исчезла и замѣнилась коллективной семейной властью. Глава семьи сталъ, такъ сказать, лишь ея представителемъ, облеченнымъ исполнительною властью. Всѣ важныя рѣшенія принимаются не иначе, какъ общимъ семейнымъ собраніемъ. Конфуцій предписываетъ даже дѣтямъ обращаться до трехъ разъ къ родителямъ съ представленіями, если видятъ, что родителямъ угрожаетъ опасность впасть въ какую-либо ошибку или вину. Поэтому, хотя въ старинныхъ китайскихъ священныхъ книгахъ и сохранились еще древніе законы о родительской власти (китайцы вообще не любятъ дѣлать какія-либо измѣненія въ своемъ

законодательствѣ), законы эти давно уже исчезли изъ обычаевъ. Отецъ одинъ своею властью не можетъ постановить судебный приговоръ. Точно также не можетъ онъ одинъ совершать установленные обряды поклоненія предкамъ. Мать семейства можетъ, при отсутствіи мужа, заступать его мѣсто во всѣхъ случаяхъ, кромѣ исполненія религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ она принимаетъ участіе даже и въ этихъ обрядахъ въ качествѣ помощницы мужа: она подноситъ жертвы, предлагаемыя имъ на алтарь душамъ предковъ. Въ древности, присутствіе ея при жертвоприношеніяхъ считалось положительно необходимымъ. Теперь же признаютъ возможнымъ замѣнять ее кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ. Она можетъ, однако, за отсутствіемъ мужа, предсѣдательствовать въ семейномъ собраніи, семейномъ судѣ, и т. п. Вдовствующая императрица провозглашается регентшей до совершеннолѣтія наслѣдника престола. Впрочемъ, даже достигнувъ совершеннолѣтія, богдыханъ продолжаетъ оказывать своей матери такіе же знаки уваженія, какіе употребляются всѣми китайцами по отношенію къ своимъ матерямъ. Въ большинствѣ семействъ завѣдываніе финансовой частью возлагается на жену. Безъ вѣдома ея не дѣлается никакихъ расходовъ. Она выдаетъ мужу каждое утро деньги, необходимыя ему на содержаніе, если онъ уходитъ куда-нибудь изъ дому.

По смерти отца, главою дома становится, какъ уже упомянуто, мать семейства, которой, впрочемъ, предоставляется право передать свою власть сыну, достигшему совершеннолѣтія. Въ случаѣ раздѣла имущества, она получаетъ въ пожизненное владѣніе часть, вдвое большую той, которая приходится на долю cadaго изъ дѣтей, но при вступленіи въ новый бракъ лишается всѣхъ правъ

на наслѣдство послѣ перваго мужа. Оставшись бездѣтной вдовой, жена сохраняетъ въ пожизненномъ владѣніи все имущество покойнаго мужа, но имущество это переходитъ въ полную ся собственность только въ томъ случаѣ, если мужъ оставилъ его ей по завѣщанію. Если жена остается бездѣтной или рождаетъ мужу однѣхъ лишь дочерей, онъ имѣетъ право взять себѣ вторую или младшую жену, такъ какъ обязанъ прежде всего обезпечить непрерывность семьи или семейнаго культа; но дѣти отъ этой второй жены считаются дѣтьми первой жены, которая одна признается вполне законной. Нечего и говорить, что дѣти младшей жены признаются совершенно полноправными. Въ бездѣтныхъ семьяхъ, гдѣ не хотятъ взять на себя расходы по содержанію младшей жены (или выплачивать ей пожизненную пенсію въ случаѣ возвращенія ея къ родителямъ) зачастую прибѣгаютъ къ усыновленію.

Дѣти мужескаго и женскаго пола не занимаютъ въ семьѣ совершенно одинаковаго положенія. Совершеннолѣтній старшій сынъ, по смерти отца, заступаетъ его мѣсто при совершеніи религиозныхъ обрядовъ и въ прочихъ случаяхъ, если мать даетъ ему на это полномочіе. При отсутствіи совершеннолѣтнихъ сыновей, обязанность старшаго сына исполняетъ дядя или ближайшій родственникъ. Старшему сыну довѣряется завѣдыванія вотчиннымъ полемъ, но онъ дѣлится доходами съ него съ прочими дѣтьми, которыя продолжаютъ жить тамъ, какъ жили при отцѣ. Если кромѣ вотчиннаго поля осталось какое-либо другое имущество, его дѣлятъ на равныя части между всѣми сыновьями (выключая предварительно материнскую долю наслѣдства, равную двумъ сыновьямъ долямъ). Если кто-либо изъ дѣтей уходитъ изъ дому на за-

работки, то полученный имъ доходъ вносится въ общую семейную кассу, если только не состоялось раздѣла. Въ послѣднемъ случаѣ, взаимныя обязательства между членами семьи прекращаются. Должно присовокупить, что раздѣлы, вообще говоря, откладываются до возможно отдаленнаго срока. Они не совершаются къ тому же никогда раньше достиженія всѣми дѣтьми совершеннолѣтія. При такихъ обстоятельствахъ, семьи состоятъ зачастую изъ 3 или 4 поколѣній. Есть много семей, существующихъ такимъ образомъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ вѣковъ. Раздѣлъ признается обязательнымъ лишь въ случаѣ общаго на то согласія. Къ тому же, какъ самый раздѣлъ, такъ и переходъ имущества къ наслѣдникамъ, совершается безъ всякихъ судебныхъ издержекъ и пошлинъ. Одни лишь женатые сыновья имѣютъ право рѣшающаго голоса въ семейномъ совѣтѣ. Всѣ прочія совершеннолѣтнія дѣти имѣютъ только совѣщательный голосъ.

Предоставленіе женщинамъ правъ на наслѣдство могло бы подорвать прочность семейнаго очага и подвергнуть опасности непрерывность китайской семьи. Наслѣдство по женской линіи могло бы передать этотъ очагъ въ чужую семью или же, уменьшивъ наслѣдственные доли сыновей, помѣшать основанію новыхъ семейныхъ очаговъ. По этимъ соображеніямъ, за дочерьми не признается никакихъ правъ на отцовское наслѣдство. При вступленіи въ бракъ, онѣ получаютъ однако отъ отца или братьевъ приданое деньгами и вещами. Размѣры этого приданаго зависятъ отъ щедрости и состоятельности отца или братьевъ, но, въ самомъ худшемъ случаѣ, неvěста получаетъ въ приданое шкапчикъ съ бѣльемъ и необходимой домашней утварью. Если родители неvěсты не могутъ дать ей даже и такого приданаго, то его долженъ доставить женихъ. Во всякомъ

случаѣ, приданое остается неотъемлемой собственностью молодой хозяйки. Кровать съ постельнымъ бѣльемъ долженъ всегда доставить женихъ. Лишенная правъ на отцовское наслѣдство, женщина въ Китаѣ вознаграждается за это многими преимуществами, не выпадающими на ея долю въ другихъ странахъ. До выхода въ замужество, дочь пользуется въ семьѣ такими-же правами, какъ неженатый сынъ. Замужняя дочь, утрачивая права въ прежней своей семьѣ, приобретаетъ эти же права въ семьѣ своего мужа. Уже одинъ фактъ обрученія, если женихъ умретъ ранѣе заключенія брака, обезпечиваетъ за ней эти права въ семьѣ, сколько-нибудь заботящейся о своей чести. Нерѣдко тесть и теща выдаютъ сами замужъ невѣсту или вдову своего сына, какъ будто она была ихъ родная дочь, за какого-нибудь небогатаго человѣка и усыновляютъ ребенка, родившагося отъ этого брака. Принимая въ расчетъ, что въ Китаѣ, по статистическимъ даннымъ, разница между числомъ рождающихся мальчиковъ и дѣвочекъ превышаетъ 2—3%, причемъ въ однѣхъ областяхъ перевѣсъ оказывается на сторонѣ мальчиковъ, а въ другихъ—на сторонѣ дѣвочекъ, понятно, что культъ предковъ, возлагающій на каждого мужчину непремѣнную обязанность жениться, тѣмъ самымъ вполне обезпечиваетъ положеніе женщины въ Китаѣ.

Упомянувъ о важномъ значеніи, которое придаютъ китайцы обряду обрученія, я скажу, кстати, нѣсколько словъ о первоначальномъ воспитаніи, которое дается дѣтямъ въ семьѣ. Замѣчу, что въ Срединномъ Царствѣ обрученіе совершается нерѣдко еще въ дѣтствѣ. Малюткамъ напоминаютъ съ самаго ранняго возраста обязательства, принятыя за нихъ родителями. Они привыкаютъ къ этимъ обязательствамъ и впослѣдствіи охотно имъ подчи-

няются. Еще за много лѣтъ до женитьбы, молодой человѣкъ чувствуетъ себя уже женатымъ. Въ то время, когда въ другихъ системахъ цивилизаціи представляется для ребенка развѣ лишь мерцающая въ отдаленіи, совершенно неопредѣленная и неясная цѣль жизни, эта цѣль для малолѣтняго китайца имѣетъ характеръ осязаемой дѣйствительности. Она проникаетъ его умъ и придаетъ мысли своеобразное освѣщеніе. Все окружающее пріобрѣтаетъ отъ нея особую, ничѣмъ не замѣнимую, цѣнность. Такимъ образомъ китаецъ съ дѣтства сознаетъ дѣйствительную жизнь съ ея обязанностями, жертвами, отвѣтственностью и радостями. Молодая дѣвушка въ Китаѣ избавлена, въ свою очередь, отъ безпокойства, горя и разочарованія, подавляющихъ ее въ другихъ цивилизаціяхъ, гдѣ она такъ часто остается беззащитная, на жертву искушеніямъ.

Китайцы считаютъ необходимымъ съ малолѣтства пріучать ребенка учиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ малюткамъ стараются указать дѣйствительное значеніе вещей, ни въ какомъ случаѣ не маскируя и не парализуя это значеніе лживыми объясненіями. Поэтому то у маленькихъ китайцевъ и развивается такая ранняя разсудительность, часто изумляющая европейцевъ, но вовсе не производящая непріятнаго впечатлѣнія. Во многихъ, сравнительно серьезныхъ, случаяхъ эта ранняя разсудительность возбуждала во мнѣ искреннее удивленіе. Она какъ нельзя лучше мирится съ обычными чарующими свойствами дѣтства и молодости. Китайцы не считаютъ невѣдѣніе самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію невинности—самаго чуднаго изъ этихъ свойствъ. Они стараются пріискать для воспитанія болѣе прочное основаніе и полагаютъ, что самымъ наилучшимъ можетъ быть лишь взаимное

уваженіе. Никогда не говоря дѣтямъ лжи, не обманывая ихъ ни въ чемъ, родители выказываютъ тѣмъ самымъ уваженіе свое къ дѣтямъ. Отъ дѣтей, въ свою очередь, требуется скромность, какъ форма необходимаго уваженія къ родителямъ. «Хорошо воспитанное дитя,—говорятъ они—подойдетъ къ ровеснику своего отца лишь въ томъ случаѣ, когда его позовутъ, будетъ говорить лишь для того, чтобы отвѣчать на вопросы, и уйдетъ только тогда, когда получить на то дозволеніе. Того, кто вдвое старше васъ, вы обязаны уважать, какъ отца, а того, кто на десять лѣтъ васъ старше—какъ старшаго брата.

Между родителями и дѣтьми тамъ нѣтъ такой фамиллярности, какъ въ нашихъ европейскихъ семьяхъ, но вмѣсто нея, замѣчается гораздо большее фактическое равенство правъ. Это выражается, между прочимъ, даже въ уваженіи, съ которымъ китайцы относятся къ мнѣніямъ дѣтей. Ихъ часто приглашаютъ высказать свое мнѣніе. Чувствуя себя такимъ образомъ наравнѣ со взрослыми, дѣти, сами того не замѣчая, относятся съ большимъ уваженіемъ и къ собственной своей личности. Достигнувъ этого главнаго результата, китаецъ внушаетъ своимъ дѣтямъ принципы человѣчности, справедливости, прямоты и откровенности, а также повиновеніе обрядамъ и обычаямъ. Такова сущность первоначальнаго домашняго воспитанія. Принципы эти вѣдряются съ самаго ранняго возраста и всячески упрочиваются впоследствии. Человѣкъ, у котораго они достаточно развились и окрѣпли, обладаетъ, по мнѣнію китайцевъ, достаточной зрѣлостью, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ семьяниномъ и гражданиномъ. Онъ обладаетъ уже всѣми необходимыми качествами для того, чтобы надлежащимъ

образомъ выполнять гражданскія и семейныя свои обязанности.

Чтобы указать, какъ выполняются семейныя обязанности, лучше всего будетъ ввести читателя безъ дальнѣйшихъ приготовленій въ семейное зало въ то время, когда тамъ собралась уже семья. Позволю себѣ, однако, сказать предварительно нѣсколько словъ о религіозныхъ особенностяхъ, которыя, не составляя существенной части семейнаго культа, примѣшиваются къ нему тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ.

Какъ уже замѣчено, китайцы не считаютъ, чтобы смерть разрывала всѣ связи, соединявшія человека съ его семьей. Они не признаютъ также возможности внезапнаго быстрого отдѣленія души отъ тѣла. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, разлука между душой и тѣломъ лишь кажущаяся. Даже и тогда, когда наступило уже трупное оцѣпенѣніе, душа находится еще неподалеку отъ тлѣнной своей оболочки, оставляемой ею лишь съ сожалѣніемъ. Она носится надъ этой оболочкой и можетъ, пожалуй, еще въ нее вернуться. Поэтому-то китайцы хоронятъ своихъ покойниковъ очень поздно, обыкновенно не раньше, какъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Въ первые дни послѣ смерти вся семья сообща умоляетъ душу покойника вернуться. Ее приглашаютъ къ этому самыми трогательными мольбами, доходящими даже до упрековъ, указываютъ оставленное ею опустѣлое мѣсто въ семьѣ. Дѣйствительно, мѣсто покойнаго остается не занятымъ всюду, по меньшей мѣрѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и разъ каждая двѣ недѣли въ продолженіе всего года. Наконецъ тѣло усопшаго предается землѣ въ семейной гробницѣ или же, когда у семьи нѣтъ еще вотчиннаго поля—на общемъ кладбищѣ, гдѣ оно остается лишь до тѣхъ поръ, пока вотчинное

поле не будетъ приобрѣтено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имя покойнаго, со днемъ его рожденія и смерти, записывается на лакированной дощечкѣ и тотчасъ послѣ похоронъ, происходящихъ всегда въ день семейнаго собранія, дощечка эта устанавливается на подставкѣ въ залѣ предковъ. Тамъ, дважды въ мѣсяцъ, и не менѣе какъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, бываетъ торжественное собраніе семьи.

Въ глубинѣ залы стоитъ у стѣны длинный, лакированный деревянный столъ, почти во всю стѣну, заступающій мѣсто алтаря. На этомъ алтарѣ помѣщаются подставки, на которыхъ расположены въ порядкѣ маленькія лакированныя дощечки съ именами предковъ. На стѣнѣ, надъ алтаремъ—символическое изображеніе божества; передъ дощечками—свѣтильники и курильницы. *) Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ алтаря—простой столъ квадратной формы, обставленный со всѣхъ сторонъ стульями; посерединѣ этого стола—семейная книга, по обѣимъ сторонамъ которой лежатъ другія книги.

Всѣ члены семьи, въ праздничныхъ платьяхъ, ожидаютъ появленія отца и матери, подготовлявшихся къ собранію еще съ вечера постомъ. Они входятъ наконецъ въ сопровожденіи двухъ родственниковъ и, вставъ передъ алтаремъ, обращаются къ Небу съ краткой молитвой, послѣ чего всѣ присутствующіе поютъ гимнъ въ честь предковъ.... Къ чему, однако, описывать извѣстный уже всѣмъ молитвенный церемоніаль? Воззванія къ Божеству, молитвы, колѣнопреклоненіе, священное пѣніе и музыка—все это встрѣчается также въ молитвенныхъ обрядахъ дру-

---

*) Въ семьяхъ, слишкомъ бѣдныхъ для того, чтобъ обзавестись особой залой для торжественныхъ собраній, алтарь предковъ устанавливается въ лучшей изъ комнатъ занимаемаго ими жилья.

гихъ религій. Въ Китаѣ эта обрядовая сторона установлена, такъ сказать, съ незапамятныхъ временъ. Характерической особенностью китайскаго культа является къ тому же не обрядовая сторона, а собственно предметъ культа. Какъ уже упомянуто, предметомъ китайскаго культа является само человѣчество, а именно духовная и безсмертная ея часть, душа предковъ, къ которымъ присоединятся современемъ и нынѣ живущіе и будущіе предки. Въ другихъ религіяхъ, предметъ культа—внѣ предѣловъ сознанія, у китайцевъ же предметомъ культа является само сознаніе. Мы будемъ имѣть случай тотчасъ же въ этомъ убѣдиться. Во всемъ остальномъ, религіозная идея та же, какъ и въ другихъ вѣрованіяхъ, что впрочемъ и совершенно естественно, такъ какъ она возвышается къ тому же матафизическому пониманію Божества.

Когда молебствіе началось, отецъ семейства или лицо, заступающее его мѣсто, обращается во время гимна въ честь предковъ къ ихъ душамъ. «Мы очень хорошо знаемъ,—говорилъ императоръ Кангъ-Хи польскому легату, кардиналу Турнону,—что души предковъ не живутъ въ дощечкахъ или бумажкахъ, украшенныхъ ихъ именами, но мы стараемся увѣрить себя, что находимся въ ихъ присутствіи».

Душамъ предковъ посвящаютъ и приносятъ въ жертву разные предметы, смотря по мѣстности и временамъ года: голубей, куръ, плоды, вино, рисъ, пшеницу, и т. п. Можно ограничиться даже приношеніемъ риса или пшеницы и вина. Два родственника, сопровождавшіе отца и мать, идутъ за предметами, назначенными для жертвоприношенія. Мать семейства, взявъ у нихъ жертвы, передаетъ эти жертвы мужу, который, стоя возлѣ нея, подымаетъ ихъ вверхъ и кладетъ на ал-

тарь, въ знакъ благодарности предкамъ. Затѣмъ онъ читаетъ написанныя на дощечкахъ имена предковъ и, напоминая семьѣ объ ихъ дѣяніяхъ, заставляетъ ихъ какъ бы выходить изъ могилъ и говорить съ потомками. Посвященные предкамъ жертвы, являющіяся символомъ результатовъ труда и достигнутаго уже прогресса, возвращаются отъ ихъ имени присутствующимъ, какъ символъ неразрывной связи предковъ съ потомками. Затѣмъ священнодѣйствующій увѣщаетъ семью помышлять о значеніи этого общенія съ предками и обязательствахъ, которыя оно влечетъ за собой и которыя всѣ кланутся исполнить. Церемонія эта заканчивается молитвою, послѣ которой подають обѣдъ, состоящій главнымъ образомъ изъ предметовъ, только что фигурировавшихъ въ жертвоприношеніяхъ. Такова въ дѣйствительности обрядовая сторона семейнаго культа, церемоніаль которой составляетъ впрочемъ лишь первый отдѣлъ программы торжественнаго семейнаго собранія.

Второе отдѣленіе этой программы начинается съ того, что отецъ семейства, сидя между своей женой и двумя старшими послѣ него членами семьи за квадратнымъ столомъ, на которомъ лежатъ упомянутыя уже книги, открываетъ прежде всего среднюю, т. е. семейную книгу. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльных тетрадей, изъ которыхъ—въ однѣхъ содержатся записи, относящіяся до семейной метрики: о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ; въ другихъ—приговоры, постановленные семейнымъ судомъ, похвальные слова усопшимъ, ихъ жизнеописанія, завѣщанія, и т. п. Это поистинѣ священная семейная книга: она не только является доказательствомъ священнаго и духовнаго существованія семьи, но служить вмѣстѣ съ тѣмъ

также каждому китайцу свидѣтельствомъ о его происхожденіи. Никакихъ другихъ документовъ для этого не полагается. Во всѣхъ случаяхъ, когда къ этому представляется надобность, китаецъ ссылается на свою семейную книгу, запись въ которой признается повсюду имѣющей силу официальнаго документа. Я лично вижу въ этомъ блестящее и очевидное доказательство независимости и самостоятельности человѣка и гражданина. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что семейная книга ведется въ Китаѣ съ величайшей тщательностью, устраняющей надобность въ какомъ бы то ни было контролѣ или вообще вмѣшательствѣ со стороны правительства, которое лишь собираетъ время отъ времени статистическія свѣдѣнія о числѣ семействъ и заключающихся въ нихъ душъ мужескаго и женскаго пола.

Семейная книга, которую рано или поздно долженъ будетъ вести каждый китаецъ, предполагаетъ у него извѣстную степень образованія. Чтобы вести ее надо непременно уметь читать и писать. Это необходимое условіе становится, въ силу семейнаго культа, непреложнымъ долгомъ. Поэтому то во всѣхъ случаяхъ, когда представляется къ тому возможность, пріобщается къ залѣ предковъ школа и библіотека. Зала эта становится тогда настоящимъ семейнымъ храмомъ, расходъ по содержанію котораго принимаютъ на себя сообща богатые члены семьи.

Возвратимся однако къ семейному собранію. Открывъ первую изъ тетрадей семейной книги, отецъ записываетъ туда событія, измѣнившія составъ семьи; при этомъ отецъ и мать даютъ по правиламъ торжественнаго церемоніала свое согласіе на вступленіе членовъ семьи въ брачные союзы, и т. п. Затѣмъ, переходя къ другой

тетради, отецъ читаетъ или заставляетъ кого-либо изъ присутствующихъ читать жизнеописаніе одного изъ предковъ. Чтеніе это сопровождается словесными поясненіями, въ которыхъ, настаивая на заслугахъ предка, вслѣдствіе которыхъ память его должна быть дорога потомству, отецъ увѣщаетъ членовъ семьи слѣдовать доброму примѣру этого предка.

Такимъ образомъ въ каждомъ семейномъ собраніи читается новая біографія до тѣхъ поръ, пока не будутъ прочтены по порядку жизнеописанія всѣхъ предковъ, послѣ чего снова начинаютъ читать жизнеописаніе старѣйшаго изъ предковъ. Съ теченіемъ времени, каждый китаецъ выучиваетъ наизусть большую часть этихъ біографій и знаетъ въ подробности жизнь всѣхъ своихъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающихся, предковъ. Немногіе развѣ, даже и между простыми крестьянами, не знаютъ въ подробности исторіи своей семьи за нѣсколько послѣднихъ вѣковъ.

Послѣ жизнеописанія одного изъ предковъ, берется книга дѣяній китайскихъ великихъ мужей и прочитывается въ ней біографія какого-нибудь знаменитаго гражданина, родившагося въ той же или въ другой области (такихъ книгъ имѣется очень много во всѣхъ бібліотекахъ). Затѣмъ читается глава изъ какого-нибудь философскаго или нравственнаго сочиненія и нѣсколько статей свода законовъ; по окончаніи этихъ чтеній и сопровождающихъ ихъ поясненій, семейное собраніе переходитъ въ слѣдующему отдѣлу своей программы. Оно обращается въ семейный совѣтъ, а въ случаѣ надобности—въ семейное судилище. Отецъ раскрываетъ снова семейную книгу и, обращаясь ко всѣмъ членамъ семьи, спрашиваетъ уплачена ли ими поземельная подать. Вопросъ

этотъ ставится прежде всего, такъ какъ вся семья считала бы себя словно обезпеченной, если бы кто-либо изъ ея членовъ не уплатилъ въ срокъ эту подать и далъ бы тѣмъ самымъ чиновнику право требовать платежа. Если кто-либо долженъ сборщику податей, прочіе члены семьи тотчасъ-же ссужаютъ ему сумму, потребную для уплаты долга. Затѣмъ отецъ обращается къ членамъ своей семьи со вторымъ вопросомъ: нѣтъ ли у кого изъ нихъ тяжбаго или спорнаго дѣла съ другой семьей, чтобы уладить это дѣло полюбовной сдѣлкой или передать его на разсмотрѣніе третейскихъ судей.

Послѣ всего переходятъ къ обсужденію несогласій и споровъ между самими членами семьи. Обвиняемый въ проступкѣ или въ преступленіи членъ семьи отдѣляется тотчасъ же отъ прочихъ и предается семейному суду. Въ тѣхъ случаяхъ однако, когда надо навести предварительныя справки, вызвать свидѣтелей, и т. п., разбирательство дѣла отлагается до слѣдующаго семейнаго собранія. Иногда же созывается для этого и чрезвычайное собраніе. Я уже говорилъ, что недовольные приговоромъ семейнаго суда могутъ предъявлять на него апелляціонную жалобу правительственному суду; но уваженіе къ семейному суду таково, что обвиненные въ очень рѣдкихъ лишь случаяхъ пользуются правомъ апелляціи, которое предоставляется имъ закономъ. Я зналъ 32-лѣтняго китайца, женатаго и отца троихъ дѣтей, приговореннаго семейнымъ судомъ, состоявшимся подъ предсѣдательствомъ родной его матери, къ заключенію на три мѣсяца въ кандалы. Онъ самъ придерживалъ свои ноги, пока ихъ заковывалъ въ цѣпи европейскій кузнецъ, приглашенный чтобы не поручать столь неприятной работы одному изъ младшихъ родственниковъ. Даже государственные чинов-

ники въ поступкахъ, относящихся до публичной ихъ дѣятельности и ускользающихъ отъ руки закона, подлежатъ семейному суду.

Судъ этотъ можетъ приговорить къ довольно тяжкимъ карамъ, въ томъ числѣ къ бичеванію, изгнанію и отлученію отъ семьи. Что касается до преступленій, за которыя по государственнымъ законамъ полагается смертная казнь, то они принципиально подлежатъ государственнымъ судамъ. Подобное вмѣшательство правительственной власти было бы однако нарушеніемъ семейной самостоятельности, а потому на предварительномъ семейномъ судѣ виновнымъ предоставляется выборъ между отлученіемъ отъ семьи или самоубійствомъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпочтеніе отдается этому послѣднему.

Такова въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ система, которой Китай обязанъ, сколько могу я судить, нравственнымъ своимъ и матеріальнымъ благосостояніемъ. Для болѣе подробнаго изученія этой системы я долженъ буду войти въ разсмотрѣніе основныхъ принциповъ—первоначальныхъ источниковъ китайской цивилизаціи. Я долженъ буду указать великія учрежденія, болѣе общія чѣмъ тѣ, о которыхъ только что упомянуто, и которыя изъ нихъ вытекаютъ: культъ человечества, относительно котораго семейный культъ является только частицей, и трудъ, возведенный также на степень религіознаго культа. Мнѣ придется наконецъ говорить о государствѣ и о роли, выпадающей ему на долю въ общей системѣ китайской цивилизаціи. Это будетъ предметомъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь же я приведу нѣсколько заключительныхъ соображеній.

Мы видѣли уже, каково дѣйствительное положеніе женщины въ Китаѣ. Оно вовсе не таково, какъ пред-

ставляютъ его многіе путешественники, утверждающіе, будто китайскіе законы и обычаи стремятся подавить личность женщины. Эти путешественники, не замѣчая того сами, впадаютъ въ прямое противорѣчіе со своими собственными показаніями. Дѣйствительно, они осмѣиваютъ китайцевъ, находя манеры ихъ слишкомъ мягкими и вѣжливыми, однимъ словомъ слишкомъ женственными, а это именно и доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ всю громадность вліянія тамъ женщины. Дѣло въ томъ, что въ Китаѣ женщина играетъ, если не такую видную, то, по меньшей мѣрѣ, столь же вліятельную роль, какъ въ Европѣ. Въ Срединномъ Царствѣ, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и даже гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, она является основой семьи. Лишь вступая въ бракъ съ нею мужчина становится полноправнымъ гражданиномъ. Ее не окружаютъ такой лестью и такими знаками внѣшняго уваженія, какъ во Франціи, но почитаютъ на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе и доказываютъ это фактически тѣмъ, что на ней женятся и несравненно рѣже оставляютъ ее на жертву нищеты и одиночества. Китайцы не требуютъ для женщины абсолютнаго уравнинія съ мужчиной въ правахъ, которыя она по своей природѣ и слабости не въ состояніи выполнять и отстаивать; но каждый мужчина въ Китаѣ привыкъ уже съ малолѣтства считать себя непосредственно и лично отвѣтственнымъ за участь одной изъ нихъ. Предоставляю самому читателю судить, который изъ двухъ способовъ рѣшенія женскаго вопроса заслуживаетъ предпочтенія.

Предметъ, къ которому я теперь перейду, кажется мнѣ также первостепенной важности. Китайцы разсматриваютъ, какъ это уже было замѣчено, человѣческій

родъ какъ одну и ту же личность, которая непрерывно живетъ и увеличиваетъ запасъ своихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ можно разсматривать и весь человѣческій родъ и отдѣльную семью. Представимъ же себѣ человѣка, который, переживъ множество вѣковъ, сохранилъ бы воспоминаніе о всѣхъ происшедшихъ за это время событіяхъ, измѣненіяхъ и переворотахъ. Какимъ запасомъ опытности обладалъ бы такой человѣкъ? Насколько выше оказался бы онъ нынѣ живущихъ обыкновенныхъ смертныхъ? До какого могущества и какой интенсивности развилась бы въ немъ его личность, его индивидуальность? Представьте же себѣ цѣлый народъ, состоящій изъ такихъ людей? Чѣмъ отличаются отъ него китайцы съ ихъ культомъ предковъ,—китайцы, у которыхъ каждое семейное торжество сопровождается чтеніемъ жизнеописаній кого-либо изъ предковъ и великихъ граждан Срединнаго Царства? Можно смѣло сказать, что понимаемый такимъ образомъ культъ традицій является самымъ могущественнымъ средствомъ къ упроченію національнаго единства и солидарности. Часто говорятъ: «счастливы народы, у которыхъ нѣтъ исторіи». Это не вѣрно. Настоящее всегда только слѣдствіе прошедшаго. Какъ взрослый человѣкъ немислимъ безъ предшествующаго ему ребенка и отрока, такъ немислимъ и народъ безъ исторіи. Такой народъ не былъ бы народомъ. Необходимо знать отечественную исторію, такъ какъ безъ этого она окажется какъ бы не существующей и не принесетъ ожидаемаго плода. Не знать исторіи своей родины равносильно отрѣшенію отъ отчизны—утратѣ своей національности. Необходимо поднять исторію на степень религіознаго культа. Какое можно найти для этого лучшее и болѣе удобное средство, какъ принятое въ Китаѣ сохра-

неніе въ каждой семьѣ собствѣнныхъ ея традицій! Развѣ найдется въ странѣ какая-либо даже и самая скромная семья, лѣтописи которой не отождествлялись бы съ національной исторіей, если только онѣ ведены съ должнымъ тщаніемъ? Знаете ли вы исторію Франціи, которая была бы истиннѣе, глубже, возвышеннѣе, епеціальнѣе и общнѣе, чѣловѣчнѣе и интереснѣе, чѣмъ исторія одного крестьянина? Это еще не все. Немногіе лишь на закатѣ своихъ дней, оглядываясь назадъ, не видятъ, что жизнь, вообще говоря, состоитъ изъ попеременной смѣны счастья и несчастья, успѣховъ и неудачъ. Не было бы никакого исключенія изъ этого общаго правила, еслибъ воспоминанія, вмѣсто такого сравнительно короткаго срока, охватывали періодъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ вѣковъ, какъ это дѣлается въ китайскомъ семейномъ культѣ. Помышляя о предкахъ и потомкахъ, китайцы приучаются жить въ прошедшемъ и будущемъ почти столько же, какъ и въ настоящемъ. Личное счастье или бѣдствіе не ослѣпляетъ ихъ и не приводитъ въ отчаяніе: они сознаютъ невозможность постояннаго счастья и могущества, точно такъ же, какъ и постояннаго несчастья и бѣдности. Даже и тѣ изъ китайцевъ, у которыхъ культъ предковъ не доходитъ до полнаго отождествленія съ предшествовавшими и будущими поколѣніями, черпаютъ изъ своихъ семейныхъ традицій такое понятіе о превратности судьбы, которое, въ концѣ концовъ, устанавливаетъ нѣчто въ родѣ равенства между сильными и слабыми, устраняя самую мысль о кастахъ и сословныхъ раздѣленіяхъ. Въ любой китайской семьѣ были и будутъ опять, впослѣдствіи, важные мандарины, вице-короли, крестьяне и чернорабочіе. Поэтому-то, вмѣсто зависти и тщеславія, вмѣсто ненависти и надменности, отношенія

между китайцами, даже наиболѣе различающимися по общественному положенію, характеризуются такою взаимной благосклонностью, такою мягкостью и такимъ братскимъ радушіемъ, какъ я имѣлъ уже случай объ этомъ упомянуть.

Наконецъ, въ то время, когда у насъ во Франціи всѣ заняты необходимостью и трудностью судебной реформы, совершенно умѣстно обратить особое вниманіе читателя на китайскую систему семейнаго самосуда, которая, отличаясь быстротой дѣйствія, правильностью и дешевизной, значительно превосходитъ всѣ европейскія системы судопроизводства. Очень можетъ быть, что многіе изъ читателей станутъ сожалѣть, что нынѣшнее состояніе нашихъ нравовъ, столь далекое отъ китайскихъ порядковъ, не позволяетъ даже и мечтать о какомъ-либо отъ нихъ заимствованіи.

ЧАСТЬ II.

Т р у д ъ.

Въ большинствѣ религіозныхъ ученій, трудъ разсматривается какъ наказаніе, ниспосланное человѣку за грѣхи. Въ этомъ отношеніи древне-греческое многобожіе совершенно согласуется съ индійскимъ, еврейскимъ и мусульманскимъ деизмомъ. Въ цивилизаціяхъ, построенныхъ на этихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, каждый по мѣрѣ силъ и возможности хлопочетъ о томъ, чтобы избѣгнуть труда; но такъ какъ въ концѣ концовъ трудъ является необходимымъ условіемъ существованія, то сильнѣйшіе сваливаютъ его на слабѣйшихъ. Жрецы, обучая презрѣнію къ труду, вступаютъ въ естественный союзъ съ притѣсняющими трудъ воинами. Эти двѣ высшія касты создаютъ цѣлый рядъ другихъ—низшихъ, изъ которыхъ для осужденныхъ на трудъ нѣтъ болѣе выхода. Трудъ становится не только униженіемъ, но также и мученіемъ, что, въ свою очередь, порождаетъ протесты, возстанія и кровавыя возмездія, которыми переполнена также исторія и западно-европейскихъ народовъ. Слѣдуетъ замѣтить

однако, что въ умахъ привилегированныхъ кастъ проявилось слабое мерцаніе здраваго смысла и справедливости, если только онѣ не руководились исключительно лишь политическими соображеніями, выдѣливъ изъ массы рабочихъ особую категорію ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Во всякомъ случаѣ трудъ земледѣльца и ремесленника сталъ послѣ этого считаться еще болѣе унижительнымъ. Въ настоящее время такое отношеніе къ труду является у насъ на западѣ существующимъ фактомъ. Пагубное ученіе о трудѣ какъ наказаніи должно было вредно повліять на рабочихъ и крестьянъ. У всѣхъ только одна цѣль, одна мечта—избѣгнуть труда. Чтобы достигнуть ее, не отступаютъ ни передъ какими жертвами. Тѣ, кто не успѣваетъ въ этомъ сами, хотятъ по крайней мѣрѣ умирая унести съ собой надежду, что дѣти ихъ будутъ въ этомъ отношеніи счастливыѣ.

Ужасающій догматъ презрѣнія къ труду повлекъ за собою однако много другихъ еще болѣе вредныхъ послѣдствій. Легко было бы доказать, что онъ служить истиннымъ источникомъ войнъ, преступленій и всевозможныхъ насилій, до сихъ поръ еще позорящихъ европейскія общества.

Не все человѣчество однако впало, по отношенію къ труду, въ столь пагубное заблужденіе. Нашелся народъ, у котораго, при отсутствіи всякаго откровенія свыше, цивилизація, основанная на однихъ лишь естественныхъ принципахъ, не только могла избѣгнуть кастъ и другихъ разлагающихъ факторовъ, внѣдрившихся въ прочія цивилизаціи, но стала настолько могущественной, что была въ силахъ съ успѣхомъ противостоятъ всѣмъ религіознымъ, военнымъ и торговымъ покушеніямъ со стороны этихъ, чуждыхъ ей цивилизацій. Дѣйствительно,

всѣ такія покушенія оканчивались въ сущности каждый разъ полнѣйшимъ фіаско.

Я разсмотрю прежде вкратцѣ эту сторону китайской цивилизаціи, а затѣмъ укажу значеніе и высокую роль, какую играетъ трудъ у китайцевъ; послѣ чего, наконецъ, перейду къ организаціи труда въ Срединномъ Царствѣ, къ ея средствамъ и способамъ дѣйствія.

Въ Европѣ вообще считаютъ буддизмъ національной китайской религіей и полагаютъ, что эта религія оказывала и оказываетъ до сихъ поръ на китайскія учрежденія и умственный строй вліяніе, подобное тому, какое имѣли прочія вѣроученія на исповѣдовавшіе ихъ народы. Это однако большое заблужденіе. Громадное большинство китайскаго народа, начиная съ богдыхана и кончая простымъ крестьяниномъ, дѣйствительно исповѣдуетъ буддизмъ, но для каждого китайца религія эта является, такъ сказать, дѣломъ личнаго усмотрѣнія, не состоящимъ ни въ какой связи съ національными учреждениями. Эта религія отреченія и воздержанія, которая со своею вѣрой въ личное спасеніе или въ послѣдовательное поглощеніе душъ блаженствомъ небытія, никогда не могла бы создать идею той полной солидарности, которая воплощается уже въ китайской семьѣ, и которой суждено впослѣдствіи выразиться съ еще большей полнотой и опредѣленностью. Точно также, не могли возврати на почвѣ буддизма коллективное землевладѣніе, служащее основой національнаго китайскаго строя, и учрежденіе вотчиннаго поля, на которомъ зиждется вся организація китайской семьи. Я не отрицаю вліянія буддизма на отдѣльныхъ лицъ. При разсмотрѣніи слабыхъ сторонъ китайской цивилизаціи и представляющихся въ ней исклю-

ченій изъ общаго правила, указано будетъ на суевѣріе, порожденное буддизмомъ. Какъ бы ни было, можно съ увѣренностью сказать, что религія эта повліяла даже на отдѣльныя личности гораздо слабѣе, чѣмъ это вообще предполагаютъ.

«Вѣрите ли вы въ спасительную силу вашихъ религіозныхъ обрядовъ»? спрашивалъ я не разъ у китайцевъ, съ которыми случалось короче познакомиться. «Это очень щекотливый вопросъ—отвѣчали они мнѣ,—иной разъ вѣришь, а иной разъ нѣтъ. Случается, что смѣешься надъ тѣми, кто пускается въ паломничество, а потомъ и самъ идешь ко святымъ мѣстамъ. Все зависитъ отъ расположенія духа».

Однажды, вскорѣ послѣ моего прибытія въ Китай, я остановился позавтракать въ деревнѣ, лежавшей въ сторонѣ отъ большой дороги. Тамъ не было гостиницы, а потому, какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ, меня привели прямо въ пагоду. Замѣчу, кстати, что пагода въ большинствѣ случаевъ служить попеременно театромъ, клубомъ, караванъ-сараемъ и лавкой. Къ несчастью, въ ней нѣтъ другой мебели, кромѣ жертвенника и креселъ, въ которыхъ возсѣдаютъ изображенія Будды въ разныхъ воплощеніяхъ. Плиты, которыми вымощенъ былъ дворъ пагоды, показались мнѣ слишкомъ жесткими, и я невольно почувствовалъ вожделѣніе усесться въ кресло одного изъ достопочтенныхъ истукановъ. Чтобы достигнуть цѣли, пущена была въ ходъ маленькая хитрость. «Я бы съ удовольствіемъ пригласилъ ихъ высочества позавтракать съ собой», сказалъ я окружавшей меня толпѣ крестьянъ, указывая пальцемъ на деревянныя воплощенія Будды.—«Развѣ это люди?—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ, отличавшійся довольно простодуш-

ной наружностью;—они ѣсть не могутъ».—«Въ такомъ случаѣ, что же они дѣлають за столомъ»? спросилъ я. Какъ теперь еще помню общій гомерическій хохотъ, которымъ былъ встрѣченъ мой вопросъ. Вѣрующіе мгновенно стащили своихъ боговъ съ кресель и предоставили жертвенный столъ безъ всякихъ околичностей въ мое распоряженіе. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось останавливаться въ пагодѣ, я просто обращался къ кому-либо изъ присутствовавшихъ съ просьбою очистить мнѣ мѣстечко за жертвеннымъ столомъ, и мнѣ всегда оказывали эту услугу. Другой разъ, во время большой засухи, прибылъ я въ маленькій городъ, почти все населеніе котораго вышло въ поле, чтобы участвовать въ религіозной процессіи. Отправляюсь съ визитомъ къ помощнику уѣзднаго начальника и не застаю его дома. Вечеромъ онъ посылаетъ сказать, что будетъ у меня и, дѣйствительно, является, идя медленной походкой усталаго человѣка. Извинившись, что не былъ дома при моемъ посѣщеніи, онъ заявилъ мнѣ, указывая на своихъ спутниковъ.—«Всѣ они глупы, какъ гуси. Что только не влѣзетъ имъ въ голову? Вообразили же себѣ, что вымолятъ дождь, если устроить въ полѣ религіозную процессію, и заставили меня итти съ ними вмѣстѣ. И сами они, и я—всѣ мы знаемъ, что это нелѣпо, а что прикажете дѣлать? приходится отъ времени до времени подчиняться ихъ фантазіямъ». Все это было сказано совершенно добродушнымъ тономъ и возбудило въ слушателяхъ такой же добродушный смѣхъ.—«Кстати,—прибавилъ чиновникъ,—чѣмъ вы здѣсь будете питаться? Они дали обѣтъ не ѣсть мясного, пока не окончится засуха, а потому мясныя лавки теперь закрыты. Несправедливо, чтобы вамъ приходилось страдать отъ этихъ причудъ. Я пришлю вамъ

поэтому быка». И онъ, дѣйствительно, прислалъ намъ быка, нѣсколькихъ барановъ, изрядное количество домашней птицы, муки, яицъ и т. п. съѣстныхъ припасовъ.

Изъ этихъ фактовъ видно, что буддизмъ въ Китаѣ довольно податливъ и что китайцы далеки отъ религіознаго фанатизма. Обстоятельства, при которыхъ какъ увѣряютъ буддизмъ, водворился въ Китаѣ, къ тому же довольно оригинальны.

Буало былъ совершенно правъ, заявляя*, что

„De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis, c'est l'homme *)“.

Дѣйствительно, повсюду и во всѣхъ стадіяхъ развитія, начиная отъ первобытнаго и до цивилизованнаго состоянія, человѣкъ, будь онъ длинноголовый, прямоголовый или короткоголовый, съ прямыми или курчавыми волосами, съ бѣлой, черной, красной или фіолетовой кожей, чувствуетъ отъ времени до времени потребность вѣрить во что-нибудь сверхъестественное. Истинная мудрость политическихъ дѣятелей и заключается, быть можетъ, лишь въ искусствѣ сдерживать эту потребность въ должныхъ предѣлахъ и дѣлать ее такимъ образомъ безвредной. Таково было, по крайней мѣрѣ въ I вѣкѣ христіанской эры, мнѣніе китайскихъ философовъ и государственныхъ сановниковъ. Въ теченіе 400 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Конфуція, разныя суевѣрія, отъ которыхъ ему удалось очистить національную китайскую религію, успѣли, по крайней мѣрѣ отчасти, забраться въ нее снова. Чтобъ устранить угрожавшую отсюда опасность, рѣшено было отыскать для

---

*) Отъ Парижа до Перу, отъ Японіи и до Рима не найдется я думаю животнаго, глупѣе человѣка.

потребностей суевѣрія какой-нибудь иной исходъ. Съ этой цѣлью предпринято было всестороннее изслѣдованіе другихъ религій. Отправленные для этого комиссіи объѣхали весь свѣтъ, извѣстный тогда китайцамъ, изучая повсюду религіозныя вѣрованія. По здравому обсужденію, преимущество было отдано буддизму и его сектамъ въ особенности же сектѣ Фо. Ученіе Фо многими изъ своихъ сторонъ прекрасно мирилось съ древней китайской цивилизаціей. Оно отвергаетъ дѣленіе на касты, проповѣдуетъ равенство всѣхъ людей передъ Богомъ и весьма возвышенныя нравственныя правила, но признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ священство. У китайцевъ до того времени никогда не было жрецовъ, а потому самый принципъ священства казался имъ очень страннымъ. Никто не хотѣлъ итти въ жрецы, такъ что правительство вынуждено было выпустить изъ тюремъ нѣкоторое число преступниковъ, которыхъ и обязали исполнять необходимыя требы въ новооткрытыхъ буддійскихъ капищахъ. Преданіе это какъ бы подтверждается тѣмъ, что бонзы, или буддійскіе жрецы, всегда называютъ себя сами *приговоренными къ смерти* и ходятъ въ колпакѣ и желтомъ халатѣ каторжниковъ. Служба, отправляемая ими въ капищахъ на общенародномъ китайскомъ языкѣ, походить своей внѣшней стороною и облаченіемъ жрецовъ на католическое богослуженіе, но почти не привлекаетъ молящихся. Въ дѣйствительности, буддизмъ остался именно тѣмъ, для чего онъ предназначался философами. Храмы его являются какъ бы пріемниками, куда каждый сваливаетъ духовныя свои нечистоты, какъ только почувствуетъ въ этомъ потребность.

Послѣ буддистовъ, многочисленнѣе всего въ Китаѣ тауисты, которыхъ, какъ говорятъ, считается до ста

милліоновъ. Но тауизмъ въ сущности не религія; у него нѣтъ ни жрецовъ, ни храмовъ. Это лишь толкованіе, философское объясненіе древнихъ священныхъ или, лучше сказать, освященныхъ временемъ книгъ, истинное значеніе которыхъ утратилось или же смѣшалось со множествомъ заблужденій. Первое философское истолкованіе древнихъ ученій предложено было приблизительно за 550 лѣтъ до Р. Х. знаменитымъ Лао-Цзе въ его Тао-те-Кингѣ, т. е. книгѣ вѣчнаго закона, и немедленно приобрѣло себѣ довольно большое число послѣдователей. Впослѣдствіи оно распространилось бы еще болѣе, если бы полвѣка спустя не появилось другое истолкованіе древнихъ книгъ, предложенное Конфуціемъ. Вмѣстѣ съ прекрасными и весьма возвышенными принципами, которые сдѣлали Тао-те-Кингъ классической книгой и поставили ее на ряду съ древними шестью книгами, содержатся въ ней очень темныя и запутанныя мистическія ученія о сокровенныхъ свойствахъ чиселъ, о безсмертіи души и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. Ученія эти не замедлили породить столь же фантастическія вѣрованія, какъ тѣ, противъ которыхъ ратовалъ самъ Лао-Цзе. Нынѣшніе его послѣдователи убѣждены, что человѣческая душа можетъ, въ послѣдовательныхъ своихъ воплощеніяхъ, переходить въ тѣла людей или разныхъ животныхъ, но что, по достиженіи извѣстной степени совершенства, она не будетъ подвержена дальнѣйшимъ преобразованіямъ и останется навѣки соединенной съ однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Говорятъ даже, будто нѣкоторые тауисты воображаютъ, что такое тѣлесное безсмертіе можетъ быть достигнуто уже и въ этой жизни и занимаются отысканіемъ соотвѣтственнаго элексира. Эти мистическія бредни объясняютъ сравнительную малоуспѣшность тауизма. Необходимо впро-

чемъ присовокупить, что они, равно какъ и буддѣйское ученіе, остаются безъ всякаго вліянія на общественную дѣятельность своихъ послѣдователей. Тауисты, какъ и всѣ остальные китайцы, исполняютъ обряды поклоненія предкамъ и принимаютъ наравнѣ со всѣми участіе въ національныхъ празднествахъ; короче сказать, они по стольку же тауисты, по скольку нѣкоторые христіане бываютъ спиритами.

Иудейство, исламъ и христіанство имѣютъ въ Китаѣ своихъ представителей, но пропаганда ихъ въ сущности не увѣнчалась успѣхомъ. Христіанство проповѣдано было впервые въ Китаѣ несторіанами, приблизительно въ VI вѣкѣ. Въ настоящее время католицизмъ считаетъ тамъ отъ 400 до 500 тысячъ послѣдователей. Миссіонеры утверждаютъ, будто цифра эта доходитъ даже до 600 тысячъ, но показанія ихъ преувеличены и опровергаются собственными ихъ объясненіями при обстоятельныхъ вопросахъ.

Такъ, іезуиты утверждаютъ, будто въ двухъ областяхъ, Кіангъ-Су и Нганъ-Хоей, гдѣ они проповѣдуютъ, имѣется до ста тысячъ христіанъ; но точность этой цифры отрицается лазаристами и проповѣдниками общества «*Missions étrangères*». Эти послѣдніе утверждаютъ, будто у нихъ въ Сэ-Чуенѣ число христіанъ доходитъ до 70 тысячъ, въ чемъ іезуиты, въ свою очередь, считаютъ возможнымъ сомнѣваться. Затѣмъ, въ Куэй-Чеу было въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ 25 до 30 тысячъ христіанъ, но теперь ихъ осталось тамъ всего лишь отъ 6 до 8 тысячъ. Въ четырнадцати другихъ областяхъ и въ Манджуріи найдется съ трудомъ по 4, 5 и много 8 тысячъ христіанъ въ каждой. Качество этихъ христіанъ еще сомнительнѣе ихъ количества. «Всѣмъ извѣстно—говорилъ мнѣ Нингъ-Пойскій епископъ Делапласъ — какъ іезуиты фабрикуютъ

здѣсь христіанъ. Они изготовляютъ христіанина въ 2-хъ недѣльный срокъ и затаскиваютъ къ себѣ на исповѣдь, но за то этимъ почтеннымъ патерамъ наврядъ-ли удастся залучить его къ себѣ въ другой разъ. Мы, сударь, дѣйствуемъ совершенно иначе: мы употребляемъ на обращеніе китайца въ христіанство цѣлыхъ два года». Нельзя сказать однакожь, чтобы такое продленіе срока предварительнаго ознакомленія съ христіанскимъ вѣроученіемъ приводило къ особенно блестящимъ результатамъ. По крайней мѣрѣ самъ епископъ, хвалившійся строгостью и продолжительностью искусовъ, которые онъ возлагалъ на оглашенныхъ, рассказывалъ мнѣ однажды съ негодованіемъ о скандалѣ, случившемся между его прихожанами. Старѣйшій, самый богатый и до послѣдняго времени самый образцовый изъ его христіанъ вступилъ во второй бракъ, даже не разведясь съ первой женой. Будучи уже самъ лѣтъ подъ шестьдесятъ и отчаяваясь имѣть сына отъ законной супруги, христіанинъ этотъ оказался настолько китайцемъ, что рѣшился во что бы то ни стало приобрѣсти такового. Угрозы адскими муками и окончательнымъ отлученіемъ отъ церкви не могли поколебать этого рѣшенія. Что могла значить для него церковная кара, когда онъ считалъ самымъ страшнымъ для себя наказаніемъ умереть, не оставивъ потомства, — утратить возможность къ возрожденію здѣсь на землѣ, въ своей семьѣ? Фраза «чтобъ вамъ никогда не возродиться» считается въ Китаѣ самымъ ужаснымъ проклятіемъ. Поставленный въ необходимость выбирать между угрозами епископа — лишиться благъ загробной жизни, ожидающихъ истиннаго христіанина, — и спасеніемъ въ возрожденіи по древне-китайской вѣрѣ, христіанинъ-китаецъ отдалъ предпочтеніе этому послѣднему, которое показалось ему проще и осязательнѣй. Сами

миссіонеры сознаются, что еслибъ оставить китайскихъ христіанъ въ теченіе всего лишь двухъ лѣтъ безъ поученія, то, по прошествіи этого времени, не осталось бы во всемъ Срединномъ Царствѣ ни одного христіанина. Даже и священники изъ туземцевъ, обученіе которыхъ сопряжено съ такими хлопотами, не могутъ быть оставлены безъ надзора. Христіанскіе проповѣдники, появившіеся снова въ Китаѣ въ XIV столѣтіи, не нашли уже и слѣдовъ несторіанской проповѣди. Въ свою очередь, вернувшись въ 1842 году послѣ тридцати-лѣтняго изгнанія, миссіонеры имѣли случай убѣдиться, что католичество въ Китаѣ за это время успѣло почти совершенно исчезнуть. Протестанство, появившееся въ Китаѣ позже католичества, ведетъ тамъ свои дѣла столь же малоуспѣшно. Число протестантовъ, я думаю, не превышаетъ нѣсколькихъ тысячъ.

Исламъ появился въ Срединномъ Царствѣ въ XIII вѣкѣ, при Чингисъ-Ханѣ, при которомъ онъ былъ такъ или иначе принятъ нѣсколькими татарско-монгольскими племенами, вошедшими съ тѣхъ поръ въ составъ китайской имперіи. Впослѣдствіи, мусульманскіе проповѣдники обратили въ исламъ часть населенія пограничныхъ съ Индіей юго-западныхъ странъ. Мусульманство насчитываетъ теперь отъ пятнадцати до восемнадцати милліоновъ послѣдователей. Хотя оно стоитъ на болѣе прочной почвѣ, чѣмъ христіанство, такъ какъ не нуждается въ чужеземцахъ для пополненія рядовъ своего духовенства, но уже не дѣлаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и неудача, постигшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Юн-нанѣ попытку проповѣди съ оружіемъ въ рукахъ.

Что касается до іудейства, проникшаго въ Китай, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, въ VI вѣка до Р. Х.

а по мнѣніи другихъ—въ І вѣкѣ по Р. Х., оно сохранилось лишь въ потомствѣ переселенцевъ, принесшихъ съ собою это вѣроученіе. Теперь іудейство исповѣдуется въ Китаѣ лишь нѣсколькими тысячами окитаившихся евреевъ, большинство которыхъ живетъ въ Кай-Фонгъ-Фу, въ области Чень-Си. Они отличаются отъ остальныхъ китайцевъ лишь тѣмъ, что имѣютъ своихъ особыхъ рѣзниковъ, поставляющихъ имъ каширное мясо. Поглощеніе еврейства китайской цивилизаціей представляетъ собою фактъ, заслуживающій вниманія. Въ другихъ странахъ евреи поставлены, или же ставятъ себя сами, внѣ туземной цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ, они занимаютъ тамъ особое положеніе, издавна и неоднократно возбуждавшее противъ нихъ зависть и ненависть. Въ Китаѣ же нельзя указать на профессію, которой евреи предавались бы предпочтительно предъ другими своими согражданами. Какъ бы ни было, можно считать выясненнымъ, что еврейство, подобно мусульманству и христіанству, не находитъ въ китайской цивилизаціи удобной почвы для своего распространенія. Китайцы упрекаютъ всѣ эти чуждыя имъ вѣроученія въ томъ, что они разрушаютъ семейную связь, облекая постороннихъ властью, которая должна была сохраняться въ самой семьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти религіи приносятъ съ собою готовый нравственный кодексъ, существованіе котораго несовмѣстно съ обязательнымъ для каждаго, по мнѣнію китайцевъ, исканіемъ истины и справедливости путемъ критической, разумной провѣрки собственной своей совѣсти. «Что думаете вы о насъ»? спрашивалъ я иногда у китайскихъ ученыхъ, довѣріе которыхъ мнѣ удалось пріобрѣсти.—«Вы не заботитесь сами о своей душѣ» отвѣчали они мнѣ.

II.

Война и воинское званіе въ Китаѣ далеко не пользуются такимъ обаяніемъ, какъ въ Европѣ, и не имѣютъ для государственнаго и гражданскаго слоя такого существеннаго значенія. Вся регулярная китайская армія состоитъ изъ какой нибудь сотни тысячъ татаръ, но въ нѣкоторыхъ областяхъ имѣется извѣстное число китайскихъ семействъ, ведущихъ свой родъ отъ поселенныхъ тамъ въ давнишнія времена военныхъ колонистовъ. Они, въ случаѣ войны, могутъ выставить ополченіе, численностью приблизительно въ 400.000 человѣкъ. Всѣ эти военныя силы состоятъ въ распоряженіи военнаго министерства. Офицерамъ въ мирное время не предоставляется никакого преимущества надъ чиновниками гражданскаго вѣдомства. Считаю долгомъ присовокупить, что и сами они, повидимому, не имѣютъ преувеличеннаго понятія о высокомъ своемъ званіи. Въ одну изъ первыхъ моихъ поѣздокъ по Срединному Царству, китайское правительство и французское посольство навязали мнѣ нѣчто въ родѣ конвоя изъ четырехъ человѣкъ, подъ командой полковника. Представьте, что я въ жизнь свою не видѣлъ полковника, который менѣе бы тщеславился своимъ чиномъ и своей властью. Мы подымались вверхъ по Янь-Цзе-Кіангу, гдѣ течение мѣстами было настолько сильно, что съ помощью однихъ парусовъ и веселъ его нельзя было преодолѣть. Экипажъ сходилъ тогда на берегъ и, пробираясь по колѣна въ грязи и водѣ, тащилъ судно бичевой. Полковнику, казалось, доставляло истинное удовольствіе пособлять судовщикамъ. Шлепаясь въ водѣ и грязи вмѣстѣ съ ними, онъ тянулъ лямку наравнѣ съ про-

стымъ лодочникомъ. Отъ времени до времени на его долю приходились легкіе удары тросточкой, которые кормчій, для поощренія, распредѣлялъ между судовщиками, и самолюбіе почтеннаго воина отъ этого нисколько не страдало. Что касается до народной массы, то воинское званіе кажется китайцамъ настолько незавиднымъ, подневольнымъ, что даже и самый бѣдный людъ считаетъ для себя послѣднимъ дѣломъ итти въ солдаты.

Очевидно, что китайская армія можетъ имѣть развѣ лишь оборонительное значеніе. Принявъ во вниманіе ея слабую численность и отсутствіе поддержки со стороны общественнаго мнѣнія, нѣтъ ничего удивительнаго, если армія эта оказывалась такъ часто не въ состояніи защитить страну противъ татарскаго, монгольскаго или манджурскаго вторженія и противъ внутреннихъ смутъ, не говоря уже о неспособности ея противустоять западно-европейскимъ войскамъ. Я не могу входить теперь въ подробное разсмотрѣніе этихъ соображеній, такъ какъ это слишкомъ отвлекло бы меня отъ предмета. Я упомянулъ о китайской арміи лишь для того, чтобы поставить вопросъ, какимъ образомъ съ такой ничтожной военной силой, Китай, имѣя пограничную черту въ 3 или 4 тысячи миль длиною, принадлежитъ все-таки китайцамъ и сохранилъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій свои учрежденія, законы и нравы? Правда, что манджуры и монголы неоднократно вторгались въ Китай и овладѣли китайскимъ престоломъ, но удалось-ли имъ присвоить себѣ хотя бы частицу китайской территоріи, выкроить себѣ въ Срединномъ Царствѣ что-нибудь въ родѣ герцогствъ и княжествъ, ввести новые законы, измѣнить систему налоговъ или землевладѣнія? Пытались-ли они хотя бы даже ввести въ Китаѣ свой языкъ? Ничего та-

кого не было сдѣлано съ ихъ стороны. Случилось даже нѣчто совершенно противоположное: сами они обратились въ китайцевъ.

Вступивъ въ Китай и усѣвшись на престолѣ, который не защищалъ отъ нихъ никто, кромѣ вассаловъ царствовавшей династіи, павшей скорѣе вслѣдствіе народнаго равнодушія, чѣмъ подъ ударами завоевателей, манджуры оказались охваченными со всѣхъ сторонъ Китаемъ, который постепенно поглощалъ ихъ и усвоилъ ихъ себѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ перешагнулъ черезъ границу и вытѣснилъ манджуръ изъ Манджурии. Она стала теперь, собственно говоря, китайскою областью, въ которой богдыханамъ съ трудомъ лишь удается сохранить въ школахъ обученіе манджурскому языку, вытѣсненному уже изъ употребленія китайскимъ.

Могутъ возразить на это, что монголы и манджуры были варварами. Однако же германскія племена, вторгавшіяся въ Галлію въ V вѣкѣ и позднѣе, были тоже варвары, а въ цивилизаціи нашей сохранились до сихъ поръ слѣды ихъ варварскаго вліянія. Притомъ, не однѣ лишь азіатскія орды вторгались въ Китай. Подобныя вторженія производились также и великими европейскими державами. Извѣстно, между прочимъ, что Россія неоднократно присоединяла къ своимъ владѣніямъ довольно обширныя пространства сѣверо-западной и сѣверо-восточной китайской территоріи. На сѣверо-востокъ это были въ сущности обширныя пустыни, едва населенныя племенами, которыя имѣютъ столь же мало общаго съ Китаемъ или Манджуріей, какъ и съ Россіей или Сибирью. Россія могла сохранить за собой такія приобрѣтенія. Тамъ же, гдѣ Китай утвердился уже издавна, гдѣ у него заведены свои исправительныя колоніи, Рос-

сія не можетъ сдѣлать никакихъ серьезныхъ завоеваній. Ей пришлось бы встрѣтиться тамъ съ силой, несравненно болѣе могущественной, чѣмъ ея армія и централизація власти. Тамъ оказались бы противъ нея не только люди, но и нравы, совершенно для нея непонятные или несогласующіеся съ ея собственными.

Что касается до французовъ и англичанъ, то недавнія событія въ Тонкинѣ дозволяютъ мнѣ не упоминать о войнѣ 1860 года. Несмотря на превосходство французской арміи и ея вооруженія, извѣстно, какой цѣной заплатили мы за свои успѣхи надъ китайцами. Откуда же шло сопротивленіе, которое они намъ противопоставляли и о которое мы подъ конецъ должны были бы разбиться. Ихъ бюджетныя средства и военное могущество, очевидно, не могли равняться съ нашими, но передъ нами оказалась живая стѣна, болѣе прочная и устойчивая, чѣмъ любая крѣпостная ограда. Стѣна эта была воздвигнута цивилизаціей, которая, будучи основана на принципахъ труда и справедливости, имѣла за собой уже двадцать или тридцать столѣтій существованія.

Бросимъ теперь взглядъ на заграничную китайскую торговлю.

III.

Первый торговый договоръ между Китаемъ и европейской державой заключенъ былъ 350 лѣтъ тому назадъ португальцами. Теперь, въ теченіе по меньшей мѣрѣ 50 лѣтъ, европейскіе народы поддерживаютъ съ Китаемъ непрерывныя сношенія и имѣютъ тамъ, ради торговыхъ цѣлей, дипломатическихъ агентовъ и купцовъ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ имъ открытъ доступъ во внутреннія области Китая, такъ что теперь не най-

дётся быть может никакого уголка въ обширномъ Среднемъ Царствѣ, куда не могли бы проникать европейскіе товары совершенно свободно, свободнѣе даже, чѣмъ во многія европейскія и американскія страны, такъ какъ таможенная пошлина взимается съ цѣнности товара и не превышаетъ 5%—8% таковой; лишь одинъ опиумъ оплачивается 33% цѣнности. Однакоже, несмотря на такія благоприятныя условія и всѣ усилія европейскихъ державъ, торговыя сношенія Европы и Америки съ Китаемъ достигаютъ гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ можно было бы предположить. Въ отчетахъ китайскихъ таможенъ значится довольно крупная цифра ежегоднаго оборота въ 1600 — 1700 милліоновъ франковъ, но сюда включены также и туземные китайскіе товары, перевозимые изъ одного китайскаго порта въ другой на европейскихъ судахъ.

Исключивъ стоимость этихъ транзитныхъ грузовъ, найдемъ, что дѣйствительная цифра торговыхъ оборотовъ между Китаемъ и Европой, въ общей сложности ввоза и вывоза, не превышаетъ 1100 или 1200 милліоновъ франковъ. До этой же цифры они достигали приблизительно и въ 1860 году; такимъ образомъ, заключеніе торговыхъ договоровъ и открытіе нѣсколькихъ новыхъ портовъ не привело ни къ какому практическому результату. Розовыя надежды европейскихъ торговцевъ оказались совершенно тщетными. Съ увеличеніемъ числа открытыхъ портовъ имъ пришлось лишь нести нѣсколько большія издержки безъ всякаго за то вознагражденія. Вывозъ китайскихъ товаровъ представляетъ собой теперь цѣнность въ 600 милліоновъ и такую же цѣнность имѣютъ товары, ввозимые въ Китай. Каковы же спрашивается эти товары? Важнѣйшимъ предметомъ вво-

за служить опиумъ, который, собственно говоря, нельзя даже причислять къ европейскимъ товарамъ, такъ какъ онъ доставляется изъ Индіи. Ввозъ этого яда въ китайскіе порты, открытые для европейской торговли, представляетъ изъ году въ годъ цифру отъ 280 до 300 милліоновъ франковъ. Цифру эту я привожу лишь для памяти, такъ какъ не нахожу для европейцевъ никакого повода ею хвастаться. Затѣмъ идутъ бумажныя ткани, на сумму отъ 200 до 220 милліоновъ франковъ. Остатокъ, цѣнностью въ нѣсколько милліоновъ, состоитъ изъ небольшого количества англійскихъ и русскихъ шерстяныхъ тканей, полосаго и подѣлочнаго желѣза, часовъ швейцарскаго и американскаго производства, немногихъ парижскихъ и вѣнскихъ бездѣлушекъ и разныхъ продуктовъ, потребляемыхъ живущими въ Китаѣ европейцами. Такимъ образомъ, соединенныя усилія европейскихъ дипломатовъ и купцовъ въ продолженіе трехъ столѣтій, всѣ правыя и неправыя войны, которыя ведены были для открытія китайскаго рынка европейской торговлѣ, привели въ концѣ концовъ къ ежегодному ввозу въ Китай полезныхъ европейскихъ товаровъ на сумму всего лишь 275—290 милліоновъ франковъ. Уже вотъ можно сказать поистинѣ, что гора родила мышь. Европа, т. е. совокупность народовъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя цивилизованнѣе другого; и самый отсталый признаетъ себя несравненно выше китайцевъ,— Европа, подъ руками которой могущественнѣйшіе дѣятели въ мірѣ—паръ и электричество — жертвуетъ громадныя субсидіи пароходнымъ обществамъ, поддерживающимъ сношенія съ Китаемъ, и когда это оказывается недостаточнымъ, посылаетъ на подмогу своимъ купцамъ многіе десятки тысячъ солдатъ и цѣлыя тысячи орудій, наглядно

доказывая Китаю свое превосходство, и въ результатѣ всего этого добивается лишь того, что каждый китаецъ покупаетъ у нея среднимъ числомъ на 60 сантимовъ такого товара, о которомъ можно говорить безъ краски стыда на лицѣ! Развѣ это не унижительно?

Говорили, и до сихъ поръ еще нерѣдко утверждаютъ, будто ничтожность достигнутыхъ Европой результатовъ слѣдуетъ приписать бѣдности китайскаго народа и ничтожности его потребностей. Это совершенно несправедливо; напротивъ того, народъ въ Китаѣ богаче, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ, такъ какъ нигдѣ нѣтъ народа такого трудолюбиваго и такъ мало отягощеннаго налогами. Высокій уровень народнаго благосостоянія въ Китаѣ именно и обусловливается прежде всего существующей тамъ системой налоговъ умѣренныхъ, справедливыхъ и равномерно распределенныхъ, въ противоположность подавляющему гнету налоговъ, введенныхъ въ европейскихъ странахъ. Въ Китаѣ нѣтъ заставныхъ пошлинъ, за исключеніемъ умѣренныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ товаровъ, которые перевозятся изъ одной области въ другую. Тамъ нѣтъ также акцизныхъ и патентныхъ сборовъ, гербовыхъ пошлинъ, и т. п. Никто не испрашиваетъ разрѣшенія, чтобы заняться той или другой отраслью промышленности и торговли и не нуждается для этого въ соблюденіи какихъ бы то ни было формальностей. Поэтому то, въ противоположность общепринятому въ Европѣ мнѣнію, въ Китаѣ не только земледѣліе, но также торговля и промышленность достигли грандіознаго развитія. Это не бросается въ глаза поверхностному наблюдателю, потому что въ Среднемъ Царствѣ нѣтъ нашихъ громадныхъ фабрикъ съ высокими трубами, нѣтъ громадныхъ скопищъ ра-

бочаго люда, не раздаются оглушительныхъ свистковъ паровыхъ машинъ и стукотни паровыхъ молотовъ, но эти отрицательные признаки являются въ высшей степени обманчивыми. Каждый китаецъ изучилъ, быть можетъ, отъ пяти до шести ремеслъ и превращается по желанію въ земледѣльца, корзинщика, ткача, башмачника или даже кузнеца. Въ сараяхъ, которые вы оцѣните всего лишь въ нѣсколько франковъ, вамъ отольютъ по заказу громадныя пушки, снаряды къ нимъ и статуи въ 60 футовъ вышиной. Вотъ противъ чего разбиваются усилія вашей торговли, вашихъ миллиардовъ, армій, машинъ и всего остального. Мы, видите ли, слишкомъ обременены налогами и всякими административными стѣсненіями, чтобы могли сколько-нибудь успѣшно конкурировать съ китайцами. Кромѣ того, знаете ли, что они сдѣлали бы въ случаѣ, еслибъ ввозъ европейскихъ товаровъ къ нимъ принялъ сколько нибудь серьезные размѣры? То же самое, что они сдѣлали съ опиумомъ, который прежде не производили, а теперь производятъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ заставили покупать его у англичанъ: они обзавелись бы различными механическими станками, прядильными машинами и паровыми двигателями. Начало этому положено уже въ двухъ или трехъ областяхъ, гдѣ шерстяныя и шелковыя ткани выдѣлываются теперь по европейскимъ образцамъ. Въ первоначальномъ обзаведеніи помогли бы сами европейцы (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), и китайскій рынокъ оказался бы запертымъ для Европы. Дай Богъ еще, чтобы китайцы ограничились вытѣсненіемъ европейскихъ товаровъ съ внутреннихъ своихъ рынковъ, потому что, еслибъ они вошли во вкусъ нашихъ западныхъ способовъ производства, то Европа оказалась бы

на рубежѣ самой ужасной катастрофы. Представьте себѣ только отсутствіе налоговъ, безчисленное множество дешевыхъ рабочихъ, обиліе сырья на мѣстѣ производства и усовершенствованныя паровыя машины! Кто могъ бы конкурировать съ такой совокупностью благоприятныхъ условій? Парь замѣняетъ собой рабочую силу и уменьшаетъ число рабочихъ, необходимыхъ для производства, а потому Китай наводнилъ бы васъ милліонами рабочихъ, которыхъ оказалось бы у него въ избыткѣ. Еслибъ вы вздумали отражать это вторженіе ружейными выстрѣлами—онъ наводнилъ бы ваши рынки своими фабричными издѣліями, которыя оказались бы гораздо дешевле нашихъ. Что противопоставите вы этому? Опасность, о которой я говорю, быть можетъ, вовсе не такъ далека. Я указалъ на нее впервые уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ *), но тогда на это не обратили вниманія. Увѣренъ, что и теперь найдутся лишь немногіе, у которыхъ мое предостереженіе не вызоветъ улыбки. Посмотримъ, что скажутъ невѣрующіе лѣтъ черезъ двадцать?

Можетъ случиться, впрочемъ, что все дѣло ограничится сокращеніемъ ввоза европейскихъ товаровъ, и что въ крайнемъ случаѣ намъ придется современемъ покупать за наличныя деньги потребныя намъ чай и шелкъ. Если китайцы не будутъ побуждены къ тому дѣйствіемъ особенно могущественныхъ причинъ и если не совершится у нихъ переворотъ, при которомъ они безъ сомнѣнія гораздо больше потеряютъ чѣмъ выиграютъ, китайская промышленность наврядъ ли приобрететъ такой харак-

---

*) „Bulletin de la Société de géographie 1869.“ (Карта земледѣльческой промышленности въ Китаѣ.)

теръ, при которомъ ей пришлось бы искать за-границей сбыта для своихъ произведеній. Китайцы признаютъ нынѣшнее свое положеніе настолько удовлетворительнымъ, что наврядъ ли будутъ расположены отвергнуть свои основы цивилизаци и замѣнить ихъ нашими. Между тѣмъ, это было бы необходимо для преобразованія китайскаго производства на европейскій ладъ.

Я часто расхваливалъ китайцамъ чудеса нашей промышленности, наши машины, быстроту передвиженія по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Они удивлялись всему этому, но, когда я спрашивалъ, почему же не хотятъ они завести все это у себя, то получалъ какъ разъ тотъ же отвѣтъ, какъ и миссіонеры, которые, послѣ долгой бесѣды съ китайцами, воображаютъ, что обратили ихъ въ христіанство и предлагаютъ имъ принять крещеніе.

«Все это очень хорошо,—говорятъ они—и даетъ у васъ, быть можетъ, прекраснѣйшіе результаты, но для насъ не годится и было бы очень дурнымъ нововведеніемъ. Мы унаслѣдовали отъ предковъ превосходные, многочисленные каналы, которые обошлись въ свое время очень дорого, но давно уже окупились. Благодаря вѣтрамъ и теченіямъ, перевозка грузовъ по этимъ каналамъ обходится у насъ очень дешево. Грузовое движеніе по нашимъ водянымъ путямъ очень дѣятельное, но товары проходятъ обыкновенно очень небольшое разстояніе, такъ какъ производство необходимыхъ продуктовъ распространено повсюду очень равномерно. Земледѣліе наше стоитъ вездѣ на такой степени развитія, при которой оно обильно снабжаетъ народъ разнообразной пищей: тамъ, гдѣ нѣтъ риса, растетъ пшеница, сорго, кукуруза, просо и т. п.; что касается до менѣе

необходимыхъ продуктовъ, то они тоже производятся вездѣ въ достаточномъ количествѣ и, во всякомъ случаѣ, не нуждаются въ дорого стоящей быстрой перевозкѣ. Короче сказать, у насъ повсюду производство и потребление стоятъ другъ къ другу въ опредѣленныхъ точныхъ отношеніяхъ, которыя нарушаются лишь изрѣдка непредвидѣнными случайностями. Правда, частенько бываютъ наводненія, но развѣ не случаются они также и у васъ? Наводненія эти бываютъ обусловлены расположеніемъ нашихъ рѣкъ, русла которыхъ мѣстами выше уровня лощинъ, черезъ которыя онѣ протекаютъ. Мы старались по возможности пособить горю грандіозною системой плотинъ и каналовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, такъ сказать, съ каждымъ днемъ поднимаемъ уровень низменныхъ нашихъ полей. Теперь наводненія случаются у насъ сравнительно рѣже, чѣмъ прежде. Думаете ли вы, что желѣзныя дороги могли бы предотвращать пагубныя послѣдствія наводненій успѣшнѣе и лучше, чѣмъ это дѣлается у насъ теперь, съ помощью запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, имѣющихся вездѣ, гдѣ можно опасаться такого бѣдствія?

«Что же касается вашей крупной промышленности, то у насъ съ вами на этотъ счетъ мнѣнія совершенно расходятся. Мы не желаемъ, чтобы промышленный трудъ перерабатывалъ большее количество сырья, чѣмъ сколько его у насъ производится. Благодаря этому, народъ нашъ остается земледѣльческимъ, т. е. въ тѣсной связи съ родной землей, отъ которой онъ живетъ и кормится. Производство, которое нуждалось бы въ заграничномъ сырѣ, чтобы переработывать его и опять продавать за-границу, утратило бы въ нашихъ глазахъ національный характеръ: оно отрывало бы гражданъ отъ родной земли; ихъ интересы

были бы уже не на родинѣ, а на чужеземныхъ рынкахъ. Измѣненія условій и разныя потрясенія на иностранныхъ рынкахъ лежащихъ внѣ сферы нашего вліянія, неминуемо стали бы отражаться тогда и на насъ. Намъ пришлось бы тогда, подобно тому какъ вы это дѣлаете теперь, покровительствовать за-границей нашей торговлѣ и нашимъ купцамъ, поддерживать дипломатическія сношенія съ иностранными государствами и, въ случаѣ надобности, посылать за-границу войска. Все это стоило бы очень дорого, а между тѣмъ какія изъ этого получились бы для насъ выгоды? Скажите на милость, сударь, большіе ли барыши наживаете вы отъ вашей торговли съ нами, ради которой вы приносили и приносите столько жертвъ, не говоря уже о войнахъ, которыя изъ-за нея вамъ приходилось съ нами вести. Мы знаемъ, что такой взглядъ на вещи кажется вамъ эгоистичнымъ и неправильнымъ. Утверждаютъ, будто мы отгородились отъ остальнаго міра своей стѣной и, не желая знаться съ другими народами, выдѣляемъ себя изъ общечеловѣческой семьи. Это совершенно невѣрно. Мы признаемъ обязанности свои по отношенію къ человѣчеству въ большей степени, чѣмъ это дѣлается у васъ. Отъ этого то населеніе у насъ многочисленнѣе и гуще, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ. Въ чертѣ нашей китайской стѣны живетъ третья часть всего человѣчества, съ которымъ мы будто-бы не хотимъ знаться. Чего же вамъ еще нужно?

«Есть также и другія соображенія, вслѣдствіе которыхъ введеніе европейской системы производства было бы у насъ нежелательно. Орудія этого производства стоятъ вамъ очень дорого и ваша сравнительно небольшая фабрика представляетъ капиталъ въ 200—300 тысячъ франковъ. У насъ нѣтъ такихъ богачей, которые могли

бы порознь выложить изъ кармана такую сумму. Пришлось бы устраивать фабрики вскладчину, а многолюдныя товарищества у насъ не въ модѣ. Въ нихъ бываетъ всегда много подчиненныхъ и мало начальствующихъ, которые притомъ оказываются на практикѣ не несущими никакой отвѣтственности за свои дѣйствія. Такіе порядки намъ не по нутру ни въ промышленности, ни въ политикѣ. Мы предпочитаемъ вездѣ небольшія группы. Замѣьте тоже, что, помѣстивъ въ какое нибудь промышленное предпріятіе очень большой капиталъ, нельзя уже сообразовать размѣры производства съ дѣйствительной текущей потребностью. Надо, чтобы капиталъ во чтобы то ни стало приносилъ надлежащій процентъ. Приходится выдѣлывать продукты даже при отсутствіи на нихъ заказовъ. Отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ необходимость искать для нихъ сбыта и рынковъ за границей, а затѣмъ заботиться о сохраненіи этихъ рынковъ. Съ другой стороны, крупное производство въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у васъ, слишкомъ специализируетъ рабочихъ: они становятся сами какъ бы машинами и утрачиваютъ способность заниматься чѣмъ либо-другимъ. Когда фабрика останавливается, имъ поневолѣ приходится сидѣть сложа руки и умирать съ голоду. У насъ, напротивъ того, каждый знаетъ нѣсколько ремеселъ. Если ему не везетъ въ одномъ, онъ тотчасъ принимается за другое. Безработицы у насъ поэтому не бываетъ. Къ тому же, правда ли, что ваша система производства дѣйствительно уже настолько совершеннѣе нашей? Такъ ли ужъ дешевы произведенія вашихъ фабрикъ? Не угодно ли вамъ составить сравнительный списокъ цѣнъ на предметы первой необходимости у васъ и у насъ.

«Наконецъ, сударь, мы руководствуемся въ Китаѣ двумя такими принципами, которые, пока мы придерживаемся ихъ, не дозволяютъ намъ перейти къ вашей системѣ крупнаго производства. Принципы эти—уваженіе къ труду и уваженіе къ человѣческой жизни. Никогда китайское правительство не осмѣлится возвысить налоги для покрытія расходовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и разныя другія издержки, необходимость которыхъ не представляется для каждого изъ насъ въ отдѣльности вполнѣ очевидной. Никогда, ни правительство, ни отдѣльная личность не рѣшатся принять на себя страшную отвѣтственность за увѣчья и смертные случаи, причиняемые прямо или косвенно употребленіемъ вашихъ машинъ, начиная съ тѣхъ, которыя сокращаютъ жизнь вашихъ рабочихъ въ рудникахъ, и кончая тѣми, которыя увѣчаютъ и убиваютъ вашихъ машинистовъ и кочегаровъ.

«У насъ нѣтъ парламентовъ и представительныхъ собраній по вашему образцу. Никто у насъ не въ правѣ навязать другому, въ качествѣ полезнаго нововведенія, то, что не признается таковымъ уже всѣми. Во всякомъ случаѣ, никто не можетъ насъ заставить платить за нихъ хотя бы даже лишнимъ грошемъ. Положимъ, что это сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, но мы убѣждены, что означенныя неудобства перевѣшиваются большими преимуществами. Представительное собраніе можетъ быть увлечено и согласится на какую-нибудь невыгодную мѣру, цѣлый же народъ, въ которомъ столько же парламентовъ, сколько и семействъ, не можетъ увлечься подобнымъ образомъ».

Всѣ приведенные здѣсь доводы, почерпнуты мною изъ многочисленныхъ бесѣдъ, которыя мнѣ приходилось

имѣть и по собственной охотѣ, и по обязанностямъ службы, съ китайцами. Доводы эти воспроизведены здѣсь мною лишь въ сжатомъ видѣ.

IV.

Иногда мнѣ доставляло удовольствіе заходить въ моихъ бесѣдахъ съ китайцами за предѣлы результатовъ, достигнутыхъ уже нашей цивилизаціей. Я говорилъ имъ о мечтахъ, которыми она насъ ласкаетъ, указывалъ имъ въ будущемъ человѣчество, освобожденное, благодаря машинамъ, отъ тяжести труда, избавленное наукой отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ, вольное посвятить себя исключительно лишь занятіямъ, болѣе сообразнымъ съ его вкусами, разумомъ и судьбами.

Китайцы слушали меня и улыбались, какъ люди, которые не вѣрятъ или же не понимаютъ хорошенько въ чемъ дѣло. «У насъ, — возражали они, — трудъ справедливъ, пріятенъ и легокъ. Далѣе этого мы и не заходимъ въ своихъ мечтахъ». Однажды, одинъ изъ нихъ присовокупилъ еще слѣдующее соображеніе, которое меня поразило и заставило вдуматься. Какъ различно мы смотримъ на вещи; сударь! Вы хотѣли бы уничтожить трудъ, мы же считаемъ, что это было бы величайшимъ несчастьемъ, еслибъ могло оказаться на самомъ дѣлѣ возможнымъ, и сочли бы святотатствомъ даже и самую мысль объ этомъ».

Впослѣдствіи слова эти нерѣдко приходили мнѣ на умъ въ сопровожденіи многого другого, на что я до тѣхъ поръ не обращалъ должнаго вниманія. Я вспомнилъ между прочимъ и фразу, такъ поразившую меня вскорѣ послѣ прибытія въ Срединное Царство: «не довѣряйте религіямъ». Изъ этого сближенія вытекалъ для меня

съ такой очевидностью фактъ существенной разницы въ предметѣ и чувствѣ религіознаго вѣрованія, что я счелъ долгомъ вникнуть въ дѣло глубже. Я говорилъ себѣ: «вотъ народъ, и притомъ многочисленный народъ, сжигающій то, чему поклоняются другіе, и поклоняющійся тому, что всѣ другіе сжигаютъ. И этотъ народъ живетъ самостоятельной жизнью уже въ теченіе 50—60 вѣковъ». Только съ этого времени я и началъ дѣйствительно понимать Китай и его цивилизацію и, признаюсь, что лишь съ тѣхъ поръ и собственные мои наблюденія приобрѣли сколько-нибудь серьезное значеніе. Передъ тѣмъ, напримѣръ, я не понималъ хорошенько торжества, празднуемаго въ честь земледѣлія, въ день весенняго равноденствія, и смыслъ участія въ этомъ торжествѣ самого богдыхана и высшихъ его сановниковъ. Извѣстно, что въ этотъ день богдыханъ и тѣ, которые заступаютъ его мѣсто въ областяхъ, пахутъ сами землю, держа рукоятки плуга. Проведя нѣсколько бороздъ, они высѣваютъ въ нихъ пять сортовъ хлѣбныхъ зеренъ, произрастающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Китая. Мнѣ рассказывали, правда, что это дѣлалось съ цѣлью почитать земледѣліе, и я долженъ былъ довольствоваться, за неимѣніемъ лучшаго, этимъ объясненіемъ, хотя мнѣ и казалось, въ виду общепризнаваемаго символическаго значенія зеренъ, что упомянутое празднество имѣетъ болѣе возвышенный, сокровенный смыслъ. Когда я сталъ лучше понимать китайскую цивилизацію, это сдѣлалось для меня совершенно очевиднымъ. Разспрашивая китайцевъ и сопоставляя ихъ отвѣты, я былъ наведенъ постепенно на такія изслѣдованія, которыя раскрыли мнѣ основные принципы этой цивилизаціи и философскій ея смыслъ. Принципы эти изложены всѣ въ первыхъ главахъ сочиненія, называе-

маго Чи-Пень-Ти-Кангъ, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Это сокращенная энциклопедія въ десяти томахъ, изданная въ 1747 году, о которой одинъ изъ бывшихъ тогда въ Китаѣ іезуитовъ пишетъ. «Миссіонеры считаютъ Чи-Пень-Ти-Кангъ очень опаснымъ и вреднымъ для евангельской проповѣди, такъ какъ вѣроученіе его ограничивается лишь деизмомъ и естественной религіей, причемъ онъ держится всюду на уровнѣ разума и совѣсти, удовлетворяя ихъ обоимъ настолько, что они не столь легко уже чувствуютъ потребность въ откровеніи свыше». Такой отзывъ со стороны іезуитскаго патера является для китайской энциклопедіи лестной рекомендаціей, заставляющей желать, чтобы энциклопедія эта была переведена на европейскіе языки. вмѣстѣ съ тѣмъ, отзывъ этотъ объясняетъ и причину, по которой до сихъ поръ не было сдѣлано такого перевода. Чи-Пень-Ти-Кангъ не оказался даже въ библіотекѣ улицы Ришелье, гдѣ, однако, прежніе іезуиты, надо отдать имъ въ этомъ справедливость, собрали такъ много замѣчательныхъ книгъ. Въ наше время во Франціи, Англіи, Германіи и Россіи найдется не мало ученыхъ, хорошо знающихъ китайскій языкъ. Недостаточно, однако, знать языкъ, и даже знать его въ совершенствѣ (если только это можно сказать о знаніи китайскаго языка европейскими учеными), чтобъ быть въ состояніи какъ слѣдуетъ передать всякую вещь, написанную на этомъ языкѣ. Для этого необходимъ особый талантъ или, по меньшей мѣрѣ, предрасположеніе, полнѣйшая безпритязательность, а также извѣстная степень простоты ума и сердца. Поэтому то, быть можетъ, Чи-Пень-Ти-Кангъ не переведенъ еще до сихъ поръ ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ. Сколько мнѣ извѣстно, изъ европей-

цевъ о немъ упоминаетъ только патеръ Аміо, отзывъ котораго приведенъ уже выше. Другой іезуитскій патеръ Премаръ, тоже читавшій китайскую энциклопедію, но не сознающійся въ этомъ, усматриваетъ въ ней совсѣмъ не то, что тамъ написано. Не обладая такой независимостью мысли, какъ его сотоварищъ, онъ читалъ энциклопедію, какъ долженъ былъ это сдѣлать католикъ, желающій сообразовать религіозныя свои убѣжденія съ весьма авторитетными текстами. Онъ почерпнулъ, такимъ образомъ, изъ Чи-Пень-Ти-Канга и Тао-те-Кинга матеріалъ записки, составленной имъ на латинскомъ языкѣ. Эта записка, посланная во Францію въ серединѣ XVII столѣтія, озаглавлена: «Слѣды главнѣйшихъ догматовъ христіанской вѣры, сохранившіеся въ древне-китайскихъ книгахъ» *). Достаточно однако пробѣжать эту записку, чтобы увидѣть, какихъ трудовъ и натяжекъ стоило ея составленіе. Такъ, напримѣръ, авторъ считаетъ букву, обозначающую у китайцевъ единого всеобщаго человѣка или все человѣчество въ совокупности, символомъ личности Христа Спасителя. Ему приходится постоянно оспаривать Конфуція и его послѣдователей, ученіе которыхъ именно излагается въ Чи-Пень-Ти-Кангѣ. Мистицизмъ Лао-Тзе очевидно болѣе нравится іезуитскому патеру. Несмотря на это, онъ позволялъ себѣ иногда увлекаться очевидностью естественнаго значенія словъ и этимъ навлекалъ на себя тогда порицаніе издателей.

Мнѣ лично не доводилось прочесть Чи-Пень-Ти-Кангъ, такъ какъ я, къ несчастью, не настолько знакомъ съ китайскимъ языкомъ, но я неоднократно заставлялъ разныхъ лицъ

---

*) Записка эта была переведена, снабжена комментаріями и обнародована въ 1878 году гг. Боннетти и Перни въ Парижѣ.

прочитывать, объяснять и комментировать мнѣ интересовавшія меня книги и энциклопедіи. Это, можетъ быть, было и наилучшимъ способомъ понять ихъ какъ слѣдуетъ. Къ тому же, китайская цивилизація не такова, какъ мертвая египетская и ассирійская цивилизаціи, для уясненія которыхъ приходится поневолѣ ограничиться лишь толкованіемъ памятниковъ и надписей. Чтобъ познакомиться съ китайской цивилизаціей, достаточно не закрывать себѣ умышленно глаза и уши. Можно сказать даже, что ее гораздо легче изучить, чѣмъ всякую другую современную цивилизацію. Ни въ одной не встрѣчается большаго единства плана и меньшаго количества противорѣчій въ частностяхъ. Все въ ней стремится къ одной цѣли, все приведено въ согласованіе съ этой цѣлью. Китайскіе законы, нравы, философія, земледѣліе, искусство, промышленность, все это направлено къ уясненію абсолютнаго единства человѣческаго рода и семьи, какъ группы, въ которой принципъ этого единства проявляется самымъ непосредственнымъ образомъ.

Я лично познакомился съ китайской цивилизаціей черезъ посредство китайскаго земледѣлія. Читатель вскорѣ увидить, что счастливый случай натолкнулъ меня на самый удобный путь для достиженія желанной мною цѣли.

Безъ сомнѣнія, отъ меня не должны ждать здѣсь полнаго или хотя бы сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія принциповъ китайской энциклопедіи. Это могъ бы сдѣлать только ученый специалистъ. Я приведу лишь въ возможно краткихъ словахъ то, что почерпнулъ изъ нея самъ, а именно: понятное объясненіе фактовъ, совершавшихся ежедневно передъ моими глазами. Читатель будетъ имѣть возможность свѣрить самъ эти объясне-

нія съ фактами и останется, надѣюсь, доволенъ результатами, къ которымъ придетъ.

Замѣчу еще, что система философскихъ ученій, изложенная въ Чи-Пенъ-Ти-Кингъ имѣетъ одну особенность, являющуюся, быть можетъ, характеристично-китайской. У нея, во всей ея совокупности, не было опредѣленнаго автора, творца или основателя. Она не упала, какъ снѣгъ на голову, сразу, совершенно готовой. Утверждаютъ, будто вся эта система содержится полностью въ Кингахъ *). Дѣло въ томъ, что эти книги написаны знаками или, лучше сказать, іероглифами, смыслъ которыхъ былъ такъ теменъ, что множество философовъ и государственныхъ сановниковъ ломали себѣ надъ ними голову, предлагая различныя толкованія, которыя принимались или же отвергались общественнымъ мнѣніемъ. Подъ покровомъ этихъ книгъ, освященныхъ уваженіемъ къ древнимъ традиціямъ, высказаны были многими толкователями идеи, возникшія, безъ сомнѣнія, въ ихъ собственныхъ умахъ. Какъ бы ни было, всѣмъ этимъ толкованіямъ недоставало единства. Къ истинамъ было примѣшано въ нихъ много заблужденій. Конфуцій рѣшился исключить изъ этой нестройной груды толкованій все бесполезное и опасное. Взамѣнъ ложныхъ толкованій, онъ предложилъ свои собственные и, такимъ образомъ, построилъ гармоническую, простую и удобопри-

---

*) Всѣхъ Кинговъ считается шесть. Первый и самый древній И-Кингъ, или книга преобразованій (несомнѣнно очень замѣтательное заглавіе); вторая—Шу-Кингъ, или историческая книга, напоминаетъ нѣкоторыя книги библіи; третья Ши-Кингъ, или книга стиховъ; четвертая—Ли-Кингъ, книга обрядовъ; пятая Ио-Кингъ, книга о музыкѣ или гармоніи и, наконецъ, шестая Чунъ-Тцѣю, книга весны и осени. Двѣ изъ этихъ книгъ, четвертая и пятая, утрачены.

мѣнимую систему, которой придерживаются уже болѣе 2200 лѣтъ не только китайцы, но и многіе другіе народы крайняго азіатскаго востока. Европейцы, незнакомые съ этой системой, называютъ ее вѣроученіемъ Конфуція.

Китайцы полагаютъ, что, говоря о вселенной, не слѣдуетъ забывать, что она обнимаетъ собой видимое и невидимое, явное и скрытое. По меньшей мѣрѣ столь же важно помнить, что даже и въ мысляхъ не слѣдуетъ отдѣлять явное отъ скрытаго, видимое отъ невидимаго. Нельзя, на примѣръ, отдѣлять вещество отъ силы или же идею какой-либо вещи отъ свойственной ей формы. Форма эта можетъ и не быть явной, но все-таки существуетъ. Такъ, существуютъ духовныя тѣла *). Вещество, дѣлающее ихъ для насъ видимыми, наполняетъ лишь эти тѣла какъ вода, принимающая форму сосуда, въ который она влита **). Въ этомъ смыслѣ тѣло и духъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Точно также нельзя отдѣлять міръ отъ міроваго разума ***). Непризнаніе этой истины было бы величайшимъ заблужденіемъ.

Съ этой точки зрѣнія, вселенная, со всѣми своими мірами, образуетъ одно цѣлое, части котораго являются какъ бы частицами одной и той же сферы. Всѣ онѣ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Однако, вся вселенная, въ своей совокупности, имѣетъ другіе законы и отношенія, чѣмъ тѣ, которые воплощены въ ея частяхъ. Поэтому, каждая изъ частей подчиняется, отношенію или закону, являющемуся для нея до извѣстной степени вѣшнимъ.

---

* Лао-Тзе.

***) Ли-Тсе, за 390 лѣтъ до Р. Х.

***) Ю-Чинъ, 1600 лѣтъ по Р. Х.

Такъ какъ мы не можемъ составить себѣ идею о формѣ, протяженіи и движеніи вселенной, мы говоримъ, что она безконечна. Въ ней содержатся всѣ законы, но сама она управляется собственнымъ своимъ закономъ или разумомъ, безконечнымъ, какъ она сама.

Спрашивается теперь, сознательный-ли этотъ разумъ? Небо и земля велики, они имѣютъ однако цвѣтъ форму, число и количество. У человѣка есть нѣчто, не имѣющее ни цвѣта, ни формы, ни числа, ни количества, и это нѣчто—сознательное. Поэтому, еслибъ во вселенной было только одно сознательное существо—человѣкъ, все-таки же она была бы одухотворена человѣческимъ сознаниемъ. Но сознание это, будучи ограниченнымъ, не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть безконечнымъ сознаниемъ вселенной. Отсюда явствуется, что у вселенной свое особое безконечное сознание *).

Китайцы не называютъ никакимъ именемъ этотъ сознательный и безконечный разумъ или законъ; они обозначаютъ его лишь метафорами. Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ Небо они называютъ *Тіенъ Ханъ-ти*. На философскомъ языкѣ Разумъ вселенной именуется просто *Безконечное* (*Таи-ки*) или же Могущество, Невидимая энергія, существующая сама по себѣ, безъ образа, числа и мѣры.

Одна эта энергія, сама по себѣ, непостижима и не можетъ быть мыслима безъ земли или вещества, въ которомъ она проявляется. Отсюда вытекаетъ другая сила, пассивная энергія, называемая также Землей.

Первая изъ этихъ энергій, т. е. Разумъ вселенной, должна для проявленія своего перейти изъ скрытаго по-

---

*) Куангъ-юнъ-це. 604 года до Р. Х.

тенціального своего состоянія въ дѣйствующее. Въ этомъ дѣйствующемъ своемъ состояніи она является третьимъ видомъ міровой энергіи, а именно, дѣйствующей разумной энергіей; это и есть человѣкъ, но не тотъ видимый, неполный и несовершенный, котораго мы знаемъ, а это человѣкъ, совмѣщающій въ себѣ всѣхъ людей, къ какому бы полу они ни принадлежали и въ какое бы время ни жили. Это духовное тѣло всего человѣчества—единый человѣкъ, Человѣкъ-людь (И-генъ), котораго китайцы называютъ также отцомъ-матерью (*Фу-му*), человѣкъ сокровенный, невидимый, небесный, совершенный, такъ какъ онъ чистъ отъ всякаго порока, неизбѣжно связаннаго съ каждой вещественной формой, однимъ словомъ—*святой*. Въ обыкновенномъ разговорѣ его обозначаютъ словомъ *Тіенъ-Гоанъ*.

Три міровыхъ силы, будучи неразлучными, образуютъ одно цѣлое, которое называютъ Тай-И, т. е. великое-одно. Онѣ обладаютъ предвѣчнымъ существованіемъ.

Святой служитъ посредникомъ между землею и небомъ, которыя соединяются въ немъ воедино. Онъ—животворящее Слово; чрезъ его посредство проявляется и дѣйствуетъ Небо или Тай-Ки *). Въ природѣ *святого* двигать, преобразовать и совершенствовать. Ничего другого сотворено не было. Каждый человѣкъ существуетъ лишь въ немъ или черезъ него, по его образу и подобию, съ такимъ же духовнымъ тѣломъ, какъ его собственное. Въ немъ содержатся всѣ люди и всѣ твари, нераздѣльно соединяемые имъ съ небомъ и землей.

Закономъ для каждого земного человѣка является подражаніе *святому*. Достигаютъ этого подраженія, сообра-

---

*) Человѣкъ, по словамъ Гете, есть первая бесѣда природы съ Богомъ.

зуюсь съ міровымъ единствомъ, никогда не нарушая его ни однимъ поступкомъ, приближаясь къ нему болѣе и болѣе, несмотря на состояніе слабости и несовершенства, обусловленныхъ для насъ соединеніемъ нашего разума съ вещественнымъ тѣломъ. Подражаютъ *святому*, постоянно преобразуя и совершенствуя себя самого и все окружающее, непрерывно стремясь къ объединенію вещества и духа, т. е. непрерывно работая. Здѣсь лежитъ весь законъ, и каждый носитъ этотъ законъ въ себѣ; тотъ, кто его понимаетъ и соблюдаетъ, будетъ награжденъ сообразно съ своими усиліями, и дѣйствительно получаетъ награду. Нельзя вообразить себѣ преступленія и бѣдствія большихъ, чѣмъ нарушеніе этого закона. Трудъ, составляющій непрерывное условіе природы и сущности человѣка, остается для него все-таки необходимостью, воспоминаніе о цѣляхъ его утрачивается, а потому онъ дѣлается для человѣка мученіемъ.

Міровое единство, понимаемое такимъ образомъ, т. е. полнѣйшая солидарность всѣхъ людей другъ съ другомъ и солидарность человѣка со всѣми прочими тварями является безспорнымъ фактомъ. Смерть, въ томъ видѣ, какъ разсматриваютъ ее въ другихъ религіяхъ, т. е. въ окончательномъ отдѣленіи души отъ тѣла и въ раздѣленіи людей на предопредѣленныхъ къ вѣчному блаженству и осужденныхъ на вѣчныя муки, равно какъ идея о мірѣ, лежащемъ внѣ этой вселенной и содержащемъ въ себѣ рай и адъ, кажутся китайцамъ совершенной нелѣпостью.

По ихъ мнѣнію нѣтъ другихъ міровъ, кромѣ тѣхъ, которые заключаются во вселенной. Точно также и для земного человѣчества нѣтъ другой жизни, кромѣ какъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока земля эта будетъ суще-

ствовать. Въ непрерывномъ ряду земныхъ своихъ воплощеній человѣкъ найдетъ себѣ награду или наказаніе, смотря по тому, какъ поступаетъ онъ со своей душой въ этой жизни. Если человѣкъ старается развивать и совершенствовать свою душу, онъ возродится съ болѣе совершенными способностями и даже съ болѣе совершенными тѣлесными и физическими свойствами, которыя обезпечать ему счастье или же облегчать возможность достиженія такового. Напротивъ того, если человѣкъ не заботится о своей душѣ, то въ слѣдующемъ воплощеніи онъ не сознаетъ того, что могло бы сдѣлать его счастливымъ, и все въ мірѣ окажется противъ него. Эти преобразования или воплощенія будутъ для каждаго изъ насъ непрерывно повторяться до тѣхъ поръ, пока обитаемая нами частица вселенной не преобразуется въ свою очередь. Тогда земной шаръ распадется на составныя свои части; которыя вернутся къ хаотическому состоянію и пребудутъ въ немъ, пока не войдутъ въ составъ новыхъ міровъ. Душа человѣчества, разставшись со своимъ тѣломъ, перейдетъ въ другой міръ, гдѣ опять, соединившись съ веществомъ, будетъ жить по тѣмъ же законамъ, но въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, соображаясь какъ съ достигнутой уже ею степенью единства, такъ и съ тѣми измѣненіями, которымъ вещество окажется подчиненнымъ въ этихъ новыхъ мірахъ. Вообще же, между людьми будетъ тамъ больше согласія, органы и чувства будутъ совершеннѣе, жизнь—легче, счастливѣе и могущественнѣе въ своихъ проявленіяхъ.

Вотъ краткій очеркъ философской и нравственной системы, извѣстной въ Европѣ подъ именемъ Конфуціева ученія. Предоставляю самому читателю судить, заслужи-

ваетъ ли она похвальнаго отзыва, сдѣланнаго о ней патеромъ Амю, и дѣйствительно ли она держится всегда въ предѣлахъ, дозволяемыхъ разумомъ. Прибавлю только, что въ Китаѣ система эта вошла до такой степени въ плоть и кровь всего общественнаго и государственнаго строя, что принципы ея сдѣлались, въ сущности, законами и правами, которыми существуетъ и живетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ народъ, достигающій теперь уже численности болѣе чѣмъ въ 500 милліоновъ душъ.

Никакая другая языческая религія не можетъ указать ничего подобнаго. Да и можно ли было бы достигнуть другимъ путемъ такихъ результатовъ? Какое вѣроученіе въ состояніи было бы дать отвѣты столь ясные, отчетливые и вмѣстѣ съ тѣмъ столь сообразные съ самыми дорогими надеждами человѣка, на вопросы, которые имѣютъ для него такое громадное значеніе? Нѣтъ, неправда, что «на этой землѣ поколѣнія смѣняются другъ друга случайно, не оставляя послѣ себя слѣда, каждое само по себѣ нарождаясь, страдая и умирая безъ всякой связи другъ съ другомъ, что ни одинъ голосъ отъ угасшихъ поколѣній не доходитъ до нынѣ живущихъ и что голосъ нынѣ живущихъ долженъ будетъ вскорѣ кануть въ то же вѣчное молчаніе» *)! Послѣдовательныя поколѣнія солидарны другъ съ другомъ въ пространствѣ и времени, безусловно и вѣчно. Они составляютъ одно безсмертное цѣлое, такъ какъ если бы были смертны, то не могли бы соединяться въ общей солидарности. Смерть есть только преобразование.

«Не мечтайте о жизни внѣ жизни,—говорятъ китайцы,

---

*) Бенжаменъ Констанъ „О религіи“.

такъ какъ жизнь вездѣсуща. Не мечтайте о Небѣ внѣ вселенной, такъ какъ вселенная безпредѣльна и вездѣсуща.

«Земля помѣщается въ небѣ, а рай на землѣ. Устроить его себѣ зависитъ отъ самого человѣка. Заботьтесь о своей душѣ, почитайте предковъ, уважайте преданіе, да будетъ для васъ прошедшее и будущее какъ бы настоящее, отождествляйте то и другое въ единствѣ человѣческаго рода. Не забывайте о своей солидарности съ землей и вселенной, не погрѣшайте никакимъ поступкомъ противъ этой солидарности, стремитесь, напротивъ того, ее упрочить. Трудиться значить преобразовывать и создавать; преобразовывайте все окружающее, создавайте почву, животное и растеніе, создавайте себя самихъ».

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ заключается весь китайскій катехизисъ или религіозный кодексъ. Онъ, какъ уже упомянуто, до такой степени вошелъ въ плоть и кровь населенія, что устранилъ необходимость также и въ болѣе подробномъ гражданскомъ кодексѣ. Существуетъ однако же празднество, въ которомъ все китайское міросозерцаніе выражается въ еще болѣе сжатой формѣ. Это празднество земледѣлія. Въ день весенняго равноденствія, богдыхана ведутъ въ храмъ Земли. Тамъ, передъ алтаремъ, окруженный верховными своими совѣтниками и народомъ, онъ подноситъ Небу пять сортовъ хлѣбныхъ зеренъ, которыя воздѣлываются въ различныхъ мѣстностяхъ китайской имперіи, и призываетъ на эти зерна благословеніе свыше. Изъ храма онъ идетъ въ поле, находящееся во внѣшней оградѣ храма. Тамъ ожидаетъ богдыхана серебряный плугъ, которымъ онъ вспахиваетъ землю и проводитъ въ ней пять бороздъ. Ему подають тогда пять сортовъ освященныхъ зеренъ, которыя онъ

и высѣваетъ въ этихъ бороздахъ, чѣмъ и завершается священная церемонія. Торжественный посѣвъ зеренъ свидѣлствуетъ о солидарности между человѣкомъ, Землею и Небомъ. Зерно, само по себѣ, является въ этой церемоніи символомъ возрожденія, т. е. единства во времени. Пять сортовъ зеренъ, произрастающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ китайскаго государства—символь единства въ пространствѣ; что касается до плуга, то это символъ труда, безъ котораго не было бы ни возрожденія, ни единства. Тутъ мы имѣемъ передъ собою синтезъ основначаль китайской цивилизаціи. Празднество земледѣлія считается самымъ торжественнымъ и важнымъ изъ всѣхъ. Кромѣ него имѣется еще три другихъ общенародныхъ официальныхъ празднества, одно изъ которыхъ должно также напоминать собой о солидарности человѣческаго рода. Это—поминовеніе усопшихъ, совершающееся нѣсколько позднѣе празднества въ честь земледѣлія. Оно не только соблюдается частными лицами, но въ празднованіи его официально участвуютъ и государственные сановники. И тѣ, и другіе не ограничиваются въ этотъ день посѣщеніемъ семейныхъ своихъ гробницъ, а идутъ на общее кладбище и совершаютъ надъ могилами усопшихъ, не взятыхъ еще оттуда своими семьями (а также надъ могилами казненныхъ преступниковъ) погребальныя церемоніи, предписываемыя обычаемъ.

Два другія празднества во дни лѣтняго и зимняго солнцестоянія учреждены, чтобы испрашивать у Неба обиліе плодовъ земныхъ и приносить ему благодарность за таковыя.

Въ прежнее время церемоніаль этихъ празднествъ совершался въ полѣ, теперь же онъ совершается въ хра-

махъ, а именно: въ храмъ Неба, храмъ Земли, храмъ Свѣта и храмъ Грома. По поводу этого послѣдняго не безынтересно замѣтить, что буква, которой въ И-Кингѣ выражается громъ, означаетъ въ то же время двигать, измѣнять, начинать что-либо. Нечего и говорить, что при этихъ храмахъ не состоитъ никакихъ жрецовъ. Императоръ, являясь туда для совершенія обрядовъ установленнаго церемоніала, дѣйствуетъ не въ качествѣ священнослужителя, но какъ представитель китайскаго человечества. Объ этомъ свидѣлствуетъ, впрочемъ, также обычный титулъ богдыхана—отецъ-мать народа *Фу-му*. Читатель, вѣроятно, не забылъ, что такимъ образомъ называется въ Китаѣ міровой Человѣкъ или Человѣкъ-людь.

Можно было бы сообщить еще много интересныхъ подробностей, напримѣръ, по поводу символическаго значенія разноцвѣтныхъ полосъ, окаймляющихъ въ извѣстныхъ случаяхъ облаченіе богдыхана, о бѣломъ цвѣтѣ, какъ знакѣ траура по драконѣ *Лонгъ*, представляющемъ духовное человечество, и т. д., и т. д. Все это, хотя и не выходитъ въ сущности изъ рамокъ программы, увлекло бы меня слишкомъ далеко. Лучше будетъ вторично отмѣтить факты, въ которыхъ еще въ большей степени, чѣмъ въ системѣ налоговъ, системѣ землевладѣнія и другихъ народныхъ китайскихъ учрежденій, выказывается, до какой степени умы и привычки китайцевъ прониклись духомъ философіи Конфуція. Мы упоминали уже обычай при погребальной церемоніи—назначать младшаго изъ дѣтей въ семьѣ представителемъ покойнаго. Въ ребенкѣ видятъ при этомъ воплощеніе души усопшаго, чѣмъ восстанавливается опять временно прерванное единеніе между всѣми членами семьи. Обычай этотъ попол-

няется другимъ, о которомъ также было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, а именно: раннимъ обрученіемъ, совершающимся иногда при самомъ рожденіи дѣтей. Обрученіе это не только имѣетъ цѣлью подготовить будущихъ супруговъ къ болѣе полному сближенію въ области мысли и чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ также стремленіе сдѣлать дѣтей по возможности болѣе полными участниками единства, символически выражающагося и въ міровомъ человѣкѣ сліяніемъ обоихъ половъ.

Принципъ единства и солидарности человѣческаго рода, такъ глубоко запечатлѣвшійся въ сердцахъ китайцевъ, начертанъ у нихъ повсюду также и на стѣнахъ. Куда бы вы ни вошли: въ публичное ли зданіе, въ домъ ли пріятеля, повсюду встрѣтите вы въ числѣ другихъ надписей на лакированныхъ дощечкахъ, украшающихъ стѣны, также и фразы въ такомъ родѣ: «Никто да не назоветъ себя счастливымъ, пока есть на свѣтѣ хоть одинъ несчастливецъ». «Кто живетъ не трудясь, тотъ заставляетъ ближняго своего умирать съ голоду».

Тѣмъ не менѣе, философія эта выразилась глубже всего, проявила духъ свой самымъ характеристическимъ образомъ, принесла достойнѣйшіе и наилучшіе плоды во внушенномъ ею всему китайскому народу прилежаніи и возрѣнніи на трудъ. Тамъ именно, въ общемъ направленіи, данномъ ею всему, относящемуся до труда, тамъ и заключается полнѣйшее и величайшее торжество ея принциповъ.

V.

Не признавая для себя другого міра внѣ этой земли, не ставя себѣ идеаловъ счастья внѣ тѣхъ, которые осу-

шествыми на землѣ, имѣя глубокую увѣренность, что единственнымъ средствомъ къ достиженію этихъ идеаловъ является трудъ, понятно, что китайцы должны были отнестись къ нему съ особымъ уваженіемъ и обставить его возможно благопріятными условіями. Человѣкъ по своей природѣ—творецъ и рабочій, но не слѣдуетъ противо-дѣйствовать этимъ прирожденнымъ его свойствамъ, устраи-вая такъ, чтобъ осуществленіе ихъ было сопряжено для него съ униженіемъ или же невыгодой. Какъ справедливо замѣтилъ Каннингъ, вѣрнѣйшимъ средствомъ для облагороженія труда является указаніе отношеній его къ естественнымъ законамъ природы. Необходимо, однако, чтобы при этомъ человѣческіе, т. е. гражданскіе и политическіе законы, не противорѣчили естественнымъ законамъ. Китайцы сумѣли избѣгнуть такого противорѣчія. Объ этомъ свидѣлствуетъ умѣренность существующихъ у нихъ налоговъ, система поземельной собственности, предоставляющая рабочему всѣ права на избытокъ цѣнности, вложенный имъ въ землю, и, наконецъ, право государства отбирать отъ владѣльцевъ земли, остающіяся необработанными. Отсюда вытекаетъ также полная свобода труда и личности рабочаго, уваженіе къ труду и рабочему, отсутствіе кастъ, богачей, не трудящихся, рабовъ и крѣпостныхъ людей. Всѣхъ китайцевъ можно разсматривать какъ рабочихъ и притомъ занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ непрерывнаго усовершенствованія, подъема земли и всѣхъ матерьяльныхъ вещей ко благу или, выражаясь китайской фразой, «непрерывнаго болѣе и болѣе полного объединенія Земли и Неба *). Китайцы

---

*) И-Кингъ. Объединеніе это символически выражается двумя треугольниками—бѣлымъ и чернымъ,—которые проникаютъ другъ въ друга однимъ изъ своихъ угловъ.

не имѣютъ даже и представленія объ унинительномъ трудѣ. Профессіи, которыя называются у насъ либеральными, и чернорабочій трудъ уважаются тамъ одинаковымъ образомъ *). Каменщикъ, земледѣлецъ, плотникъ и т. п. пользуются въ Китаѣ не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ врачъ или художникъ, и получаютъ почти такую же плату за трудъ. Врачу платятъ за визитъ 25 сантимовъ, иногда же и менѣе, а самое большее 50 сантимовъ; рисовальщикъ или живописецъ получаетъ поденно отъ 50 до 60 сантимовъ; мастеръ, художественно выполняющій свое дѣло—50 сантимовъ, причемъ они должны содержать себя на свой счетъ. Въ деревняхъ имъ даютъ всего лишь отъ 25 до 30 сантимовъ, но за то на полномъ хозяйскомъ содержаніи. Простому земледѣльческому рабочему обыкновенно платятъ всего лишь отъ 15 до 20 сантимовъ въ день на хозяйскомъ содержаніи. При расчѣтѣ риса они получаютъ въ день копѣйкой больше, а при молотбѣ, обычная поденная плата увеличивается восьмью сантимами. Такимъ образомъ равенство профессій существуетъ въ Китаѣ не на однихъ лишь словахъ. Это, безъ сомнѣнія, не особенно выгодно для тѣхъ, кто желалъ бы сдѣлать себѣ изъ свободной профессіи предлогъ или средство къ освобожденію отъ труда. Для такихъ лѣнниковъ, китайскіе порядки были бы разумѣется очень не по душѣ, но дѣйствительный талантъ уживается и съ этими порядками. Во всякомъ случаѣ, помимо эстетической стороны дѣла, не имѣющей прямого отношенія къ денежному вознагражденію, можно признать, что упомянутые порядки, съ точки зрѣнія общественнаго ин-

---

*) За тремя исключеніями, которыя, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, не касаются въ дѣйствительности характера профессіи.

тереса, приносят также и кое-какую пользу. Такъ, на-
примѣръ, актеры въ Китаѣ получаютъ не больше воз-
награжденія чѣмъ другіе рабочіе, а потому театръ является
тамъ удовольствіемъ вполнѣ общедоступнымъ. За какіе-
нибудь полтараста франковъ труппа изъ тридцати акте-
ровъ, обладающая въ большинствѣ случаевъ превосход-
ными костюмами, играетъ цѣлыхъ двое сутокъ какіе
угодно драмы, водевили и комедіи. Правда, что деко-
рацій и сценической постановки на китайскихъ театрахъ
почти нѣтъ. Воображенію зрителей приходится работать
больше, чѣмъ на европейскихъ театрахъ, но за то мѣста
стоятъ всего лишь отъ 2 до 3 сантимовъ, а въ первомъ
ряду не болѣе 15—20 сантимовъ. Въ виду многочислен-
ности и густоты сельскаго населенія, кочевыя театраль-
ныя труппы заходятъ и въ самыя отдаленныя деревушки,
такъ что и самому бѣдному люду предоставляется нѣ-
сколько разъ въ мѣсяцъ возможность переживать замѣ-
чательныя событія національной китайской исторіи или
доставлять себѣ развлеченіе менѣе серьезными, подчасъ
даже довольно грубыми и не вполнѣ скромными шут-
ками китайскихъ комедій и водевилей.

Я только что сказалъ, что всѣ профессіи въ Китаѣ
пользуются одинаковымъ уваженіемъ. На самомъ дѣлѣ,
впрочемъ, одна изъ этихъ профессій—ученая и учитель-
ская—играетъ преобладающую роль. Впослѣдствіи, го-
воря о правительствѣ и значеніи его въ общемъ строѣ
народной жизни, я упомяну о привилегіяхъ и почестяхъ,
которыми пользуется ученая профессія. Теперь я укажу
лишь, какъ относятся къ ней народныя массы. Нигдѣ
науки и литература не стоятъ такъ высоко въ обще-
ственномъ уваженіи, какъ въ Китаѣ, гдѣ наравнѣ съ
ними почитается единственно лишь старость. Когда

меня иногда окружала толпа, враждебно относившаяся къ иностранцу, я тотчасъ же отыскивалъ въ ней какого-нибудь старика, приглашалъ его къ себѣ въ гости, выходилъ къ нему навстрѣчу и усаживалъ его на почетномъ мѣстѣ. Брань и насмѣшки мгновенно прекращались, а взамѣнъ того водворялось самое глубокое молчаніе. Мнѣ сразу удавалось отыскать между мною и окружающею толпою первую общую связь, отсутствіе которой въ большинствѣ случаевъ и обуславливаетъ для иностранца всѣ испытываемыя имъ непріятности. Этою общей связью служило уваженіе къ старости. Оно дѣлало меня для китайцевъ уже не чужеземцемъ, а гостемъ. Такое же практическое значеніе имѣла и дань уваженія къ ученымъ. По прибытіи въ городъ, я всегда справлялся о тѣхъ изъ нихъ, которые считались тамъ наиболѣе выдающимися, дѣлалъ имъ визиты и вслѣдствіе этого, взамѣнъ равнодушія и недовѣрія, встрѣчалъ повсюду самое дружественное и благосклонное гостепріимство.

Преподаватель, выучившій кого-нибудь грамотѣ, сохраняетъ право дѣлать выговоры своему питомцу, даже когда тотъ достигнетъ самыхъ высокихъ государственныхъ должностей. Случается, что народъ, недовольный какимъ-нибудь сановникомъ, выписываетъ издалека бывшего его учителя, который и является для управляемыхъ посредникомъ между ними и уѣзднымъ начальникомъ, губернаторомъ или вице-королемъ. Посредника этого всегда выслушиваютъ съ величайшимъ уваженіемъ.

Къ несчастью, если ученая карьера одна лишь пользуется такимъ чрезвычайнымъ почетомъ, она одна также и порождаетъ классъ людей, находящихся, какъ говорится, не у дѣлъ. Государственные экзамены очень трудны, и немногіе лишь изъ учащихся выдерживаютъ

ихъ вполне удовлетворительно. Къ тому же число вакантныхъ должностей очень ограничено, такъ что, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ для выжиданія болѣе благоприятнаго случая, кандидаты на должность, не выдержавшіе экзамена или даже выдержавшіе его не особенно блестящимъ образомъ, должны отыскивать себѣ иныя средства къ существованію. Одни изъ нихъ становятся учителями, писателями, профессорами, другіе же бросаютъ совсѣмъ ученую карьеру и начинаютъ заниматься торговлей, земледѣліемъ, и т. п., что весьма содѣйствуетъ повышенію общаго интеллектуальнаго уровня въ народѣ. Многие, однако, предпочитаютъ оставаться въ выжидательномъ положеніи, рассчитывая, что для нихъ можетъ открыться ваканція вслѣдствіе выхода въ отставку или увольнения отъ службы какого-нибудь чиновника. Интригуя, подобно всѣмъ состоящимъ не удѣль, такіе ученые становятся истиннымъ бичемъ страны.

Изъ только что сказаннаго не слѣдуетъ однако заключать, чтобы общественныя должности были въ Китаѣ въ такой же большой степени, какъ и въ другихъ странахъ, почти единственной цѣлью всѣхъ, посвящающихъ себя научнымъ занятіямъ. Это справедливо для Китая лишь до извѣстной степени. Китайскіе ученые стремятся къ общественнымъ должностямъ, такъ какъ назначеніе на таковыя является официальнымъ признаніемъ таланта, высшею почестью, которая отражается на всей семьѣ; но многіе изъ должностныхъ лицъ, прослуживъ два или три года, выходятъ въ отставку и возвращаются въ частную жизнь. Я самъ зналъ уѣзднаго начальника, который на 35 или 36 году отъ роду отказался уже отъ административной карьеры и взялъ мѣсто школьнаго учителя. Подобные факты въ Китаѣ не рѣдкость, тѣмъ болѣе, что

государственные должности тамъ далеко не синекуры и оказываются для многихъ, въ концѣ концовъ, очень утомительными. Кромѣ добровольнаго и окончательнаго сложенія съ себя должности, бываютъ также временныя обязательныя отставки. Такъ, по случаю смерти матери или отца, чиновникъ увольняется отъ службы на все время траура, т. е. на цѣлыхъ три года.

Читатель можетъ составить себѣ теперь бѣглый взглядъ на общественныя и экономическія условія, въ которыхъ стоитъ у китайцевъ трудъ. Ему извѣстно уже, что нѣтъ никакихъ предразсудковъ, никакихъ особо неблагоприятныхъ обстоятельствъ, искусственно искажающихъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ (употребляя терминъ, принятый въ политической экономіи) или, другими словами, побуждающихъ общество производить больше или меньше рабочихъ, чѣмъ это дѣйствительно требуется въ тѣхъ или въ другихъ профессіяхъ. Читателю извѣстно, что система налоговъ и землевладѣнія въ Китаѣ ограждаютъ повсюду равномѣрно права труда, и что крестьянинъ тамъ не отвлекается отъ родной почвы даже и приманкой такихъ удовольствій, которыя въ другихъ странахъ являются привилегіей, исключительно предоставленной жителямъ большихъ городовъ. Все остальное оказывается только естественнымъ слѣдствіемъ этихъ основныхъ принциповъ.

Солидарность земли и человѣческаго рода становится фактической дѣйствительностью въ каждой семьѣ, для каждой отдѣльной личности. Неприкосновенная и священная гарантія свободы—поземельная собственность—стала для человѣка сокровищницей, въ которую онъ вкладываетъ всѣ свои сбереженія. Человѣкъ, создавъ почву, полюбилъ ее и никогда не удаляется отъ нея больше,

чѣмъ это слѣдуетъ для преобразованія собственныхъ ея произведеній. Не возвращать землѣ возвращенныя ею богатства и употреблять таковыя на созданіе порядка вещей, который основывался бы не на отечественномъ производствѣ, а выписывать бы свое сырье изъ-за-границы и продавалъ бы обработанный продуктъ туда-же, считается, по мнѣнію китайцевъ, дѣломъ совершенно неосновательнымъ, несправедливымъ и опаснымъ. Такая политико-экономическая теорія вызоветъ, вѣроятно, у многихъ улыбку. Тѣмъ не менѣе, теорія эта привела къ тому, что почва въ Китаѣ стала богатѣйшей и плодороднѣйшей въ свѣтѣ. Предположивъ, что на ней производились бы только рисъ, пшеница, кукуруза, сорго и просо, все-таки же она представляла бы собою цѣнность не менѣе, какъ 1100—1200 миллиардовъ франковъ *). Если же принять въ расчетъ сравнительно большую цѣнность земель, занятыхъ подъ шелководныя, чайныя, сахарныя, апельсинныя и др. плантаціи, подъ воздѣлываніе пальмовой пальмы, восковыхъ деревьев и т. п., то цѣнность эта въ общей сложности несомнѣнно превзойдетъ 1800 миллиардовъ. Такимъ образомъ, десятина земли въ Китаѣ представляетъ собою втрое большій капиталъ, чѣмъ во Франціи. Еслибъ распредѣлить капиталъ, заключающійся въ поземельной собственности равномерно между всѣми жителями страны, то каждый китаецъ оказался бы въ полтора раза богаче француза. Можно ли послѣ этого говорить о бѣдности китайскаго населенія. Необходимо принять также въ расчетъ, что приведенная мною общая стоимость земли въ Китаѣ

---

*) „Bulletin de la Société de géographie, 1869“. (См. Земледѣльская карта Китая.)

выражена на французскія деньги и должна, вслѣдствіе этого, казаться значительно меньше дѣйствительной своей стоимости. Припомнимъ только, что въ Китаѣ за одинъ франкъ можно купить гораздо больше, чѣмъ во Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ, стоимость китайской земли является не условной, а дѣйствительной цѣнностью, представляющей запасъ производительной силы, скопившейся въ почвѣ, общую суммъ усбереженій, приготовленныхъ предшествовавшими поколѣніями для своего потомства. Это сокровище не поѣдается червями и не истребляется тлѣніемъ. Оно не можетъ быть похищено ни ворами, ни банковыми катастрофами, ни сокращеніемъ процентовъ по облигаціямъ государственнаго долга. Оно постоянно возрастаетъ. Да и понятно. Земля является самымъ надежнымъ и тароватымъ государственнымъ банкомъ. Поэтому то китайцы и, не обзавелись до сихъ поръ никакимъ другимъ. Какой то великій мыслитель сказалъ, что о народѣ можно судить по цѣнности, какую имѣетъ у него земля. Признавъ вѣрность этого положенія, предоставляю самому читателю вывести вытекающее отсюда логическое слѣдствіе. Читатель можетъ, однако, остановить меня вопросомъ: «вы только что сказали, что за одинъ франкъ въ Китаѣ можно купить гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи. Денегъ тамъ, слѣдовательно меньше и значить сбереженія»... «Помѣщаются, какъ уже сказано, полностью въ почвѣ». Что касается до свободныхъ, обращающихся капиталовъ, которые могутъ быть отданы въ наемъ, то въ Китаѣ ихъ дѣйствительно меньше, чѣмъ во Франціи, что впрочемъ совершенно естественно, такъ какъ тамъ нѣтъ капиталистовъ, живущихъ своими доходами. Китаецъ, у котораго есть капиталъ, работаетъ имъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Денежное обращеніе въ Китаѣ

очень оживленное; денег тамъ въ обращеніи такъ мало и на нихъ существуетъ тамъ такой спросъ, что обыкновенно платится за нихъ 30%. Прибавлю, впрочемъ, что такіе проценты платятся лишь въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего на обязанности должника остается лишь возвращеніе капитала. Мнѣ могутъ возразить на это; «гдѣ же, въ такомъ случаѣ, свободный кредитъ, о которомъ вы передъ тѣмъ толковали»? Настаивая на томъ, что такой кредитъ существуетъ, я въ свое время объясню его организацію; теперь же возвращусь къ организаціи труда.

Мы уже видѣли, что промышленность въ Китаѣ состоитъ въ непосредственной зависимости отъ земледѣльческаго производства и держится въ рамкахъ таковаго. Такъ какъ земля въ Китаѣ плодороднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ и зачастую приноситъ отъ 4 до 5 урожаевъ въ годъ, промышленныя производства достигли тамъ замѣчательно мощнаго размѣра. Зачастую, промышленная дѣятельность прямо соединена съ земледѣліемъ. Самъ земледѣлецъ перерабатываетъ свой сахарный тростникъ и конопли, выжимаетъ масло, прядетъ шелкъ или по меньшей мѣрѣ разматываетъ коконы шелковичныхъ червей. Чѣмъ многочисленнѣе его семья, тѣмъ все это для него легче. Если количество собранныхъ продуктовъ, какъ это зачастую случается, слишкомъ мало для того, чтобы ихъ стоило отдѣльно обрабатывать, онъ присоединяетъ свой продуктъ къ продукту сосѣдей и дѣлится съ ними полученными результатами, послѣ чего выжидаетъ удобнаго случая продать обработанные уже продукты. Менѣе состоятельные крестьяне вынуждены иногда продавать сырье, чтобы поскорѣе выручить за него деньги. Всѣ эти торговые обороты производятся на большихъ ярмаркахъ, которыя въ уѣздѣ, имѣющемъ, на примѣръ, про-

тяженіе въ 10 кв. миль, собираются отъ 8 до 10 разъ въ мѣсяцъ, то въ одной мѣстности, то въ другой. Туда съѣзжаются для производства закупокъ купцы и фабриканты, специально занимающіеся промышленнымъ трудомъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что и они также не разрываютъ связи своей съ кормилицей землей. Живя въ городахъ, они поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ деревенской своей семьей, а въ случаѣ выдѣленія изъ семьи, получаютъ въ наслѣдство или покупаютъ себѣ въ деревнѣ участокъ земли, на которомъ рассчитываютъ поселиться впоследствии и сдѣлать изъ него вотчинное поле. Это любимая мечта каждого китайца. Читателю извѣстно уже, что въ Срединномъ Царствѣ нѣтъ крупной промышленности. Капиталы тамъ очень раздроблены и сосредоточиваются въ крупныя единицы только для краткосрочныхъ торговыхъ или иныхъ оборотовъ.

Есть нѣсколько китайскихъ фирмъ, работающихъ съ капиталомъ въ 10—12 милліоновъ франковъ. Это почти во всѣхъ случаяхъ товарищества. Впрочемъ самое могущественное пароходное товарищество въ Китаѣ, съ капиталомъ въ 25—30 милліоновъ франковъ, тоже національное китайское товарищество. Я слышалъ также о китайцѣ, лично обладающемъ капиталомъ въ 100 милліоновъ франковъ, который помѣщенъ у него въ разныхъ земледѣльческихъ, финансовыхъ, торговыхъ и разныхъ другихъ т. п. предпріятіяхъ. Богачъ этотъ считается китайскимъ Ротшильдомъ. Такія значительныя скопленія капиталовъ являются лишь рѣдкими исключеніями. Промышленныя предпріятія, которыя у насъ въ Европѣ нуждаются въ особенно большихъ основныхъ и оборотныхъ капиталахъ, какъ, напр., чугунно-плавильные и желѣзо-дѣлательные заводы, обходятся въ Китаѣ всего

лишь съ сравнительно ничтожной суммой въ 50—100 тысячъ франковъ. Сумма эта въ большинствѣ случаевъ доставляется въ складчину тремя или четырьмя товарищами. Я самъ знаю въ Сэ-Чуенѣ чугунно-плавильный заводъ, основанный съ капиталомъ въ 50—60 тысячъ франковъ и выплавающий отъ 40 до 70 тысячъ килограммъ въ день. Когда суточная выплавка достигаетъ 40 тысячъ килограммъ, вывѣшиваютъ на доменной печи красный флагъ, при 45 тысячахъ—прибавляется къ жалованью рабочихъ по двѣ унціи мяса на каждого, при 50 тысячахъ килограммъ суточной выплавки, каждый рабочий получаетъ четыре добавочныхъ унціи, а при шестидесяти тысячахъ—сверхъ того еще два стакана вина *). На этомъ чугунно-плавильномъ заводѣ имѣется, впрочемъ, всего лишь двѣнадцать рабочихъ, получающихъ такія награды. Кромѣ нихъ до 300 чернорабочихъ занято частью добываніемъ руды, частью же доставкой ее на заводъ. Прибавлю, кстати, что заводъ этотъ платитъ въ казну налогъ отъ 500 до 600 франковъ въ годъ; но этотъ налогъ взимается не съ заводской дѣятельности, которая въ Китаѣ не подлежитъ никакому обложенію, а за разрѣшеніе добывать руду, такъ какъ всѣ рудныя богатства считаются государственной собственностью. Такова китайская крупная промышленность. Обыкновенно же промышленность въ Китаѣ имѣетъ чисто кустарный характеръ. Въ производствѣ участвуетъ или одна семья предпринимателя или, кромѣ того, еще нѣсколько наемныхъ рабочихъ, не болѣе восьми человѣкъ, съ однимъ или двумя учениками. Рабочіе вообще не живутъ у нанимающей ихъ семьи, а въ гостиницѣ или у себя дома, если собственные ихъ семьи находятся по сосѣдству (какъ это

*) Или, лучше сказать, водки, приготовленной изъ риса или сорго.

и бываетъ въ большинствѣ случаевъ). Во многихъ отрасляхъ семейнаго труда хозяева зачастую вступаютъ въ товарищество со старшими рабочими или выдѣляютъ имъ часть прибылей. И хозяева, и рабочіе въ Китаѣ отдаютъ во всѣхъ случаяхъ, когда имъ это возможно, предпочтеніе поштучной работѣ и работѣ съ подряда. Батрачество не составляетъ поэтому въ Китаѣ обычной формы промышленнаго и земледѣльческаго труда. Промышленное производство организовано тамъ по образцу поземельной собственности. Батраковъ въ немъ гораздо меньше, чѣмъ людей, работающихъ за собственный счетъ или на компанейскихъ началахъ. Я упоминалъ уже о размѣрахъ заработной платы. Необходимо теперь привести также и цѣны нѣкоторыхъ наиболѣе употребительныхъ предметовъ.

Большая чашка варенаго рису стоитъ три сантима (на обѣдъ необходимо двѣ или три такіа чашки); фунтъ говядины—отъ 10 до 15 сантимовъ, свинины—30 сантимовъ, баранины—20 сантимовъ, рыбы—отъ 10 до 15 сантимовъ. Курица стоитъ отъ 35 до 50 сантимовъ, утка—40 сантимовъ. Большая чашка чаю—1 сантимъ, чашка просянаго или рисоваго вина—10 сантимовъ, фунтъ табаку—отъ 25 до 75 сантимовъ, ночлегъ въ гостиницѣ—4 сантима; пара бархатныхъ башмаковъ—отъ 2½ до 3 франковъ, касторовая шапка—отъ 50 сантимовъ до 1 франка, зимній халатъ на ватѣ—отъ 7 до 10 франковъ, лѣтній халатъ—отъ 2 до 2½ франковъ. Накидка стоитъ отъ 6 до 7 франковъ, высокіе штиблеты—отъ 2½ до 3 франковъ, жилетъ—отъ 50 сантимовъ до 1 франка, барашковая шуба, крытая,—отъ 8 до 10 франковъ, соломенная шляпа—отъ 5 до 10 сантимовъ, пара плетеныхъ веревочныхъ лаптей для полевыхъ работъ—отъ 8 до 15 сантимовъ.

Отдѣльныя отрасли производства образуютъ корпораціи, въ которыхъ хозяева составляютъ особыя, и рабочіе, со своей стороны, тоже особыя товарищества. Всѣ недоразумѣнія между тѣми и другими улаживаются третейскимъ судомъ. Каждая корпорація обладаетъ особымъ фондомъ, образующимся изъ добровольныхъ взносовъ; изъ него выдаются вспомошествованія нуждающимся въ томъ членамъ. Поступить въ члены корпораціи довольно легко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является положительно необходимымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ рискуешь остаться безъ работы. Несчастные случаи, обусловливающие необходимость въ выдачѣ пособій, оказываются въ Китаѣ несравненно болѣе рѣдкими, чѣмъ у насъ: дома тамъ, за очень немногими исключеніями, одноэтажные, паровыя машины не введены еще въ употребленіе, а рудники и копи никогда не разрабатываются на большую глубину. Къ тому же китайцы работаютъ методически, не торопясь, и такимъ образомъ избѣгаютъ ошибокъ, которыя могли бы повлечь за собой несчастныя послѣдствія. У каждой ремесленной корпораціи, (какъ это водится и въ католическихъ странахъ) есть свой патронъ. Посвященная ему пагода является сборнымъ пунктомъ для членовъ корпораціи, отправляющихся туда сравнительно нерѣдко въ паломничество. Паломничество это обязательно для ученика, выдержавшаго испытаніе на подмастерье, и для подмастерья, переходящаго въ мастера. Тамъ пробныя ихъ работы выставляются на болѣе или менѣе долгое время всенародно на разсмотрѣніе. Я забылъ упомянуть, что въ ученикахъ необходимо пребыть обыкновенно года три. Нетрудно убѣдиться, что между китайскими ремесленными корпораціями и западно-европейскими цехами существуетъ въ обычаяхъ значительная аналогія,

если только не тождество. Одинъ изъ этихъ китайскихъ обычаевъ по внѣшности какъ нельзя больше напоминаетъ обычай, соблюдаемый еще и теперь французскими рыбаками и матросами. Въ Сэ-Чуенѣ и Че-Кiangъ, рыбаки и матросы выбрали себѣ покровительницей молодую дѣвушку, которой, шесть или семь вѣковъ тому назадъ, приснилось, что ея отцу и братьямъ, выѣхавшимъ въ море на рыбную ловлю, грозитъ опасность погибнуть отъ бури. Пробужденная матерью, слышавшей, что она бредитъ вслухъ, молодая дѣвушка рассказала видѣнный сонъ. Мать и дочь призвали тогда сосѣдей и упросили ихъ выѣхать въ лодкахъ на помощь рыбакамъ, которые дѣйствительно подвергались большой опасности, но были благополучно спасены. Въ часовнѣ Божьей Матери-Заступницы (Notre Dame de la garde) наврядъ-ли найдется больше приношеній по обѣту, чѣмъ въ китайской пагодѣ, гдѣ стоитъ изображеніе этой молодой дѣвушки.

Китаянки рѣдко нанимаются работать на сторонѣ. Когда имъ приходится дѣлать это, онѣ поступаютъ въ услуженіе въ другія семьи, гдѣ обращаются съ ними какъ съ родственницами. Въ Шанхаѣ, однако, довольно много китаянокъ работаетъ на шелкопрядильныхъ фабрикахъ, устроенныхъ лѣтъ двадцать тому назадъ европейцами. Туземное населеніе смотритъ на это, вообще говоря, неблагопріятно. Что касается до полевыхъ работъ, то, сколько мнѣ извѣстно, женщины нанимаются для нихъ всего лишь въ трехъ или четырехъ областяхъ и образуютъ тогда маленькія артели (изъ двухъ или трехъ женщинъ), работающія отдѣльно отъ мужчинъ.

Въ Европѣ много говорятъ объ уродованіи ногъ у китаянокъ. Моду эту считаютъ нерѣдко доказательствомъ

подчиненнаго положенія женщинъ въ Китаѣ. Я часто обращался къ китайцамъ съ разспросами по этому поводу, но никогда не могъ добиться сколько-нибудь серьезнаго объясненія. Одни отвѣчали мнѣ какой-нибудь изъ такихъ шутокъ, какія во всѣхъ странахъ мужчины зачастую позволяютъ себѣ насчетъ женщинъ. Другіе точно такъ же не знали о причинахъ уродованія ногъ у своихъ согражданокъ, какъ и мы не знаемъ причинъ уродованія череповъ у населенія окрестностей Тулузы или же причинъ уродованія бюста у дамъ, прибѣгающихъ для того къ употребленію корсета. Утверждаютъ, будто мода уродованія ногъ возникла семь или восемь столѣтій тому назадъ въ подражаніе богдыханшѣ, которая родилась уже съ такимъ уродствомъ. Какъ бы ни было, въ деревняхъ этой модѣ слѣдуютъ лишь очень немногія женщины, а при дворѣ богдыханшъ она положительно воспрещена почти уже триста лѣтъ тому назадъ. Оказывается, однако, что въ Китаѣ, какъ и въ другихъ странахъ, столь же трудно искоренить какую-нибудь хотя бы и самую нелѣпую моду, какъ и ввести новую моду въ сто кратъ болѣе сообразную со здоровымъ смысломъ и требованіями гігіены.

Въ Китаѣ мастеру довольно легко сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ. Это объясняется укоренившейся въ народѣ привычкой къ порядку, бережливости и взаимному кредиту. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ учрежденіяхъ, развивающихъ эти привычки и благопріятствующихъ таковымъ.

Читателямъ можетъ быть извѣстно, что въ Китаѣ нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ мелкой мѣдной монеты съ дырочкой по срединѣ. Эта монета называется у европейцевъ чохомъ или сапекой и вѣситъ около семи граммъ.

Тысяча сапекъ, нанизанныхъ на шнуръ, образуютъ связку и представляютъ собою цѣнность приблизительно въ пять франковъ. Серебряный таэль внутри страны не обращается и не имѣетъ значенія официальной монеты. Принимая таэль, необходимо удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ вѣситъ ровно китайскую унцію, т. е. 96 граммъ чистаго серебра; поэтому, кромѣ провѣрки вѣса, необходимо также провѣрить и пробу таэля. Что касается до сапеки или тсѣ-нна, то она была, какъ увѣряють, изобрѣтена за 2600 лѣтъ до Р. Х. Это, очевидно, очень тяжелая и неудобная монета, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, и вызвало въ Срединномъ Царствѣ съ незапамятныхъ временъ кредитное денежное обращеніе. Первые китайскіе банки учреждены были, сколько извѣстно, одновременно съ введеніемъ сапекъ. Понятно, что значительный вѣсъ мѣдныхъ денегъ долженъ былъ навести на мысль о средствахъ къ избѣжанію переноски таковыхъ. Можетъ быть также, что непрочность китайскихъ домовъ, равно какъ пожары, которымъ они подвергаются, вслѣдствіе употребленія значительнаго количества дерева при ихъ постройкѣ, побудили уже въ глубокой древности китайцевъ складывать свои сбереженія въ особо приспособленныя для того прочныя зданія подъ охраной отвѣтственнаго лица, ведущаго запись всѣмъ поступающимъ вкладамъ и производящаго платежи по сдѣлкамъ между членами, посредствомъ переводовъ съ одного счета на другой. Такимъ образомъ изобрѣтено было банковое дѣло.

Нынѣшніе китайскіе банки почти не отличаются отъ прежнихъ. Это по преимуществу депозитные и учетные банки. Если операціи ихъ не стали особенно разнообразнѣе, за то самое банковое дѣло развилось настолько, что наврядъ ли найдется теперь въ Китаѣ купецъ,

крестьянинъ или даже порядочный рабочій, у котораго не было бы текущаго счета въ какомъ-либо банкѣ. Тамъ производятся всѣ платежи черезъ посредство банкировъ съ одинаковой предупредительностью услуживающихъ негоціанту по сдѣлкамъ, доходящимъ до 500 или 600 тысячъ франковъ, и мелкому ремесленнику, вносящему въ банкъ сбереженія, сдѣланныя имъ за недѣлю или даже за текущій день. Банки въ Китаѣ, занимаясь главнымъ образомъ депозитными операціями, стараются расширить таковыя всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Они не только выплачиваютъ по вкладамъ проценты, рассчитанные по суточному балансу, но принимаютъ на себя также обязательства выдавать своимъ кліентамъ въ случаѣ надобности ссуды на самыхъ выгодныхъ для этихъ кліентовъ условіяхъ. Обыкновенно принято, что каждый изъ кліентовъ банка можетъ получить изъ него займы сумму вдвое большую той, которая имѣется у него на текущемъ счету, уплачивая банку по этой ссудѣ почти такой же процентъ, какой самъ банкъ платитъ по вкладамъ. Ссуда эта выдается безъ всякихъ формальностей, просто подъ расписку кліента. Виѣстъ съ тѣмъ, каждый кліентъ можетъ во всякое время безъ предварительнаго извѣщенія взять изъ банка принадлежащую ему сумму, причемъ проценты рассчитываются ему по самый день выплаты вклада. Кромѣ того, при совершеніи сдѣлокъ съ малознакомыми лицами, какъ напримѣръ съ обитателями другой провинціи и т. п., кліентъ можетъ потребовать, чтобъ банкиръ выступилъ за него поручителемъ. За всѣ эти услуги банкиръ разумѣется взымаетъ себѣ нѣкоторый процентъ, но онѣ, безъ сомнѣнія, пособляютъ заключенію многихъ сдѣлокъ, которыя безъ ихъ содѣйствія оказались бы совершенно

немыслимыми. Благодаря такимъ порядкамъ, рабочій, который велъ скромную жизнь, достигнувъ двадцатидвухлѣтняго возраста имѣеть всегда въ банкѣ капиталъ, по меньшей мѣрѣ, въ 300—400 франковъ, и сверхъ того—еще право требовать, чтобъ банкиръ ссудилъ ему такую же сумму. Между тѣмъ въ Китаѣ на 700—800 франковъ можно сдѣлать уже многое. Если этотъ рабочій владѣеть хотя небольшимъ клочкомъ земли, онъ можетъ заложить ее также безъ соблюденія всякихъ формальностей. Заимодавцу передается для этого документъ, удостоверяющій право собственности; на обратной сторонѣ этого документа владѣлецъ пишетъ, что онъ дѣйствительно долженъ такую-то сумму. Существуетъ также множество ссудныхъ кассъ, выдающихъ деньги подъ залогъ изъ семи или восьми процентовъ въ годъ. Хотя всѣ эти кассы—частныя учрежденія, не подчиненныя никакому правительственному контролю, китаецъ вполне увѣренъ, что залогъ его тамъ не пропадетъ. Я не стану распространяться здѣсь о товарныхъ складахъ, выдающихъ ссуды подъ такъ-называемые варранты, такъ какъ склады эти существуютъ не во всѣхъ областяхъ и служатъ только для цѣлей крупной торговли.

Допустимъ, однако, самый худшій случай: возьмемъ молодого китайца, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ личной энергіи и надежнаго пріятеля. Онъ идетъ къ этому пріятелю и высказываетъ ему свои планы на будущее; пріятель обращается къ третьему, третій—къ четвертому, пока не наберется въ общей сложности десять человѣкъ. Молодой китаецъ, который становится уже одиннадцатымъ по счету, пригласивъ всѣхъ десятерыхъ себѣ на чашку чаю, излагаетъ свои намѣренія и предположенія. Если они будутъ одобрены, то одиннадцать пріятелей вступаютъ между

собой въ товарищество. При этомъ однако не имѣется въ виду эксплуатировать проекты молодого человѣка сообща.

Акціонерныя общества въ Китаѣ вообще сравнительно рѣдки, хотя мелкія товарищества изъ 2—8 и не болѣе какъ десяти человѣкъ составляются очень часто. Большихъ акціонерныхъ обществъ китайцы, какъ уже упомянуто, не долюбиваютъ. Участвующіе въ такихъ обществахъ утрачиваютъ, говорятъ они, личный починъ, личную отвѣтственность и независимость, не приобретаая соотвѣтственныхъ выгодъ. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ считается необходимымъ предоставить все это молодому человѣку, желающему самостоятельно начать дѣло. Товарищество имѣетъ цѣлью только доставить необходимый ему капиталъ, который долженъ быть затѣмъ погашенъ въ опредѣленный срокъ годичными уплатами. Такъ какъ эта цѣль слишкомъ безкорыстна для того, чтобъ служить достаточно сильнымъ побудительнымъ поводомъ къ оказанію помощи незнакомцу, то китайцы изобрѣли нѣсколько комбинацій, обеспечивающихъ каждому изъ сотоварищей не только возвратъ его капитала и процентовъ, но также и пользованіе въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока суммою, равной всей совокупности складочнаго капитала; всѣ сотоварищи обязуются поэтому производить дополнительные взносы до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не будетъ поочередно имѣть въ рукахъ всей условленной суммы, которая по истеченіи срока пользованія возвращается опять въ общую кассу. Товарищество заключается обыкновенно на столько лѣтъ, сколько лицъ принимаетъ въ немъ участіе. Затѣмъ вынимаются по жребію десять нумеровъ, указывающихъ для каждого уча-

стника порядокъ пользованія складочнымъ капиталомъ. Иногда условливаются не приращать складочный капиталъ процентами, иногда-же, напротивъ, проценты причисляются къ этому капиталу. Точно также договариваются иногда, чтобъ лицо, пользовавшееся уже въ теченіе даннаго срока складочнымъ капиталомъ, выходило-бы вмѣстѣ съ тѣмъ изъ товарищества, иногда-же дѣлають для него обязательнымъ дальнѣйшее участіе въ таковомъ. Самый порядокъ исключенія изъ товарищества можетъ быть обставленъ тѣми или другими условіями, соотвѣтственно съ которыми опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ доля ежегоднаго взноса для cadaго изъ товарищей. Само-собою разумѣется, что доля эта зависитъ отъ очереди пользованія складочнымъ капиталомъ.

Всѣ эти общества основываются на добросовѣстности и взаимномъ довѣріи. Тотъ, кто отнесся разъ недобросовѣстно къ принятому такимъ образомъ обязательству, не принимается никогда въ члены подобнаго общества. Примѣры этому чрезвычайно рѣдки. Прибавимъ кстати, что если кто-либо изъ сотоварищей затрудняется уплатить слѣдующій съ него взносъ, онъ можетъ помѣняться очередью съ другимъ участникомъ, на долю котораго выпадаетъ въ этомъ году пользованіе складочнымъ капиталомъ; необходимо только предупредить объ этомъ за нѣсколько дней до срока, установленнаго для уплаты взноса.

Такова въ краткихъ словахъ организація товариществъ, встрѣчающихся чаще всего въ Китаѣ. Можно сказать, что не найдется китайца, который не принадлежалъ бы къ подобному товариществу, такъ какъ цѣли этихъ товариществъ самыя разнообразныя. Иногда имѣется въ

виду доставить возможность студенту достигнуть ученой степени, иногда же помочь крестьянину обзавестись участкомъ земли или же буйоломъ. Матери семействъ составляютъ товарищества для устройства приданого своимъ дочерямъ. Даже уличные мальчишки, выпросившіе нѣсколько сантимовъ у прохожихъ, вносятъ обыкновенно эти деньги въ какое-нибудь товарищество.

Китаецъ, который настолько несчастливъ, что не пользуется даже на родинѣ личнымъ довѣріемъ и вслѣдствіе этого не можетъ пристроиться ни къ какому товариществу, прибѣгаетъ къ послѣднему средству уладить свои дѣла. Онъ эмигрируетъ въ Америку, въ Австралію или вообще куда бы то ни было, съ небольшимъ запасомъ рису и сушеной рыбы, купленными на деньги, полученные въ задатокъ отъ нанявшаго его общества. Прибывъ на мѣсто, онъ старается какъ можно скорѣе скопить изъ заработной своей платы, доходящей отъ двухъ до трехъ франковъ въ день, сумму, необходимую для того, чтобы вернуться на родину и заняться тамъ торговлей или ремесломъ. Это обыкновенно ему и удается. Да и не мудрено. Жизнь въ Китаѣ вѣдь такъ дешева! Какихъ-нибудь 500 франковъ у китайца, на его родинѣ, пожалуй равноцѣнны 4000 или 5000 франковъ въ Европѣ. Подумайте только о безхитростности и дешевизнѣ употребляемыхъ въ Китаѣ ремесленныхъ инструментовъ и вообще орудій производства. Въ этомъ именно и заключается, безъ сомнѣнія, одна изъ причинъ, дѣлающей китайцевъ такими грозными конкурентами для американскихъ рабочихъ. Это же даетъ китайцу возможность одержать верхъ надъ любымъ европейскимъ рабочимъ. Утверждаютъ, будто онъ слишкомъ уже воздержанъ въ пищѣ. Правда! Но онъ это дѣлаетъ лишь потому, что въ умѣ

его свѣжо воспоминаніе о родной странѣ, гдѣ земля несравненно плодороднѣе, налоги гораздо легче и нравы гораздо мягче, чѣмъ въ чужомъ краю, куда злой рокъ вынудилъ его временно пріютиться. Принявъ все это во вниманіе, неудивительно, что китайцы, гдѣ бы они ни жили за-границей, чувствуютъ всегда стремленіе вернуться на родину.

Общія условія китайской цивилизаціи особенно благоприятны молодому крестьянину, желающему самостоятельно заняться земледѣліемъ. Въ чемъ именно нуждается крестьянинъ, приступая къ своей карьерѣ? Въ кредитѣ? Владѣлецъ, у котораго онъ нанимаетъ землю, какъ нельзя лучше знаетъ, что она не пропадетъ. Онъ можетъ, правда, потребовать обезпеченія въ платежѣ аренды, но съ какими-нибудь двадцатью-пятью франками въ рукахъ крестьянинъ можетъ арендовать участокъ земли, вполне достаточный для начинающаго фермера. Извѣстно, вѣдь, что земля въ Китаѣ истинное сокровище. Дорого стоящихъ орудій для обработки ея не нужно. Достаточно обладать однимъ заступомъ. Покупать удобреніе крестьянину тоже незачѣмъ. Земля питается его собственными ежедневными отбросами. Ждать до перваго урожая не долго, такъ какъ земля ежемѣсячно приноситъ какую-нибудь жатву. Правда, ее можетъ побить градомъ, но на этотъ случай у него посѣяны, гдѣнибудь въ уголкѣ, и подросли уже молодыя растенъица для подсадки взамѣнъ тѣхъ, которыя могли бы погибнуть. Въ худшемъ случаѣ, у него пропадетъ мѣсяцъ и никакъ не болѣе шести недѣль. Какая громадная разница между китайскимъ земледѣліемъ и европейскимъ! Какое заблужденіе думать, будто можно замѣнить тщательное воздѣлыванье хитростью, справедливость—насиліемъ и удобреніе—громадностью зе-

мелѣльческихъ орудій. У китайцевъ земледѣльческія орудія далеко не такъ могущественны, не такъ тяжелы и не такъ грубы, какъ наши. Плугъ у нихъ весь деревянный, съ деревяннымъ же отваломъ. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, когда въ полѣ можетъ попасться камень, надѣвается на отвалъ маленькій желѣзный наконечникъ. Даже и рѣзакъ у плуга въ большинствѣ случаевъ деревянный. Употребляемые китайцами способы, методы и системы веденія земледѣльческаго хозяйства не отличаются столь изумительной глубиной премудрости, какъ наши. Китайцы смотрятъ на дѣло гораздо проще. Они не насилуютъ землю, какъ это дѣлаемъ мы, не обижаютъ ее, не прибѣгаютъ къ чрезвычайнымъ принудительнымъ мѣрамъ организованнаго грабежа, чтобы извлечь изъ нея послѣдніе соки. У нихъ не придумано съ этой цѣлью никакихъ мудреныхъ системъ плодоперемѣннаго хозяйства. Они обращаются съ землею вѣжливо и мягко. Все взятое отъ земли немедленно возвращается ей назадъ. Ни одного зернышка риса не отнимается у ней безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Земледѣліе въ Китаѣ имѣетъ не только характеръ священнодѣйствія, но является вмѣстѣ съ тѣмъ и ласкою. Земля не можетъ противостоять такому нѣжному съ ней обращенію. Она всецѣло отдается человѣку. Непрерывной своей нѣжной заботливостью, справедливостью и тщательнымъ уходомъ за землею, китайцы добиваются отъ нея всего, чего имъ угодно. Земля платитъ имъ за трудъ несравненно большими урожаями, чѣмъ намъ. Таково китайское земледѣліе. Нельзя сказать, чтобы оно не было построено на научныхъ началахъ, а между тѣмъ, это не наука. Можно сказать, впрочемъ, что въ немъ есть нѣчто большее, чѣмъ наука, нѣчто обозначающееся всего лучше малопримѣни-

мымъ теперь словомъ: «мудрость». Наука есть нѣчто вѣѣшнее, благопріобрѣтенное, мудрость же накапливается гораздо медленнѣе. Если вы не одарены отъ природы благоразуміемъ, предусмотрительностью, трудолюбіемъ, добротой и справедливостью, не посвящайте себя земледѣлію: свойства эти являются наслѣдіемъ вѣковъ и не могутъ быть пріобрѣтены сразу. Если у васъ нѣтъ семейнаго очага, или если вы, обладая таковымъ, не сумѣли установить въ своей семьѣ порядокъ, миръ, взаимное довѣріе и добросовѣстность—земледѣліе не пойдетъ у васъ успѣшно. Если у васъ нѣтъ традицій, если вы не видите въ будущемъ грядущее поколѣніе, къ которому перейдутъ вмѣстѣ съ вашимъ именемъ также и плоды вашихъ трудовъ, вы, несмотря на всѣ ваши научныя формулы и хитропридуманныя машины, никогда не подымитесь до уровня самаго малоразвитого и безхитростнаго китайскаго земледѣльца.

Таково, повторяю, земледѣліе у китайскаго народа. Вся его тайна заключается въ двухъ принципахъ: въ трудѣ и справедливости. Принципы эти глубоко запечатлѣны въ сердцахъ каждаго китайца и вполне обезпечиваютъ ему успѣхъ. Что ему дѣйствительно надо, кромѣ этого? Земледѣльческія орудія такъ малочисленны, что ихъ у крестьянина почти и не видать; но то, что извѣстно слишкомъ мало намъ европейцамъ, и на что я хотѣлъ бы указать всему міру—это рвеніе къ труду, которымъ одушевлены милліоны земледѣльческихъ китайскихъ рабочихъ. Самый противный для насъ трудъ исполняется ими охотно. Даже вечеромъ, когда вся природа какъ бы почиетъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, устанавливаются въ деревняхъ передъ хижинами ткацкіе станки, зажигаются лампы, при свѣтѣ которыхъ китайскій крестья-

нинъ прибавить еще нѣсколько часовъ къ дневному своему труду. Нерѣдко бываетъ также, что, съ наступленіемъ темноты, крестьянинъ нацѣпляетъ себѣ фонарь на шляпу, и возвращается опять на поле продолжать свою работу. Въ особенности, стоило бы намъ европейцамъ поглядѣть, съ какой заботливостью китаецъ относится къ воздѣлываемымъ имъ растеніямъ. Иная мать не такъ внимательна къ нуждамъ своего ребенка, не удовлетворяетъ ихъ съ такой поспѣшностью. Самый легонькій признакъ болѣзненнаго состоянія, малѣйшая блѣдность зелени, являются для земледѣльца совершенно понятными предупрежденіями. Когда видишь, какъ весело и охотно несетъ китаецъ противное, вонючее удобрение, необходимое, чтобы возвратить здоровье дорогому его растеньицу, сознаешь, что здѣсь работаютъ не однѣ только руки, что здѣсь проявляется искренняя, сердечная привязанность, которую не можетъ пересилить даже естественное отвращеніе. Между прочимъ нельзя не удивляться чистотѣ и опрятности китайскихъ воздѣланныхъ полей, поднимающихся террасами съ низменнымъ равнинъ на самыя вершины горъ. Они производятъ, особенно издали, впечатлѣніе такой тщательной и мелкой отдѣлки, какъ еслибъ передъ глазами была самая художественная, чеканная или мозаичная работа.

Отъ земли и растенія справедливость въ Китаѣ распространяется также и на животныхъ. Мулы и буйволы, отличающіеся у насъ такимъ упрямствомъ, являются у китайцевъ кроткими и послушными. Даже дикіе звѣри и птицы не бѣгутъ передъ китайцемъ. «Всѣ бывавшіе въ Китаѣ европейцы знаютъ, что въ болѣе удаленныхъ округахъ, куда имъ рѣдко случается заходить на охоту, фазаны и зайцы такъ довѣрчивы, что

ихъ можно бить палками. Сами китайцы ихъ не убиваютъ *). «Всѣ животныя въ союзѣ съ человѣкомъ—говорить Мишле въ своей Библии;—орелъ и ястребъ привѣтствуютъ его на разсвѣтѣ первымъ своимъ клемомъ, собака слѣдуетъ за нимъ и сопровождаетъ его, конь, при видѣ его, ржетъ отъ радости, могучій быкъ охотно влечетъ плугъ, прорѣзая въ землѣ глубокую борозду. Съ земли воздымается паръ, являющійся какъ бы животворнымъ дыханіемъ, порукою въ ея плодородіи. Всѣ согласуются вмѣстѣ, всѣ знаютъ, что человѣкъ праведенъ и работаетъ для нихъ».

Такую картину въ дѣйствительности представляетъ внутри страны китайская цивилизація. Такимъ образомъ китайцы сумѣли, выражаясь терминомъ, котораго читатель безъ сомнѣнія не забылъ, одухотворить землю, такимъ образомъ поняли они свой религіозный культъ неба.

---

*) Посѣвъ у китайцевъ дѣлается не такъ какъ у насъ. Зерна высѣваются сперва очень часто на особыхъ грядкахъ въ уголкѣ, откуда не трудно прогнать птицъ, а затѣмъ, когда растеньица достигли уже нѣсколькихъ дюймовъ въ вышину и птицы не могутъ уже имъ повредить, они высаживаются на мѣсто. Благодаря такому способу разведенія растений, китайцы имѣютъ возможность собирать съ одного и того же участка земли нѣсколько урожаевъ.

ЧАСТЬ III.

Государство.

I.

По мнѣнію китайцевъ, политическій организмъ, называемый государствомъ, основывается существеннымъ образомъ на тѣсномъ единеніи земли и населяющаго ее челоѣка, которые оба сохраняютъ при этомъ свою свободу!

Никакое государство не можетъ считаться правильнымъ, если сліяніе это не осуществлено для каждаго изъ его жителей. Тогда только каждый челоѣкъ въ отдѣльности является въ дѣйствительности гражданиномъ, полноправной политической особью, въ которой воплощается частица верховной власти. Движимая, а до извѣстной степени также и промышленная собственность, не могутъ вслѣдствіе своей непрочности считаться равноцѣнными землевладѣнію, а потому не могутъ сами по себѣ создавать политическую особь. Понимаемое такимъ образомъ государство китайцамъ удалось устроить у себя уже назадъ тому четырнадцать или пятнадцать столѣтій. Передъ тѣмъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, Китай пережилъ

нѣсколько различныхъ формъ правленія, начиная съ деспотической, при которой, какъ нѣдра земли, такъ и ея поверхность, *тіеннз-міеннз* и *тіеннз-ти*, или, если угодно, собственность земель и право пользованія ею, совмѣстно находились въ рукахъ главы государства. Затѣмъ установилось въ Китаѣ олигархическое государство, въ которомъ вся земля была собственностію немногихъ князей. Извѣстно, что, соотвѣтственно съ философскими принципами китайской религіи, земля остается въ сущности собственностію всего народа, но переходитъ къ отдѣльному лицу вслѣдствіе права пользованія, создаваемого трудомъ въ пользу того, кто ее обрабатываетъ. При такихъ обстоятельствахъ землевладѣніе въ нынѣшнемъ Китаѣ раздробилось такъ, что тамъ, можно сказать, всѣ стали землевладѣльцами. Правда, что не всѣ китайцы пользуются политическими правами, но ограниченію правъ подлежатъ только тѣ, кто предпочитаетъ не разрывать семейной связи и какъ бы передаетъ пользованіе своими правами старшему представителю семьи. Каждый изъ членовъ семьи, вступивъ въ бракъ или же достигнувъ совершеннолѣтія, можетъ, если угодно, самъ пользоваться политическими правами. Для этого ему стоитъ только потребовать раздѣла и устроить свой собственный семейный очагъ. Что касается до членовъ семьи, предпочитающихъ жить вмѣстѣ, то политическое вліяніе ихъ далеко не такъ ничтожно, какъ это можно было бы предположить. Они, разумѣется, не избираютъ своего политическаго представителя: таковымъ совершенно естественно является глава семьи; но, какъ уже извѣстно, всѣ интересующіе семью вопросы разсматриваются сообща на семейномъ собраніи всѣми ея членами мужскаго и женскаго пола. Точно

также всегда предварительно обсуждаются въ семейныхъ собраніяхъ и политическіе вопросы, по которымъ представителю семьи надо будетъ гдѣ-либо высказаться. По сравненію съ французскими порядками, всѣ члены китайской семьи могутъ разсматриваться какъ первая категория избирателей. Еще правильнѣй было бы сказать, что въ Китаѣ политической единицей является семья, дѣйствующая черезъ посредство естественнаго своего представителя. Этотъ представитель, которымъ можетъ быть также и женщина, является какъ бы алгебраическимъ коэффиціентомъ семейной группы. Онъ настоящій гражданинъ въ китайскомъ значеніи этого слова. Припомнивъ себѣ организацію земли и собственности, не трудно убѣдиться, что нигдѣ, дѣйствительно, единеніе челоѣка съ землей не представляется болѣе полнымъ, болѣе прочнымъ и болѣе всеобщимъ. Нигдѣ оно не обезпечиваетъ гражданину такой истинной независимости. Необходимо принять также во вниманіе, что китайская основная политическая единица не представляетъ собою отвлеченной сущности. Это, если можно такъ выразиться, живое существо, снабженное всѣми потребными для государства органами религіозной, судебной и гражданской власти, способное, путемъ размноженія въ самомъ себѣ, возсоздать государство. «Каждая семья,—говорятъ китайцы,—должна быть маленькимъ государствомъ». Самоуправленіе доходитъ у нихъ до крайнихъ своихъ предѣловъ. Китайцы настолько привыкли видѣть въ семьѣ естественную и необходимую для себя государственную единицу, что, оказываясь въ положеніи эмигрантовъ въ чужомъ краю, они, даже и не будучи связаны другъ съ другомъ узами родства, прежде всего организуютъ совмѣстно искусственную или, какъ они назы-

ваютъ ее, братскую семью. Выборный совѣтъ этой семьи обладаетъ всѣми правами и обязанностями главы семейства, всѣ члены которой клянутся исполнять постановленныя имъ рѣшенія. Китайскіе законы и обычаи, которыми руководствуется семейный совѣтъ, однако же гораздо строже законовъ и обычаевъ Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ чаще всего селятся китайскіе эмигранты. Можно было бы легко уклониться отъ выполненія этихъ строгихъ законовъ или обычаевъ, но китайцы предпочитаютъ лучше подчиняться имъ, чѣмъ прибѣгать къ шумному, унижительному и въ большинствѣ случаевъ неловкому вмѣшательству чужого правосудія. Такимъ образомъ они, вслѣдствіе глубокой искренней своей преданности свободнымъ отечественнымъ учрежденіямъ, навлекаютъ на себя упрекъ въ винѣ, которая кажется очень тяжелой даже и такимъ либеральнымъ правительствамъ, какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ: они образуютъ государство въ государствахъ.

Въ Китаѣ это не только признается преступленіемъ, но даже, напротивъ того, полнѣйшая независимость и самостоятельность гражданина считается тамъ условіемъ, необходимымъ для существованія государства. Самое государство и его правительство не должны быть слишкомъ тѣсно слиты другъ съ другомъ. Не слѣдуетъ, чтобъ заблужденія и ошибки правительства могли компрометтировать свободу и цѣлостность государства. Какія гарантіи прочности представляла бы нація, если бы она подвергалась риску погибнуть отъ удара, нанесеннаго ей правительству. Франція и Англія въ 1860 году могли одержать побѣду надъ китайскимъ правительствомъ и принудить его къ заключенію мира на такихъ условіяхъ, какія пред-

ставились имъ желательными, но этотъ мирный договоръ нельзя было навязать китайскому народу. Его никогда даже и не обнародовали внутри государства. Каждый разъ, когда правительство богдыхана пытается выполнить статью договора, несовмѣстную съ народными взглядами, народъ протестуетъ и настаиваетъ на своихъ правахъ посредствомъ демонстрацій, подобно тому, какъ это дѣлалось въ Кантонѣ, въ Тіень-Цзинѣ и т. п. При такихъ демонстраціяхъ опасность угрожаетъ не только европейцамъ, но также китайскимъ чиновникамъ и самому китайскому правительству.

Право гражданъ собираться на сходки не подлежитъ въ Китаѣ никакимъ ограниченіямъ. Граждане собираются всякій разъ, когда находятъ это нужнымъ, безъ приглашенія къ тому со стороны правительства или его агентовъ, но не нуждаются также и въ испрашиваньи чьего бы то ни было разрѣшенія. На этихъ собраніяхъ выбираются члены совѣтовъ, которымъ поручается управление общиной, волостью, уѣздомъ или же областью. Полномочія даются членамъ совѣта на трехлѣтній срокъ и могутъ быть затѣмъ возобновлены снова. Въ теченіе этого трехлѣтняго срока граждане нисколько не отказываются впрочемъ отъ своихъ правъ. Они могутъ, если заблагоразсудятъ, созвать опять общее собраніе и держать своихъ уполномоченныхъ подъ постояннымъ контролемъ, такъ какъ могутъ ежеминутно ихъ отослать. Члены совѣта не получаютъ никакого содержанія. У предсѣдателя общиннаго совѣта приблизительно тѣ же права и обязанности, какія имѣетъ во Франціи мэръ. Общинный совѣтъ не имѣетъ особой и постоянной делегации при волостномъ управленіи, какъ и волостное управленіе—при уѣздномъ, уѣздное при—губернскомъ и

губернское—при генераль-губернаторскомъ. Совѣты, стоящіе во главѣ каждаго изъ этихъ административныхъ подраздѣленій, свободно и непосредственно сносятся другъ съ другомъ. Если надо перенести какое-нибудь дѣло въ высшую административную инстанцію, совѣтъ командируетъ для этого двухъ или трехъ своихъ членовъ, которые объясняютъ и отстаиваютъ дѣло передъ компетентными высшими административными совѣтами или правительственными чиновниками. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда дѣло передается на разсмотрѣніе правительственнаго чиновника, депутаты, посланные для непосредственныхъ съ нимъ сношеній, получаютъ всѣческую поддержку отъ выборныхъ совѣтовъ того округа, гдѣ находится этотъ чиновникъ. Такое гражданское или, лучше сказать, земское представительство завершается генераль-губернаторскимъ совѣтомъ. Центральное правительство въ Пекинѣ не имѣетъ возлѣ себя никакого выборнаго собранія, ни даже чего-либо подобнаго такимъ специальнымъ постояннымъ учрежденіямъ, какъ законодательное собраніе, палата пэровъ, палата лордовъ или сенатъ. Мы увидимъ сейчасъ, чѣмъ именно все это замѣщается.

Китайскіе выборные совѣты или земства исполняютъ весьма разнообразныя функціи. Они распредѣляютъ налоги, взимаютъ ихъ и передаютъ правительственному чиновнику. Они обсуждаютъ вопросы о необходимости производства тѣхъ или другихъ публичныхъ работъ въ своемъ округѣ, распредѣляютъ дополнительные сборы на производство этихъ работъ между населеніемъ, побуждаютъ болѣе богатыхъ гражданъ къ добровольному пожертвованію на такія работы, уменьшая тѣмъ самымъ расходъ, падающій на менѣе состоятельныхъ гражданъ. Въ случаѣ, если въ выполненіи работъ заинтересовано

нѣсколько общинъ, то члены административныхъ ихъ совѣтовъ условливаются вести дѣло сообща, а въ случаѣ необходимости правительственнаго вмѣшательства—докладываютъ дѣло спеціально назначенному для того правительственному чиновнику своего уѣзда. Выборнымъ совѣтамъ поручается также наблюденіе надъ системой орошенія. Они рѣшаютъ споры, возникающіе за пользованіе водой между частными лицами; недоразумѣнія же между общинами рѣшаются третейскимъ судомъ и только въ болѣе важныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ правительственной юрисдикціи. Этимъ же земскимъ совѣтамъ поручается завѣдываніе публичными богоугодными заведеніями. Нерѣдко приходится имъ также рѣшать, въ качествѣ третейскихъ судей, недоразумѣнія между хозяевами и рабочими, если недоразумѣнія эти не могли быть улажены распорядительными совѣтами ремесленныхъ корпорацій.

Въ пограничныхъ областяхъ, подверженныхъ набѣгамъ воинственныхъ непокорныхъ племенъ, возлагается на земскіе совѣты наборъ и организація настоящей національной гвардіи, которая содержится на счетъ богатыхъ людей. Офицерскія должности замѣщаются тамъ по усмотрѣнію земства, безъ всякаго вмѣшательства мандариновъ. Необходимо замѣтить, что это народное ополченіе, мужество котораго коренится въ домашнемъ очагѣ, дерется гораздо храбрѣе и лучше солдатъ богдыханской регулярной арміи.

Въ административныхъ пунктахъ, гдѣ находится какое-либо правительственное должностное лицо, какъ напримѣръ, помощникъ уѣзднаго начальника, уѣздный начальникъ, губернаторъ или вице-король, выборный земскій совѣтъ группируется вокругъ этого должностного лица, и

кромѣ выполненія всѣхъ прочихъ своихъ обязанностей, образуетъ при немъ совѣщательный комитетъ, присутствіе котораго смягчаетъ и облегчаетъ сношенія должностного лица съ гражданами. Земскій совѣтъ обсуждаетъ мѣры, исходящія отъ правительственной инициативы, одобряетъ ихъ или же, напротивъ, совѣтуетъ не приводить въ исполненіе, самъ предлагаетъ мѣропріятія, которыя считаетъ выгодными, контролируетъ дѣйствія должностного лица и обсуждаетъ тяжбы между общинами.

Таково въ своей сущности и своихъ проявленіяхъ народное китайское самоуправленіе. Что касается до административнаго подраздѣленія, то въ Срединномъ Царствѣ считается 18 областей, 182 губерніи, 544 уѣзда, 1293 волости и неопредѣленное число общинъ. Принимая населеніе Китая круглымъ счетомъ въ 537 милліоновъ душъ, найдемъ, что на каждую губернію приходится около 2.800.000, на уѣздъ—900.000 и на волость—430.000 жителей. Волость, какъ уже упомянуто, является наименьшимъ административнымъ округомъ, въ которомъ административная власть имѣетъ еще своего представителя. Въ общинахъ непосредственно распоряжаются выборные мэры, *Янгъ-йо*, которыхъ европейцы зачастую ошибочно принимаютъ за мандариновъ. Въ волости правительственное должностное лицо называется *Че-иенъ*: въ уѣздѣ—*Че-чеу*; въ губерніи—*Че-фу*; въ области—*Цонъ-ту*. Съ точки зрѣнія французской административной іерархіи, они и соотвѣтствуютъ подпрефектамъ, префектамъ, губернаторамъ и вице-королямъ. Иногда нѣсколько губерній соединяются въ одинъ округъ. Управление правительствомъ поручаетъ генераль-губернатору, *Тао-ти*, которому и подчинены губернаторы его округа.

Бываетъ также, что управление двумя областями за-

разъ поручается одному и тому-же вице-королю. Такимъ образомъ 18 областей управляются всего лишь 11-ю вице-королями. Есть вице-королевства съ населеніемъ въ 70—80 миллионъ душъ. Всѣ китайскія правительственныя должностныя лица облечены заразъ и административною и судебною властью. Административныя и судебныя ихъ рѣшенія подлежатъ обжалованію предъ непосредственно высшей инстанціей. Поэтому каждое дѣло можетъ дойти въ послѣдовательномъ порядкѣ до центрального правительства и наконецъ до самого богдыхана. Къ вице-королямъ назначаются помощники *Фу-юень*, по одному на каждую область, вслѣдствіе чего при 11 вице-короляхъ состоятъ 18 *Фу-юеновъ*. При всѣхъ другихъ чиновникахъ, смотря по важности занимаемыхъ ими административныхъ должностей, состоятъ двое, трое или четверо помощниковъ или совѣтниковъ отъ правительства (*Цо-энь*) способныхъ замѣнить ихъ въ случаѣ надобности. Кромѣ этихъ правительственныхъ должностныхъ лицъ имѣется въ каждой области главный сборщикъ податей—*Пу-ченъ-се*, генераль-прокуроръ—*Ганъ-ча-се*, главный инженеръ публичныхъ работъ—*Фенъ-чеу* и трое или четверо инженеровъ путей сообщенія—*Фенъ-сиунъ-тао*. Всѣ эти должностныя лица подчинены центральному пекинскому правительству.

II.

Центральное пекинское правительство состоитъ изъ шести министерствъ: *Ли-пу*, или министерство личнаго состава гражданской службы, *Ху-пу*—министерство финансовъ; другое *Ли-пу*, названіе котораго обозначается

по-китайски не тою буквою, какъ первое *Ли-пу*—министерство обычаевъ и обрядовъ. Его можно сравнить до извѣстной степени съ нашимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но въ то же время въ вѣдѣніи его находятся также иностранныя дѣла, специально подвѣдомственные одному изъ его департаментовъ, *Цонгъ-ли-я-менъ*. Затѣмъ идутъ: военное министерство, *Пингъ-пу*, назначающее само офицеровъ и чиновниковъ военного вѣдомства; *Хингъ-пу* или министерство юстиціи и *Конгъ-пу*—министерство публичныхъ работъ. При каждомъ изъ этихъ министерствъ состоитъ совѣщательный комитетъ, назначаемый изъ членовъ совѣта *Луи-ко*, соотвѣтствующаго нашему государственному совѣту. Министерства дѣлятся на департаменты. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ министерствъ, рѣшаются въ совѣтѣ министровъ, который собирается или подъ предсѣдательствомъ одного изъ министровъ, или же, въ важныхъ случаяхъ, подъ предсѣдательствомъ самого богдыхана. При богдыханѣ состоитъ особый императорскій совѣтъ, — *Кьюнзъ-ки-чу*; существуетъ также министерство императорскаго двора. Но завѣдующій имъ министр не считается принадлежащимъ къ составу правительства и не участвуетъ въ засѣданіяхъ совѣта министровъ.

Всѣ правительственные должностныя лица въ Китаѣ, начиная съ помощника уѣзднаго начальника и кончая самимъ богдыханомъ, признаются отвѣтственными и притомъ не только въ сферѣ ихъ собственной публичной дѣятельности, но также и за поступки гражданъ, управление которыми имъ ввѣрено, и даже за событія, вызванныя обычными явленіями природы, если только событія эти нарушаютъ миръ и тишину Срединнаго Царства. Убіиство, совершенное въ какой-либо волости, влечетъ

за собой и отрѣшеніе отъ должности не только для мѣра общины, гдѣ найденъ былъ трупъ убитаго, но также для помощника уѣзднаго начальника и самого уѣзднаго начальника. Подобнымъ же образомъ, въ случаѣ продолжительныхъ засухъ и чрезмѣрныхъ наводненій, правительственные чиновники увольняются отъ занимаемыхъ ими должностей. На первый взглядъ трудно уяснить себѣ причины такой строгости по отношенію къ должностнымъ лицамъ, однако же не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ упомянутыя естественныя бѣдствія могли быть предотвращены своевременнымъ принятіемъ надлежащихъ мѣръ. Такъ, зачастую засухи и наводненія въ Китаѣ зависятъ отъ недостаточно хорошаго присмотра за каналами и плотинами. Надзоръ же за главными каналами и водоемами, равно какъ и за содержаніемъ въ порядкѣ береговыхъ плотинъ, лежитъ въ высшей инстанціи на правительственныхъ чиновникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность, тяготящая надъ чиновниками, не позволяетъ имъ впадать въ равнодушіе по отношенію къ судьбамъ ввѣреннаго имъ населенія. Она создаетъ между управляющими и управляемыми извѣстную солидарность, которая имѣетъ существенное нравственное значеніе. Наконецъ она же доставляетъ народу случай избавиться законнымъ порядкомъ отъ администраторовъ, которые, не совершивъ никакихъ особенно важныхъ проступковъ, тѣмъ не менѣе не заслужили его довѣрія. Положимъ, напримѣръ, что въ Срединномъ Царствѣ случилась продолжительная засуха. Кого, думаете вы, станутъ винить въ ней китайцы? Во всякомъ случаѣ не небо и не землю, а прежде всего самихъ себя. Каждый начинаетъ помышлять о совершенныхъ имъ грѣхахъ; назначается общій постъ и публичное исповѣданіе грѣ-

ховъ. Чиновники излагаютъ исповѣдь свою въ печатныхъ листкахъ, которые вывѣшиваются на улицахъ. Сами они указываютъ въ этихъ листкахъ совершенные имъ промахи и недосмотры, принимая на себя отвѣтственность также и за грѣхи народа, которому плохо служили своимъ примѣромъ и совѣтомъ. Такія официальные исповѣди заканчиваются всегда обѣщаніемъ на будущее время лучше исполнять свои обязанности, но зачастую обѣщанія эти не принимаются во вниманіе. Отрѣшенія отъ должности сыплются тогда какъ градъ. Иногда они падаютъ сверху, иногда же исходятъ отъ самого народа.

Въ одну изъ такихъ засухъ, оставшуюся мнѣ какъ нельзя болѣе памятной, потому что мнѣ пришлось тогда дорогой поститься вмѣстѣ со всѣми окружающими, я самъ былъ свидѣтелемъ увольненія или отсылки въ отставку трехъ или четырехъ уѣздныхъ начальниковъ и помощниковъ ихъ. Продлись засуха еще недѣлю, — и губернаторъ слетѣлъ бы въ свою очередь съ должности. Къ счастью для него и для вице-короля, которому безъ того тоже пришлось бы плохо, своевременно выпалъ обильный дождикъ. Если естественныя бѣдствія тянутся очень долго или же случаются очень часто, то самого богдыхана и всю его династію низводятъ съ престола. Такимъ образомъ сильный неурожай, который влечетъ за собой для народа утрату благосостоянія, является бѣдствіемъ также и для чиновниковъ и даже для самого богдыхана. Понятно, что если, при такихъ случаяхъ, народъ отдѣляется отъ чиновниковъ, не сумѣвшихъ заслужить его любовь и довѣріе, онъ приглашаетъ, напротивъ того, оставаться въ должности тѣхъ, которые сумѣли ему понравиться. Вообще, отвѣтственность чиновниковъ за все и за вся является для управляемыхъ, въ крайнемъ случаѣ,

удобнымъ средствомъ разстаться съ ними приличнымъ образомъ. На землѣ нѣтъ совершенства, а потому напрасно было-бы искать его и между чиновниками. На нихъ даже жалуются чаще, чѣмъ на кого бы то ни было. Народъ въ теченіе долгаго времени терпитъ мелкіе грѣшки администраторовъ, члены земскаго совѣта обращаются къ нему съ представленіями. Наконецъ, если все это не помогаетъ. крестьяне отказываются платить пошлыны, а горожане закрываютъ свои лавки. Всѣ дѣла пріостанавливаются. Если въ теченіе трехъ дней администратору не удастся войти въ соглашеніе съ управляемыми, его увольняютъ въ отставку. Все это происходитъ безъ малѣйшаго нарушенія тишины и спокойствія. Для генерала, который далъ непріятелю захватить частицу китайской территоріи, для губернатора, впустившаго врага въ городъ, для посланника, не сумѣвшаго избѣжать войны или согласившагося на уступку клочка родной земли, отвѣтственность не ограничивается уже простымъ отрѣшеніемъ отъ должности. Вина ихъ можетъ быть искуплена развѣ только самоубійствомъ. Искупленіе это можетъ показаться опять-таки очень тяжкимъ, но по крайней мѣрѣ китайскій народъ пользуется за то уѣренностью, что его не вовлекутъ съ легкимъ сердцемъ въ политику приключеній, за которую народъ долженъ платиться своимъ потомъ и кровью. Китайцы знаютъ поэтому, что если правительство объявило войну, то было вынуждено къ ней неизбѣжной необходимостью законной самообороны.

Чиновники въ Китаѣ дѣлятся на девять разрядовъ или ранговъ, въ каждомъ изъ которыхъ считается по два класса. Они получаютъ опредѣленное жалованье. Чиновники перваго ранга получаютъ по 1620 франковъ деньгами и 180-ти мѣръ рису, но имъ предоставляется

сверхъ того право на извѣстную часть налога, уплачиваемаго управляемыми ими округомъ или областью. При этомъ берется въ расчетъ богатство управляемаго края и важность поста, занимаемаго администраторомъ. Вице-король получаетъ такимъ образомъ прибавку къ жалованью, достигающую иногда до 30.000 франковъ. Это добавочное содержаніе, взимаемое чиновниками, является обычной причиной недовольства, питаемаго противъ нихъ народомъ. Впрочемъ, недовольство чиновниками встрѣчается въ Китаѣ вовсе не такъ часто, какъ объ этомъ говорятъ европейцы. Прибавимъ кстати маловажный, но весьма характеристичный фактъ: всѣ министерства и присутственныя мѣста открываются тамъ на разсвѣтъ и закрываются лишь съ закатомъ солнца.

Какъ уже упомянуто, въ Китаѣ нѣтъ ни законодательнаго корпуса, ни вообще чего-либо подобнаго выборному или иному собранію, въ родѣ сената или палаты лордовъ, которое имѣло бы спеціальной обязанностью издавать законы. Въ сущности тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такое старинное государство какъ Китай должно было давно уже выработать и, дѣйствительно, выработало себѣ полный кодексъ общихъ законовъ. Теперь можетъ представиться надобность лишь въ частныхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ временной, мѣстный характеръ и видоизмѣняющихся сообразно съ обстоятельствами. Общія и существенныя формулы, дѣйствительно заслуживающія названія законовъ, не могутъ, по мнѣнію китайцевъ, разсматриваться какъ выраженія воли одного лица или даже всего народа. Они думаютъ, что законъ вытекаетъ изъ необходимыхъ условій существованія отдѣльной личности и всего общества. Законъ этотъ—въ самомъ человѣкѣ. Надо только способствовать ему сво-

бодно выясниться. Свобода признается поэтому основнымъ закономъ или, лучше сказать, основнымъ принципомъ всякаго закона. Второе условіе существованія—взаимная солидарность. Безъ нея нѣтъ общества, а безъ общества немислимъ и самъ человѣкъ. Третье условіе существованія—равенство, безъ котораго солидарность была бы только пустымъ звукомъ. Свобода, взаимная солидарность и равенство служатъ основными столпами семьи, китайской семьи, этого подобія государства и первой его фазы. То, что влечетъ за собой ослабленіе семьи, не можетъ быть закономъ, а развѣ лишь противозаконіемъ. Для китайцевъ немислимъ иной законъ, кромѣ такого, который, вытекая изъ семьи, служить къ ея огражденію и развитію. Само государство, по словамъ китайцевъ, только большая семья. Условія существованія семьи, т. е. нравственные принципы свободы, взаимной солидарности и равенства, обеспечивающія ея цѣлостность, всюду одинаковы, а потому каждый законъ необходимо является всеобщимъ. При такомъ взглядѣ на законодательство, какое значеніе могли бы имѣть въ такой обширной странѣ какъ Китай постановленія, принятыя большинствомъ депутатовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Срединнаго Царства. Ихъ стали бы разсматривать не какъ законы, а какъ простыя предписанія, имѣющія характеръ непрошеннаго и вреднаго вмѣшательства. Съ китайской точки зрѣнія не можетъ быть ничего хуже и зловреднѣе учрежденія съ исключительно законодательной дѣятельностью. При этомъ случаѣ позволю себя спросить: на какомъ основаніи, исходя изъ этого образа мыслей и этихъ принциповъ, европейцы позволяютъ себѣ предполагать, говорить и писать, будто общественный строй въ Китаѣ воспрещаетъ китайцамъ всякія сношенія съ чу-

железными? Напротивъ того, нельзя было бы прискаты другой общественный строй, столь же простой, всюду примѣнимый и, слѣдовательно, болѣе научный, болѣе человѣчный и гостепріимный.

III.

На ряду съ этими основными законами или, лучше сказать, степенью ниже, можетъ ощущаться необходимость въ другихъ дополнительныхъ законахъ. Участіе государства и самое существованіе общества могутъ зависѣть отъ внѣшнихъ фактовъ, явленій и вопросовъ, рѣшеніе которыхъ нельзя предоставить случаю или же благоусмотрѣнію перваго встрѣчнаго. Необходимо, чтобы это рѣшеніе согласовалось съ основными законами и не стояло съ ними въ противорѣчіи. Второстепенные законы должны быть въ надлежащемъ отношеніи съ основными и обладать столь же научнымъ характеромъ. Чтобы удовлетворить этому условію, законодательную функцію надо было возложить на людей науки, а не на какое-либо избирательное или иное собраніе. Поэтому-то въ Китаѣ пекинская академія наукъ и словесности является единственной законодательной властью. Вообще же законы создаются тамъ слѣдующимъ порядкомъ. Если какой-либо администраторъ замѣчаетъ въ управляемомъ имъ округѣ обычай, который, по его мнѣнію, полезно было бы ввести во всеобщее употребленіе, онъ заявляетъ объ этомъ по начальству центральному пекинскому правительству. Министерство обычаевъ и обрядовъ переноситъ дѣло на разсмотрѣніе академіи наукъ. Если обычай одобренъ академіей, то о немъ сообщается во всѣ областныя управления съ пред-

ложениемъ ввести его временно въ областяхъ для испытанія. Если испытаніе окажется удачнымъ, то обычай, освященный уже опытомъ и принятый повсюду населениемъ, вносится въ кодексъ и становится закономъ. Это дѣлается, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не ранѣе, какъ со вступленіемъ на престолъ новаго императора. Законъ успѣлъ, слѣдовательно, уже получить къ тому времени право гражданства. Въ случаѣ, если законопроектъ не нравится народу, его отвергаютъ. Такому же предварительному испытанію подвергаются всѣ законопроекты, отъ кого бы они ни исходили: отъ частныхъ лицъ или же отъ правительственной инициативы. Прибавлю кстати, что, несмотря на давность существованія Срединнаго Царства, число какъ основныхъ, такъ и второстепенныхъ законовъ весьма ограниченное. Весь гражданскій кодексъ умѣщается поэтому на нѣсколькихъ страницахъ. Что касается до уголовного кодекса, о которомъ я буду говорить впослѣдствіи, то онъ въ Китаѣ гораздо обширнѣе гражданского.

Нечего и говорить, что редактированье законовъ не представляетъ собою преимущественнаго занятія distinguished академіи *Ханг-Линг*. Въ числѣ отправляемыхъ ею функцій имѣется одна, которая ставитъ академію выше центральной правительственной власти, но и эта функція еще не самая существенная. Прежде чѣмъ говорить о различныхъ обязанностяхъ, лежащихъ на китайской академіи наукъ и литературы, необходимо сказать нѣсколько словъ о личномъ ея составѣ. Всѣхъ академиковъ 232. Они сами пополняютъ свой составъ, замѣщая открывающіяся вакансіи наиболѣе выдающимися учеными и литераторами. Въ число академиковъ не разъ попадали уже и женщины. Каждый академикъ получаетъ

отъ правительства небольшую денежную пенсію, а также домъ съ садомъ въ пожизненное пользованіе. Кромѣ того, академія пользуется весьма солидными доходами съ государственныхъ имуществъ, отданныхъ уже въ давнишнія времена ей въ вѣчное владѣніе, не считая ежегодно поступающихъ случайныхъ пожертвованій. Несмотря на получаемое ею отъ государства пособіе, которое правительство не въправѣ отъ нея отнять, академія совершенно независима отъ правительственной власти. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно было бы сравнить ее съ прежними западно-европейскими университетами. Она замѣняетъ собою отсутствующее въ Китаѣ министерство народнаго просвѣщенія, удовлетворяя потребность высшаго и средняго образованія, приче́мъ, однако, миссія эта не составляетъ ея монополіи. Никто не обязанъ учиться въ академической гимназіи и каждому предоставляется право открывать гимназіи или другія среднія и высшія учебныя заведенія съ какой угодно программой. Вме́стѣ съ тѣмъ, впрочемъ, всѣ желающіе занять какую-либо оффиціальную должность, обязаны выдержать академическій экзаменъ. Лица, обладающія академическими степенями, а также агенты академіи наукъ, пользуются рангомъ и почетными прерогативами государственныхъ чиновниковъ. Сколько можно судить, привилегіи эти имѣютъ цѣлью содѣйствовать академіи въ выполненіи главнѣйшей ея обязанности, заключающейся въ возможно большемъ развитіи народнаго образованія. Въ этой сферѣ дѣйствія она непосредственно располагаетъ слѣдующимъ штатомъ должностныхъ лицъ: 18-ю попечителями учебныхъ округовъ (по одному на область). Эти попечители, или *Гю-Шенъ-та*, признаются чиновниками четвертаго класса. Имъ подчинены 189 гу-

бернскихъ инспекторовъ, *Кіа-Шеу* (въ шестомъ классѣ), 210 директоровъ уѣздныхъ гимназій, *Гіо-Шенъ* (въ седьмомъ классѣ), 1,111 директоровъ волостныхъ гимназій, *Кіао-хо* (въ восьмомъ классѣ)*), 1,521 завѣдующій разными учеными учрежденіями, бібліотеками и т. п., *Гіонъ-тао* (въ восьмомъ классѣ). Не вдаваясь пока въ дальнѣйшія подробности относительно организаціи дѣла народнаго образованія, вернемся прежде къ тѣмъ функціямъ китайской академіи наукъ, которыя ближе соприкасаются съ занимающимъ насъ предметомъ. Мы видѣли уже, какимъ путемъ создаются въ Китаѣ законы, но недостаточно еще составить таковые и внести ихъ въ кодексъ. Необходимо озаботиться, чтобъ законы эти выполнялись на самомъ дѣлѣ. Для этой цѣли существуетъ въ Китаѣ съ самой глубокой древности особое учрежденіе, подобнаго которому не встрѣчается ни въ какомъ другомъ цивилизованномъ государствѣ. Это—верховный цензорскій судъ изъ сорока академиковъ. Одни изъ цензоровъ состоятъ при особѣ богдыхана и контролируютъ не только публичную его дѣятельность, но смотрятъ также и за тѣмъ, чтобъ онъ въ частной своей жизни не дозволялъ себѣ нарушенія основныхъ принциповъ китайскаго государства. Строже всего преслѣдуется цензорами невыполненіе обязанностей семейнаго культа и непочтеніе къ предкамъ. Каждый другой проступокъ цензора умѣютъ, впрочемъ, свести на неуваженіе къ семьѣ и къ предкамъ. Можно представить для назиданія образчикъ выговоровъ, которые даются ими богдыхану. Дѣло было

*) Число уѣздныхъ и волостныхъ гимназій не вполне совпадаетъ съ числомъ административныхъ подраздѣленій. Несоответствіе это объясняется неодинаковой густотой населенія въ разныхъ мѣстностяхъ.

въ 1860 году, когда соединенныя англо-французскія арміи угрожали китайской столицѣ. Богдыханъ, по совѣту придворныхъ, старавшихся попасть ему въ тонъ, собирався покинуть дворецъ Юень-мингъ-юень и уѣхать въ Монголію въ Гехольскій дворецъ. Чтобы замаскировать свое бѣгство приличнымъ предлогомъ, онъ отдалъ приказъ устроить большую охоту за Великой стѣной. Одинъ изъ цензоровъ написалъ ему по этому поводу: «Я, Цао-Юнгъ-Янгъ, цензоръ Ху-Куангской области, представляю богдыхану слѣдующую замѣтку». Изложивъ въ краткихъ словахъ политическое положеніе, онъ продолжаетъ. «Намѣреніе богдыхана взять на себя главное начальство надъ войсками встрѣчаетъ, по слухамъ во дворцѣ, серьезную оппозицію. Безпорядокъ достигъ уже высшей степени, но ничто не производило еще такого пагубнаго впечатлѣнія, какъ распространившійся сегодня слухъ, будто Ваше Величество предполагаете уѣхать въ Гехоль. Слухъ этотъ, которому я отказываюсь вѣрить, возбудилъ всюду глубокий ужасъ. Многіе сановники тщетно уже умоляли Ваше Величество вернуться въ столицу. Всѣ умы объаты смутнымъ опасеніемъ, отъ котораго никто не можетъ отдѣлаться. Если богдыханъ, дѣйствительно, уѣзжаетъ, то отъѣздъ его можетъ причинить непоправимыя бѣдствія. Какимъ окомъ взираете вы въ такомъ случаѣ, Ваше Величество, на народъ? Какую цѣнность придаете вы праху своихъ предковъ? Неужели вы рѣшитесь покинуть оставленное ими наслѣдіе, какъ еслибы это было старое изношенное платье? Что скажетъ о васъ современемъ исторія? Никогда еще не видывали государя, который выбралъ бы минуту опасности и народнаго бѣдствія, чтобъ ѣхать на охоту подъ предлогомъ, будто отъѣздъ его предотвратитъ излишнія усложненія. Пусть

Ваше Величество позволить убѣдить себя этими доводами и безотлагательно вернется въ столицу»... Другой цензоръ предсказывалъ богдыхану, что, въ случаѣ отъѣзда въ Гехоль, его не пустять, пожалуй, назадъ въ Китай. Третій предупреждалъ своего монарха, что если онъ вздумаетъ убѣжать, то народъ осквернитъ гробницы его предковъ. Въ одной изъ многочисленныхъ докладныхъ запискахъ, посланныхъ при этомъ случаѣ богдыхану, министръ Ціунгъ-Кингъ и двадцать три другихъ сановника, цензора и т. п. умоляютъ богдыхана вернуться въ столицу и говорятъ ему: «Государь долженъ быть слугой народа, а вѣрный слуга въ минуту бѣдствія долженъ быть готовъ умереть на своемъ посту». Ограничиваюсь этими выдержками.

Другіе члены цензорскаго суда посылаются отъ времени до времени въ особыя командировки по областямъ. Тамъ имъ поручается ревизовать публичную и частную дѣятельность правительственныхъ должностныхъ лицъ и выслушивать жалобы, которыя могутъ быть представлены земскими выборными учрежденіями. Затѣмъ нѣсколькимъ цензорамъ поручается собирать документы и матеріалы для исторіи текущаго царствованія, которые, по мѣрѣ собиранія, укладываются въ большой запертой на замокъ сундукъ, отпираемый послѣ смерти богдыхана. Особенно важные случаи, какъ напримѣръ перемѣна въ престолонаслѣдіи, внутреннія смуты, распри съ иностранными державами, представляются на разсмотрѣніе великаго совѣта, состоящаго изъ всѣхъ академиковъ, министровъ и вліятельныхъ лицъ, которыхъ академія сочтетъ нужнымъ пригласить.

IV.

Такимъ образомъ Китай управляется въ дѣйствительности въ первой инстанціи самимъ народомъ, а въ высшей инстанціи—академіей наукъ и, вмѣстѣ съ ней, всѣмъ ученымъ сословіемъ. Сословіе это имѣетъ во всѣхъ областяхъ многочисленныхъ представителей, пользующихся въ народѣ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, благодаря чему между академіей и народомъ устанавливается полная общность мнѣній и взглядовъ, относительно всѣхъ текущихъ вопросовъ. Мнѣнія академіи наукъ доходятъ въ самые отдаленные округа со скоростью, совершенно изумительной для страны, не обладающей электрическими телеграфами. Повсюду народъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію и руководству. Такимъ образомъ возникаютъ иногда (какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кантонѣ) грозныя народныя движенія, обращающіяся не только противъ тѣхъ, чьи дѣйствія вызвали подобное вмѣшательство со стороны ученаго сословія, но и противъ самаго правительства, оказывающагося тогда въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Испытывая съ одной стороны давленіе отъ представителей иностранныхъ державъ, бомбардирующихъ грозными нотами, китайскіе министры и чиновники стараются во чтобы то ни стало выгодать время, придумываютъ разныя дипломатическія уловки, чтобы какъ-нибудь избѣжать войны или же унижительнаго и слишкомъ убыточнаго мира, на условія котораго народъ не согласится. Европейцы, незнакомые съ политическими условіями Китая, не понимаютъ критическаго положенія китайскихъ чиновниковъ и позволяютъ себѣ обвинять

ихъ въ коварствѣ и лицемѣріи. Упреки эти совершенно неосновательны. Они недостойны ни Европы, ни Китая. Мы убѣдимся въ этомъ сами, когда, ставъ на точку зрѣнія настоящаго демократическаго государства, не станемъ придавать правительствамъ преувеличеннаго значенія. Если-бъ европейскіе народы были такъ же мощно организованы, какъ на примѣръ китайскій народъ, то правительства у нихъ не могли бы обладать большей инициативой и большимъ вліяніемъ, чѣмъ нынѣшнее китайское правительство, и европейскія войны стали бы фактически немыслимыми. Къ несчастью, намъ до этого еще очень далеко. Наши цивилизаціи, возникшія изъ смѣшенія самыхъ разноплеменныхъ элементовъ, обработанныхъ умами, отличительной чертой которыхъ было стремленіе не къ синтезу, а къ анализу, настолько нестройны и безсвязны, что для огражденія ихъ полнаго распада мы всегда стремились замѣнить недостающее единство и солидарность искусственнымъ единствомъ, обусловленнымъ мощной административной и политической централизаціей. На этой почвѣ выросла у насъ такая привычка сознать себя управляемыми, что мы не можемъ даже вообразить общества, обходящагося безъ правительства, и мечтаемъ только о хорошемъ, могущественномъ правительствѣ. Это высшій для насъ идеалъ. Мы настолько слѣпы, что не въ состояніи даже подозрѣвать существованія у другихъ того, чего у насъ нѣтъ. Могущественное и правильное дыханіе объемистыхъ легкихъ китайскаго народа, оживляющее всѣ его органы, энергическая и здравая мысль, которая, исходя изъ академіи наукъ какъ изъ мозгового центра, вноситъ всюду одухотворяющее сознаніе, кажутся намъ какими то непонятными, таинственными

вліяніями, какою то загадочною силою, которой должно всегда опасаться, тѣмъ болѣе, что дѣйствія ея нельзя предвидѣть. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ цивилизація достигла уже такой степени синтеза, всѣ учрежденія состоятъ въ такой гармонической связи другъ съ другомъ, что правительственная и государственная власть почти не существуютъ. Это необходимо себѣ уяснить прежде всего. Пока мы не проникнемся такимъ взглядомъ, нельзя рассчитывать на поддержаніе съ Китаемъ сколько-нибудь прочныхъ или выгодныхъ сношеній. Напротивъ того, можно рассчитывать, что насъ будутъ всегда водить за носъ, но не по винѣ китайскихъ властей, а вслѣдствіе невѣжества и легкомыслія собственныхъ нашихъ правительствъ. Между тѣмъ легко понять, какое существенное значеніе могла бы имѣть для насъ дружба такого государства какъ Китай, если бъ дружба эта была основана на обстоятельномъ знакомствѣ съ его интересами и порядками *).

Китай не военная держава, но обладаетъ такимъ многочисленнымъ населеніемъ, что малѣйшее движеніе съ его стороны обезпокоиваетъ Европу и заставляетъ ее вооружаться. Какія громадныя услуги могъ бы при случаѣ оказать Китай французамъ несмотря на то, что онъ лежитъ какъ разъ на противоположной оконечности европейско-азиатскаго материка. Подумайте только, какія затрудненія можетъ онъ создать иначе другой державѣ, болѣе близкой къ Франціи и болѣе способной оказать ей

---

*) Повидимому между европейскими и китайскими государствами и существуетъ такая же разница, какъ между европейской и китайской письменностью. Первая изъ нихъ—буквенная или аналитическая, а вторая—ідеографическая или синтетическая. Эта точка зрѣнія могла бы выяснить, пожалуй, многое.

матеріальное содѣйствіе. Тѣ, которымъ удалось поссорить насъ съ Китаемъ, знали очень хорошо, что они дѣлають.

Какъ бы ни было, со стороны демократическаго французскаго правительства было бы разумно и умѣстно принять, по крайней мѣрѣ хоть на будущее время, къ руководству въ сношеніяхъ своихъ съ китайскимъ народомъ сообщенные нами факты, относительно дѣйствительной организаціи китайскаго правительства. Если теперь даже окажется и невозможнымъ заключить союзъ съ Китаемъ, то мы избавимъ себя по крайней мѣрѣ отъ множества пагубныхъ ошибокъ въ собственныхъ своихъ расчетахъ. Воображать, что мы выиграли дѣло, когда, приставивъ ножъ къ горлу, заставили китайскихъ министровъ подписать какой-либо договоръ—идея самая ребяческая, надъ которой расхохотались бы сами китайскіе министры, если бы она не приводила ихъ въ трепеть.

Въ дѣйствительности договоръ, заключенный съ китайскимъ правительствомъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, если онъ черезъ посредство ученаго сословія не одобренъ самимъ народомъ. Посламъ нашимъ слѣдовало бы представлять вѣрительныя свои грамоты не только богдыхану, но также и членамъ пекинской академіи наукъ. Я упоминалъ уже, что визиты, сдѣланные наиболѣе выдающимся ученымъ различныхъ городовъ, въ которыхъ я останавливался по дорогѣ, обезпечивали мнѣ радушный пріемъ повсюду въ гораздо большей степени, чѣмъ это могли бы сдѣлать самыя настоятельныя предписанія пекинскаго правительства.

Считаю тѣмъ болѣе умѣстнымъ напирать на эти соображенія, что по поводу договора, который француз-

ское правительство рассчитывает заключить съ Китаемъ, ему приписываютъ совершенно не тѣ соображенія, какими слѣдовало бы въ данномъ случаѣ руководиться. Утверждаютъ, будто правительство наше рассуждаетъ приблизительно такъ: «Китай не можетъ на насъ напасть, не можетъ внести войну въ наши предѣлы; мы же въ состояніи будемъ это сдѣлать. Объявимъ поэтому китайскіе порты въ блокадѣ. Тогда Англія, клонившаяся до сихъ поръ на сторону Китая, вынуждена будетъ произвести въ Пекинѣ давленіе, чтобы избѣжать громадныхъ убытковъ, которые понесетъ въ противномъ случаѣ ея торговля. Нашъ полномочный посолъ, съ заготовленнымъ уже мирнымъ договоромъ въ рукахъ, выяснитъ китайскимъ министрамъ всѣ выгоды, проистекающія для Срединнаго Царства отъ непосредственнаго присоединенія къ нему изрядной части сѣвернаго Тонкина и, уловивъ удобную минуту, уговоритъ ихъ подписать договоръ, въ сущности еще довольно выгодный для Китая».

Оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени правильны расчеты воздѣйствовать на политику Англіи и, безъ сомнѣнія, другихъ державъ, такъ заинтересованныхъ въ торговлѣ съ Китаемъ. Предположу даже, что вмѣшательство Англіи приведетъ къ желаемому результату и что китайское правительство подпишетъ требуемый нами договоръ. Позволю себѣ однако спросить: «найдетъ ли китайскій народъ умѣстнымъ подтвердить этотъ договоръ? Завоевавъ Тонкинъ, будемъ ли мы на самомъ дѣлѣ владѣть имъ? Уже въ теченіе пятнадцати или шестнадцати столѣтій Тонкинъ носитъ китайскій отпечатокъ на своихъ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ. Право собственности, система налоговъ, общественный и административный строй, права

и привилегіи семьи, почитаніе предковъ—все это организовано тамъ по китайскому образцу. Тонкинскіе ученые пишутъ по-китайски. Народный языкъ — нарѣчіе китайскаго языка. Короче сказать, китайцы и тонкинцы принадлежать къ одной и той же народной семьѣ, къ одной и той же политической группѣ. Если Тонкинъ былъ до сихъ поръ лишь вассальнымъ владѣніемъ Китая, то это слѣдуетъ лишь приписать нежеланію китайскаго правительства расширять предѣлы Срединнаго Царства безъ крайней къ тому необходимости. Китай хотѣлъ только предотвратить на будущее время набѣги тонкинцевъ на свою территорію. Для этого, занявъ Тонкинъ, китайцы внесли туда свою цивилизацію и предоставили затѣмъ тонкинскій народъ самому себѣ. Тонкинъ обязанъ Китаю прежнимъ своимъ благоденствіемъ. Какъ только китайцамъ угодно будетъ вступить въ Тонкинъ, все населеніе окажется на ихъ сторонѣ.

При такомъ положеніи вещей, наврядъ ли удастся подкупить китайцевъ кусочкомъ территоріи, которую они могутъ считать своею собственностью. Можетъ случиться, однако, что мы какъ нибудь добьемся согласія китайскихъ министровъ подписать договоръ. Въмѣсто того, чтобы обезпечить такимъ путемъ миръ съ Китаемъ, мы очутимся тогда хронически на военномъ положеніи и будемъ вынуждены держать въ Тонкинѣ изъ года въ годъ 50—60 тысячную армію. Изъ китайскихъ областей пограничныхъ, съ неуловимой, такъ сказать, полосой, отдѣляющей ихъ отъ Тонкина, будутъ постоянно прибывать вооруженные добровольцы для замѣщенія убыли въ рядахъ тѣхъ, съ которыми мы должны будемъ сражаться. Китайское правительство отклонить отъ себя всякую отвѣтственность за эти послѣдствія, такъ какъ оно оду-

шевлено искреннимъ желаніемъ жить съ нами въ мирѣ. Въ дѣйствительности мы окажемся тогда въ войнѣ съ самой колоссальной и могущественной націей въ мирѣ. Вотъ къ чему мы идемъ. Можно представить себѣ съ точностью опасности и денежные издержки, навѣрное ожидающія насъ на этомъ пути. Что касается до гадательныхъ выгодъ, то онѣ, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, окажутся далеко не соотвѣтствующими ожиданіямъ. Такъ какъ мнѣ пришлось уже заговорить о жгучемъ вопросѣ, разъединяющемъ теперь Францію съ Китаемъ, то вѣроятно можно будетъ сдѣлать еще маленькое отступление отъ программы, чтобы представить, по возможности вкратцѣ, относительно этого вопроса нѣкоторыя соображенія, ускользнувшія, повидимому, отъ вниманія нашихъ правительственныхъ сферъ.

V.

Завоеватели всегда приводятъ въ защиту своихъ предпріятій самые вѣскіе доводы. Они задаются цѣлью расширить сферу отечественнаго вліянія, сдѣлать родную страну болѣе могущественной, открыть новые рынки для ея промышленности и торговли, увеличить тѣмъ самымъ количество труда и хлѣба для рабочихъ въ ея городахъ, распространить блага цивилизаціи на отсталые народы, освободить ихъ отъ гнетущаго деспотизма, возратить имъ одновременно свободу и чувство собственнаго достоинства. Если открываемыя такимъ образомъ блестящія перспективы не представляются современникамъ достаточно заманчивыми, завоеватели указываютъ на блестящее будущее, приготовляемое будто бы ими грядущимъ поколѣніямъ. Въ данномъ случаѣ, однако, будущее на са-

момъ дѣлѣ уже разоблачено и самымъ откровеннымъ образомъ высказываетъ свои тайны. Чтобы познакомиться съ ними и узнать всю подноготную, стоитъ только открыть уши. Надежды, которыми себя убаюкиваютъ не тѣ же ли самыя, которыми мы ласкали себя наканунѣ войнѣ съ Кохинхиной и Китаемъ въ 1858 и въ 1860 годахъ? Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго четверть столѣтія. Въ какой степени осуществились эти надежды? Кохинхинская торговля ушла изъ нашихъ рукъ; что же касается до Китая, то въ одной изъ предшествовавшихъ главъ выяснено уже, что цѣнность ввоза европейскихъ товаровъ остается приблизительно та же, какой она была до злополучной войны 1860 года, тогда какъ вывозъ изъ Китая увеличился вдвое. Каждый китаецъ покупаетъ ежегодно среднимъ числомъ всего лишь на 60 сантимовъ европейскаго товара. Нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, чтобы тонкинцы стали покупать больше. Ихъ считается всего лишь около 12 милліоновъ душъ, что составить въ общей сложности для ввоза европейскихъ товаровъ всего лишь 6—7 милліоновъ франковъ, да и то къ тому времени, когда страна совершенно успокоится и придетъ въ нормальное состояніе. Не слѣдуетъ также забывать, что Франція не можетъ захватить въ свои руки монополію торговли съ Тонкиномъ и что наши товары составлять, какъ и въ Китаѣ, лишь ничтожную часть общей цифры ввоза. Вывозъ изъ Тонкина въ Европу будетъ сравнительно значительнѣе. Китай посылаетъ западнымъ варварамъ на 600 или 700 милліоновъ франковъ чаю, шелку и т. п. Изъ Тонкина можно будетъ также получать чай и шелкъ, преимущественно же шелкъ. Замѣьте, что уже и теперь землевладѣльцы на югѣ Франціи жалуются на то, что въ Ліонѣ китайскіе шелка яв-

ляются опасными конкуррентами ихъ собственному производству. Не входя въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ по существу, отмѣчу лишь въ нихъ доказательство того, что даже и ожидаемыя гадательныя выгоды имѣютъ свою оборотную сторону. Правда, что во всемъ этомъ я разсматривалъ только торговые обороты съ самимъ Тонкиномъ. Въ предѣловъ нашего протектората мы, очевидно не будемъ уже у себя дома. Хозяйничать тамъ мы не станемъ, считать заранѣе въ своемъ карманѣ барыши, которые можно было бы тамъ получить, было бы съ нашей стороны большимъ легкомысліемъ, особенно же въ случаѣ, когда отношенія наши къ Китаю, т. е. къ самому китайскому народу, а не исключительно къ одному лишь правительству богдыхана, будутъ не вполнѣ дружественными. Наши воздушныя замки разлетятся въ прахъ, какъ только Срединное Царство, по собственному почину, или же подчиняясь чьему-либо вліянію, закроетъ намъ южную свою границу. Тонкинъ, на который мы рассчитывали какъ на прѣходную улицу, обратится тогда въ глухой переулокъ. Утверждали, будто торговля черезъ Тонкинъ съ юго-западными китайскими областями: съ Ю-наномъ, Куей-чеу, Куангъ-си, частью Сэ-чуена и т. д. дастъ въ общей сложности до двухсотъ милліоновъ франковъ. Цифра эта слишкомъ велика для 50 милліоннаго пограничнаго населенія, такъ какъ для всѣхъ 500 милліоновъ китайцевъ общая сложность торговыхъ оборотовъ съ Европой (считая тутъ и ввозъ и вывозъ) не превышаетъ 1100—1200 милліоновъ.

Напомнимъ еще разъ, что изъ этой гадательной цифры въ 200 милліоновъ пришлось бы на долю Франціи лишь самая ничтожная часть.

Утверждаютъ: «мы передѣлаемъ все это». Нѣтъ! мы

не въ состояніи будемъ всего этого передѣлать. Тонкинъ не какая-нибудь пустыня въ африканскомъ вкусѣ. Населеніе тамъ по меньшей мѣрѣ такое же густое, какъ у насъ, и мы не въ состояніи будемъ замѣнить его ничѣмъ другимъ. Привычки у народа перемѣнить такъ же трудно, какъ и климатъ обитаемой имъ страны. Нѣсколько фабрикантовъ и капиталистовъ, нѣсколько акціонерныхъ компаній, скорѣе даже иностранныхъ, чѣмъ французскихъ, рассчитывая на дешевизну хлопка, шелка, желѣза, мѣди, олова и др. тонкинскихъ продуктовъ, низкую плату на трудъ, и т. п., введутъ тамъ безъ сомнѣнія европейскія паровыя машины. Но скажите на милость, кому это будетъ выгодно, за исключеніемъ развѣ самихъ предпринимателей? Прислушайтесь только къ тревожнымъ воплямъ манчестерской и другихъ англійскихъ торговыхъ палатъ. Что привело ихъ въ такое отчаянье? Недавнее открытіе въ Калькуттѣ нѣсколькихъ фабрикъ, устроенныхъ по европейскому образцу. Этого уже совершенно достаточно, чтобъ англійскіе фабриканты стали предвидѣть утрату азіатскихъ своихъ рынковъ, гибель отечественной промышленности, нищету англійскихъ рабочихъ, и т. д. Приподымая завѣсу будущаго, что найдете вы тамъ съ этой точки зрѣнія? Перемѣщеніе на крайній востокъ промышленныхъ центровъ, находящихся теперь во Франціи, Англіи и вообще въ Европѣ. Я, съ своей стороны, не вижу въ этомъ ничего для насъ утѣшительнаго. Чего добраго, наступить даже, пожалуй, время, когда тонкинскіе и китайскіе рабочіе, оставшись не у дѣлъ, явятся въ Европу конкурировать съ нашими соотечественниками, которые и безъ того будутъ помирать съ голоду.

Мы до сихъ поръ разсматривали вопросъ только съ

нашей французской точки зрѣнія. Быть можетъ, завоеваніе Тонкина Франціей принесетъ большіе барыши самимъ тонкинцамъ?

При нынѣшнихъ порядкахъ они, разумѣется, далеко не чувствуютъ себя счастливыми, но имъ кажется, что во всѣхъ претерпѣваемыхъ ими бѣдствіяхъ виноваты аннамцы, которые грабятъ ихъ до-чиста, оставляя бѣдняжкамъ лишь глаза, чтобы оплакивать такое бѣдствіе. Тонкинцы убѣждены, что будутъ вполне счастливы, освободившись отъ разбойниковъ—аннамцевъ. Дѣйствительно, они останутся совершенно довольными, если ихъ оставить въ покоѣ, дозволивъ ввести правительство и администрацію на китайскій образецъ, т. е. назначать, собирать и расходовать налоги по собственному усмотрѣнію. Но между этими порядками и нашими европейскими правительственными принципами, разница можетъ оказаться настолько серьезной, что ихъ нельзя будетъ совмѣстить другъ съ другомъ. Къ тому же позволительно ли предполагать, что тонкинцы отнесутся съ особеннымъ энтузіазмомъ къ дорого стоящему протекторату, при которомъ они должны будутъ платить не только за огражденіе ихъ противъ аннамцевъ, но и за огражденіе самаго протектората отъ внѣшнихъ враговъ. Это сопряжено съ громадными непредвидѣнными расходами, которые имъ придется очевидно не по вкусу.

Въ Тонкинѣ, какъ и въ Китаѣ, нѣтъ крупныхъ капиталистовъ, но за то нѣтъ также и ужасающей нищеты, не принимая въ расчетъ, разумѣется той, которую могло причинить аннамское владычество.

Тонкинъ, какъ и Срединное Царство—страны мелкой поземельной собственности и кустарной промышленности. Тамъ очень мало батраковъ и много хозяевъ, занимаю-

щихся у себя на дому однимъ или нѣсколькими мастерствами. Они живутъ мирно и счастливо въ своей семьѣ какъ люди, которымъ нечего бояться завтрашняго дня. Неужели вы думаете, что все это население безъ неудовольствія будетъ смотрѣть на завоеваніе родной страны крупными капиталами, сосредоточенными въ немногихъ рукахъ. Наврядъ ли тонкинцамъ придется по вкусу переворотъ, который неминуемо произведутъ у нихъ эти капиталы. Напротивъ того, можно съ увѣренностью сказать, что превращеніе кустарей въ батраковъ, отвлеченіе ихъ отъ семьи, чтобы сосредоточить въ большихъ мастерскихъ на крупныхъ заводахъ и фабрикахъ, гдѣ они съ теченіемъ времени окажутся въ такомъ же непрочномъ положеніи, какъ европейскіе рабочіе, не можетъ понравиться тонкинцамъ.

При такихъ обстоятельствахъ позволительно, кажется, не будучи пессимистомъ, предсказать, что въ Тонкинѣ, съ теченіемъ времени, возникнетъ противъ чужеземцевъ нѣчто въ родѣ нынѣшняго антисемитическаго движенія въ Европѣ. Быть можетъ, я и ошибаюсь, но всѣ размышленія мои по этому предмету болѣе и болѣе усиливаютъ во мнѣ убѣжденіе, что мы въ Тонкинѣ ничего путнаго не добьемся. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что намъ нечего тамъ дѣлать. Это было бы ошибочно. Вникнувъ въ суть дѣла, убѣдимся, что тамъ не все фикція, но есть также осязаемая, положительная дѣйствительность. Правда, что эта дѣйствительность находится не въ самомъ Тонкинѣ, а внѣ предѣловъ настоящей тонкинской территоріи. Я говорю о рудныхъ богатствахъ на границахъ Китая и въ югозападныхъ китайскихъ областяхъ. Къ нимъ можно добраться лишь черезъ Тонкинъ, т. е. по Красной рѣкѣ. Точно также, хотя и

въ меньшей степени, надо признать дѣйствительностью торговлю, которая можетъ производиться при посредствѣ этого воднаго пути. Все остальное въ наилучшемъ случаѣ только иллюзія. Неужели, однако, Китай терпѣливо выжидалъ, пока Франція укажетъ на богатства, скрывающіяся въ его нѣдрахъ, и на средства къ пользованію этими богатствами? Честь открытія этихъ сокровищъ принадлежитъ развѣ Франціи? Починъ первыхъ развѣдокъ дѣйствительно принадлежитъ французу, но китайское правительство, узнавъ отъ этого француза о результатахъ развѣдокъ, тотчасъ же командировало для болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій цѣлую комиссію, начальникомъ которой назначенъ былъ онъ самъ. Правительство это, постоянно упрекаемое за апатичность, нелюбовь къ прогрессу и слѣпую вражду къ европейцамъ, поручило нашему соотечественнику открыть съ помощью пароходовъ судоходство по Красной рѣкѣ, прерванное назадъ тому уже сто лѣтъ, и внести туда европейскую промышленность, которая нашла бы себѣ вполнѣ достаточное представительство въ трехъ или четырехъ акціонерныхъ компаніяхъ. Встрѣтивъ со стороны аннамцевъ неожиданныя препятствія, Дююи успѣшно ихъ преодолѣлъ. Безъ сомнѣнія онъ получилъ бы отъ Китая дальнѣйшую поддержку и приличное вознагражденіе за труды, еслибы не предпочелъ обратиться къ Франціи, которая неожиданно вмѣшалась въ дѣло. Китайское правительство сочло тогда долгомъ временно отстраниться. Можно, однако, сказать съ увѣренностью, что если бы Дююи не сдѣлалъ этой ошибки, обусловленной впрочемъ избыткомъ патріотизма, правительство богдыхана само уладило бы дѣло къ общему удовольствію, или же выгнало бы аннамцевъ изъ Тонкина. Во всякомъ случаѣ, четыре

или пять европейских акціонерныхъ обществъ для разработки тамошнихъ рудныхъ богатствъ давно уже работали бы теперь на полныхъ парахъ. Ничего другого въ сущности и не было нужно. Полагаю, что прямое вмѣшательство Франціи въ тонкинскія дѣла было серьезной политической и финансовой ошибкой. По крайней мѣрѣ я, лично, жалѣю отъ души, что французскіе солдаты и миллионы французскихъ денегъ запутаны въ предпріятіе, которое лишь косвеннымъ образомъ и притомъ въ самой ничтожной степени затрагиваетъ истинные интересы націи и плательщиковъ податей. Быть можетъ, что читатель, дѣлая логическій выводъ изъ всего мною сказаннаго, придетъ къ заключенію объ умѣстности вернуть, если можно, тонкинскій вопросъ къ первоначальному положенію. Я же пока вернусь къ разсмотрѣнію китайскаго государственнаго строя *).

VI.

Затрудненія, съ которыми пришлось бы бороться китайскому правительству, еслибъ оно пожелало вовлечь народъ въ какое нибудь предпріятіе, не соотвѣтствующее народнымъ воззрѣніямъ и интересамъ, обуславливаются не однимъ лишь демократическимъ строемъ китайскаго общества и солидарностью, установившеюся между различными органами этого строя. Есть другое препятствіе такимъ предпріятіямъ и притомъ непосредственно бросающееся въ глаза. У правительства богдыхана, собственно говоря, нѣтъ ни арміи, ни денегъ. Въ газетныхъ статьяхъ опредѣляютъ иногда численность китай-

---

*) Это было писано въ концѣ 1882 г.

скихъ императорскихъ войскъ болѣе чѣмъ въ два милліона солдатъ, но цифры эти принадлежать къ области чистой фантазіи. Въ манджурскихъ войскахъ состоитъ на лицо не болѣе 80 тысячъ человѣкъ, китайская же регулярная милиція, которою можетъ распоряжаться военное министерство, выставить въ поле никакъ не болѣе 400 тысячъ человѣкъ. Правда, что въ случаяхъ крайней необходимости, когда народъ готовъ оказать полную поддержку, правительство богдыхана можетъ созвать подъ свои знамена и несравненно болѣе многочисленную армию, но армія эта будетъ на самомъ дѣлѣ не войскомъ, а ополченіемъ, состоящимъ изъ людей, взятыхъ отъ сохи и совершенно незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ. Новобранцы, особенно же въ первое время, будутъ несомнѣнно очень плохими солдатами. Во всякомъ случаѣ, китайское правительство чрезвычайно бѣдно, несмотря на то, что сами китайцы богатѣйшій народъ въ мірѣ. Дѣйствительно, государственные китайскіе доходы не превышаютъ 1400—1500 милліоновъ франковъ, и правительство лишено возможности сколько-нибудь увеличить эту сумму. Каждый разъ, когда государственные расходы превышаютъ цифру доходовъ, оно поставлено въ необходимость обращаться къ гражданамъ съ просьбой о покрытіи дефицита путемъ добровольныхъ пожертвованій. Если расходы эти одобряются земствами, а въ особенности же въ случаяхъ законной обороны, добровольныя пожертвованія достигаютъ громадныхъ суммъ. Правительство богдыхана находитъ тогда вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточное число добровольцевъ, готовыхъ умереть за отечество. Напротивъ того, когда политика богдыхана не одобряется земствами, народъ безжалостно отказывается ему въ содѣйствіи. Необходимо присовокупить, что ки-

тайцамъ тѣмъ легче контролировать все государственное свое хозяйство, что у нихъ нѣтъ заграничныхъ колоній и на правительствѣ лежитъ только обязанность защищать собственно китайскую территорію. Что касается до государственныхъ займовъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ европейскія правительства для покрытія своихъ дефицитовъ, то двадцать лѣтъ тому назадъ они были въ Китаѣ еще неизвѣстны. Къ тому же, основанія, на которыхъ займы эти введены теперь въ китайское государственное хозяйство самими европейцами, таковы, что этимъ путемъ правительство богдыхана не можетъ получить въ свое распоряженіе особенно значительныхъ денежныхъ средствъ. Извѣстно, что въ китайскихъ портахъ, открытых для европейскихъ судовъ, завѣдываніе таможенными поручено европейцамъ. Правительство богдыхана получаетъ отъ нихъ ежегодно около 150 милліоновъ франковъ, оказывающихся въ безконтрольномъ его распоряженіи. Англійскіе, французскіе и германскіе банкиры охотно даютъ китайскому правительству займы по 9 и 10% со ста подъ залогъ этихъ доходовъ. Займы эти и являются единственнымъ источникомъ для покрытія безконтрольных чрезвычайныхъ расходовъ китайскаго правительства. Очевидно, что эти источники въ значительной степени уже исчерпаны и представляются довольно гадательными. Все это могло бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поставить верховную власть въ очень затруднительное положеніе. Обыкновенные государственные расходы покрываются въ Китаѣ поземельнымъ налогомъ, горными и соляными пошлинами. Содержаніе императорскаго двора, какъ уже сказано, обезпечивается доходомъ со стадъ, принадлежащихъ богдыхану въ Монголіи, нѣкоторой частью соляной пошлины и данью

съ вассальныхъ Китаю государствъ. Располагая такимъ государственнымъ бюджетомъ, не подвергающимся, собственно говоря, никакимъ измѣненіямъ, китайское правительство было въ состояніи удовлетворять, болѣе чѣмъ въ продолженіи пятнадцати вѣковъ, всѣмъ потребностямъ государственнаго управленія, несмотря на то, что за это время численность населенія въ Китаѣ значительно возросла.

VII.

Мы дошли теперь до вопроса, не разъ уже возбуждашагося по поводу сношеній между Европой и Китаемъ. Вопросъ этотъ теперь именно становится болѣе жгучимъ, чѣмъ когда-либо. Откуда возникло нежеланіе китайцевъ входить въ сношенія съ чужеземцами? Слѣдуетъ ли приписать это нежеланіе формальному запрещенію, постановленному китайскими религіозными законами, которые, будто бы, подобно законамъ еврейской и мусульманской религіи, воспрещаютъ правовѣрнымъ близкія сношенія съ иновѣрцами? Ужъ не объясняется ли означенное нежеланіе узкимъ національнымъ эгоизмомъ, суевѣрными предразсудками или, наконецъ, болѣе или менѣе заслуженнымъ недовѣріемъ. Читатель можетъ самъ составить теперь основательное мнѣніе по этому предмету. Сказанное мною по поводу государственныхъ займовъ раскрываетъ отчасти истинную сущность нелюбви китайцевъ къ европейцамъ. Правительства всюду не безъ грѣховъ. Въ самомъ Китаѣ правительство ведетъ себя прилично лишь благодаря надежнымъ мѣрамъ предосторожности, которыми оградилъ себя отъ него китайскій общественный строй. Много вѣковъ понадобилось на то,

чтобъ отыскать достаточныя гарантіи противъ посягательствъ со стороны правительства на верховную власть народа. Даже и теперь, еслибъ правительству богдыхана предложили средства избавиться отъ этихъ стѣснительныхъ для него гарантій и лежащаго на немъ строгаго контроля, оно, пожалуй, охотно воспользовалось бы такими средствами. Безъ сомнѣнія, государственные займы будутъ заключаться сперва лишь съ цѣлью выпутаться изъ затрудненій, созданныхъ самими же торговатыми европейцами, но кто можетъ поручиться, что когда-нибудь государственный заемъ не послужитъ правительству орудіемъ къ порабощенію гражданъ, спокойствіе и безопасность которыхъ оно обязано защищать? Китайскіе государственные сановники сознаютъ это, а потому, понимая, что въ данную минуту заключеніе займовъ необходимо для Китая, искренно негодуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на европейцевъ за тѣ опасности, которыя могутъ угрожать въ будущемъ китайскому государству отъ подобныхъ финансовыхъ операций. Ученое сословіе, въ свою очередь, прекрасно понимаетъ будущую опасность и заблаговременно выясняетъ ее народу, который предчувствуетъ ее по инстинкту. Это одна изъ причинъ нелюбви китайцевъ къ европейцамъ. Существуетъ, однако, много и другихъ причинъ. Европейская торговля, не снабжая Китай никакими предметами первой необходимости, нарушаетъ, однако, установившіяся вѣками отношенія между производствомъ и потребленіемъ, и производитъ безпорядокъ въ народномъ хозяйствѣ, построенномъ на туземной политической экономіи, результаты которой могутъ смѣло помѣриться съ добытыми нашей европейской наукой. Кромѣ того, европейская торговля вноситъ въ китайскій общественный строй страшный разлагающій

элементъ, а именно—употребленіе опиума. Хотя курильщиковъ этого яда и не такъ много въ Китаѣ, какъ вообще думаютъ (537 миллионное населеніе потребляетъ ежегодно опиума всего лишь на сумму 400 миллионновъ франковъ), куреніе опиума успѣло уже неблагоприятно отразиться на китайскомъ земледѣліи. Воздѣлываніе мака было до 1860 года запрещено китайцамъ, но съ тѣхъ поръ, какъ правительство богдыхана вынуждено было допустить ввозъ опиума въ Китай, пришлось по необходимости допустить воздѣлываніе мака и въ самомъ Китаѣ. Въ настоящее время нѣсколько тысячъ гектаровъ ежегодно засѣваются макомъ, и народъ съ негодованіемъ видитъ, что земля, вмѣсто необходимыхъ для чловѣка продуктовъ, производитъ пагубный ядъ.

Утверждаютъ, будто китайцы уже задолго до 1860 г. усвоили себѣ привычку курить опиумъ. Несомнѣнно, что каждое общество содержитъ въ себѣ зародышъ всевозможныхъ пороковъ. Укажу впослѣдствіи нравственныя причины, способствовавшія преимущественно развитію въ Китаѣ привычки курить опиумъ. Во всякомъ случаѣ, физическія послѣдствія этой привычки таковы, что китайское правительство имѣло не только право, но и обязанность заботиться о возможномъ ея подавленіи. Китайцы имѣютъ поэтому полное основаніе упрекать европейцевъ въ томъ, что не было принято во вниманіе ни это право, ни эта обязанность. Прибавлю кстатѣ, что въ 1861 году, въ бытность мою въ Японіи, поговаривали въ Нагасаки, будто туда прислано изъ Шангъ-хая одной европейской торговой фирмы судно съ сотнею курильщиковъ опиума, чтобы ввести въ моду употребленіе этого зелья и въ Японіи.

Даже и бросающаяся въ глаза роскошь, которую

позволяютъ себѣ проживающіе въ Китаѣ мелкіе европейскіе коммерсанты, имѣть какъ бы характеръ оскорбительнаго вызова простотѣ и скромности туземныхъ нравовъ.

Также и официальные сношенія, которыя въ Европѣ отличаются такою вѣжливостью и деликатностью, принимаютъ въ Китаѣ нѣсколько другой характеръ. Наши дипломатическіе агенты зачастую держатъ себя по отношенію къ китайскимъ чиновникамъ свысока и повидимому слишкомъ проникнуты сознаніемъ преимущества европейской цивилизаціи надъ китайскою.

Какъ бы ни было, но главными виновниками самыхъ серьезныхъ столкновеній между нами и китайцами были, безъ сомнѣнія, миссіонеры. Мы не говоримъ теперь объ ихъ проповѣдяхъ, но о личномъ поведеніи и о тѣхъ средствахъ, къ которымъ они прибѣгали для поддержанія своего авторитета. Спѣшу оговориться однако, что не всѣ миссіонеры заслуживаютъ подобный упрекъ: между ними есть и такіе, которые сами порицаютъ избытокъ усердія своихъ сотоварищей, неосторожный ихъ образъ дѣйствій и злоупотребленіе поддержкой европейскихъ державъ. Эта благоразумная часть миссіонеровъ мало-по-малу покидаетъ безнадежное въ Китаѣ дѣло христіанской проповѣди и предается изученію китайскаго языка и китайской литературы.

Мирные обитатели деревень, въ которыхъ они поселились, исполняя обязанности своего званія въ средѣ маленькихъ своихъ христіанскихъ общинъ и занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ научными изслѣдованіями, миссіонеры эти пользуются уваженіемъ, съ которымъ народъ и мандарины въ Китаѣ привыкли вообще относиться къ ученому сословію. Отъ времени до времени такіе миссіонеры

посылають въ Европу обстоятельныя ученые труды, значеніе которыхъ во всей ихъ совокупности не слѣдуетъ впрочемъ ни отрицать, ни преувеличивать. Какъ бы ни было, труды эти много содѣйствуютъ расширенію свѣдѣній нашихъ о Китаѣ. Къ этой группѣ миссіонеровъ Принадлежало много іезуитовъ, которые были отправлены въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ своимъ орденомъ въ Китай. Имена такихъ іезуитскихъ патеровъ, какъ Амю, Риччи, Премаръ, Вербе, Гобиль, и т. п., сохранились въ архивахъ науки. Это были истинные ученые и, во всякомъ случаѣ, хорошо образованные люди, которые гораздо лучше своихъ преемниковъ поняли грозныя препятствія, стоящія въ Срединномъ Царствѣ на пути христіанской пропаганды. Они думали обойти эти препятствія, примиривъ христіанство съ двумя вліятельнѣйшими національными китайскими религіями, а потому старались выставить эти религіи въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Тѣ, кто раздѣляетъ воззрѣнія этихъ патеровъ, увѣряютъ, что если-бъ имъ предоставили полную свободу дѣйствій, то весь Китай исповѣдывалъ бы теперь католицизмъ. Здѣсь необходимо однако сдѣлать маленькую оговорку. Если хотятъ этимъ сказать, что католическая религія въ концѣ концовъ стала бы исключительной религіей большинства китайцевъ, то самъ читатель какъ нельзя лучше пойметъ неосуществимость подобной мечты. Если же, напротивъ того, имѣется въ виду утверждать, что католицизмъ, подобно буддизму, могъ бы примкнуть къ основнымъ руководящимъ принципамъ китайской цивилизаціи, то съ этимъ можно было бы еще согласиться, допустивъ, что католическая церковь, подобно будисской іерархіи, отказалась бы отъ всякаго вмѣшательства въ мірскія дѣла и отъ всякихъ помысловъ

о политическомъ вліяніи. Трудно ожидать впрочемъ, чтобы католическая церковь въ Китаѣ могла оказаться способной къ такому самоотреченію въ продолженіе сколько-нибудь значительнаго времени. Во всякомъ случаѣ такого опыта произведено не было. Обвиняемые доминиканцами и лазаристами іезуиты, орденъ которыхъ былъ уничтоженъ или, лучше сказать, временно закрытъ извѣстной буллой папы Климента XI, вынуждены были отказаться отъ выполнения своего проекта. Не станемъ упоминать здѣсь про скандалы и насилія, вслѣдствіе которыхъ китайское правительство рѣшило изгнать изъ предѣловъ Срединнаго Царства всѣхъ вообще миссіонеровъ, какъ іезуитовъ, такъ и лазаристовъ. Допущенные снова въ Китай въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, католическіе миссіонеры должны быть только проповѣдниками, которымъ строго воспрещено заниматься вопросами, могущими подать поводъ къ прежнимъ распрямъ. Настоящія научныя изслѣдованія имъ воспрещены. Немногіе миссіонеры, которымъ, въ виду выдаваемыхъ ими блестящихъ способностей, епископы позволяютъ, кромѣ проповѣди, также и другія занятія, могутъ посвящать себя лишь лингвистическимъ и компилятивнымъ работамъ. Несмотря на ограниченное такимъ образомъ поприще дѣятельности, ученые изъ миссіонеровъ оказываютъ и оказали уже намъ большія услуги. Не думаю, чтобы слѣдовало сожалѣть о подобномъ ограниченіи. Оно является, пожалуй, даже съ извѣстной точки зрѣнія желательнымъ въ интересахъ самой науки.

Говоря о положеніи труда въ Китаѣ, я упоминалъ уже объ иллюзіяхъ патера Премара и стремленіяхъ его насидовать тексты. Подобные факты служатъ указаніемъ пасности, которой можетъ подвергаться научная истина

со стороны даже самых образованных и наиболее искренно преданных наукъ миссіонеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ не довольствуются измѣненіемъ очевиднаго смысла какого-либо изъ древне-китайскихъ символовъ. Примѣромъ этому можетъ служить переводъ *И-Кинга*, главной и основной священной китайской книги, сдѣланный въ прошломъ столѣтіи іезуитскимъ патеромъ Регисомъ. Достопочтенный патеръ не только плохо перевелъ *И-Кингъ*, но, признавъ также неудобными комментаріи, сдѣланные къ этой книгѣ Конфуціемъ, онъ просто на просто замѣнилъ ихъ своими собственными *).

Слѣдуетъ ли приписать такую nepозволительную вольность перевода особенностямъ религіознаго воспитанія, полученнаго іезуитскимъ патеромъ. Нѣтъ: по мнѣнію многихъ знатоковъ китайскаго языка, подобныя же вольности позволяли себѣ и переводчики, не принадлежавшіе къ духовному сословію. Есть такія сочиненія, что для надлежащаго ихъ перевода недостаточно знать языкъ, на которомъ они написаны. Необходимо обладать кромѣ того извѣстными предварительными свѣдѣніями, а также большой независимостью ума и характера. Всѣ эти качества вмѣстѣ не всегда встрѣчаются и у переводчиковъ-спеціалистовъ. Тѣмъ рѣже можно встрѣтить ихъ разумѣется у людей, избравшихъ своей спеціальностью религіозную проповѣдь.

Несмотря на преступность такихъ чрезмѣрно доходившихъ до вольныхъ переводовъ и умышленнаго искаженія китайскихъ священныхъ книгъ, эти грѣхи противъ науки не повели по крайней мѣрѣ къ непосредственному пролитію чьей-либо крови. Къ несчастью, ре-

---

*) См. предисловіе къ книгѣ, озаглавленной „*Vestiges des principaux dogmes chrétiens*“, стр. 10, на которую уже дѣлалась ссылка.

лигіозное усердіе міссіонеровъ не ограничилось такими, сравнительно еще невинными, увлеченіями. Я говорю теперь о другой группѣ міссіонеровъ, гораздо болѣе многочисленной и ставящей себѣ исключительной цѣлью распространеніе христіанской религіи между китайцами. Міссіонеры эти, за немногими весьма почтенными исключеніями, являются для Китая истиннымъ бѣдствіемъ. Какъ бы высоко ни было ихъ умственное развитіе, какъ бы хорошо они ни владѣли китайскимъ языкомъ, они жестоко компрометируютъ въ Срединномъ Царствѣ европейскую цивилизацію. «Все во славу Божию и Его католической апостольской церкви» — вотъ ихъ лозунгъ.

«Мы, разумѣется, французы, — говорилъ мнѣ и генералу Монтобану одинъ изъ нихъ, патеръ Леметръ, — прежде чѣмъ быть французами мы однако, католики». Таковы они всѣ. Въ 1860 году у нашего уполномоченнаго, барона Гро, былъ старшимъ переводчикомъ Деламарръ, священникъ общины міссіонеровъ. Злоупотребляя своимъ положеніемъ и довѣріемъ барона Гро, священникъ этотъ, безъ вѣдома и противъ желанія нашего полномочнаго, включилъ въ китайскій текстъ мирнаго договора статью, которая надѣлала уже много зла и можетъ ежеминутно послужить поводомъ къ войнѣ между Франціей и Китаемъ *). Въ силу этой статьи, китайское правительство приняло на себя обязательство возратить нынѣшнимъ міссіонерамъ имущества, конфискованныя назадъ тому полтора ста лѣтъ у изгнанныхъ тогда іезуитовъ. Имущества эти, прошедшія съ тѣхъ поръ уже черезъ нѣсколько рукъ, раздѣлены въ большинствѣ случаевъ между мно-

---

*) Мнѣ это извѣстно изъ многихъ источниковъ. Между прочимъ я слышалъ это отъ самого Деламарра, ставившаго себѣ въ большую заслугу совершенный имъ подлогъ.

гими владѣльцами. На многихъ конфискованныхъ помѣстьяхъ построены теперь дома, а на нѣкоторыхъ даже храмы, которые успѣли сдѣлаться уже популярными. Въ большинствѣ случаевъ возвращеніе ихъ такъ затруднительно, что китайское правительство, которое хотя и знаетъ о подлогѣ, учиненнымъ аббатомъ Деламарромъ, но все-таки хотѣло бы выполнить принятыя на себя обязательства, готово принести какія угодно денежные жертвы взаменъ возврата тѣхъ самыхъ земель, которыми владѣли прежде миссіонеры. Я видѣлъ самъ въ Чонгъ-Кингфу, въ се-чуенской области, такую спорную землю, въ обмѣнъ на которую китайское правительство предлагало вдвое болѣе обширный участокъ и кромѣ того деньги, необходимыя, чтобъ построить на немъ католическую церковь. Можно было бы подумать, что миссіонеры, настаивая на пріобрѣтенныхъ такимъ обманнымъ образомъ правахъ, окажутся по крайней мѣрѣ столь же сговорчивыми, какъ и китайское правительство. Нѣтъ-съ, извините! Они во что бы то ни стало требуютъ себѣ возврата того же самого клочка земли, на которомъ полтора-два года тому назадъ совершалось христіанское богослуженіе. Такимъ именно образомъ отвѣтилъ сэ-чуенскій епископъ Дефлешъ на упомянутое уже предложеніе китайскихъ властей. Этимъ объясняются безпорядки и грабежи, отъ которыхъ въ 1862 году христіане въ Чонгъ-Кингѣ сперва пострадали, а потомъ были съ лихвой вознаграждены китайскимъ правительствомъ. Это же было истинной причиной убійства двухъ миссіонеровъ *), послан-

---

*) Мабило и другого, имени котораго не упоминая. Само собой разумѣется, что епископъ Дефлешъ добился, при содѣйствіи французскаго посольства, уплаты значительнаго вознагражденія также и за смерть этихъ двухъ злополучныхъ священниковъ.

ныхъ упрямымъ епископомъ въ деревню, гдѣ и сами прискорбныя событія и строгое подавленіе беспорядковъ довело до высочайшей степени ненависть туземнаго населенія противъ миссіонеровъ.

Въ 1870 году обществу Святого Младенца удалось наконецъ, послѣ многолѣтнихъ безуспѣшныхъ усилій, набрать въ свой пріютъ въ Тіень-Цзинѣ нѣсколькихъ дѣтей, покинутыхъ родителями вслѣдствіе бѣдствій, которыми сопровождался необычайно сильный разливъ Желтой рѣки. Управившись немного съ дѣлами, родители потребовали у миссіонеровъ возвращенія дѣтей, но малютокъ къ тому времени были уже окрещены, а потому миссіонеры отказались возвратить ихъ въ языческія семьи. Для большѣй безопасности рѣшено было упрятать этихъ малютокъ куда-нибудь подальше, а потому ихъ секретно отправили въ другую область. Между тѣмъ исчезновеніе дѣтей вызвало рѣзню, въ которой погибли не только миссіонеры, но также и всѣ проживавшіе въ то время въ Тіень-Цзинѣ французы, не исключая и самого консула. «Если-бъ я былъ въ то время въ Тіень-Цзинѣ,—говорилъ мнѣ потомъ нингъ-пойскій епископъ Делапласъ (принадлежавшій къ ордену лазаристовъ, какъ и миссіонеры, завѣдующій тіень-цзинскимъ дѣтскимъ пріютомъ),—это бы навѣрно не случилось» *).

Другой весьма характерный фактъ. Мы въ 1860 году. На зовъ миссіонеровъ Франція послала въ Китай свою

---

*) Могу присовокупить, что это не было хвастовствомъ со стороны почтеннаго епископа. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1866 году, ему тоже не хотѣлось вернуть языческимъ родителямъ окрещеннаго уже ребенка, но онъ былъ настолько благоразуменъ, что, посоветовавшись съ нами, отказался отъ своего намѣренія.

армію. Изъ-за нихъ началась война, они одержали побѣду. По крайней мѣрѣ такъ говорили сами миссіонеры, и въ словахъ ихъ было на этотъ разъ больше правды, чѣмъ можно было бы ожидать. Не довольствуясь одними словами, они хотѣли проявить болѣе осязательнымъ образомъ свое торжество. Повсюду въ Нингъ-по, въ Шанхаѣ, Кантонѣ и самомъ Пекинѣ, щедротами французскаго правительства и благодаря взысканію съ китайцевъ вознагражденію за военные издержки, воздвиглись христіанскіе храмы, долженствовавшіе свидѣтельствовать на вѣчныя времена о могуществѣ миссіонеровъ. Кантонскій епископъ Гильеменъ хотѣлъ во что бы то ни стало выстроить соборъ, хотя на это надо было затратить нѣсколько милліоновъ франковъ. Чего ради и для кого нуженъ былъ этотъ соборъ, когда въ Кантонѣ и окрестностяхъ насчитывалось съ грѣхомъ пополамъ всего лишь 200—300 христіанъ? Соображенія эти такъ же мало остановили епископа, какъ не остановилъ его и недостатокъ въ деньгахъ. Подобно прочимъ епископамъ, онъ получилъ сперва на свою долю лишь 100 тысячъ франковъ. «Возложимъ упованіе наше на Господа», сказалъ епископъ. На эти деньги вырыли фундаментъ и торжественно положили первый камень соборнаго храма. Вице-король согласился принять участіе въ этой торжественной церемоніи. Послѣ закладки перваго камня оказалось однако, что другихъ камней для собора не имѣется.

Епископъ обратился тогда къ консулу съ просьбой: «нельзя-ли будетъ получить разрѣшеніе на уборку камней, которые упали съ горы, находящейся неподалеку отъ города и только загромаждаютъ дорогу? Этимъ оказана будетъ услуга всему мѣстному населенію». Консулъ

передалъ эту просьбу вице-королю, который и далъ желаемое разрѣшеніе. Оказался затѣмъ недостатокъ въ деньгахъ, но и тутъ горю можно было помочь новой ассигновкой изъ суммъ военной контрибуціи. Вскорѣ обнаружился опять недостатокъ въ камняхъ.

«Если-бъ намъ дозволили брать съ горы камни, которые почти на ней не держатся, тогда бы они перестали падать»? Дозволеніе на это тоже получено. Потребовалась третья ассигновка и выяснился опять недостатокъ въ камняхъ. «Ахъ, г. консулъ, если бы вы могли выхлопотать намъ разрѣшеніе добывать камень прямо изъ горы! Мы выломали бы самую малость». — «Пусть будетъ по вашему, — сказалъ вице-король, — примите лишь во вниманіе, что на горѣ этой кладбище. Ломайте камень съ должной осторожностью, такъ какъ если кладбищу будетъ угрожать опасность, то это вызоветъ въ народѣ сильное раздраженіе». Работы начались. Оказалось, что камней требуется изрядное количество. Каменоломня врѣзывалась все дальше и дальше въ гору такъ, что наконецъ населеніе города взволновалось и стало роптать. Вице-король предупредилъ объ этомъ епископа. «Стоить-ли обращать вниманіе на такіе пустяки», рѣшилъ Гильменъ. Работа продолжалась своимъ чередомъ до тѣхъ поръ, пока въ одно прекрасное утро кантонцы не выразили осязательнымъ образомъ своего негодованія противъ христіанъ, которымъ досталось при этомъ слегка на орѣхи.

Можно привести массу подобныхъ примѣровъ. Китаецъ обращается въ христіанство. Онъ отрекается отъ почитанія предковъ и расходовъ, съ которыми сопряжены обряды этого почитанія. «Возврати намъ въ такомъ случаѣ полученное тобою наслѣдство», говорятъ ему братья и другіе родственники. Онъ отказывается. Изъ этого

возникаетъ процессъ, въ который хотятъ вмѣшаться миссіонеры. Имъ въ этомъ отказываютъ. «Это гоненіе противъ католицизма», восклицаетъ журналъ «Annales de la Propagation de la Foi».

Китаецъ совершилъ преступленіе и хочетъ укрыться отъ руки правосудія. Онъ является къ миссіонерамъ и общается креститься. Его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями и даютъ ему то, въ чемъ онъ въ данную минуту наиболѣе нуждается, т. е. убѣжище. Не принимая въ расчетъ того, что благодать, коснувшаяся сердца язычника, смываетъ съ него всѣ прежніе грѣхи, чиновникъ приказываетъ арестовать преступника. Миссіонеры выставляютъ это опять-таки какъ образчикъ религіозной нетерпимости китайскихъ властей.

Знаете-ли вы, въ чемъ заключается любимая мечта миссіонеровъ? Ни болѣе, ни менѣе какъ въ приобрѣтеніи права юрисдикціи надъ китайцами, обратившимися въ христіанство. Они, безъ сомнѣнія, охотно вызвали бы новую войну, если-бъ только рассчитывали, что удастся включить, хотя бы обманнымъ образомъ, въ мирный договоръ маленькій пунктикъ, устанавливающий это право. Этой же политикѣ впрочемъ, христіанство и въ Римѣ обязано было первыми своими успѣхами.

Самою пламенной цѣлью стремленій является для миссіонеровъ свѣтская власть во всѣхъ ея формахъ. Они видятъ въ ней не только доказательство успѣха, но и вѣрнѣйшее средство къ достиженію такового. За недостаткомъ сущности миссіонеры не пренебрегаютъ даже внѣшними проявленіями власти. Одинъ изъ нихъ, патеръ Деламарръ, рассказывавшій мнѣ объ этомъ лично, усмотрѣвъ, что се-чуенскій вице-король принимаетъ его не съ тѣми почестями, которыя предоставлены мандаринамъ

самаго высшаго ранга, пришелъ въ бѣшенство, поколотилъ приставовъ, которымъ поручено было поддерживать порядокъ во дворцѣ, прошелъ безъ приглашенія черезъ всѣ парадные дворы и апартаменты и явился къ вице-королю съ угрозами на устахъ. Онъ утверждаетъ, правда, что дѣйствовалъ такимъ образомъ въ качествѣ уполномоченнаго французскаго посольства, но чего ради выступилъ онъ въ качествѣ уполномоченнаго? Съ своей стороны, ченсійскій епископъ и г. Фори, епископъ Куейчеу, присвоили себѣ отличительные знаки высшихъ государственныхъ сановниковъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили. Оба эти епископа путешествовали по своимъ епархіямъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, съ крестами, хоругвями, епископскимъ посохомъ и митрою, съ парадными пѣвчими въ красномъ облаченіи и вообще со всею внѣшней пышностью католицизма, къ которой они присоединили вѣера, громадные зонтики и прочіе отличительные знаки правительственной власти въ Китаѣ. Такой образъ дѣйствій возбуждалъ у туземцевъ частію смѣхъ, частію же раздраженіе. Вообще же, въ первые два, три года послѣ франко-китайской войны, миссіонеры предъявляли неслыханныя и ни съ чѣмъ не сообразныя требованія. Замѣчательнѣе всего, что тѣ-же миссіонеры, когда имъ случается забывать главную цѣль присутствія ихъ въ Китаѣ, оказываются лично прекраснѣйшими людьми, очень обходительными, услужливыми и вовсе нетщеславными. Съ истиннымъ удовольствіемъ признаю, что частныя сношенія мои съ большинствомъ изъ нихъ были самаго пріятнаго свойства. Это были, казалось, такіе ласковые, вѣжливые, услужливые люди, что ихъ можно было бы, какъ говорится, допустить безъ исповѣди прямо къ причастію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ

много толковали о своемъ патриотизмѣ, что неудивительно, если посольство мечтало иногда воспользоваться влияніемъ, которымъ они увѣряютъ, будто пользуются въ странахъ, гдѣ проповѣдывали Евангеліе. Необходимо однако быть съ ними всегда на-сторожѣ. Эти добрые и преданные люди совершенно перерождаются, какъ только въ дѣло вмѣшиваются интересы католицизма или же ихъ религиозныхъ конгрегацій. Они тотчасъ же становятся тогда лживыми, черствыми, скупыми эгоистами, которые для достиженія своихъ собственныхъ или же поставленныхъ имъ цѣлей, не отступаютъ ни передъ чѣмъ и даже охотно жертвуютъ въ случаѣ надобности *вашей* жизнью. Я никогда не забуду, какъ се-чуенскій епископъ Дефлешъ старался помѣшать моему поѣздкѣ въ эту область и какія штуки устраивалъ онъ со мною, когда я все-таки туда пріѣхалъ. Представьте себѣ только, вѣдь я могъ показать его паствѣ, которая была до тѣхъ поръ ограждена отъ всякаго соблазна, что не всѣ французы ходятъ къ обѣднѣ, преклоняютъ колѣни передъ епископами, лобызаютъ ихъ пастырское кольцо, и т. п. Понятно, что опасеніе такого скандала могло въ теченіе нѣсколькихъ ночей тревожить сонъ почтеннаго епископа *).

Когда всѣ козни, придуманныя чтобъ помѣшать моему поѣздкѣ, не удались, и я сталъ приближаться къ границамъ се-чуенской области, тактика мгновенно измѣ-

---

*) Я былъ однако разъ на обѣднѣ, но не тамъ, гдѣ хотѣли этого миссіонеры. Дѣло было въ областной столицѣ Чень-Ту-Фу. При богослуженіи присутствовало тогда по меньшей мѣрѣ 25 тысячъ чело-вѣкъ, разумѣется, не христіанъ, толпившихся въ церкви, во дворѣ, на крышѣ, однимъ словомъ повсюду. Особенно сильно удивлены были всѣмъ происходившимъ однако не язычники, а оба священнодѣйствовавшихъ миссіонера. Подробности я расскажу быть можетъ впослѣдствіи.

нилась. Меня встрѣчаетъ самымъ предупредительнымъ образомъ миссіонеръ, назначенный самимъ епископомъ сопровождать меня повсюду, служить мнѣ проводникомъ и переводчикомъ. Услужливость его доходила до самоотверженія. На самомъ дѣлѣ, однако, у почтеннаго епископа умыселъ другой тутъ былъ. Какъ я узналъ впоследствии, епископъ коварно распустилъ слухъ о томъ, будто я ѣду собирать справки объ убыткахъ, понесенныхъ христіанами во время возстанія, которое было противъ нихъ сдѣлано, и что я намѣренъ побудить китайскія власти къ скорѣйшему наказанію виновныхъ. Миссіонеръ, находившійся при мнѣ, служилъ живымъ подтвержденіемъ слуха, распущеннаго епископомъ. Такова была истинная цѣль предупредительной его учтивости. Однажды, несмотря на категорическій мой отказъ, на всѣ мои предостереженія и принятія мною мѣры предосторожности, я неизвѣстно какимъ образомъ очутился въ сожженной церкви *). Епископъ меня перехитрилъ. Если я вернулся живымъ изъ поѣздки въ его епархію, то во всякомъ случаѣ не по его винѣ. Онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы я сложилъ тамъ свои кости.

Въ заключеніе приведу еще фактъ болѣе существенный, такъ какъ онъ стоилъ жизни тысячамъ туземцевъ и

---

*) Понесенные христіанами убытки простирались въ общей сложности до 200 тысячъ франковъ. Епископъ же вытребовалъ за нихъ вознагражденіе въ миллионъ франковъ! Было бы любопытно раз-
узнать, какъ велико состояніе каждой изъ католическихъ религиоз-
ныхъ конгрегацій въ Китаѣ, а также прослѣдить источники, изъ ко-
торыхъ составились эти состоянія (вознагражденіе за грабежи и
убійства, пожертвованія, наслѣдства, барыши на товарахъ, прислан-
ныхъ изъ Европы, взаимныя денежныя субсидіи и т. п.). Въ общей
сложности получится, вѣроятно, очень почтенная цифра.

многимъ французамъ, не говоря объ униженіи для французскаго знамени. Дѣло было на этотъ разъ уже не въ самомъ Китаѣ, а въ Корей. Патеръ Феронъ, недовольный корейскимъ царемъ и его правительствомъ, рѣшилъ ихъ низвергнуть. Для этого онъ придумалъ захватить ночью сокровища, хранившіяся въ гробницахъ древнихъ корейскихъ царей, и не возвращать ихъ до тѣхъ поръ пока корейцы не согласятся на требуемые имъ условія. Замыселъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, или, лучше сказать, сдѣлана была къ этому попытка. Приѣхавъ въ Шангъ-хай, патеръ Феронъ вошелъ въ соглашеніе со шкиперомъ одного португальскаго купеческаго судна, настоящимъ морскимъ разбойникомъ. Экипажъ судна, польстившись на грабежъ, охотно согласился принять участіе въ экспедиціи. Однако же экспедиція эта не удалась, послѣ чего миссіонеры, остававшіеся въ Корей, были перевѣшаны. Французское посольство отослало патера Ферона обратно на родину, но нѣсколько времени спустя, адмиралъ, командовавшій французской эскадрой въ китайскихъ моряхъ, вѣроятно по настояніямъ миссіонеровъ, захотѣлъ отмстить за казнь ихъ предшественниковъ. Онъ отправился къ берегамъ Кореи, но потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ уйти восвояси, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Заканчивая на этомъ главу, надѣюсь, что читатель пойметъ причины, заставившія меня ее написать и не заподозрить меня въ какой-либо предвзятой мысли.

ЧАСТЬ IV.

Правительство.

Одно изъ словъ, наиболѣе употребляемыхъ въ разговорѣ у китайцевъ—это *женз*. Въ буквальномъ переводѣ оно означаетъ человѣчество; но китайцы употребляютъ его также въ другомъ переносномъ смыслѣ, въ которомъ оно означаетъ солидарность. Здѣсь однако слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. *Женз* является не только стремленіемъ къ солидарности, душевнымъ свойствомъ или добродѣтелью, какъ на примѣръ милосердіе, любовь или братство, оно составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютный фактъ, существующій самъ по себѣ. *Женз* обнимаетъ собой не только живущихъ—онъ налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязательства вызывать къ жизни возможно большее число существъ и содѣйствовать жизни этихъ существъ. Какой смыслъ могло бы на самомъ дѣлѣ имѣть *женз*, человѣчество, солидарность въ такой странѣ, гдѣ, вслѣдствіе рѣдкости населенія, люди не видались бы подолгу и были бы едва знакомы другъ съ другомъ. Вспомните китайскіе религіозные принципы, «*Прошедшее и грядущее да будетъ передъ вашими очами, какъ бы въ*

*настоящемъ. Въ міръ этомъ есть многое такое, что скрыто отъ насъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ. Весь родъ человѣческій не можетъ быть объятъ тѣлеснымъ окомъ, но онъ существуетъ, и на обязанности каждою содѣйствовать болѣе и болѣе его проявленію». Когда *женъ*, опредѣленный такимъ образомъ, обращается въ реальность, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ всяческаго благополучія. Изъ него естественно проистекаютъ тогда изобиліе, богатство, миръ, свобода и счастье. Когда люди не выполняютъ по отношенію къ нему своего долга, солидарность между ними не прерывается, такъ какъ единство ихъ сущности не уничтожаемо. Но эта солидарность проявляется тогда въ общемъ несогласіи, неравенствѣ, противорѣчій и злѣ. Неизбѣжныя послѣдствія ихъ: голодъ, нищета, война, рабство и бѣдствія во всѣхъ своихъ видахъ. Неудивительно, что, соединяя такое понятіе со словомъ *женъ*, китайцамъ часто приходится употреблять его въ разговорѣ.*

Исключительной основой *женъ* служить единство неба, человѣка и земли, т. е. единство физическаго міра. Признавая въ силу своихъ философско-религіозныхъ воззрѣній человѣка посредникомъ между небомъ и землею и воплощеніемъ ихъ обоихъ, китайцы по этой причинѣ, быть можетъ, и дали самому этому міровоззрѣнію названіе человѣчества. *Женъ*, въ качествѣ такого основного принципа, не остался у нихъ однако лишь въ области идей. Китайцы сообразовали съ нимъ всѣ свои учрежденія. Такъ, въ духовномъ порядкѣ поклоненіе небу и предкамъ состоитъ въ непосредственной связи съ этимъ принципомъ, проявляющимся, въ вещественномъ порядкѣ, заботами ихъ объ осуществленіи союза земли не только со всѣмъ человѣчествомъ вообще, но и съ каждымъ отдѣль-

нымъ его членомъ въ частности. Семейный очагъ зиждется на вотчинномъ полѣ. Землевладѣніе даетъ гражданину политическія права. На этомъ же правѣ и обязанности каждаго гражданина находится въ единеніи съ землей, правѣ и обязанности столь же абсолютныхъ, какъ и принципъ, изъ котораго они вытекаютъ, покоятся, какъ необходимое слѣдствіе таковыхъ, коллективное обладаніе землей, система собственности, признающая за владѣльцемъ лишь право пользованія землей, естественный переходъ необработанныхъ земель въ государственную собственность и подесятинная система земельного налога, являющаяся какъ бы заключеніемъ и окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ учреждений. Jus uti et abuti римскаго права считалось бы въ Китаѣ святотатствомъ и преступленіемъ противъ челоѣчества. Вольная земля, сохранивъ свободу, стала для людей связующимъ звеномъ и наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ ихъ солидарности и приумноженія. Воплотившееся *жизнь* стало камнемъ, на которомъ создавалась китайская цивилизація, и эта цивилизація принесла плоды, невѣдомые въ другихъ странахъ.

Въ Срединномъ Царствѣ, подъ покровомъ этой цивилизаціи, возросло населеніе настолько изумительной густоты, что можно было бы подумать, будто умершіе воскресаютъ тамъ вновь и становятся въ ряды своихъ потомковъ. Этому могущественному росту населенія не только соотвѣтствовало возрастаніе производительности почвы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ имѣлъ также возможность удовлетворять своимъ наиболѣе существеннымъ нравственнымъ потребностямъ въ такой мѣрѣ, до которой не удалось еще достигнуть никакому другому народу. Если главнѣйшая изъ этихъ потребностей—свобода удовлетворяется соотвѣтственно той доли, какую самъ на-

родъ принимаетъ въ управленіи, то надо будетъ признать, что китайцы, болѣе чѣмъ кто-либо, сумѣли довести ускользящую отъ нихъ долю управленія до самого ничтожнаго минимума. По мѣрѣ того, какъ *женъ* болѣе и болѣе осуществлялся и густота населенія возростала, налогъ на каждого отдѣльнаго китайца постепенно уменьшался, такъ что онъ составляетъ теперь среднимъ числомъ всего лишь какихъ нибудь три франка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ увеличенія числа гражданъ въ административныхъ округахъ, правительственное вліяніе становилось по отношенію къ каждому изъ нихъ менѣе и менѣе ощутительнымъ. О степени проявленія его теперь можно судить уже по тому, что въ Китаѣ приходится на 400 тысячъ гражданъ немногимъ менѣе одного чиновника. *Женъ* принесъ съ собою поэтому два грандіозныхъ результата. Благодаря правамъ и привилегіямъ, являющимся необходимой принадлежностью основанной на немъ семьи, *женъ* побуждаетъ гражданъ къ сохраненію полностью всей своей независимости. Точно опредѣляя средства, какими можетъ располагать правительство, *женъ* опредѣляетъ тѣмъ самымъ размѣры и характеръ правительственной власти такъ, чтобы предупредить съ ея стороны всякія дальнѣйшія посягательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ эту власть въ рамки, въ которыхъ она, въ силу естественнаго прогресса, обращается почти въ ничто. *Женъ*, т. е. соціальное политическое и религіозное міровоззрѣніе, составляющее сущность всей китайской цивилизаціи, имѣетъ рѣшающее значеніе съ точки зрѣнія правительственнаго вмѣшательства или невмѣшательства въ управленіе государствомъ. Дойдя до отдѣла моей программы, въ которомъ надо будетъ изложить роль правительственной власти въ Китаѣ, я счелъ поэтому необхо-

димымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о китайскомъ *женгъ*.

I.

Китайцы не сразу выяснили себѣ надлежащую форму и цѣль своего правительства. Хотя они были вѣрными хранителями ученій, завѣщанныхъ имъ древними мудрецами, и хотя ученія эти должны были привести къ желанному результату, однакоже онъ былъ достигнутъ лишь послѣ многочисленныхъ попытокъ цѣною горькаго опыта. Даже болѣе того. Практическое примѣненіе этихъ ученій требовало такой разсудительности, что въ теченіе многихъ вѣковъ завѣдываніе имъ должно было находиться въ рукахъ весьма небольшого числа отдѣльныхъ лицъ, обладавшихъ исключительно мощнымъ умственнымъ развитіемъ. Уставы династіи Чеу *) которая въ періодъ времени между IV и II вѣкомъ до Р. Х., повидимому играла столь важную роль посвятительницы народа въ сущность великой китайской цивилизаціи, являются на самомъ дѣлѣ лишь совокупностью законовъ и постановленій, предназначенныхъ къ осуществленію союза человечества и отдѣльнаго человѣка съ землей. Почти всѣ тогдашніе чиновники были вмѣстѣ съ тѣмъ агрономами. Одни изъ нихъ завѣдывали искусственнымъ орошеніемъ полей и заботились не только о содержаніи въ порядкѣ каналовъ и плотинъ, но опредѣляли также время, когда и по сколько слѣдовало орошать каждое поле. Другіе правительственные чиновники, завѣдывавшіе посѣвомъ, опредѣляли, какія именно растенія слѣдовало разводить

---

*) Переведенные на французскій языкъ Эд. Біо.

на томъ или другомъ участкѣ земли. Были чиновники, завѣдывавшіе удобреніемъ земли. Они наблюдали за тѣмъ, чтобы удобреніе тщательно собиралось и не пропадало задаромъ, а также указывали способы его сохраненія, приготовленія и употребленія въ дѣло. Нѣкоторымъ чиновникамъ поручено было учреждать въ наименѣе населенныхъ мѣстностяхъ китайской территоріи военныя колоніи и обучать колонистовъ земледѣлію. Нѣтъ ни одной подробности, относящейся до воздѣлыванья земли, которая не была бы указана самымъ обстоятельнымъ образомъ въ этихъ уставахъ. Прогрессъ, цивилизація, *жэнз* деспотически вызываются къ развитію авторитетомъ правительственной власти. Процессъ посвященія въ цивилизацію длится въ теченіе многихъ вѣковъ, но вотъ наконецъ онъ свершился, законченъ. Страна всюду заселена. Земля всюду воздѣлана и одухотворена; животворный ея паръ возносится къ небу вмѣстѣ съ дыханьемъ человѣка.

Великое дѣло свершилось. Да, но тѣмъ временемъ монархъ приобрѣлъ уже привычку распоряжаться деспотически. Начинается длинный періодъ борьбы противъ деспотизма, прерывавшейся отъ времени до времени торжествомъ реакціонерныхъ стремленій. Лишь въ III и IV столѣтіи христіанской эры борьба эта окончательно привела къ той формѣ правленія, которая существуетъ и теперь въ Китаѣ. Въ теченіе періода испытаній китайскій народъ однако возросъ и возмужалъ. Къ уставамъ Чеу, которые были для него какъ бы откровеніемъ свыше, онъ присовокупилъ результаты собственнаго опыта, подтверждавшіе ихъ истину.

Онъ не только узналъ, какимъ образомъ надлежитъ вступать въ единеніе съ землей, но выучился также и

управлять собой. Земля дала ему не только жизнь, но и свободу. Онъ думаетъ, сравниваетъ, разсуждаетъ. Мѣсто философскихъ аксіомъ и освященныхъ преданіемъ афоризмовъ древнихъ его мудрецовъ заступаютъ формулы, непосредственно выведенныя изъ опыта все болѣе и болѣе многочисленнымъ сословіемъ китайскихъ ученыхъ. «Порядокъ не обусловливается правительственной властью,—говорятъ они;—общество управляется отъ внутреннихъ своихъ слоевъ къ внѣшнимъ.—Семья это государство въ маломъ видѣ; государство же не что иное, какъ союзъ отдѣльныхъ семействъ. Государство есть только общество взаимнаго страхованія. Чѣмъ многочисленнѣе страхователи, тѣмъ меньшему риску подвергается каждый изъ нихъ порознь и тѣмъ дешевле обходится ему самострахованіе. Правительство—только повѣренный общества. Ничто не можетъ быть труднѣе точнаго указанія предѣловъ его власти. Въ сущности, оно обязано лишь охранять народныя учрежденія отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ на нихъ покушеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и само не должно касаться этихъ учреждений. Правительство не должно мѣшать цивилизаціи, но только удерживать ее на пути, предначертанномъ традиціями и опытами минувшихъ вѣковъ. Правительство, строго сообразующееся съ правилами такого образа дѣйствій, никогда не будетъ имѣть надобности ихъ нарушать. Когда правительство соблюдаетъ эти правила, семьи будутъ умножаться въ числѣ, окажутся въ состояніи улаживать сами свои общинныя и областныя дѣла, а потому правительству незачѣмъ будетъ вмѣшиваться въ такія. Наилучшее правительство то, которое совѣмъ незамѣтно». Короче сказать, китайцы считаютъ повидимому правительство какъ нѣчто чуждое, отъ чего прогрессъ

цивилизациі долженъ съ теченіемъ времени ихъ совершенно избавить. По крайней мѣрѣ они надѣются, что въ будущемъ роль правительства будетъ еще ничтожнѣе, чѣмъ теперь. Таковъ идеалъ ихъ правительства. На слѣдующихъ затѣмъ страницахъ мы увидимъ, до какой степени они приблизились уже къ этому идеалу.

II.

Первымъ, указаніемъ на это можетъ служить число министерствъ, входящихъ въ составъ центрального правительства. Ихъ всего лишь шесть. Перечисленіе этихъ министерствъ дастъ намъ второе, не менѣе существенное указаніе. Въ Китаѣ есть только министерство личнаго состава администраціи, министерства: финансовъ, обычаевъ и обрядовъ (т. е. вмѣстѣ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ), военное, юстиціи и публичныхъ работъ. Перечень этимъ и заканчивается. У нихъ нѣтъ министерства вѣроисповѣданій, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, изящныхъ искусствъ, почтъ, торговли, нѣтъ морского министерства и министерства колоній. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы центральное правительство не имѣло бы органовъ, интересующихся этими отраслями народной жизни, но если такіе органы и существуютъ, то лишь въ состояніи ничтожныхъ остатковъ, о которыхъ не стоитъ даже и упоминать. Нѣкоторые изъ нихъ притомъ были бы въ Китаѣ совершенно излишними.

Къ чему было бы, напримѣръ, особое министерство вѣроисповѣданій въ такомъ государствѣ, гдѣ единственной признанной религіей является сама цивилизація, гдѣ религіозные обряды совершаются или въ семьѣ, какъ при поклоненіи предкамъ, или же всенародно—при четы-

рехъ или пяти ежегодныхъ празднествахъ, на которыхъ долженъ священнодѣйствовать самъ богдыханъ, другихъ же жрецовъ не имѣется вовсе? При такихъ порядкахъ министерство вѣроисповѣданій распределено, во-первыхъ, по всѣмъ семьямъ, и, во-вторыхъ, по всѣмъ министерствамъ, но не сосредоточивается нигдѣ въ одно самостоятельное цѣлое. Что же касается до личныхъ вѣрованій, частныхъ фантазій и капризовъ воображенія, то правительству до нихъ дѣла нѣтъ. Заниматься ими значило бы ихъ признавать и придавать имъ несоотвѣтствующее значеніе. Никакая религія въ Китаѣ не воспрещена, такъ какъ правительственная власть не можетъ помѣшать существованію суевѣрныхъ стремленій у отдѣльныхъ личностей и не считаетъ себя въ правѣ влѣзать имъ въ душу. Съ другой стороны, однако, казалось несправедливымъ создавать для нихъ особую отрасль администраціи, расходы по содержанію которой ложились бы на всѣхъ. Поэтому въ Китаѣ признается полная свобода вѣроисповѣданій съ однимъ лишь условіемъ, чтобы они не слишкомъ выходили изъ области мечтаній и надеждъ на почву дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ китайскому правительству не разъ уже приходилось конфисковать недвижимыя имущества будистскихъ пагодъ и присоединять эти имущества вновь къ народному достоянію. Въ силу тѣхъ же соображеній правительство считаетъ своимъ долгомъ противоdѣйствовать покушеніямъ разныхъ религій распространить свое вліяніе также и на мірскія дѣла *).

---

*) Для читателя, любопытствующаго знать, во что именно обходятся китайцамъ различныя ихъ суевѣрія и вѣроисповѣданія: тауистскія, будистскія, мусульманскія, христіанскія, и т. д., и т. д., прибавлю, что по расчетамъ одного протестантскаго миссіонера (осно-

нистерство вѣроисповѣданій и было когда-либо въ древности официальнымъ учрежденіемъ, оно давно уже поглощено, если можно такъ выразиться, самой народной массой.

Подобному же процессу поглощенія подверглось также и министерство земледѣлія. Фактъ этотъ, по моему мнѣнію, является блестящимъ свидѣтельствомъ прогресса китайской цивилизаціи. Я уже говорилъ, что при династіи *Чеу* все правительство состояло въ сущности лишь изъ министерства земледѣлія. Теперь отъ этого министерства не осталось больше и слѣда, а между тѣмъ нигдѣ земледѣліе не процвѣтаетъ такъ, какъ въ Китаѣ. Необходимо обратить при этомъ вниманіе на то, что процвѣтаніе земледѣлія обусловливается прежде всего высокимъ развитіемъ въ народѣ чувства справедливости. Я знаю, что повторяюсь, но въ данномъ случаѣ виной этому не я, а сама китайская цивилизація. Какая можетъ быть лучшая для нея похвала, какое болѣе полное доказательство ея внутренней гармоніи, какъ не тотъ фактъ, что во всѣхъ своихъ проявленіяхъ она освѣщается тѣми же лучами, или что всѣ исходящіе отъ нея лучи сливаются въ одинъ общій свѣтъ? «Будьте справедливы къ землѣ. Возвращайте ей то, что она вамъ дала. Преступно было бы тратить попусту остатки того, что вы

ванія которыхъ мнѣ впрочемъ неизвѣстны) расходы на эти суевѣрія и религиозные обряды равняются въ общей сложности почти той же суммѣ, какъ и весь государственный налогъ, т. е. составляютъ среднимъ числомъ три франка на каждого китайца. Сумма эта довольно крупная, но, по правдѣ сказать, она не велика, сравнительно съ той, которую приходится платить вѣрующимъ католикамъ за крестины, похороны, свадьбы, панихиды и т. п. не считая обычнаго бюджета по министерству вѣроисповѣданій.

отъ нея взяли. Не бросайте ихъ въ море; не вывозите родную вашу землю за-границу, не забывайте, что она—тѣло человѣчества; слейтесь съ ней воедино, какъ душа сливается съ тѣломъ. Будьте справедливы къ земледѣльцу. Праздношатающимся не слѣдъ отнимать отъ него плодъ его трудовъ, присваивать себѣ сокровища, скопленные въ поляхъ трудовымъ его потомъ. Не прибавляйте къ необходимому гнету труда излишній гнетъ подавляющаго налога. Пусть участки земли, служащія вамъ для удовольствія, платятъ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и тѣ, на которыхъ произрастаетъ для васъ пища. Тогда человѣчество, *женъ*, принесетъ свои плоды, и оно принесло уже ихъ. Поколѣнія уже умножились. Благодаря густотѣ населенія, земля достигла такого плодородія, о которомъ ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ не осмѣлится даже мечтать. На одномъ и томъ же полѣ, въ теченіе одного и того же года, урожай слѣдуетъ за урожаемъ, жатва за жатвой! Тамъ, гдѣ назадъ тому тысячу лѣтъ едва могло бы прокормиться нѣсколько человѣкъ, теперь живетъ въ изобиліи болѣе 500 душъ. И никто не въ правѣ думать, что достигнуть уже предѣлъ возрастанію численности народонаселенія. Человѣчность, единодушіе, справедливость... «Необходимы лишь добрые нравы,—говорилъ Конфуцій,—остальное, сравнительно съ ними, ничто». Дѣйствительно, остальное успѣло въ теченіе многихъ столѣтій внѣдриться въ сердце, голову и во всѣ члены каждаго китайца. Не разъ слышишь, что всѣ китайцы рождаются земледѣльцами. Что это у нихъ—атавизмъ? Назовите его такъ, если это вамъ заблагоразсудится. Религія, культура, однимъ словомъ весь жизненный строй находится у китайцевъ тамъ же, гдѣ и жизнь, т. е. въ крови всего

народа. Поэтому то въ Китаѣ не можетъ быть и рѣчи о министерствѣ земледѣлія.

Что касается до министерства народнаго просвѣщенія, то отсутствіе это объясняется иными причинами. Первоначальное образованіе, какъ уже извѣстно, находится совершенно въ частныхъ рукахъ. Дѣти получаютъ это образованіе у себя въ семьѣ, въ школахъ, которыя содержатся при храмахъ предковъ, тамъ гдѣ онѣ заведены, или же въ многочисленныхъ частныхъ школахъ, открывать которыя предоставляется всѣмъ и каждому. Семейный культъ поклоненія предкамъ дѣлаетъ первоначальное образованіе положительно необходимымъ для каждаго китайца, вслѣдствіе чего тамъ нѣтъ надобности въ какихъ-бы то ни было особыхъ законахъ и вообще въ правительственномъ вмѣшательствѣ для споспѣшествованія первоначальному образованію. Съ другой стороны, въ виду чрезвычайной густоты населенія, правительству нечего заботиться объ учителяхъ, для которыхъ всегда найдется достаточно учениковъ. Богатые родители платятъ за бѣдныхъ, а потому въ общемъ итогѣ можно сказать, что во всемъ Китаѣ не найдется ребенка, который не ходилъ бы каждый день въ школу аккуратнѣе (къ сожалѣнію), чѣмъ у насъ дѣтямъ удается ходить въ булочную. Я уже указалъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность этого первоначальнаго образованія. Впослѣдствіи я поговорю о немъ подробнѣе въ главѣ, специально посвященной первоначальному и высшему образованію въ Китаѣ. Въ ожиданіи, позволю себѣ представить читателю слѣдующее замѣчаніе. Извѣстно, что у китайцевъ письменность идеографическая, т. е. что каждый изъ употребляемыхъ въ ней знаковъ представляетъ не букву, какъ у насъ въ азбукѣ, и даже не слово, а цѣлую

мысль. Обучаясь чтенію и письму, ребенокъ наполняетъ свою память не одними словами, но мыслями, которыя долженъ объяснять, комментировать и сравнивать другъ съ другомъ, что неминуемо ускоряетъ развитіе его разума.

Сколько разъ былъ я свидѣтелемъ изумленія европейцевъ, когда десяти или двѣнадцати-лѣтніе мальчики подшучивали надъ неуклюжестью ихъ приемовъ въ работахъ, требовавшихъ силы и ловкости, и когда мальчики эти, показывая, какъ надо взяться за дѣло, давали взрослымъ западнымъ варварамъ настоящіе предметные уроки, причемъ обнаруживали замѣчательную правильность сужденія. Самому мнѣ не разъ случалось, къ величайшему моему удивленію, вести серьезныя бесѣды съ китайскими дѣтьми, приходитъ въ изумленіе отъ ясности, правильности ихъ отвѣтовъ и разсужденій! Несомнѣнно, что образованіе, которое китайскія дѣти получаютъ въ семьѣ, семейныя чтенія и совѣты на двухнедѣльныхъ собраніяхъ, изреченія, написанныя на дощечкахъ, которыя вывѣшены всюду на стѣнахъ зданій, вдоль по дорогамъ, на берегахъ каналовъ, у входовъ на мосты, въ пагодахъ, на частныхъ и общественныхъ кладбищахъ, причемъ каждое изреченіе напоминаетъ какую-либо обязанность или мысль, возвышающую умъ и сердце, наконецъ отправленіе обязанностей судебной власти, лежащей на ихъ родителяхъ, все это взятое вмѣстѣ можетъ съ лихвою пояснить такъ поражающее насъ раннее развитіе китайскихъ дѣтей. Однако же письменность, лежащая въ основѣ этой столь цѣлостной системы образованія и воспитанія, не можетъ не быть одной изъ существенныхъ причинъ такого явленія. Это-то именно вопросъ я и хотѣлъ представить на разсмотрѣ-

ніе читателя. Какъ бы то ни было, китайскій народъ обладаетъ замѣчательно большою дозою здраваго смысла и замѣчательно большимъ количествомъ усвоенныхъ отвлеченныхъ идей. Трудно, повидимому, приписать этотъ фактъ чему-либо иному, а не первоначальному образованію въ томъ видѣ, какъ оно понимается въ Китаѣ.

Высшее образованіе въ Срединномъ Царствѣ доступно всѣмъ и каждому, но не всѣ чувствуютъ къ нему одинаковое влеченіе и не всѣ имѣютъ въ немъ одинаковую надобность. Китайцы считаютъ поэтому несправедливымъ поручить завѣдываніе высшимъ образованіемъ правительству, возложивъ на все общество возникающіе отсюда расходы. Правительство въ Китаѣ не завѣдуетъ высшимъ образованіемъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло это настолько важное, что его нельзя было всецѣло предоставить на предусмотрѣніе частныхъ лицъ, полагаясь во всемъ единственно лишь на ихъ инициативу. При такихъ обстоятельствахъ признано было умѣстнымъ возложить заботы объ организаціи высшаго образованія и о преуспѣянніи его въ обществѣ на академію наукъ. Оказывая со своей стороны содѣйствіе академіи, правительство ограничивается лишь уплатой ей сравнительно очень небольшой суммы, необходимой для покрытія административныхъ расходовъ, возникающихъ для академіи изъ возложенной на нее обязанности. Прочіе расходы: на содержаніе университетовъ и т. п. покрываются частью добровольными пожертвованіями, частью же платой, взимаемой съ учащихся, число которыхъ, какъ это и естественно въ столь густомъ населеніи, весьма велико. Инспектора учебныхъ округовъ, директора гимназій и т. п. получаютъ въ сущности жалованье изъ субсидій, уплачиваемыхъ академіи

наукъ центральнымъ правительствомъ. Собственно учебный персоналъ университетовъ и гимназій оплачивается самими учащимися.

При такихъ условіяхъ правительство не особенно расходуетъ на вѣдомство народнаго просвѣщенія. За то оно старается поощрять образованіе иными способами, выказывая при этомъ замѣчательную щедрость. Извѣстно уже, что всѣ должностныя лица, не исключая и самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, назначаются изъ ученаго сословія, соотвѣтственно ученымъ степенямъ, приобретеннымъ ими на экзаменахъ. Ученый, сдавшій лучше всѣхъ экзаменъ на степень доктора наукъ,—имѣетъ право жениться на одной изъ дочерей богдыхана. Если у богдыхана нѣтъ родной дочери въ такомъ возрастѣ, въ которомъ она могла бы выйти замужъ, новопожалованный докторъ женится на дочери одного изъ министровъ, которая предварительно объявляется приѣмной дочерью богдыхана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тотчасъ же возводится въ рангъ министра или вице-короля, посылается на два или три года въ путешествіе по разнымъ областямъ Китая, а затѣмъ назначается на соотвѣтственную должность. Во время путешествія его всюду встрѣчаютъ съ почестями, приличествующими рангу и достоинству близкаго родственника богдыхана. Онъ можетъ, наравнѣ съ министрами, вице-королями и старшими инспекторами вѣдомства народнаго просвѣщенія, жить въ роскошныхъ университетскихъ дворцахъ. Прежде всего, однако, возлагается на него обязанность съѣздить на поклонъ къ родителямъ, которымъ онъ вручаетъ отъ имени богдыхана почетные знаки отличія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благодаритъ своихъ родителей за почести, приобретенныя имъ самимъ, бла-

годаря уходу, который они имѣли за нимъ въ дѣтствѣ. Къ счастью или къ несчастью, далеко не всѣ учащіеся могутъ достигнуть степени доктора или даже кандидата, такъ какъ для этого необходимо выдержать очень трудныя и строгія испытанія. Точно также далеко не всѣ кандидаты получаютъ казенное мѣсто. Чиновниковъ въ Китаѣ, сравнительно, очень немного, а потому и число свободныхъ вакансій очень ограниченное. Ученые, которымъ не удалось пристроиться на государственную службу, возвращаются въ народную массу и содѣйствуютъ поднятію общаго уровня умственного развитія въ избираемыхъ ими профессіяхъ.

Не трудно представить себѣ теперь причину, вслѣдствіе которой въ Китаѣ нѣтъ особаго министерства для изящныхъ искусствъ. Правительство не считаетъ себя въ правѣ даже оказывать имъ офиціальную поддержку. Несмотря на уваженія, которымъ пользуются въ Китаѣ изящныя искусства, и на увлеченіе, съ которымъ относятся къ нимъ (особенно же къ музыкѣ) ученое сословіе, забота о преуспѣяніи ихъ не входитъ въ число обязанностей правительственной власти. Правда, одинъ изъ первыхъ богдыхановъ нынѣ царствующей династіи пригласилъ французскихъ живописцовъ и устроилъ для нихъ мастерскія въ собственномъ своемъ дворцѣ; но расходы на это покрывались не изъ суммъ государственнаго казначейства, а изъ собственныхъ доходовъ богдыхана. Въ Срединномъ Царствѣ нѣтъ никакихъ офиціальныхъ школъ для обученія изящнымъ искусствамъ, а существующія частныя школы не получаютъ отъ казны никакихъ субсидій. Поддержаніе изящныхъ искусствъ возлагается на тѣхъ, кто чувствуетъ къ этому склонность; признается несправедливымъ требовать, чтобы всѣ осталь-

ные жертвовали на этотъ предметъ частью своего дохода. Однако же здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, выступаетъ на арену многочисленность китайскаго народа, поставляющая для всѣхъ отраслей искусства такое громадное множество любителей, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Китаѣ найдется соотвѣтственно не менѣе музыкантовъ, чѣмъ въ Германіи, не менѣе живописцевъ и рисовальщиковъ, чѣмъ во Франціи или въ Италіи. Каждый китайскій слуга непремѣнно умѣетъ играть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ. Почти всѣ рабочіе знакомы съ декоративной живописью, рѣзбой на деревѣ и скульптурой. Многіе изъ китайскихъ мостовъ не уступаютъ въ изяществѣ постройки наилучшимъ европейскимъ мостамъ. Китайская система водныхъ путей и оросительныхъ каналовъ можетъ указать на многія замѣчательныя инженерныя сооруженія, превзойти которыя намъ удалось лишь въ самое послѣднее время прорытіемъ монсенисскаго и другихъ громадныхъ туннелей. Я уже говорилъ, что даже въ самыя отдаленныя деревушки заходятъ по нѣскольکو разъ въ мѣсяцъ труппы актеровъ, находящія тамъ достаточное число зрителей для театральныхъ своихъ представленій.

Еслибъ мнѣ пришлось говорить о значеніи китайскаго искусства и вообще о развитіи эстетическаго чувства у китайцевъ, я безъ сомнѣнія не рѣшился бы безусловно выступить защитникомъ китайскихъ порядковъ. Еще менѣе счелъ бы я возможнымъ сравнивать состояніе искусства въ Китаѣ съ тѣмъ уровнемъ, котораго оно достигло въ Европѣ. Замѣчу, впрочемъ, что въ декоративныхъ искусствахъ Европа за послѣднее время много заимствовала у Китая, и во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью утверждать, что сумма искусства, раз-

литая въ народныхъ массахъ Срединнаго Царства, окажется несравненно большей, чѣмъ въ Европѣ. Къ такому заключенію можно было прійти уже à priori. Дѣйствительно, искусство, по самому своему существу, является чѣмъ-то условнымъ, символическимъ. Возможно-ли послѣ этого, чтобы народъ, который весь сплошь усвоилъ себѣ такую символическую письменность, какъ китайская, могъ не сдѣлаться артистомъ въ душѣ?

Хотите-ли знать, какимъ образомъ китайцы охотнѣе всего проводятъ время, когда желаютъ повеселиться? Нанимаютъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, на берегу рѣки, озера или большого канала хорошенькій павильонъ и ѣдутъ туда съ утра съ хорошими пріятелями, захвативъ съ собой кисточки, бумагу и палочку туши. Собравшееся общество завтракаетъ, обѣдаетъ, а въ промежутки забавляется сочиненіемъ стиховъ на заданныя или же избираемые по произволу темы. Тѣ, кто предпочитаетъ поэзіи музыку, записываются въ члены одного изъ весьма многочисленныхъ въ Китаѣ лирическихъ обществъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, искусство въ Китаѣ стоитъ не въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и сравненіе китаецъ съ существомъ низшаго порядка, согбеннымъ надъ землею и не отрывающимся отъ нея своими помыслами, въ высшей степени невѣрно. Кромѣ поэзіи и музыки у китайцевъ есть также и другія развлеченія. Самъ вашъ покорнѣйшій слуга состоитъ, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, до сихъ поръ еще членомъ одного изъ китайскихъ яхть-клубовъ, благодаря одному или двумъ призамъ (въ 8 франковъ стоимостью каждый), пожертвованнымъ мною однажды, когда я прибылъ во время праздника въ самый разгаръ гонки, устроенной на Янь-це-Кiangъ яхть-клубомъ маленькаго прибрежнаго города Ху-Пе.

Пересылка частной корреспонденці предоставляется въ Китаѣ частной же предприимчивости. Благодаря конкуренціи, всегда существующей или готовой возникнуть среди дѣятельнаго и многочисленнаго населенія, тамъ никогда не случается слышать серьезныхъ жалобъ на медленность и неаккуратность доставки писемъ или же на пропажу цѣнныхъ пакетовъ.

Казенныя бумаги посылаются съ особыми курьерами, проѣзжающими на перемѣнныхъ верховыхъ лошадяхъ въ невѣроятно короткое время громадныхъ разстоянія. Такъ, мнѣ рассказывали, что въ особенно спѣшныхъ случаяхъ казенныя бумаги доходятъ изъ Пекина въ Хань-Кеу или въ Чень-ту-Сень, столицу Се-чуенской области менѣе чѣмъ въ пять дней, хотя города эти находятся отъ Пекина въ 400 или 500 миляхъ. Европейцы, живущіе въ Шанхаѣ, не разъ узнавали отъ китайцевъ о событіяхъ, совершившихся въ Пекинѣ или Кантонѣ, и только спустя нѣсколько дней извѣстія эти подтверждались депешами, отправленными нарочно въ Шанхай на пароходѣ. Каждое изъ китайскихъ министерствъ само и разсылаетъ свои бумаги.

«Лучшій изъ министровъ—это весь народъ», говорятъ китайцы. Изреченіе это кажется особенно важнымъ по отношенію къ министерству торговли. Многочисленность народа свидѣтельствуетъ, что онъ благоденствуетъ. Если народъ благоденствуетъ, то разумѣется, что торговля и промышленность идутъ хорошо, а если они идутъ хорошо, то къ чему же заводить особое министерство торговли? Устройтесь такъ, чтобъ населеніе стало у васъ многочисленнымъ. Введите справедливые законы, справедливые легкіе налоги, а затѣмъ, чѣмъ меньше вы станете вмѣшиваться въ дѣла, тѣмъ лучше будетъ и для

васъ, и для народа. Въ виду этихъ соображеній китайцы сочли возможнымъ обойтись безъ министерства торговли. Завѣдываніе таможенными и собираніе статистическихъ данныхъ о ходѣ промышленности и торговли предоставлено министерству финансовъ. Можно было бы возразить на это: «что-жъ, такая система могла быть пригодна до тѣхъ поръ, пока Китай не вступалъ въ торговые сношенія съ иностранными державами. Теперь же, когда правительство богдыхана заключило съ этими державами торговые трактаты, оно, пожалуй, не замедлитъ и ощутить потребность въ особомъ министерствѣ торговли». На возраженіе это мной уже въ сущности отвѣчено. Вспомните только, что каждому китайцу приходится среднимъ числомъ платить въ казну всего лишь около трехъ франковъ налога. При такомъ сравнительно ничтожномъ податномъ обложеніи какой интересъ для страны могутъ представлять торговые договоры? Чьей конкуренціи можетъ она опасаться? Ввозъ какого заграничнаго товара (за исключеніемъ развѣ опиума) можетъ оказаться для нея опаснымъ? Какой смыслъ имѣли бы для нея запретительные тарифы? Возрѣнія китайскаго правительства разумѣется не всегда согласуются совглядами, принятыми въ Европѣ; но даже и здѣсь въ Европѣ найдется не мало людей, не вполне убѣжденныхъ въ превосходствѣ нашихъ общепринятыхъ взглядовъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ китайское правительство воспрещаетъ вывозъ тѣхъ или другихъ предметовъ первоначальной необходимости. Это можетъ, правда, оказаться стѣснительнымъ для нѣсколькихъ крупныхъ негоціантовъ и спекуляторовъ. Но во всякомъ случаѣ такія мѣры принимаются сравнительно рѣдко, на очень короткое время, и не имѣютъ ничего общаго съ принятою въ Китаѣ

теоріей торговых сдѣлокъ. Европа признала умѣстнымъ навязать Китаю торговые договоры. Признавая, что такіе договоры или стѣсняють свободу торговли, или же въ противномъ случаѣ совершенно излишни, китайское правительство сперва уклонялось отъ ихъ заключенія; потомъ же, когда его къ этому вынудили, оно воспользовалось договорами какъ средствомъ для увеличенія доходовъ казны. Теперь его упрекають между прочимъ также и въ злоупотребленіи этимъ средствомъ. Дѣйствительно, до открытія торговых сношеній съ западно-европейскими державами и до заключенія съ ними торговых оборотовъ, пошлины на заграничные товары, получавшіеся изъ Аннама, Сіамскаго царства и т. п. были вообще ниже тѣхъ, которыя взимаются въ настоящее время; однакоже и теперь въ китайскихъ таможахъ берется съ европейскихъ товаровъ весьма умѣренная пошлина, составляющая для большинства изъ нихъ 5 или 6% съ объявленной цѣнности. Сравнительно весьма немногіе товары обложены 8—12%, и съ одного лишь опиума взимается 33% стоимости. Несмотря на такія благопріятныя условія, всей Европѣ сообща съ большимъ трудомъ лишь удается продать каждому китаецу на 50 или 55 сантимовъ въ годъ разныхъ бумажныхъ тканей и бездѣлушекъ, тогда какъ самъ Китай продаетъ каждому французу своихъ произведеній на 3 франка въ годъ. Таковы оказываются на повѣрку барыши отъ пресловутыхъ нашихъ торговыхъ трактатовъ съ Китаемъ. Всѣ усилія нашей дипломатіи, промышленности и торговли разбились о такую бездѣлицу, какой представляется на первый взглядъ цифра въ 3 франка средняго налога, уплачиваемаго въ общей сложности въ годъ каждымъ китаецемъ. Очевидно, что китаецамъ не къ чему хлопотать о заключеніи выгод-

ныхъ торговыхъ договоровъ съ иностранными державами и обзаводится для этого особымъ министерствомъ. Они совершенно правильно считаютъ трехфранковый налогъ и многочисленное населеніе наилучшимъ министромъ народнаго благоденствія. Непосредственными результатами дѣятельности этого, ничѣмъ неоплачиваемаго министра является изумительное развитіе внутренней торговли, мѣстнаго производства и мѣстнаго же потребленія, необремененныхъ никакими налогами и не подвергающихся никакимъ случайностямъ, которыя зависѣли бы отъ событій, совершающихся внѣ предѣловъ Китая.

Назадъ тому тридцать лѣтъ у китайцевъ, такъ сказать, не было вовсе военнаго флота. Правда, у нихъ имѣлось нѣсколько военныхъ джонокъ различной величины, на обязанности которыхъ лежала охрана китайскаго прибрежья и перевозка войскъ изъ одной области въ другую по рѣкамъ и большимъ каналамъ. Во всякомъ случаѣ, это была только береговая оборонительная флотилія, которая почти даже и не могла выходить въ открытое море. Послѣ неудачныхъ своихъ войнъ съ европейскими державами, китайское правительство поняло недостаточность этой флотиліи; ему стало яснымъ, что, даже въ интересахъ обороны необходимо обзавестись военными судами, которыя могли бы поспорить въ скорости хода съ современными европейскими крейсерами. Пригласивъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ инженеровъ, китайцы приступили сперва къ сооруженію доковъ и морскихъ арсеналовъ, въ которыхъ дѣйствительно и было построено нѣсколько военныхъ судовъ. Кажется, однако, въ настоящее время китайское правительство пришло къ тому заключенію, что для него выгоднѣе покупать у европейцевъ, въ случаѣ надобности,

готовыхъ суда, чѣмъ нести постоянные расходы на содержаніе арсеналовъ, въ которыхъ будутъ строиться ежегодно какихъ-нибудь два или три судна. Теперь въ китайскихъ арсеналахъ производятся лишь работы по исправленію судовъ, новыхъ же судовъ тамъ, сколько извѣстно, не строится. Во всякомъ случаѣ, броненосные фрегаты самой усовершенствованной конструкціи, какъ и прежнія джонки, остаются попрежнему въ завѣдываніи военнаго министерства.

Отсутствіе военнаго флота, приспособленнаго къ наступательнымъ дѣйствіямъ, объясняется въ Китаѣ отсутствіемъ заморскихъ колоній. Китай никогда не хотѣлъ обзаводиться такими колоніями. Это было у него систематическое нежеланіе. Всего лишь какихъ-нибудь 200 лѣтъ тому назадъ китайцамъ запрещено было селиться даже на такихъ сосѣднихъ съ побережьемъ Срединнаго Царства островахъ, какъ Гайнанъ и острова Чусанскаго архипелага. У китайцевъ были тамъ рыбныя ловли, на время которыхъ они туда пріѣзжали, но постоянныя жилища строить тамъ было воспрещено. Семья и домъ должны были оставаться на материкѣ. Китайское правительство рассматривало эти острова, какъ стратегическіе пункты, гдѣ оно содержало наблюдательныя эскадры. Я долго не могъ узнать истинной причины запрета китайцамъ селиться на этихъ островахъ; мнѣ говорили сперва, будто это дѣлалось во избѣжаніе излишнихъ административныхъ расходовъ, но китайцы такъ хорошо умѣютъ обходиться безъ администраторовъ, что подобный отвѣтъ можно было лишь объяснить желаніемъ какъ-нибудь отвязаться отъ докучливаго любопытства. Впослѣдствіи мнѣ объяснили, будто въ народѣ существуетъ вѣрованіе, что душа послѣ смерти остается тамъ же, гдѣ она жила, поэтому, умирая

не на родинѣ, человѣкъ рискуетъ утратить навѣки связь со своей семьей. Объясненію это казалось мнѣ вѣрнѣе предыдущаго, но все-таки не удовлетворяло меня вполнѣ. Тѣла умершихъ въ Чусанѣ могли бы точно такъ же перевозиться въ Китай, какъ доставляются теперь туда изъ Санъ-Франциско китайскіе покойники. Этимъ способомъ китайцы думаютъ заставить душу умершаго послѣдовать за брэнной ея оболочкой и вернуться снова въ жилище предковъ. Во всякомъ случаѣ, забота о возвращеніи души на родину является дѣломъ личнаго вкуса и не лежитъ на обязанности правительства. Истинную-же причину интересовавшаго меня факта я узналъ лишь случайно, бесѣдуя съ нѣсколькими пріятелями о чело-вѣчествѣ—*женъ*. «Да,—говорили они,—уѣзжая въ даль отъ родной земли, разрываешь тѣмъ самымъ связь съ чело-вѣчествомъ. Разрывъ этотъ можетъ быть и невѣчнымъ, но, во всякомъ случаѣ, оказывается непосредственнымъ. Очутившись одинъ среди чуждой, невоздѣланной земли, переселенецъ неминуемо скажетъ: «это мое» и такимъ образомъ отлучитъ себя отъ общенія съ чело-вѣчествомъ. Онъ станетъ отгораживаться отъ туземцевъ, выстроитъ себѣ крѣпость и сдѣлается изъ чужеземца врагомъ. Онъ забудетъ, что земля не составляетъ ничьей собственности, и что человѣкъ тогда лишь имѣетъ право пользоваться ею, когда обрабатываетъ ее самъ».

Большія помѣстья, воздѣлываніе которыхъ возможно лишь въ помощь соотвѣтственныхъ пріемовъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства, поражаютъ рабство, оставливаютъ прирость населенія или даже дѣлаютъ страну безлюдной *).

*) Замѣчу кстати, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа, по дорогѣ изъ Санаи въ Мортфонтенъ, можно встрѣтить совершенно

ногласіе въ основныхъ принципахъ, и когда сердца перестали понимать другъ друга, уста перестаютъ говорить однимъ языкомъ. Скажите, сударь, отчего народы, родственные по происхожденію, стали враждовать другъ съ другомъ? Такъ говорили китайскіе мои пріятели, а тѣмъ временемъ воскресала предо мною исторія нашихъ европейскихъ колоній: я невольно припоминалъ себѣ, какимъ неправымъ путемъ были онѣ пріобрѣтены, сколькихъ жертвъ онѣ стоили, сколько крови было изъ-за нихъ пролито. Когда наконецъ колонистамъ удавалось вытѣснить туземное населеніе и присвоить себѣ его достояніе, сохраняли ли эти колоніи по крайней мѣрѣ единеніе съ родною страной? Нѣтъ! Однѣ изъ нихъ, тяготясь игомъ метрополіи, насильственно свергаютъ его съ себя, защищаются отъ своихъ соотечественниковъ таможенными тарифами и штыками, вслѣдствіе чего дорого стоящіе флоты, оборонявшіе передъ тѣмъ эти колоніи, могутъ съ минуты на минуту получить предписаніе къ открытію противъ нихъ враждебныхъ дѣйствій. Другія колоніи, выброшенные словно обломки отъ кораблекрушенія на берегъ едва извѣстнаго материка, съ завистью поглядываютъ другъ на друга. Каждая изъ нихъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы поглотить свою сосѣдку.

Одинъ изъ присутствовавшихъ китайскихъ ученыхъ продолжалъ: «у насъ, сударь, совсѣмъ иная система колонизацій. Мы только размыкаемъ ряды, а не разсыпаемся во всѣ стороны. Мы постепенно расширяемъ свои предѣлы, не утрачивая взаимной связи другъ съ другомъ. Мы не предъявляемъ притязаній на обладаніе

покинутую жителями деревушку изъ 34 домовъ. Земли, принадлежавшія прежде этой деревушкѣ (Neuf Moulin), отошли большею частію къ старинному господскому помѣстью и запущены теперь подъ луга.

землями, которыя нами не заняты, принадлежащая же намъ земля дѣйствительно наша, такъ какъ облита трудовымъ нашимъ потомъ. Мы составляемъ съ ней одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ отечество наше возрастало путемъ увеличенія численности населенія. Сто первоначальныхъ семействъ раздвинули мало-по-малу его предѣлы до горъ Тибета, песковъ пустыни и до морского побережія. Мы завоевали свою землю и удерживаемъ ее за собою не мечемъ и копьемъ, а плугомъ. Наконецъ, сударь, представлю вамъ еще доводъ, съ котораго, быть можетъ, слѣдовало бы начать: намъ хорошо живется и дома. Поля наши возвращаютъ съ лихвою дѣламыя на нихъ затраты, и ни одному разсудительному китаецу не придетъ въ голову, чтобы для Срединнаго Царства было выгодно пожертвовать хотя бы однимъ человѣкомъ или единой сапекой для приобрѣтенія заморскихъ колоній. Тотъ, кому угодно гоняться за счастьемъ въ чужеземныхъ краяхъ, можетъ дѣлать это за собственный страхъ. Подобныя предпріятія кажутся намъ совершенно излишними, и мы не ждемъ отъ нихъ ничего путнаго». Такимъ образомъ объяснено было мнѣ систематическое нежеланіе китайскаго правительства обзаводиться заморскими колоніями. Тѣмъ не менѣе за послѣднія сто или двѣсти лѣтъ общественное мнѣніе въ Китаѣ не держится уже съ прежнею строгостью такого противъ нихъ предубѣжденія.

На всемъ Чусанскомъ архипелагѣ насчитывается теперь болѣе 300 тысячъ жителей. Впрочемъ и этотъ архипелагъ и островъ Гайнанъ не могутъ разсматриваться въ качествѣ заморскихъ колоній, точно такъ же какъ нельзя, напримѣръ, считать таковыми Герскіе острова, островъ Святого Михаила или же Корсику. Формоза лежитъ нѣ-

сколько далѣе отъ материка; но, если китайское правительство, овладѣвъ ею съ единственной цѣлью разрушить одно изъ самыхъ главныхъ гнѣздъ морского разбоя, удержало за собой означенный островъ—причиной этому была дикость туземнаго населенія, которое высказывало до сихъ поръ полнѣйшую неспособность усвоить себѣ какую-либо цивилизацію. Вслѣдствіе этого китайцы не могли передать туземцамъ управленіе островомъ. Впрочемъ и на азіатскомъ материкѣ Китаю приходилось прибѣгать, ради собственной своей безопасности, къ завоеваніямъ. Безпрерывные набѣги тонкинцевъ, аннамцевъ, корейцевъ и др. пограничныхъ народовъ на китайскую территорію побудили китайское правительство послать къ нимъ военно-земледѣльческія колоніи, приучившія, съ теченіемъ времени, туземцовъ къ осѣдлой жизни и посвятившія ихъ въ основные принципы китайской цивилизаціи. Достигнувъ этой цѣли, китайскіе колонисты вернулись на родину, послѣ чего правительство богдыхана сохранило надъ цивилизованными имъ странами лишь право протектората, оплачиваемое самой ничтожной данью. Подобную же задачу предстоитъ ему разрѣшить въ китайскомъ Туркестанѣ и въ странахъ на сѣверной границѣ Срединнаго Царства. Быть можетъ, дѣло окончится совершеннымъ присоединеніемъ этихъ территорій къ Китаю, если только того пожелаетъ само туземное населеніе *), или же правительство богдыхана предоставитъ себѣ надъ ними лишь право протектората. Мѣра эта будетъ безъ сомнѣнія принята только въ томъ случаѣ, когда туземные народы въ достаточной степени проявятъ свою спо-

*) Такъ, въ XVII вѣкѣ тугурты, въ числѣ 1.200.000 душъ, переселились на подвластную Китаю пограничную территорію, пройдя для этого разстояніе въ нѣсколько сотъ миль.

способность къ самоуправленію. Какъ бы ни было, Китай содержитъ тамъ единственно лишь военныя колоніи, имѣющія для государственнаго китайскаго строя такое же сравнительно ничтожное значеніе, какъ и прежнія военныя колоніи въ Тонкинѣ. Изъ всего этого видно, что, даже вникая въ самые отдаленные виды китайской политики, нельзя ожидать, чтобы Срединное Царство измѣнило когда-либо въ вопросѣ о внѣшнихъ колоніяхъ обычный свой образъ дѣйствій и вздумало когда-либо учредить у себя особое министерство колоній *).

Закончивъ обзоръ министерствъ, отсутствующихъ въ Китаѣ, хотя и составляющихъ въ то-же время обычную принадлежность европейскаго правительства, перейду къ разсмотрѣнію имѣющихся тамъ министерствъ и отношенія ихъ къ народу.

III.

Первое мѣсто въ ряду китайскихъ министерствъ занимаетъ министерство личнаго состава администраціи. Въ глубокой древности, когда министерство это было первоначально учреждено, оно называлось гораздо болѣе много-

---

*) Быть можетъ, не мѣшаетъ при этомъ обратить вниманіе на то, что въ Европѣ многіе отчаяваются въ возможности для Франціи привить нашу цивилизацію африканскимъ арабамъ, а между тѣмъ китайцы успѣли распространить свою цивилизацію не только въ Тонкинѣ, Аннамѣ и Корсѣ, но также и среди многихъ манджурскихъ и татарскихъ племенъ, бывшихъ такими же занятыми кочевниками и столь же презиравшихъ земледѣліе какъ бедуины, съ которыми они имѣютъ вообще большое сходство во многихъ отношеніяхъ. Болѣе близкое знакомство съ процессомъ усвоенія китайской цивилизаціи кочевниками могло бы оказаться, вѣроятно, для французовъ весьма поучительнымъ.

значительнымъ именемъ министерства народонаселенія. На его обязанности спеціально лежала забота о томъ, чтобъ народонаселеніе возрастало въ численности. Когда, при династіи Чеу, правительство состояло почти исключительно изъ министерства земледѣлія, оно сливалось съ этимъ министерствомъ. Въ то время за частными лицами не признавалось еще наслѣдственного права пользованія обрабатываемыми ими земельными участками. Министерство народонаселенія, завѣдывавшее вмѣстѣ съ тѣмъ и сельскимъ хозяйствомъ во всемъ государствѣ, раздвигало границы государства, переселяя народъ на новыя мѣста по мѣрѣ того, какъ прежнія земли достигали желаемой степени плодородія. Такая система развитія государственнаго богатства практикуется еще и до сихъ поръ въ Японіи. Правительственные чиновники-спеціалисты агрономы практически обучали китайскій народъ земледѣлію. Такимъ образомъ главнѣйшей обязанностью министерства народонаселенія было содѣйствовать возможно большому развитію человѣчества—*жень*—путемъ ознакомленія людей съ надлежащими приѣмами воздѣлыванья земли. Теперь министерство это утратило прежнее свое значеніе. Оно стало приходить въ упадокъ съ того самаго времени, когда китайскій народъ равномерно расселился на всемъ протяженіи собственнаго Китая, послѣ чего дальнѣйшее увеличеніе численности народонаселенія могло происходить только путемъ интенсивнаго, а не экстенсивнаго прироста. Тогда самъ китайскій народъ постепенно принялъ на себя обязанности министерства народонаселенія, за которымъ осталось лишь завѣдыванье личнымъ составомъ администраціи. Съ теченіемъ времени измѣнились не только обязанности, но даже и наименованія должностныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ отъ министерства народонаселенія, обратившагося въ министерство личнаго состава администраціи, отошло также и собираніе статистическихъ свѣдѣній, которое признано было умѣстнымъ поручить министерству финансовъ. Несмотря на все это, министерство личнаго состава администраціи считается до сихъ поръ, въ сѣлу прежнихъ традицій, важнѣйшимъ и самымъ почетнымъ изъ всѣхъ. Существуютъ впрочемъ два обстоятельства, содѣйствующія сохраненію за нимъ такого почета. Во-первыхъ, министерство это завѣдуетъ замѣщеніемъ государственныхъ должностей, являющихся для большинства ученаго сословія какъ бы оффиціальнымъ признаніемъ научныхъ заслугъ и желанною цѣлью стремлений. Во-вторыхъ, народъ рассматриваетъ министерство личнаго состава администраціи какъ весьма вліятельную судебную инстанцію, черезъ которую проходятъ всѣ жалобы на должностныхъ лицъ.

Говоря о министерствѣ торговли, я упоминалъ уже, что, по мнѣнію китайцевъ, лучшее правительство для народа — это самъ народъ. Переходя теперь къ министерству финансовъ, приходится поневолѣ вспомнить это изреченіе. Богатѣйшее въ мірѣ государство, въ которомъ однѣ воздѣлываемыя земли представляютъ собой цѣнность приблизительно въ двѣ тысячи милліардовъ франковъ (не принимая въ расчетъ богатствъ, заключающихся въ нѣдрахъ земли или находящихся на ея поверхности), а между тѣмъ у него нѣтъ никакихъ государственныхъ финансовъ! Слыханное ли это дѣло? Безъ сомнѣнія тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ китайское правительство располагаетъ извѣстными финансовыми средствами, но за исключеніемъ поземельнаго налога, таможенныхъ, соляныхъ и горныхъ пош-

линъ, которые ему приходится раздать тотчасъ же по полученіи, чѣмъ въ сущности остается ему завѣдывать? У китайцевъ нѣтъ государственнаго долга, государственныхъ займовъ, государственной ренты, казенныхъ сберегательныхъ кассъ, казенныхъ монополій, нѣтъ государственнаго банка съ его отдѣленіями и т. п. Поэтому китайское министерство финансовъ состоитъ всего лишь изъ нѣсколькихъ главныхъ казначеевъ-кассировъ; его умѣстнѣе было бы назвать министерствомъ финансового контроля. Настоящее же завѣдываніе финансами страны перешло къ самому народу. Сберегательной кассой и государственнымъ банкомъ Китая сдѣлалась его земля. Каждое поле является какъ бы облигаціей государственнаго казначейства. Это, по моему мнѣнію, наилучшее доказательство истиннаго народнаго благосостоянія. Кажется нельзя обвинять въ апатіи или застою народъ, умѣющій такъ хорошо управляться со своимъ кошелькомъ. Не таково было, впрочемъ, мнѣніе юнаго атташе при одномъ изъ европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ. Тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ туда, онъ окинулъ орлинымъ взоромъ положеніе края и разомъ сообразилъ, какъ помочь горю. Онъ видѣлъ передъ собою правительство, беспомощное за отсутствіемъ финансовъ, и народъ, недвигающійся съ мѣста за отсутствіемъ правительства, которое заставило бы его идти. Положеніе это казалось ему изъ рукъ вонъ плохо. Движимый чувствомъ великодушія и состраданія, онъ принялся за работу и нѣсколько дней спустя представилъ китайскому министерству длинную и весьма доказательную докладную записку, въ которой обстоятельно изложилъ теорію государственныхъ займовъ и выгоды, которыя могъ бы извлечь изъ нихъ Китай. Его поблагодарили за трудъ, и

дѣло на томъ покончилось. Одинъ изъ китайскихъ ученыхъ, съ которымъ я имѣлъ случай говорить объ этой запискѣ, признался мнѣ однако, что она очень его удивила. «Я не знакомъ съ европейской общественной организаціей,—сказалъ онъ,—но у насъ по крайней мѣрѣ заключеніе государственнаго займа было бы положительно невозможно. У насъ вовсе не въ ходу безсрочныя ссуды съ цѣлью постоянного пользованія процентами. Пріятель даютъ другъ другу займы безъ процентовъ, а съ незнакомаго человѣка берутъ иногда и по 30% въ годъ, но займы заключаются всегда лишь на трехлѣтній срокъ. По истеченіи этого срока должникъ возвращаетъ полученную имъ ссуду, если можетъ, когда можетъ и, пожалуй даже, можно сказать, если хочетъ. Тотъ, кто по скупости или недобросовѣстности не платитъ долговъ, утрачиваетъ на будущее время возможность пользованія кредитомъ. Другой отвѣтственности онъ собственно и не несетъ. Законы у насъ очень строги къ ростовщикамъ и напротивъ того очень снисходительны къ должникамъ. Развѣ могло бы правительство занимать деньги на такихъ условіяхъ и съ уплатой такихъ крупныхъ процентовъ? Откуда взяло бы оно средства къ уплатѣ процентовъ по государственнымъ займамъ, когда оно располагаетъ лишь опредѣленной суммой государственнаго дохода. Наконецъ, кто бы у насъ далъ ему займы денегъ? У насъ нѣтъ тунеядцевъ. Каждый, у кого есть капиталъ, примѣняетъ его самъ къ дѣлу и получаетъ барышъ, гораздо большій того процента, который могло бы уплатить государственное казначейство. Если у васъ на Западѣ возможны крупныя государственныя займы,—прибавилъ китаецъ,—то изъ этого надо заключить, что земля и капиталъ сосредоточены у васъ

въ рукахъ небольшого числа людей, которые не могутъ сами пользоваться ими надлежащимъ образомъ. Мысль эта меня, однако, обезпокоиваетъ, возбуждая толпу дальнѣйшихъ соображеній, которыя, признаться сказать, заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобы справедливость дѣйствительно признавалась у васъ на Западѣ закономъ. Быть можетъ, впрочемъ, что я и ошибаюсь, не понимая хорошенько вашихъ порядковъ. Во всякомъ случаѣ я отвѣтилъ вамъ какъ умѣлъ на заданный вами вопросъ. Позвольте мнѣ этимъ и ограничиться».

Такимъ образомъ и здѣсь въ отношеніяхъ между численностью населенія и государственныхъ финансовъ китайцы видятъ подтвержденіе могущественнаго вліянія *женъ*, т. е. умноженія и развитія человѣчества. Богатое правительство, по ихъ мнѣнію, служить признакомъ крупнаго землевладѣнія и сравнительно малочисленнаго народонаселенія. Напротивъ того, въ очень богатой странѣ съ чрезвычайно раздробленной собственностью и весьма густымъ населеніемъ, государственные финансы непременно должны быть сравнительно ничтожными. Справедливость этихъ соображеній выясняется между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство богдыхана, находясь, вслѣдствіе особо неблагоприятныхъ условій, въ затруднительномъ положеніи и ознакомившись уже при помощи европейцевъ съ государственными займами, не могло заключать ихъ внутри страны и вынуждено было прибѣгать попрежнему къ помощи европейцевъ. Такъ, въ 1868 году, оно, если не ошибаюсь, заключило два государственныхъ займа общей сложностью въ 70—80 милліоновъ франковъ.

Министерство обычаевъ и обрядовъ исполняетъ весьма разнообразныя функціи. Прежде всего оно является

можно сказать представителемъ духовной власти китайской цивилизаціи. Было время, когда министерство это, дѣйствительно, обладало означенной властью, которая парализована теперь прогрессомъ самой цивилизаціи. Министерство обрядовъ завѣдуетъ храмами: Неба, Земли, Грома (электричества) и Свѣта, а также и храмами, посвященными памяти Конфуція. Оно завѣдуетъ торжественными празднествами и распоряжается на нихъ, но не вмѣшивается въ церемоніи поклоненія предкамъ, хотя эти церемоніи являются, собственно говоря, дальнѣйшимъ развитіемъ и детальнымъ примѣненіемъ основныхъ принциповъ, которые чествуются на означенныхъ празднествахъ. Въ Китаѣ поклоненіе предкамъ имѣетъ въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ характеръ народнаго религіознаго культа, который прочно укоренился въ умахъ и держится въ нихъ уже вслѣдствіе того, что согласуется съ общимъ характеромъ китайской цивилизаціи и оправдываетъ возлагаемыя на него въ этомъ отношеніи надежды. Умноженіе численности населенія, являющееся главнымъ догматомъ этого культа, и послѣдствія, къ которымъ оно привело, настолько упрочили самый культъ, что онъ не нуждается ни въ какой посторонней поддержкѣ. При такихъ обстоятельствахъ министерство обычаевъ и обрядовъ не оказываетъ прямого воздѣйствія на религіозныя вѣрованія и суевѣрія китайскаго народа, а потому не имѣетъ ничего общаго съ европейскими министерствами вѣроисповѣданій. Оно считаетъ, однако, долгомъ отъ времени до времени напоминать народу философскіе принципы, полезность которыхъ подтверждена сороковѣковымъ опытомъ. Съ этою цѣлью министерство обычаевъ и обрядовъ установило еще въ глубокой древности обязательные манифесты или поуче-

нія, съ которыми должны обращаться къ народу два раза въ мѣсяцъ мандарины или же особо командируемые для того ученые. Почти всѣ эти манифесты заключаютъ въ себѣ между прочимъ совѣтъ: «остерегайтесь религіозныхъ вѣрованій».

Уваженіе къ старости является въ Китаѣ чѣмъ то въ родѣ религіознаго культа, находящагося въ вѣдѣніи министерства обрядовъ. Старцамъ, начиная съ семидесятилѣтняго возраста, оказываются публичныя officialныя почести. Правительственные чиновники приглашаютъ всѣхъ проживающихъ въ ихъ округѣ старцевъ, какъ богачей такъ и бѣдняковъ, на officialныя пиршества, на которыхъ прислуживаютъ имъ сами. Восьмидесятилѣтнимъ старцамъ оказываются такія же почести сановниками самого высшаго ранга. Въ этомъ возрастѣ вознаграждаются также особыми знаками отличія услуги, оказанныя обществу людьми, подвизавшимися въ самыхъ скромныхъ сферахъ дѣятельности. Лѣтъ двадцать тому назадъ жилъ въ одномъ изъ городовъ куи-чэонской области христіанинъ, занимавшійся медициной и фармаціей. Онъ пользовался во всемъ околѣтѣ репутаціей прекраснаго дѣтскаго врача, спасъ отъ смерти многихъ дѣтей и между прочимъ ребенка въ семьѣ самого градоначальника. Этотъ врачъ лѣчилъ всегда дѣтей даромъ, а потому отказался также и отъ вознагражденія, которое предлагалъ ему градоначальникъ. Когда врачу исполнилось семьдесятъ лѣтъ и подошелъ праздникъ старцевъ, градоначальникъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, явился въ лавку того, кому былъ обязанъ исцѣленіемъ своего ребенка. Преклонившись вмѣстѣ со всей своей свитой передъ врачомъ, градоначальникъ передалъ ему почетное свидѣтельство, въ которомъ изъ-

являлъ свою благодарность и благодарность всего околотка за его дѣятельность и пригласилъ на торжество въ честь старцевъ, которое должно было состояться двумя недѣлями позже.

Министерство обрядовъ завѣдуетъ также и общественной благотворительностью. Въ случаѣ какихъ-либо народныхъ бѣдствій оно опредѣляетъ, какого рода вспомошествованіе должно быть оказано пострадавшимъ отъ этого бѣдствія округамъ, освобождаетъ ихъ отъ уплаты налоговъ, выдаетъ ссуды деньгами или зерномъ. Въ вѣдѣніи его состоятъ также запасные хлѣбные магазины и казенныя благотворительныя заведенія.

На обязанности этого же министерства лежитъ провозглашеніе и выполненіе законовъ, предписаній и постановленій, которые, вслѣдствіи своего слишкомъ спеціального или же слишкомъ общаго характера, могли бы быть не поняты народомъ и не приведены въ исполненіе. Наконецъ, какъ уже было сказано, министерство это завѣдуетъ и сношеніями Китая съ иностранными державами.

Что касается до военнаго министерства, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, я не въ состояніи буду сказать о немъ ничего новаго для читателя. Въ странѣ, цивилизація которой основана на развитіи человѣчества, на умноженіи его численности, т. е. на братствѣ и взаимной солидарности, проявляющихся не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, у народа, для котораго война представляется дѣломъ настолько необычайнымъ, что ему въ высшей степени противно какъ воспоминаніе о ней, такъ и видъ всего, что ее напоминаетъ, чѣмъ можетъ быть, спрашивается, военное министерство въ такой странѣ и у такого народа? Чтобъ не стоять въ фор-

мальномъ, насильственномъ вѣчномъ противорѣчїи съ общимъ характеромъ цивилизаціи, оно должно быть исключительно лишь министерствомъ народной обороны. Дѣйствительно, китайская армія имѣетъ значеніе только оборонительное. Необходимо присовокупить, что войска въ Китаѣ расположены всегда за городомъ и вступаютъ въ города не иначе, какъ по востребованію гражданскихъ властей. Очевидно впрочемъ, что въ настоящее время китайская армія не удовлетворяетъ требованіямъ государственной обороны. Можно было бы задать себѣ вопросъ, не обусловливается ли малая пригодность китайскихъ войскъ своеобразнымъ характеромъ самой китайской цивилизаціи? Я могъ бы представить по этому поводу нѣкоторыя соображенія, но они будутъ болѣе на своемъ мѣстѣ при критическомъ изслѣдованіи китайской цивилизаціи, которая составитъ предметъ другой книги.

Еще легче, чѣмъ о военномъ министерствѣ, читатель можетъ составить себѣ понятіе о министерствѣ юстиціи въ Китаѣ. Зная организацію китайской семьи и обширность судебной ея власти, нетрудно представить себѣ, что правительственная судебная власть можетъ проявляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Дѣйствительно, она имѣетъ характеръ апелляціоннаго судопроизводства или же уголовного, вѣдающаго исключительно преступленія, подлежащія по закону смертной казни, и потому выходящія за предѣлы семейной юрисдикціи. Лица, изгнанныя изъ семьи, или же по какому-либо случаю оказавшіяся внѣ общенія съ нею, подлежатъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлахъ, правительственному суду. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе оффиціального китайскаго судопроизводства, а потому я скажу о немъ лишь нѣсколь-

ко словъ. При китайскихъ судахъ нѣтъ ни прокуроровъ (исключая случаевъ обвиненія въ убійствѣ,) ни адвокатовъ. Истецъ и отвѣтчикъ должны сами, или черезъ своихъ повѣренныхъ, изложить какъ можно проще и точнѣ фактическую сторону дѣла. Правительственный чиновникъ, совмѣстно съ своими помощниками, постановляетъ затѣмъ рѣшеніе по совѣсти. Судебныя разбирательства производятся гласно, причемъ чиновникъ нерѣдко справляется съ мнѣніемъ присутствующихъ. Прежде разбирательства дѣла чиновникъ освѣдомляется всегда, разсматривалось ли оно въ семейномъ совѣтѣ и принимаетъ во вниманіе приговоры, постановленные семейнымъ судомъ.

Въ сводѣ китайскихъ уголовныхъ законовъ значатся всего лишь въ категоріи наказаній: ссылка, тѣлесныя наказанія и смертная казнь съ отягчающими обстоятельствами (казнь отравленіемъ—когда разрѣшается самоубійство; удавленіемъ, отрубленіемъ головы и т. п.). Къ тюремному заключенію никто приговоренъ быть не можетъ. Между тѣмъ въ Китаѣ требуется для полного доказательства вины собственное сознаніе подсудимаго, а иногда бываетъ, что несмотря на очевидность вины, преступникъ не хочетъ въ ней сознаться. Такого молодца, разумѣется, опасно было бы оставлять на свободѣ, поэтому его отводятъ въ тюрьму и держатъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заблагоразсудитъ наконецъ стать пооткровеннѣе. Во всякомъ случаѣ этотъ образъ дѣйствія признается незаконнымъ. Нетрудно представить себѣ, что онъ можетъ приводить иногда къ очень серьезнымъ усложненіямъ и злоупотребленіямъ. Какъ бы ни было, въ принципѣ необходимость собственного сознанія долженствовала служить для подсудимаго нѣкоторой гарантіей.

Вообще же китайскіе уголовные законы отличаются чрезвычайной строгостью. За кражу, совершаемую въ третій разъ, а также за однократную кражу на сумму болѣе чѣмъ въ двѣсти франковъ, за изнасилованіе, прелюбодѣяніе и убійство полагается смертная казнь. Никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ не признается. Соучастники въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергаются тому же наказанію, какъ и главные виновники. Самыми тяжкими преступленіями считаются политическія, какъ стремящіеся разрушить общественную солидарность. Главные зачинщики подвергаются смертной казни, зачастую, какъ утверждаютъ, весьма жестокой. Второстепенные участники изгоняются или, лучше сказать, ссылаются въ приліійскій край *).

Приговоры къ смертной казни представляются во всѣхъ случаяхъ на разсмотрѣніе богдыхана, который, прежде чѣмъ утвердить ихъ, проводитъ три дня въ постѣ и воздержаніи.

Какъ уже упомянуто, китайскіе законы не признаютъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Однако же, если убійство совершено было по нечаянности и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ непредумышленного убійства, родственники убитаго могутъ помиловать осужденнаго, взявъ съ него соотвѣтственный выкупъ.

Существуетъ еще постановленіе, цѣлесообразность котораго я выяснить себѣ не могу. Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, когда преступленіе не осложняется убійствомъ, законъ дозволяетъ виновному найти для себя замѣстителя, который и подвергается смертной казни. Само

---

*) Въ сѣверо-западной части Срединнаго Царства * Это глубокая весьма плодородная долина, обладающая чрезвычайно мягкимъ климатомъ. Она славится своими дынями.

собой разумѣется, что для этого необходимо согласіе какъ обиженной стороны, такъ и самого замѣстителя. Отыскать этого послѣдняго сравнительно очень легко. Семья осужденнаго обращается къ одному изъ закоренѣлыхъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмѣ, и предлагаетъ средство хотя отчасти загладить ущербъ, причиненный преступникомъ его собственной семьѣ. Дѣло улаживается такимъ образомъ къ общему удовольствію, но такой способъ удовлетворять разгнѣванное правосудіе оказывается возможнымъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въ бытность мою въ Пекинѣ совершена была почти у меня на глазахъ смертная казнь надъ китайскимъ офицеромъ, занимавшимъ высокое положеніе въ арміи. Онъ былъ обвиненъ въ изнасилованіи малолѣтней дѣвочки и не получилъ разрѣшенія представить замѣстителя, такъ какъ семья дѣвочки, несмотря на предлагаемое ей большое денежное вознагражденіе, не соглашалась на такую комбинацію. Необходимо присовокупить, что избѣгнувъ смертной казни, осужденный на нее обязанъ во всякомъ случаѣ удалиться въ изгнаніе.

Другою особенностью китайскаго уголовного кодекса является то, что онъ какъ бы узаконяетъ самоубійство. Сенека училъ не только безстрашно встрѣчать смерть, но совѣтовалъ также итти ей иногда на встрѣчу. Добровольная смерть давала, по его словамъ, возможность самому слабому и безсильному изъ людей противостоятъ кесарю, царствовавшему надъ Римомъ, а слѣдовательнаго надъ всѣмъ міромъ. Сила противодѣйствія такому безпредѣльному могуществу обусловливается убѣжденіемъ въ возможности всегда избавиться отъ гнета деспотизма. Человѣкъ, который воленъ умереть, въ правѣ не считать себя окончательнымъ рабомъ. Очевидно, что въ Китаѣ самоубійство

не должно разсматриваться какъ средство избавленія отъ тираніи. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда не удастся выяснить судебнымъ порядкомъ справедливость своихъ требованій, или когда подсудимый, зная свою невинность, не можетъ тѣмъ не менѣе ее доказать, тогда отчаяніе, сознаніе своей правоты и даже самый законъ подсказываютъ несчастливцу самоубійство, какъ послѣднее прибѣжище и какъ вѣрное средство опровергнуть воздвигнутыя противъ него обвиненія. Лишивъ себя жизни передъ воротами дома своего обвинителя или преслѣдователя, онъ можетъ подтвердить этой добровольной смертью истину своихъ заявленій. Противникъ его подвергается тогда судебному преслѣдованію, какъ виновный въ убійствѣ. Зброшенный участокъ земли, принадлежавшій къ церковнымъ имуществамъ одной католической епархіи, былъ распаханъ и воздѣланъ жившимъ по сосѣдству китаецемъ не-христіаниномъ. Когда участокъ этотъ сталъ приносить обильные урожаи, христіане предъявили на него свои права. Законъ оказался однако на сторонѣ земледѣльца и обезпечилъ ему пользованіе спорнымъ участкомъ. Желая поставить на своемъ, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, христіане принялись всячески преслѣдовать этого земледѣльца и однажды ночью скосили у него на участкѣ весь хлѣбъ. Земледѣлецъ подалъ на нихъ жалобу, но процессъ, благодаря вліянію, которымъ пользовался въ 1862 году епископъ, замылся. Злополучный китаецъ съ отчаянья перерѣзалъ себѣ горло передъ воротами одного изъ христіанскихъ своихъ соотечественниковъ. Это случилось въ монгольской деревушкѣ за Великой Стѣной. Христіанъ арестовали какъ разъ въ тотъ самый день, когда я туда пріѣхалъ.

Могу сообщить и другой поучительный фактъ. Ки-

таецъ, обвѣшанный сапеками, встрѣчаетъ на мосту другого китайца, который ихъ отъ него отнимаетъ. «Воръ! отдай мнѣ сапеки!» кричитъ обиженный. Воръ продолжаетъ бѣжать. «Смотри же, воръ! если ты не отдашь мнѣ денегъ, я утоплюсь!» Воръ возвращаетъ сапеки...

Каковы бы ни были странности китайскихъ уголовныхъ законовъ, не слѣдуетъ забывать, что, несмотря на строгость китайскаго уголовного кодекса, число поставливаемыхъ смертныхъ приговоровъ въ обыкновенныя времена очень ограниченное. Въ областяхъ съ 25—30 миллионнымъ населеніемъ приговариваютъ ежегодно къ смерти отъ 12 до 14 человѣкъ. Есть столь же населенныя области, въ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ не было постановлено ни одного смертнаго приговора. Не слѣдуетъ также забывать, что казенные суды имѣютъ въ сущности дѣло съ людьми, которые были уже выгнаны изъ семьи, т. е. съ рецидивистами и притомъ самого худшаго разбора.

Сколько проступковъ и даже преступленій прощаетъ семья своему члену, прежде чѣмъ исключить его изъ своей среды! Въ другихъ странахъ человѣкъ, совершившій въ первый разъ преступленіе, немедленно изгоняется судебнымъ приговоромъ изъ общества и вслѣдствіе этого, иногда роковымъ образомъ, вторично наталкивается на преступленіе. Въ Китаѣ же этого не случается.

Настоящими народными судебными учрежденіями являются тамъ семейные суды. Въ этихъ судахъ только и можно съ увѣренностью найти истинное, человѣчное правосудіе, задающееся цѣлью своими увѣщаніями, предостереженіями и даже карами, сохранить человѣческому обществу заблудшихся, которые были бы навсегда изгнаны безпощаднымъ приговоромъ не родственнаго

правосудія. Семейный судъ, налагая на виновнаго даже и самую строгую свою кару, оставляетъ ему все-таки же открытымъ путь къ раскаянію и исправленію.

Говоря о китайскомъ судопроизводствѣ, надо преимущественно имѣть въ виду семейные суды.

Можно задать себѣ вопросъ: какими законами руководствуются эти суды? Извѣстно, что гражданскій кодексъ въ Китаѣ состоитъ изъ весьма немногихъ лишь статей, въ которыхъ излагаются и высказываются основные принципы китайскаго общественнаго строя. Затѣмъ существуетъ еще сводъ уголовныхъ законовъ, которыми руководствуются правительственные суды. Гдѣ же спрашивается правовая почва, на которой зиждется семейный судъ? Что именно сообщаетъ должную силу его приговорамъ? Что заставляетъ имъ подчиняться? На всѣ эти вопросы можно дать повидимому только одинъ отвѣтъ. Законъ, руководящій главу семейства въ качествѣ судьи,—тотъ самый, который существуетъ въ душѣ каждаго человѣка. Сила, заставляющая виновнаго склоняться предъ его приговоромъ, нечто иное, какъ сознаніе правоты этого приговора, которое не можетъ оставаться долгое время сокровеннымъ и для самого виновнаго. Я уже имѣлъ случай говорить объ уваженіи китайцевъ къ семейному совѣту и его рѣшеніямъ. Здѣсь, однако, имѣется нѣчто большее простого уваженія. Причину этого понять нетрудно. Обыкновенный судъ выслушиваетъ дѣло, обсуждаетъ его и постановляетъ приговоръ. Домашній судъ, прежде чѣмъ объявить приговоръ, выясняетъ его необходимость. Осужденный убѣждается въ своей виновности, прежде чѣмъ будетъ постановленъ касающій его приговоръ. Дремавшая въ немъ совѣсть пробуждается, и онъ признаетъ

постигшую его кару справедливой. Нѣтъ надобности употреблять противъ него какое-либо принужденіе. Я самъ видѣлъ осужденныхъ, поддерживавшихъ собственно ручно свои ноги для того, чтобъ ихъ можно было удобнѣе заковать въ кандалы.

Несомнѣнно, что все это свидѣтельствуетъ о чрезвычайно мощномъ развитіи въ народѣ чувства справедливости. Это нисколько не должно удивлять тѣхъ, кто познакомился съ духомъ китайскихъ учрежденій, въ особенности же съ національными китайскими обычаями, состоящими въ связи съ семейной юрисдикціей. Къмъ то было замѣчено, что каждый человѣкъ въ отдѣльности есть сумма хорошихъ и дурныхъ качествъ своей расы. Признавая наслѣдственность душевныхъ свойствъ, читатель можетъ представить себѣ прочность чувства справедливости, укоренившагося въ душѣ cadaго китайца путемъ наслѣдственности, непрерывно дѣйствовавшей въ теченіе столькихъ поколѣній.

Сами китайцы приписываютъ себѣ очень развитое чувство справедливости, но объясняютъ развитіе этого чувства нѣсколько иначе. Объясненіе ихъ, собственно говоря, представляется не болѣе таинственнымъ и метафизическимъ, чѣмъ-то, которое основывается на такъ-называемомъ атавизмѣ. Китайцы говорятъ:

«Когда человѣкъ рождается на свѣтъ, въ немъ можно видѣть только ребенка. Съ годами у него растутъ и развиваются не только члены тѣла, какъ напр. руки и ноги, но и мышленіе. Также точно и человѣчество. Никто изъ людей не узритъ полностью всего человѣчества, а между тѣмъ оно существуетъ. Оно является однимъ цѣлымъ, проявляющимся во множествѣ какъ бы отдѣльныхъ членовъ. Всѣ идеи заключаются въ немъ. Въѣ

его никакихъ идей быть не можетъ, но онѣ проявляются лишь послѣдовательно и постепенно, по мѣрѣ его роста и развитія. Желательно возможно полное проявленіе человечества, единого и солидарнаго (*И-женъ*) и надо стремиться къ нему всѣми силами, такъ какъ это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможно полнымъ проявленіемъ справедливости. Короче сказать: чѣмъ многочисленнѣе становится народонаселеніе, тѣмъ развитѣе является въ немъ чувство справедливости. Допуская правильность этого взгляда, пришлось бы согласиться, что ни у одного народа нѣтъ такого основательнаго повода предполагать у себя чувство справедливости весьма развитымъ. Уже не поэтому ли китайцы не ощущаютъ потребности въ особомъ министерствѣ юстиціи?

Оставляя, однако, въ покоѣ атавизмъ и китайскія философскія воззрѣнія, необходимо будетъ все-таки признать существующій фактъ. Народъ, среди котораго виновный, безъ всякаго принужденія со стороны жандармовъ или полиціи, самъ, добровольно подчиняется наложенной на него карѣ; народъ, у котораго неправедно обвиняемый безбоязненно прибѣгаетъ въ крайнихъ случаяхъ къ самоубійству, какъ средству для своего оправданія, — долженъ имѣть весьма возвышенное понятіе о справедливости. Можно объяснить этотъ фактъ также и нѣкоторыми другими соображеніями: китайское законодательство отличается чрезвычайной простотой. Оно караетъ лишь нарушение основныхъ законовъ, необходимыхъ для поддержанія единства и солидарности между людьми. «Чти отца твоего и мать твою, не убивай, не кради, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай жены ближняго твоего или принадлежащаго ему поля». Это, собственно говоря, естественное право, чѣмъ и объясняется, быть можетъ, чрезвычай-

ная строгость китайскихъ уголовныхъ законовъ. Что касается до частныхъ сдѣлокъ, то они считаются принадлежащими къ области искусственнаго, условнаго права. Закону до нихъ нѣтъ никакого дѣла, и суды не входятъ по нимъ ни въ какія разбирательства.

Недостаточно однако еще, чтобы идея справедливости проявлялась только во взаимныхъ отношеніяхъ между самими людьми. Вся человѣческая дѣятельность должна быть проникнута этой идеей. Справедливость должна царить всюду: надъ растеніемъ, животнымъ, землею, надъ всѣмъ веществомъ. Въ этомъ и заключается миссія совокупнаго единого человѣка *И-женъ*, чрезъ котораго Небо дѣйствуетъ на Землю и преобразуетъ ее, который служить посредникомъ Неба по отношенію къ физическому міру. Чѣмъ могущественнѣе человѣчество или же чѣмъ многочисленнѣе люди, черезъ посредство которыхъ оно дѣйствуетъ, тѣмъ легче становится для него выполнение этой миссіи.

То, что мнѣ остается сказать по поводу министерства публичныхъ работъ, будетъ послѣднимъ изъ многократныхъ подтвержденій этой истины.

Подавляющая громадность публичныхъ работъ, произведенныхъ въ Китаѣ въ тѣ отдаленныя времена, когда создана была система оросительныхъ каналовъ и искусственныхъ водныхъ путей, которыми такъ справедливо гордится Срединное Царство, равно какъ совершившееся въ болѣе близкія къ намъ времена сооруженіе Великой Стѣны, достаточно выясняютъ, какое важное значеніе имѣло въ древности китайское министерство публичныхъ работъ. Эти же факты свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о громадной роли, выпадавшей при такихъ сооруженіяхъ на долю правительства. Обладая тогда неограни-

ченнымъ правомъ распоряжаться по своему усмотрѣнію народнымъ трудомъ, правительство передвигало, рѣдкое еще въ то время, населеніе съ мѣста на мѣсто и скупчивало его въ сосѣдствѣ производившихся работъ. Единственно лишь цѣною совокупныхъ и единовременныхъ усилій цѣлаго народа могли быть достигнуты такіе колоссальные результаты, какими являются каналы, протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ миль, и водоемы, представляющіе собою цѣлыя озера въ 35 и даже 70 миль въ окружности. Теперь, въ теченіе уже многихъ тысячелѣтій, публичныя работы находятся въ томъ же положеніи, какъ и законодательство. Все наиболѣе существенное уже сдѣлано и не должно болѣе дѣлаться вновь. На обязанности правительства лежить лишь поддержаніе того, что сдѣлано. Не скажу, чтобы правительство богдыхана во всѣхъ случаяхъ хорошо выполняло эту обязанность, но тѣмъ не менѣе другой обязанности на немъ не лежитъ. Необходимыя для этого публичныя сооруженія выполняются и ремонтируются, смотря по степени своей важности, областными, губернскими или же общинными управленіями, на средства, которыя собираются земскими совѣтами частью по подпискѣ, частью же по раскладкѣ, причѣмъ берется въ расчетъ степень состоятельности плательщиковъ. Люди малоимущіе освобождаются отъ взносов на производство публичныхъ работъ. Многія изъ такихъ работъ, какъ напр. мосты, дороги и т. п. выполняются на средства нѣсколькихъ богачей, удовлетворяющихся тѣмъ, что имена ихъ будутъ начертаны на одномъ изъ камней сооруженія, возведеннаго на ихъ средства. Самыя изумительныя и грандіозныя изъ нынѣшнихъ сооруженій выполняются однако совершенно незамѣтнымъ образомъ частною предпримчивостью. Если

разсматривать ихъ во всей совокупности, то никакая изъ прежнихъ, даже наиболѣе колоссальныхъ работъ, не можетъ выдержать съ ними сравненія. Самые смѣлые европейскіе инженеры и капиталисты не рѣшились бы и помыслить о чемъ нибудь подобномъ. Чтобы сказали напрымѣръ эти инженеры и капиталисты, еслибъ имъ предложили обратить въ ступенчатыя террасы всѣ горы въ такой огромной странѣ, какъ Срединное Царство? Между тѣмъ эта грандіозная работа безостановочно производится шагъ за шагомъ множествомъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Китаю не пришлось прибѣгать для нея ни къ заключенію государственнаго займа, ни къ выдачѣ субсидій предпринимателямъ или же къ обезпеченію имъ надлежащаго процента на затраченный капиталъ. Фактъ этотъ объясняется опять-таки могуществомъ совокупнаго человѣчества. *И-женъ*.

Вслѣдствіе болѣе и болѣе возрастающей густоты населенія и благодаря справедливымъ законамъ, поземельная собственность раздробилась до того, что даже и такія публичныя работы, которыя, при малочисленномъ населеніи, были бы невычислимы или же достижимы лишь при посредствѣ чрезвычайнаго сосредоточенія усилій, раздробляясь, въ свою очередь, становятся доступными для отдѣльныхъ личностей и выполняются, такъ сказать, между дѣломъ. Каждый ручеекъ, прежде чѣмъ спуститься въ равнину, перехватывается по крайней мѣрѣ разъ двадцать плотинами на склонахъ горы, которая, отъ подошвы и до самой вершины, раздѣлена террасами. И все это выполнено простыми крестьянами! Сѣть городскихъ нашихъ водопроводовъ представляется менѣе частой, чѣмъ сѣть канавокъ, орошающихъ китайскія рисовыя поля. Смотри на китайскихъ крестьянъ, которые потихоньку и какъ бы играючи выполняютъ эти

работы, совершенно немыслимыя въ другихъ странахъ, я невольно чувствовалъ къ нимъ почтительное удивленіе. Сколько разъ я видѣлъ, какъ они складываютъ камень за камнемъ опорныя стѣны, сооруженіе которыхъ дѣлаетъ почву горныхъ округовъ столь же плодородной, какъ почва самыхъ благодатныхъ долинъ; видѣлъ какъ они собираютъ рисъ и пшеницу въ трещинахъ, гдѣ прежде вили свои гнѣзда хищныя птицы... Я мысленно восклицалъ при этомъ: «вотъ такъ молодцы!» и признавалъ себя растроганнымъ до глубины души. Я чувствовалъ благодарность къ этимъ китайцамъ за то, что они дѣлали и торжествовали вмѣстѣ съ ними надъ побѣжденными ими препятствіями.

А между тѣмъ, самымъ чудеснымъ во всемъ этомъ казался мнѣ фактъ, о которомъ свидѣтельствовали самымъ блестящимъ образомъ побѣды, одержанныя частной предприимчивостью. Я говорю о постепенной замѣнѣ коллективнаго дѣйствія государства частной дѣятельностью лица. Это постепенное замѣщеніе проходитъ черезъ всѣ сферы китайской цивилизаціи, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными ея проявленіями, какъ въ области умственныхъ, такъ и вещественныхъ отношеній. Освобожденіе отдѣльной личности отъ коллективнаго общественнаго гнета, независимость и свобода, прибрѣтенныя отдѣльной личностью въ средѣ общей солидарности и благодаря такой солидарности—вотъ, что казалось мнѣ самымъ выдающимся изъ фактовъ, выясненныхъ путемъ изученія отношеній китайцевъ къ ихъ государству и правительству. Этотъ грандіозный результатъ кажется мнѣ весьма вѣскимъ подтвержденіемъ справедливости ихъ теоретическихъ взглядовъ.

ЧАСТЬ V.

Семья Уангъ-Мингъ-Це.

I.

Между двумя холмами, образующими Янгъ-пингское ущелье, раскинулась, въ Фо-киенской области, въ 14 миляхъ къ западу отъ Фу-чеу, группа изъ 700 или 800 домовъ, извѣстная подъ названіемъ Уангъ-Мо-Хи. Окрестная мѣстность отличается живописностью видовъ и чрезвычайно здоровымъ климатомъ. Лѣтніе жары тамъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ Фу-чеу. За исключеніемъ ста или полутора ста торговцевъ и разныхъ ремесленниковъ, дома которыхъ тѣснятся по берегамъ Та-Шуей-Хи, извивающейся въ глубинѣ долины, остальные жители мѣстечка построились, такъ сказать, въ разбросъ—отдѣльными хуторами. Пространства между этими хуторами, повсюду почти одинаковыя, заняты полями и садами. Рѣка, черезъ которую перекинута множество мостовъ, постоянно перерѣзается судами средней величины и лодками, поддерживающими сообщеніе между многочисленными населенными центрами, черезъ которые она протекаетъ. Многие изъ этихъ центровъ являются весьма значительными

городами. Холмы, почти до самой своей вершины, воздѣланы и орошены посредствомъ каналовъ, выведенныхъ изъ Та-Шуей-Хи. Каналы эти идутъ по обоимъ склонамъ холмовъ, приблизительно на одной трети ихъ высоты. Водоподъемныя машины съ черпаками поднимаютъ изъ нихъ воду въ слѣдующій каналъ, расположенный нѣсколько выше, откуда она тѣмъ же порядкомъ переходитъ сперва въ третій, потомъ въ четвертый и пятый каналъ, а затѣмъ течетъ обратно внизъ, распредѣливъ повсюду на своемъ пути освѣжающую животворную влагу. По окончаніи сезона, въ теченіе котораго поля нуждаются въ большомъ орошеніи, т. е. послѣ того, какъ созрѣетъ рисъ, работа водоподъемныхъ машинъ становится почти излишней. Дождевая влага и вода горныхъ источниковъ, собираемая въ надлежаще устроенные водоемы, оказываются совершенно достаточными или почти достаточными для орошенія другихъ воздѣлываемыхъ растений. Съ вершины горъ всѣ оросительныя каналы кажутся столькими же серебряными лентами. Соображаясь съ прихотливыми изгибами холмовъ, обусловливающими направленіе оросительныхъ каналовъ, крестьяне вынуждены были придать своимъ полямъ самыя разнообразныя и оригинальныя очертанія. Нѣкоторыя изъ этихъ полей какъ будто прицѣплены или подвѣшены къ склонамъ холмовъ. Они держатся на опорныхъ стѣнахъ, выведенныхъ изъ камней, сложенныхъ на-сухо безъ всякаго цемента. Стѣны эти затканы громадными свисшими внизъ лѣанами, корни которыхъ заплзли въ расщелины между камнями. Такія поля кажутся издали громадными чашами, устраиваемыми для святой воды въ католическихъ храмахъ, крѣпостными бастіонами или же балконами, которые украшены зеленѣющими растеніями. Другія поля,

разбросанныя въ безпорядкѣ тамъ и сямъ, напоминаютъ громадныя этажерки, уставленныя вазами, чашами, блюдечками и блюдами самыхъ разнообразныхъ очертаній. Вода падаетъ повсюду изъ однихъ посудинокъ въ другія тысячами каскадовъ, переливающихся на солнцѣ разноцвѣтными огнями всѣхъ драгоценныхъ камней. Здѣсь на нижнихъ террасахъ преобладаетъ нѣжная, веселая зелень рисовыхъ полей или же болѣе темная зелень сахарныхъ плантацій. Въ мѣстахъ менѣе удобныхъ для орошенія посаженъ хлопчатникъ съ большими желтоватыми цвѣтами. Далѣе тянутся аллеи апельсиновыхъ деревьевъ со своей строгой и мрачной листвою. По сосѣдству съ ними—чайныя плантаціи, рѣзко отдѣляющіяся отъ всего остального сѣрымъ фономъ разрыхленной своей почвы.

Рисъ, чай, хлопокъ, сахаръ и апельсины являются главнѣйшими произведеніями мѣстной земледѣльческой промышленности. Земля доставляетъ, однако, тамъ еще много другихъ продуктовъ, въ значительной степени увеличивающихъ богатство населенія. Пальма *), раскидывающая широкимъ вѣтеромъ свою листву въ шести или восьми метрахъ отъ земли, даетъ прекрасное растительное волокно, замѣняющее китайцамъ пеньку. Другое дерево **) со свилеватой штамбой, искривленными вѣтвями и ржавыми листьями, несмотря на свой злополучный видъ, доставляетъ обильный сборъ сѣмянъ, богатыхъ масломъ. Сѣмена дерева ***), очень похожаго издали на березу или осину, изобилуютъ растительнымъ саломъ. Не слѣдуетъ забывать также о бамбуковомъ тростникѣ, быть можетъ, самомъ полезномъ изъ всѣхъ кустарныхъ растений и безъ со-

---

*) *Chamoerops excelsa*.

**) *Dryandra cordata*.

***) *Stillingia sebifera*.

мнѣнія самомъ граціозномъ изъ нихъ. Перистая листва, увѣнчивающая его стволы на высотѣ 8 или 10 метровъ, колеблется при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Тамъ и сямъ виднѣются бананы, группами по пяти или шести штукъ, но они какъ будто предназначаются только для украшенія общей картины и рѣдко лишь приносятъ вкусные плоды. Нельзя сказать, однако же, чтобы на холмахъ Уангъ-Мо-Хи рѣшительно все уже было воздѣлано. Есть и такія высоты, до которыхъ человѣкъ еще не коснулся, такія кручи, которыя еще не покорены его рукой. Убранство ихъ взяла на себя сама природа. Весной, начиная съ конца февраля, все это покрывается роскошнѣйшей одеждой. Тогда разцвѣтають пурпурово-розовыя и золотисто-желтыя азалии, бѣлыя гарденіи, голубыя клематиты (ломоносы), бѣлыя буквицы, глицинии, каперцы, камелии... Ни одна пядь земли не остается безъ роскошнаго цвѣтка. Въ чудномъ покровѣ, одѣвающимъ холмы, нѣтъ ни одной грубой заплаты.

Среди этихъ богатыхъ полей и хуторовъ встрѣчаются зачастую рощицы, изъ которыхъ слышатся по утрамъ, по вечерамъ и въ полдень серебристый, густой звонъ колоколовъ, напоминающій колокольный звонъ въ католическихъ церквахъ. Это колокола двѣнадцати будистскихъ пагодъ, крыши которыхъ, изъ желтыхъ глазированныхъ черепицъ съ заостренными своими углами, прорѣзаясь кое-гдѣ сквозь листву, рѣзко выдѣляются на голубомъ фонѣ яснаго неба.

Повсюду глубокое молчаніе, котораго не въ силахъ нарушить даже пѣніе птицъ, голоса рабочихъ и отвѣчающее имъ эхо. Голоса и отголоски, пѣніе птицъ и тишина, благоуханіе и яркія краски, все сливается въ общее гармоническое цѣлое, дѣлающее изъ этого ма-

ленькаго уголка настоящій земной рай. Все васъ здѣсь радуешь, и веселить. Тутъ не слышно оскорбляющаго ухо стука колесъ о неровную мостовую, не слышно тяжелыхъ ударовъ молота, нѣтъ закоптѣлыхъ, вонючихъ фабрикъ, изъ трубъ которыхъ валили бы черныя закоптѣлыя облака дыма. Глазъ, ухо и вообще органы чувствъ, не оскорбляемые никакими рѣзкими непріятными ощущеніями, изощряются до-нельзя. Человѣкъ чуть что не приобретаетъ способность видѣть, какъ трава растетъ, и, выражаясь словами китайскаго поэта, слышать шорохъ по землѣ отъ тѣни, которую бросаетъ листва, колеблемая вѣтромъ. Нигдѣ жизнь не достигаетъ такой интенсивности, нигдѣ человѣкъ и природа не поняли такъ хорошо другъ друга, нигдѣ не вступили они между собой въ такой тѣсный союзъ.

Немудрено, что эта мѣстность очень нравится жителямъ Фу-Чеу и сосѣднихъ городовъ на цѣлыя 30 миль въ окружности. Лѣтомъ они нерѣдко пріѣзжаютъ сюда со своими семьями. У каждой пагоды имѣется для такихъ посѣтителей нѣсколько большихъ и малыхъ павильоновъ. Надо только нанимать ихъ заранѣе, такъ какъ любителей на нихъ всегда много. Посѣтители пріѣзжаютъ иной разъ изъ Нингъ-По и даже изъ Шангхая. Пользуясь каналами, они доплываютъ на лодкахъ до самой подошвы холмовъ.

Въ этомъ очаровательномъ уголкѣ земли, живетъ, между прочимъ, также и семья Уангъ-Мингъ-Це. Вотъ какимъ образомъ я съ ней познакомился. Это было въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца, тотчасъ же по окончаніи перваго сбора чая. Двое мужчинъ работали на чайной плантаціи: пололи траву между кустами и подкладывали къ нимъ въ небольшомъ количествѣ удобрение.

Я глядѣлъ на нихъ, сидя подѣ пальмовымъ деревомъ неподалеку отъ мѣста, гдѣ они сложили свои плащи и гдѣ стоялъ громадный оплетенный соломой фаянсовый чайникъ, къ которому они, время отъ времени, подходили напиться. Старшій изъ китайцевъ, собираясь пить, обратился ко мнѣ со словами: «младшій братъ не смѣетъ предложить вамъ такой плохой напитокъ». — «Благодарю васъ, старшій братецъ, мнѣ было хотѣлось пить, но я уже утолил жажду апельсиномъ и не хотѣлъ бы испортить его вкусъ». «Помилуйте, старый господинъ, чай не испортить собой вкусъ апельсина. Не говорю про этотъ чай, онъ не очень хорошъ, но я охотно угостилъ бы васъ другимъ... А-Пе-А! А-Пе-А! сбѣгай-ка домой и принеси намъ чаю нынѣшняго сбора».

Домъ былъ всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, а потому А-Пе-А не замедлилъ вернуться съ подносомъ, чашками, котелкомъ горячей воды, жаровней съ горячими углями, чайнымъ ящикомъ и табуреткою, на которой онъ уставилъ все принесенное. Пока вода снова закипѣла, мой собесѣдникъ открылъ ящичекъ и, вынувъ оттуда нѣсколько листьевъ чая, положилъ по небольшой щепоткѣ въ каждую чашку. Затѣмъ, наполнивъ чашки горячей водой и накрывъ каждую блюдечкомъ, онъ сказалъ: «чай еще не совсѣмъ высохъ, но онъ отъ этого только еще вкуснѣе». Нагнувшись ко мнѣ и, какъ бы приглашая удостовѣриться въ этомъ лично, онъ самъ поднесъ чашку къ губамъ, слегка приподнявъ блюдечко и медленно втягивая въ себя влагу. Я послѣдовалъ его примѣру. Чай былъ дѣйствительно превосходенъ: совершенно прозрачный настой блѣдно-золотого цвѣта, столь же душистый какъ чайный цвѣтокъ, производилъ пріятное впечатлѣніе на глазъ и оставлялъ во рту восхити-

тельное, нѣжное вкусовое ощущеніе. Угадывая это, китаецъ спросилъ: «былъ ли я правъ, престарѣлый господинъ!»—«Да, старшій братецъ, вы были совершенно правы: вкусъ апельсина грубъ въ сравненіи съ этимъ».

«Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, сравниваетъ этотъ сортъ чая со щечкой молодой дѣвушки». Я признался, что такая аналогія не приходила мнѣ въ голову и подтвердилъ, что она недурно придумана. «Собираете вы много такого чая»,—спросилъ я.—«Къ сожалѣнію нѣтъ, сударь. Да и откуда его взять, когда этотъ сортъ набирается изъ едва распустившихся листьевъ. Съ цѣлаго меу *) получается не болѣе фунта».—«Это дѣйствительно немного, но все зависитъ отъ цѣны, какую можно за него выручить».—«Торговцы платятъ намъ не особенно дорого, всего лишь около двухъ связокъ **) за фунтъ. Однако же этотъ первый сборъ не дѣлаетъ почти никакого ущерба слѣдующему сбору, а потому оказывается для насъ чистымъ барышемъ».—«Продали вы уже весь чай перваго сбора»? Нѣтъ, престарѣлый господинъ, онъ еще не совсѣмъ готовъ. Лишь спустя нѣсколько дней мы отправимъ его на рынокъ, оставивъ себѣ только небольшое количество, чтобъ угощать пріятелей».—Вы бы меня очень обязали, сударь, если бы уступили мнѣ фунтъ изъ того количества, которое собираетесь отправить на рынокъ».—«Съ удовольствіемъ, сударь. Старшій братецъ живетъ кажется тамъ, въ пагодѣ!» «Да, но позвольте спросить, какъ вы это узнали! Я пріѣхалъ сюда всего лишь третьяго дня. «О! престарѣлый господинъ, у насъ въ маленькихъ деревуш-

---

*) Пятнадцатая часть гектара.

**) Связка въ 1000 сапекъ составляетъ на французскія деньги около пяти франковъ.

какъ все узнается мигомъ. Къ тому же вы европеецъ. У насъ думаютъ, что вы прибыли закупать чай», — «Нѣтъ, я прѣхалъ только за тѣмъ, чтобы отдохнуть нѣсколько дней въ вашей прекрасной странѣ и надѣюсь часто имѣть удовольствіе встрѣчаться съ вами». — «Я хотѣлъ просить у моего старшаго братца позволеніе сдѣлать ему визитъ». Я съ удовольствіемъ далъ на это свое согласіе и мы разстались.

Недѣлю спустя, утромъ, какъ разъ къ концу завтрака, переводчикъ передалъ мнѣ большую красную визитную карточку, на которой съ подобающей скромностью было написано очень мелкими буквами имя Уангъ-Мингъ-Це. Присланный съ этой карточкой освѣдомлялся: угодно ли будетъ сегодня же посѣщеніе гостей и въ которомъ часу можно будетъ явиться ко мнѣ съ визитомъ. — «Хоть сейчасъ же», сказалъ я посланному. Часъ спустя мнѣ доложили о прибытіи двоихъ посѣтителей. Немедленно пригласивъ ихъ войти, я сдѣлалъ самъ на встрѣчу имъ нѣсколько шаговъ. Одинъ изъ гостей, приблизительно шестидесятилѣтній старецъ, былъ мнѣ совершенно незнакомъ, другой — мужчина лѣтъ сорока, не болѣе — былъ несомнѣнно тотъ самый крестьянинъ, который угощалъ меня чаемъ. Я узналъ его безъ труда, несмотря на парадный костюмъ, въ который онъ теперь одѣлся. Оба мои посѣтители были въ длинныхъ халатахъ изъ синей китайки, сверхъ которыхъ наброшены были шелковые плащи фіолетоваго цвѣта. На обоихъ были войлочные шляпы съ загнутыми вверхъ полями.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и поклоновъ, я подвелъ моихъ гостей къ дивану, на который и пригласилъ ихъ сѣсть, указавъ старшему наиболѣе почетное мѣсто. Они однако отказались наотрѣзъ отъ предложенной чести.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что они размѣстились наконецъ на стульяхъ, послѣ чего, несмотря на всѣ протесты съ ихъ стороны, я взялъ себѣ тоже стулъ и усѣлся везлѣ нихъ, отказавшись отъ удовольствія сидѣть на диванѣ. Наконецъ, послѣ новаго поклона, завязался между нами разговоръ. Старшій изъ гостей сказалъ: «я не хотѣлъ предоставить одному моему сыну всю честь принести вамъ сюда обѣщанный чай и думалъ, что престарѣлый господинъ проститъ мнѣ такую смѣлость». Я, разумѣется, увѣрилъ старика, что былъ очарованъ его посѣщеніемъ. «Позволю себѣ пояснить», продолжалъ старикъ, что сынъ мой, По-И, давая вамъ обѣщаніе, не зналъ, что нынѣшній сборъ чаю былъ уже проданъ въ то самое утро. Поэтому мы можемъ предложить престарѣлому господину только чай изъ того количества, которое оставляемъ про запасъ для нашихъ друзей», прибавилъ онъ робко. Я поблагодарилъ его за подарокъ, предложенный столь деликатнымъ образомъ, и разговоръ перешелъ на обыкновенныя темы. Я сталъ расхваливать красоту мѣстныхъ пейзажей. Онъ поклонился и спросилъ: «могу ли освѣдомиться у престарѣлаго господина, въ какомъ именно счастливомъ возрастѣ онъ пребываетъ?»—«Мнѣ всего лишь тридцать шесть лѣтъ, сударь».—«Скажите на милость! А вѣдь я на видъ далъ бы вамъ ровно вдвое *). Я поклонился въ свою очередь.—«А вы, старшій братецъ, много ли счастливыхъ годовъ вы прожили?»—«Мнѣ всего лишь шестьдесятъ два года».—«Трудно было бы дать вамъ на видъ вдвое болѣе этого числа лѣтъ», сказалъ я, улыбаясь, «несомнѣнно, однако, что вы каже-

---

*) Это считается въ Китаѣ величайшимъ комплиментомъ. Тамъ есть пословица „И мо йо синъ, женъ мо йо ку“. (Въ одеждѣ цѣнится болѣе всего новизна, а въ человѣкѣ старость.)

тесъ гораздо старѣе этого возраста. Поклонившись снова, онъ спросилъ: «какъ уважаемое имя престарѣлаго господина»?—«Мое скромное имя Си». —«Престарѣлый господинъ вмѣстѣ и родомъ изъ Си» *)?—«Вы угадали, Уангъ-Мингъ-Це», отвѣчалъ я, улыбаясь этому каламбуру. Онъ тоже засмѣялся и прибавилъ: «тутъ не было ничего хитраго, Си-Лоа-Йе **). Но я еще не знаю, какая страна была уважаемой вашей родиной». —«Франція». Оба мои гостя поклонились. «Какъ здоровье вашихъ родителей, Си-Лоа-Йе»?—«Они умерли, Уангъ-Сиень-Сень ***). Они давно уже умерли». —«Мы вамъ искренно соболѣзнуемъ, Си-Лоа-Йе. Отъ того то вѣроятно вы и рѣшились покинуть свою родину». —«Вы угадали, Уангъ-Сиень-Сень. Можно ли въ свою очередь спросить у васъ, счастливы ли вы меня, и все ли еще въ живыхъ ваши родители»? —«Отецъ умеръ у меня три года тому назадъ, но мать еще меня не покидаетъ. Ей уже девяносто два года, и, благодаря Небу, она совершенно здорова». —«Большая у васъ семья, Уангъ-Мингъ-Це»?—«У меня четыре дочери, три изъ нихъ старше По-И, а четвертая моложе его. Онѣ замужемъ и живутъ не въ нашемъ селѣ. Есть кромѣ того еще младшій сынъ, тоже женатый. Его интересы отдѣлены отъ нашихъ, но онъ живетъ со всѣмъ по сосѣдству съ нашимъ домомъ. Наконецъ вотъ у По-И уже шестеро дѣтей». Я поздравилъ ихъ обоихъ. Тѣмъ временемъ слуга принесъ чай, сигары и нѣсколько сортовъ разныхъ французскихъ ликеровъ. Все это было сервировано на маленькихъ столикахъ, размѣщен-

---

*) Си—первый слогъ моей фамиліи по-китайски обозначаетъ западъ.

**) Достопочтенный Си.

***) Господинъ Уангъ.

ныхъ между стульями. Ликеры повидимому понравились гостямъ, но сигары найдены были слишкомъ крѣпкими. Бесѣда приняла между тѣмъ болѣе общій характеръ. Мы разговаривались о Франціи, ея нравахъ, промышленности, желѣзныхъ дорогахъ. По-И, до сихъ поръ почти не открывавшій рта, засыпалъ меня вопросами. Взявъ съ меня обѣщаніе навѣстить ихъ завтрашній день, гости наконецъ откланялись.

На другой день я зашелъ къ нимъ. Мужчины вышли ко мнѣ на встрѣчу и затѣмъ торжественно провели меня въ залу, гдѣ ожидала вся семья, выстроившись по ранжиру въ одну шеренгу. Меня почти насильно усадили на почетное мѣсто, хотя я и клялся, что на него не сяду. Уангъ-Мингъ-Це сѣлъ возлѣ меня, по правую руку, а затѣмъ По-И представилъ мнѣ всѣхъ присутствующихъ. Вотъ его мать, Уангъ-Лай-лай (госпожа Уангъ), и его жена, По-Та-Ніангъ (госпожа По). Онѣ становятся прямо противъ меня и отвѣщаютъ большой поклономъ, опуская сложенные руки до земли и подымая ихъ затѣмъ до высоты подбородка. Вотъ его старшій сынъ А-Пе, здоровенный восемнадцатилѣтній парень, и старшая дочь По-Куей-Ню (дѣвица По И), скромная и милая шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Оба сдѣлали передо мной «Ко-теу» *). Такимиже поклонами привѣтствовали меня пятнадцатилѣтній мальчикъ, двѣ дѣвочки: одна двѣнадцати, другая десяти лѣтъ, и наконецъ совсѣмъ крохотный трехъ съ половиной-лѣтній мальчуганъ, на котораго всѣ смотрѣли съ улыбкой. Нисколько не смущаясь этимъ, малютка подошелъ ко мнѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ, сталъ передо мной на колѣни, по-

---

*) Ко-теу—самый почтительный изъ церемоніальныхъ китайскихъ поклоновъ.

клонился до земли и поднялся очевидно вполне довольный тѣмъ, что такъ хорошо выполнилъ ту же церемонію, какъ и взрослые.

Подойдя въ свою очередь къ матери и женѣ По-И, я поклонился имъ и, поблагодаривъ дѣтей дружественнымъ жестомъ, ушелъ опять на мѣсто. При этомъ я вспомнилъ, что не видалъ еще важнѣйшаго изъ членовъ семьи. «Гдѣ же однако По-Сиенъ-Сенъ, ваша бабушка? Ужъ не захворала ли она?» — «Она здорова, Си-Лао-Йе, но только не можетъ долго стоять и немного позамѣшкалась. Вотъ она и пришла». Въ это время дѣйствительно входила въ залу старушка. Ее велъ подъ руку младшій сынъ Уангъ-Мингъ-Це, который явился также къ отцу, чтобы посмотрѣть на меня. Она совсѣмъ ужъ согнулась отъ старости и медленно шла, опираясь на палку. Я поспѣшно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу старушкѣ и отвѣсилъ ей самый почетный церемоніальный поклонъ, на который она отвѣтила мнѣ только веселымъ взглядомъ, такъ какъ отъ старости не могла нагибаться. Это дѣйствительно уже совсѣмъ дряхлая старуха. Лицо ея изрыто морщинами, руки дрожатъ и голова трясется, однако же въ глазахъ, принявшихъ снова обычное старымъ людямъ меланхолическое выраженіе, все еще много жизни. Сѣдые волосы почтенной старушки украшены тѣми же цвѣтами, какъ и волосы внучекъ. Она держитъ себя съ большимъ достоинствомъ. «Садитесь, сударь,—говоритъ она мнѣ,—и будьте гостемъ». Всѣ ушли снова по мѣстамъ. Тогда, по данному мной знаку, мой служитель принесъ большой ящикъ, изъ котораго послѣдовательно вынулъ полишинеля, разныя картинки, нѣсколько пачекъ съ иглами, пачку розовыхъ свѣчъ, связку разноцвѣтныхъ лентъ, волчокъ,

куклу и стереоскопъ. Разнообразіе подарковъ, удовлетворявшее самымъ различнымъ вкусамъ, привело всѣхъ въ восхищеніе. «Знаешь что, бабушка! Отправимъ-ка къ чорту весь церемоніаль и этикетъ. Престарѣлый господинъ имъ повидимому не особенно дорожить». Престарѣлый господинъ дѣйствительно не дорожилъ этикетомъ. Онъ самъ помолодѣлъ и сошелъ со своего трона *). Покинувъ диванъ, онъ подходитъ къ членамъ семьи и объясняетъ имъ употребленіе стереоскопа. Вопросамъ и благодарностямъ нѣтъ конца. «О, Си-Лао-Йе!» Малютка въ восторгѣ. Волчокъ бойко кружится. Дѣвочки развѣтываютъ подаренныя имъ ленты, но большій всего фуроръ производитъ стереоскопъ. Европейскія улицы и площади возбуждаютъ всеобщее изумленіе. Особенно же изумляются китайцы нашимъ пятиэтажнымъ домамъ. Представьте себѣ, они никакъ не могутъ сообразить, чтобъ можно было взбираться на такую высь, и не понимаютъ, чего ради людямъ приходится жить въ такой тѣсотѣ другъ надъ другомъ. Но вотъ открылись двери и черезъ нихъ вносятъ столъ, уставленный кушаньями. Это настоящій обѣдъ. «Что же это вы, Уангъ-Сіенъ Сень? Этого вѣдь не было между нами условлено. Какъ же вы хотите, чтобъ я теперь ѣлъ, когда всего лишь два часа тому назадъ я плотно позавтракалъ». — «Прошу васъ, Си-Лао-Йе, сдѣлайте милость, понатужьтесь немножко!» Старушка Уангъ-Лао-По **), Уангъ-Лай-лай и дѣти исчезаютъ изъ залы. За столомъ насъ всего лишь четверо мужчинъ. Это меня не удивляетъ, и я не дѣлаю ника-

---

*) Диванъ, который считается почетнымъ мѣстомъ, зачастую помѣщается на особомъ помостѣ, приподнятомъ на одну или двѣ ступеньки надъ остальнымъ поломъ.

**) Достопочтенная г-жа Уангъ.

кихъ вопросовъ, такъ какъ знаю, что, по крайней мѣрѣ въ присутствіи гостей, не принято, чтобъ женщины кушали за однимъ столомъ съ мужчинами. Жена и сынъ По-И остались, однако, въ залѣ, чтобы намъ прислуживать. У моего прибора лежать ложка, ножикъ и вилка, принесенные тѣмъ временемъ моимъ служителемъ.

Обѣдъ хорошій, но простой; въ немъ нѣтъ изысканныхъ блюдъ, которые подаются на торжественныхъ обѣдахъ у богачей и важныхъ мандариновъ. Это обыкновенный крестьянскій праздничный обѣдъ. По срединѣ стола—рыба съ подливкой изъ очень наварной ухи. По обѣимъ сторонамъ миски съ рыбой—жаренныя утки и цыплята. По четыремъ угламъ стола соответственно расположены: филе изъ баранины и свинины—разрѣзанныя на маленькіе кусочки, блюда съ очень вкусной, сочной лапшой и соусъ изъ бобовъ. Въ промежуткахъ между блюдами разставлено по всему столу множество соленыхъ и сладкихъ закусокъ. Китайцы ѣдятъ ихъ и передъ обѣдомъ и между кушаньями. Въ числѣ этихъ закусокъ я узналъ шампиньоны, креветокъ, бадиджаны, водоросли, имбирь, маленькіе засахаренные лимоны, коба *), гороховый сыръ и т. д. Передъ каждымъ изъ насъ — маленькая тарелочка и чашка съ рисомъ вмѣсто хлѣба. Обѣдъ, дѣйствительно, былъ очень хорошъ и всѣ, не исключая меня самого, ѣли съ большимъ аппетитомъ. Затѣмъ блюда съ кушаньями были убраны и, вмѣсто нихъ, дѣвочки принесли намъ десертъ, состоявшій изъ апельсиновъ, сушеныхъ плодовъ, конфетъ, пирожковъ, вина и ликера. Вино вызвало у меня невольную гримасу. Это была рисовая водка, которую подаютъ горячей. Я никакъ не

---

*) Метелку особаго сорта тростника.

могъ привыкнуть къ ея запаху. Ликеры пришлось мнѣ болѣе по вкусу. Одинъ изъ нихъ очень походилъ на курасао.

Обѣдъ кончился. Хотя это и былъ простой праздничный обѣдъ, онъ все-таки тянулся два часа. Мы бесѣдовали послѣ того еще нѣсколько времени. Солнце стояло уже очень низко, когда я наконецъ простился съ новыми моими друзьями.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе шести недѣль, проведенныхъ мной въ Уангъ-Мо-Хи, я видѣлся съ ними каждый день или у нихъ въ домѣ, или въ полѣ. Точно также я встрѣчался съ ними ежедневно и въ слѣдующіе затѣмъ года, когда пріѣзжалъ отъ времени до времени въ Уангъ-Мо-Хи, чтобы укрыться отъ лѣтнихъ жаровъ. Мнѣ пришлось такимъ образомъ собственными глазами видѣть, какъ они живутъ, работаютъ и веселятся. То, что нельзя было выяснить непосредственнымъ наблюденіемъ, мнѣ удалось разузнать изъ дружескихъ отвѣтовъ на вопросы, которые я позволялъ себѣ впослѣдствіи, когда вошелъ въ довѣріе моихъ пріятелей. Все, вмѣстѣ взятое, показалось мнѣ интересной картиной домашняго китайскаго быта, которую я и намѣренъ представить теперь читателю.

II.

Семья Уангъ-Мингъ-Це обладаетъ собственной семейной исторіей, восходящей до весьма отдаленныхъ временъ. Она начинается назадъ тому восемьсотъ лѣтъ, вмѣстѣ съ исторіей всего округа Уангъ-Мо-Хи. Главнѣйшіе ея эпизоды извѣстны всѣмъ членамъ семьи. Ихъ напоминаютъ при большихъ семейныхъ празднествахъ, когда прочитываютъ также старинныя родословныя. По

этимъ родословнымъ, населеніе всего округа безспорно происходитъ отъ одной супружеской четы, которая нѣкогда тамъ поселилась. По характеру своему родословныя очень напоминаютъ генеалогію Іуды, въ первой главѣ евангелія отъ Св. Маттея. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ лишь, что, за восемьсотъ лѣтъ до настоящаго времени, въ царствованіе богдыхана Юень-Фонги, изъ сѣверной династїи Сонговъ, нѣкто Уангъ пришелъ однажды изъ страны Шу въ здѣшнюю долину. Мѣстность ему понравилась, и онъ поселился тамъ на жительство. Тогда рѣка Та-Шуей-Хи имѣла во всякомъ случаѣ совсѣмъ иной видъ, чѣмъ въ настоящее время. Безъ сомнѣнія она текла и тогда приблизительно тамъ-же, гдѣ течетъ теперь, но она затопляла отчасти нынѣшніе свои берега и не имѣла еще никакого наименованія. Можно сказать, пожалуй, что она была безжизненна и мертва. Никто не могъ еще предвидѣть тогда, что воды ея, съ теченіемъ времени, покинутъ русло свое въ долину, чтобы взобраться на горы и принять участіе въ трудахъ и радостяхъ человѣка. Растенія и деревья произрастали тамъ и сямъ въ безпорядкѣ, представляя притонъ единственно дикимъ звѣрямъ. Горы обнажались и въ отчаяніи воздымали къ небу скалистый свой остовъ. Повсюду кругомъ былъ хаосъ, пока не появился человѣкъ въ лицѣ Уанга и не сжалился надъ этимъ хаосомъ. Все измѣнилось тогда, какъ бы чудомъ. Онъ назвалъ рѣку «Великой водою долины» и, облегчивъ ея стокъ, освободилъ берега ея отъ наводненій. Рѣка стала его служительницей. Онъ выбралъ участокъ земли, обработалъ его и назвалъ собственнымъ своимъ именемъ. «Да будетъ это», сказалъ онъ, «отселѣ и навсегда землею Уанговъ. Онъ относился къ землѣ своей такъ, какъ еслибъ она была ему второю женой, и любилъ ее отъ всего

сердца. Въ то время, какъ первая жена рожала ему дѣтей, вторая, т. е. земля, производила въ изобиліи все необходимое для удовлетворенія ихъ нуждъ. Когда дочери его подросли, за ними сватались молодые люди изъ Юе, У-Си и Гао-Цонга, жившіе за горами, и онъ выдалъ за нихъ дочерей замужъ. Когда возмужали его сыновья, онъ указалъ каждому изъ нихъ поле и послалъ ихъ свататься за сестрами своихъ зятьевъ. Такимъ образомъ они поженились. По прошествіи нѣкотораго времени вокругъ Уанга сгруппировались его сыновья, внуки и правнуки, отличавшіеся другъ отъ друга лишь прозвищами, прибавленными къ фамильному имени. Такъ возникли родственныя семьи Уангъ-Тіе-Кие, Уангъ-Про-Сенъ, Уангъ-Ху-Цангъ, и т. д. Такимъ путемъ заселилась и была обработана вся долина. Теперь же горы свидѣтельствуютъ о славѣ Уанга, и земля наполнена его именемъ. На выбранномъ имъ для себя участкѣ, протяженіемъ въ какихъ нибудь 1200 гектаровъ, живетъ по меньшей мѣрѣ 10.000 душъ, которыя по мужской линіи почти всѣ ведутъ свой родъ отъ праотца Уанга и законной его супруги.

Можетъ ли кто представить себѣ, какое оживленіе вносить въ пейзажъ присутствіе 10 тысячъ жителей, разбросанныхъ на протяженіи 1200 гектаровъ? Не знаешь просто, какъ и назвать такой пейзажъ. Нѣтъ! здѣсь не сельская жизнь, какъ понимаютъ ее во Франціи, съ необозримыми полями и деревнями, отдѣленными другъ отъ друга большими незаселенными промежутками. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на деревню, гдѣ не чѣмъ развлечься, нельзя ничего достать и гдѣ, оставшись на зиму, рискуешь умереть отъ скуки. Что же это въ такомъ случаѣ? Городъ? Нѣтъ, это тоже и не городъ. Здѣсь

нѣтъ городского шума, лихорадочной и зачастую безплодной дѣятельности, нѣтъ и городской роскоши, соприкасающейся съ бѣдностью. Уангъ-Мо-Хи соединяетъ всѣ прелести деревни со всѣми удобствами города. Перенесемся въ окрестности Парижа, между Бельвю и Шавиллемъ. Представимъ себѣ, что вмѣсто тамошнихъ роскошныхъ виллъ и дачъ съ притязаніями на роскошь, стоятъ скромные одноэтажные чистенькіе крестьянскіе домики, бѣлаго или сѣраго цвѣта, крытые красной или синей черепицей, и распредѣлимъ эти домики нѣсколько равномернѣе загородныхъ парижскихъ дачъ. Въ результатѣ получится нѣчто очень похожее на Уангъ-Мо-Хи. Школъ тамъ чрезвычайно много: можно сказать, что на каждые пятнадцать домовъ приходится среднимъ числомъ одна школа. Не считая многихъ семейныхъ библіотекъ, великодушно предоставленныхъ въ общее пользованіе и помѣщающихся въ особыхъ зданіяхъ, которыя посвящены памяти предковъ, въ Уангъ-Мо-Хи есть нѣсколько публичныхъ библіотекъ при буддійскихъ пагодахъ. Кромѣ этихъ буддійскихъ пагодъ, въ каждомъ изъ десяти кварталовъ Уангъ-Мо-Хи имѣется особое публичное зданіе. Европейцы называютъ его тоже пагодою, но оно не имѣетъ ничего общаго съ богослуженіемъ. Представьте себѣ большой дворъ, обнесенный съ четырехъ сторонъ стѣнами въ 20 или 25 футъ вышиною. Вдоль трехъ изъ этихъ стѣнъ тянется внутри двора галлерей, каменный полъ которой поднятъ приблизительно на пять футъ надъ землею, а крыша поддерживается колоннами. Вдоль четвертой стѣны идетъ болѣе широкая, тоже крытая галлерей, каменный помостъ которой не такъ высоко приподнятъ надъ землею. Затѣйливая ея крыша, съ направленными вверхъ углами и острыми ребрами, украшена

разными фигурами и терракоты. Изъ этой галереи, напоминающей собою театральную сцену, имѣются по обѣ стороны выходы на открытый дворъ, лежащій между нею и возвышенными галереями. Зданіе это служить для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Три раза въ недѣлю, по утрамъ, собирается тамъ базаръ. Среди дня и вечеромъ оно, если не предвидится для него какого-либо особаго употребленія, служить чѣмъ-то въ родѣ клуба, мѣста какихъ угодно публичныхъ собраний. Тамъ справляютъ различные празднества, организуютъ свѣтскія и духовныя процессіи въ память великаго общественнаго дѣятеля или же буддійскаго святого, состоящаго покровителемъ какого нибудь ремесленнаго цеха. Съ прибытіемъ труппы кочующихъ артистовъ (что случается довольно часто), зданіе немедленно превращается въ театръ. Наконецъ оно служитъ также каравансераемъ для путешественниковъ, которые почему либо не хотятъ остановиться въ гостиницѣ.

Пагода, стоящая по самой серединѣ Уангъ-Мо-Хи, какъ и слѣдовало ожидать, больше и великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ. Черепица на ней покрыта зеленой глазурью, а стѣны одѣты внутри фарфоровыми плитами, украшенными различными изображеніями. Послѣ всего этого позволительно будетъ спросить: много ли найдется въ Европѣ городовъ, которые были бы въ большей степени, чѣмъ Уангъ-Мо-Хи, снабжены всѣмъ, что можетъ нравиться глазу и удовлетворять умъ. Не хочу скрывать однако, что не все въ этомъ хорошенькомъ уголкѣ земли стоитъ, если можно такъ выразиться, выше критики. Вглядѣвшись попристальнѣе, можно найти тамъ, безъ сомнѣнія, и многое что непріятное. Хуже всего то, что въ концѣ каждой тропинки, у входа въ поле, врытъ въ землю громадный сосудъ, наполненный жидкимъ удоб-

реніемъ. Европейцы, которыхъ страсть къ охотѣ завлекаетъ иногда въ Уангъ-Мо-Хи, жалуются, что тамъ, какъ и повсюду, ничто или почти ничто не обнаруживаетъ присутствія этихъ проклятыхъ посудинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что они не издають никакого зловонія, такъ какъ ихъ обыкновенно самымъ тщательнымъ образомъ закрываютъ широкими листьями кувшинчика, чтобы по возможности предупредить испареніе. За то тѣмъ легче въ нихъ упасть, когда, увлекшись охотой, немотришь себѣ подъ ноги. Тѣ, съ кѣмъ случалось такое несчастіе, предпочитаютъ, конечно, о немъ не рассказывать, но хранятъ его на вѣки въ памяти и никогда не прощаютъ Китаю. Когда кто-либо изъ путешественниковъ, побывавшихъ въ Срединномъ Царствѣ, говоритъ съ озлобленіемъ о китайскихъ порядкахъ, можете почти навѣрняка утверждать, что ему довелось свалиться въ подобную посудину.

III.

Въ какую именно эпоху исторіи Уангъ-Мо-Хійскаго округа семья Уангъ-Мингъ-Це начала выдѣляться въ особую единицу и какимъ именно образомъ состоятъ она въ связи съ общимъ патріархомъ округа? Вопросъ этотъ было бы нетрудно разрѣшить на основаніи родословныхъ списковъ и семейныхъ лѣтописей. Эти семейные документы считаются настолько достовѣрными, что приведенные въ нихъ факты никогда и ни въ какихъ случаяхъ не подвергаются сомнѣнію. Впрочемъ, даже и строжайшее судебное слѣдствіе не могло бы подъ нихъ подкопаться. Дѣйствительно, о томъ тамъ совершенно немыслима. Кто осмѣлился бы поддѣлать метрику, хорошо

извѣстную всѣмъ сосѣдямъ? Къ тому же, развѣ семейныя книги любой китайской фамиліи не могутъ быть провѣрены книгами фамиліи, отъ которой она ведетъ свой родъ? Нельзя поэтому допустить возможность какой-нибудь невѣрности въ семейной книгѣ. Даже и на судѣ ссылка на нее имѣетъ значеніе безспорнаго документа. Не считая себя въ правѣ быть требовательнѣй судебныхъ учреждений, мы въ свою очередь тоже удовлетворимся показаніями Уангъ-Мингъ-Це.

«У моего дѣда, — сказалъ онъ, — было четырнадцать человѣкъ дѣтей; пятый изъ нихъ былъ мой отецъ. Трое изъ его братьевъ и одна изъ сестеръ были старше его. Старшій и третій сынъ помогали родителямъ, остались земледѣльцами и не покидали отеческаго крова. Второй сынъ учился, чтобъ выйти въ мандарины, и не совсѣмъ безуспѣшно, такъ какъ достигъ въ административной карьерѣ до генераль-губернаторства. При выходѣ старшей его сестры въ замужество, моему отцу было всего лишь пятнадцать лѣтъ. Дѣдъ мой былъ тогда далеко не богатъ. Онъ обрабатывалъ въ общей сложности 15 меу, изъ которыхъ всего лишь 7 или 8 принадлежали ему въ собственность. 15 меу въ тѣ времена приносили гораздо меньше дохода, чѣмъ теперь. Подумайте, что это происходило тому назадъ 80 или 90 лѣтъ, когда не всѣ оросительные каналы были прорыты, и долина была сравнительно менѣе населена. Сельское хозяйство велось поэтому не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ и было не такъ доходно, какъ теперь. Видя, что число дѣтей все возрастаетъ, рѣшились обучать мальчиковъ разнымъ ремесламъ и отправить ихъ въ городъ на заработки. Такъ поступили какъ разъ для начала и съ моимъ отцомъ. У него было уже въ то время 6 младшихъ братьевъ и се-

стёръ. Онъ пожелалъ сдѣлаться плотникомъ, и дѣдъ три года платилъ за обученіе его этому ремеслу. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему пособляли до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ возможность содержать себя самъ. Вскорѣ однако заработокъ его увеличился настолько, что можно было сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Эти сбереженія отецъ аккуратно приносилъ домой, являясь на двухнедѣльные семейныя собранія. Трое другихъ братьевъ, подростая, стали поступать такимъ же образомъ. Съ помощью своихъ сыновей дѣду постепенно удалось округлить и расширить свой участокъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширялось также и домашнее хозяйство. Какъ только въ немъ открывалось достаточно занятія еще для одного человека, дѣдъ тотчасъ же вызывалъ котораго нибудь сына изъ города. Наконецъ у него остался въ Фу-Чеу только одинъ младшій сынъ. Это теперь одинъ изъ тамошнихъ крупныхъ торговцевъ. Онъ посѣщаетъ наши семейныя празднества и расчитываетъ скорѣе передать торговыя дѣла двоимъ изъ своихъ сыновей, послѣ чего вернется сюда на постоянное жительство. Онъ давно уже купилъ здѣсь большой участокъ земли и построилъ себѣ тамъ семейную гробницу. Пока на этомъ участкѣ хозяйничаетъ старшій его сынъ. Ближайшая къ намъ пагода, служащая для околотка и клубомъ, и биржей, построена была на счетъ этого моего дяди, онъ же беретъ на себя половину расходовъ по содержанію одной изъ школъ нашего квартала. Поэтому онъ какъ бы и не оставлялъ родного пепелища. Однако же я вамъ говорю теперь про дядю, между тѣмъ какъ хотѣлъ вести рѣчь о дѣдушкѣ. Такимъ самымъ порядкомъ, сударь, онъ повывдалъ замужъ своихъ дочерей. Хотя и говорятъ, будто дочери ни во что не обходятся семьѣ,

однако на самомъ дѣлѣ нельзя же отпустить ихъ безъ какого-нибудь приданого. Сыновьямъ своимъ дѣдъ могъ оставить каждому отъ 10 до 12 меу. Съ этого и началъ вести хозяйство мой отецъ. Теперь же, Си-Лао-Йе, если васъ интересуесть исторія моего прадѣда или даже пра-прадѣда, я могу вамъ рассказать и про нихъ, но все это будетъ приблизительно та же самая пѣсня, лишь съ маленькими вариантами.

Изъ числа моихъ предковъ могу впрочемъ указать на нѣсколькихъ, которыми гордится семья. Одинъ изъ нихъ занималъ должность областного сборщика податей и проложилъ на свой счетъ пятый каналъ по лѣвому берегу Та-Шуей-Хи. Я покажу вамъ когда-нибудь надгробный памятникъ, поставленный ему мѣстнымъ населеніемъ у насъ на семейномъ кладбищѣ. Другой достигъ высшихъ ученыхъ степеней и былъ попечителемъ народнаго просвѣщенія въ области Ху-Пе. Одинъ изъ мостовъ на здѣшней рѣкѣ выстроенъ его иждивеніемъ. Богатую свою библіотеку онъ передалъ въ общественное пользованіе и устроилъ при ней школу, обезпечивъ ея существованіе достаточнымъ вкладомъ. Онъ покойся тоже на нашемъ семейномъ кладбищѣ, такъ какъ вернулся подъ старость сюда и умеръ въ собственномъ своемъ домѣ, окруженный своими дѣтьми, которыя почти всѣ были здѣшними земледѣльцами. Въ нашихъ семейныхъ лѣтописяхъ значится, что на его похоронахъ присутствовало все населеніе Уангъ-Мо-Хи. Можно было бы привести еще кое какихъ предковъ въ такомъ же родѣ, но все это наврядъ ли васъ заинтересуетъ. Къ тому же, кто изъ нашихъ односельчанъ не можетъ похвастаться тѣмъ же? О такихъ предкахъ вспоминаешь съ удовольствіемъ, какъ о пережитыхъ счастливыхъ минутахъ, но вспоми-

нать о такихъ минутахъ пріятно только тому, кто самъ ихъ пережилъ».

— Должно быть, что въ одно изъ предшествовавшихъ существованій, въ которыя вы вѣрите, Уангъ-Сиень-Сень, я былъ тоже сыномъ какой либо изъ вашихъ ста семей. По крайней мѣрѣ все, что вы рассказываете о своихъ предкахъ, производитъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ еслибъ они были моими предками.

— «Почемъ знать, Си-Лао-Йе? Развѣ не братья другъ другу всѣ люди» *)?

— «Очень хорошо сказано, Уангъ-Мингъ-Це. Сдѣлайте милость, продолжайте ваше повѣствованіе. Оставимъ въ покоѣ древнія времена. Расскажите лучше, какимъ образомъ удалось вашему отцу устроить свои дѣла?

— «Я уже вамъ говорилъ, Си-Лао-Йе, что въ семьѣ изъ четырнадцати дѣтей онъ считался по порядку пятымъ. При кончинѣ дѣда у моего отца были уже дѣти, но младшіе его братья и сестры не всѣ еще достигли того возраста, въ которомъ могли бы пристроиться. Раздѣлъ былъ поэтому невозможенъ. Никто о немъ впрочемъ и не думалъ. Дѣла шли прежнимъ чередомъ съ тою лишь разницей, что хозяйствомъ заправлялъ старшій изъ моихъ дядей. Бабушка, надо сказать, умерла въ скоромъ времени послѣ дѣда. Семья жила попрежнему подъ одной кровлей и ѣла, такъ сказать за однимъ столомъ. Оно, знаете, обходилось дешевле, да и легче было поднять молодыхъ подростковъ. Я былъ тогда уже не изъ самыхъ маленькихъ, и помню все такъ же ясно, какъ еслибъ это случилось вчера. Двѣ изъ моихъ тетокъ были тогда замужемъ. Мы обыкновенно видѣли

---

*) Это буквальный переводъ пословицы „Ce ха че луй, хіай хіонгъ ти йе“. (Proverbes chinois, par M. Paul Perny.)

ихъ лишь на Новый годъ, когда онѣ со своими дѣтьми прїѣзжали погостить у насъ дня два или три. Дядя, вышедшій въ ученые и занимавшій въ другой области административный постъ, получалъ достаточно жалованья для того, чтобы не требовать полностью весь причитавшійся на его долю доходъ съ наслѣдства. Значительную часть этой доли онѣ предоставилъ семьѣ. Въ дѣдовскомъ нашемъ домѣ жило тогда пятеро тетокъ да отецъ съ пятью своими братьями. Самъ отецъ и трое изъ его братьевъ были уже женаты. Въ общей сложности у нихъ было девятеро дѣтей, такъ что вся семья состояла изъ двадцатичетырехъ душъ, не считая четырехъ годовыхъ рабочихъ: троихъ мужчинъ, помогавшихъ въ полевыхъ работахъ, и одной женщины, занимавшейся домашнимъ хозяйствомъ. До раздѣла семья жила на своихъ двадцатичетырехъ меу очень хорошо. Это продолжалось однако тольکو до тѣхъ поръ, пока тетки не вышли замужъ и пока младшій изъ моихъ дядей не основался въ Фу-Чеу. Нуждаясь въ деньгахъ для торговыхъ оборотовъ, онѣ желалъ немедленно получить слѣдующую ему долю наслѣдства.

Мандаринъ, у котораго семья увеличивалась быстрѣе, чѣмъ возрастало его жалованья, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказаться тоже въ пользу раздѣла. Съ другой стороны становилось очевиднымъ, что рано или поздно надо будетъ прибѣгнуть къ раздѣлу. Рѣшено было не откладывать его въ долгій ящикъ, тѣмъ болѣе, что у сосѣдей оказался какъ разъ излишнимъ участокъ земли, и они искали на этотъ участокъ покупателя. Вы сейчасъ увидите, какимъ образомъ обстоятельство это могло облегчить раздѣлъ. Семеро братьевъ начали съ того, что подѣлили отцовское наслѣдство на 8 равныхъ частей. Двѣ изъ этихъ частей съ дѣдовскимъ домомъ

достались по праву старшему брату. Надѣлы купца и мандарина были куплены остальными пятью братьями сообща, съ условіемъ выплатить покупную сумму въ трехлѣтній срокъ, а до тѣхъ поръ платить за этотъ капиталъ обычные у насъ проценты. Вмѣстѣ съ тѣмъ пятеро братьевъ арендовали, сообща же, у сосѣдей продажный участокъ, заявивъ имъ о желаніи купить этотъ участокъ и заплатить за него въ условленный срокъ. Потомъ пятеро братьевъ приступили къ новому раздѣлу. Приобрѣтенная ими сообща земля, въ общей сложности около 40 меу *), была раздѣлена на пять равныхъ участковъ, и каждый изъ братьевъ получилъ по одному такому участку вдобавокъ къ доставшемуся ему по наследству. Тогда принялись строить сообща дома для четырехъ братьевъ, у которыхъ ихъ не было. Какъ только отстраивался домъ на участкѣ, принадлежавшемъ одному изъ братьевъ, онъ и переселялся туда со своей семьей. Всего этого разумѣется нельзя было устроить разомъ. Въ концѣ концовъ у cadaго изъ братьевъ оказался собственный домъ, но тѣмъ не менѣе они продолжали хозяйничать сообща, пока, по прошествіи трехъ лѣтъ, не удалось скопить столько, сколько требовалось для уплаты за купленную въ долгъ землю. Тогда только и состоялся окончательный раздѣлъ. Впрочемъ и послѣ того главные хозяйственные работы производились совмѣстно. Братья оказывали другъ другу взаимную помощь и содѣйствіе, по каждый изъ нихъ уже жилъ своимъ домомъ, велъ свое хозяйство по собственному усмотрѣнію и считалъ получаемый со своихъ полей доходы полной своей собственностью».

---

*) Меу равняется приблизительно 0,07 французскаго гектара.

— Все это прекрасно, Уангъ-Сіень-Сень, но что бы стали вы выдѣлать, еслибъ сосѣди не были расположены продать землю, покупка которой пришлось такъ кстати для вашей увеличившейся семьи?

— Что-жъ, Си-Лао-Йе, тутъ неподалеку живутъ родственники, у которыхъ земли меньше, чѣмъ у насъ было тогда, хотя семья у нихъ и больше нашей. Мы жили бы такъ же, какъ и они. Земля вѣдь, если хозяйничать какъ слѣдуетъ, гораздо щедрѣе и тароватѣй, чѣмъ можно себѣ представить».

— Однако жъ, что стали бы вы дѣлать, еслибъ вашъ участокъ земли оказался все-таки же черезчуръ малымъ?

— «Тогда двое или трое изъ моихъ дядей ушли бы къ родственникамъ въ сосѣдную, менѣе населенную долину и съ помощью ихъ арендовали бы себѣ тамъ участокъ, который было бы можно рано или поздно купить себѣ въ собственность».

— А еслибъ и это не удалось?

— Они отправились бы куда-нибудь дальше. Вотъ и все. Въ другихъ областяхъ, да и въ здѣшней области, есть много мѣстностей вдвое менѣе населенныхъ, чѣмъ здѣшняя. Вы думаете, что ихъ тамъ бы не приняли? Развѣ всѣ, кто работаетъ, не такъ же тѣсно связанъ другъ съ другомъ, какъ члены одной и той же семьи? Да вѣдь и у васъ самихъ, сударь, должно быть поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ такъ же?»

— У насъ, Уангъ-Мингъ-Це, населеніе далеко не такое густое, какъ здѣсь. Къ тому же половина нашихъ земель занята еще лѣсами, пустырями и болотами.

— «И такіе порядки существуютъ во всѣхъ вашихъ западныхъ краяхъ?»

— Да, къ сожалѣнію!

— «Вотъ какъ! Тогда не понимаю только, чего ради европейцы постоянно воюють съ чужеземными народами, вмѣсто того чтобы употреблять всѣ силы на завоеваніе собственной своей территоріи и на увеличеніе въ ней численности населенія?»

Я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, да и что могъ бы я на него отвѣтить? Какъ втолковалъ бы я своему собесѣднику, что характеризующее Европу постоянное военное положеніе, сравнительная малочисленность населенія и безплодіе значительной части территоріи являются слѣдствіями варварскаго нашего законодательства, выгоднаго лишь для относительно небольшого кружка эгоистовъ. Видя, что Уангъ-Мингъ-Це находится на пути такихъ размышленій, которыя угрожаютъ привести его къ заключеніямъ, невыгоднымъ для европейской цивилизаціи, я поспѣшилъ вернуться къ прежней темѣ разговора.

— Вы сказали, Уангъ-Сіенъ-Сень, что двое вашихъ дядей, покинувшихъ-было здѣшній округъ, давно уже съ тѣхъ поръ купили себѣ здѣсь по сосѣдству новыя участки земли. Что бы стали они дѣлать, однако, если бы дѣла у нихъ пошли худо?

— «У насъ въ теченіе нѣкотораго времени проданный наслѣдственный участокъ можетъ быть всегда купленъ обратно *). Имъ вернули бы прежніе участки или отвели бы новыя такой же цѣнности, какъ и прежніе. Въ слу-

*) Вообще при продажѣ наслѣдственныхъ участковъ родственникамъ предоставляется преимущество передъ другими покупателями. Это выгодно и для самихъ продавцевъ. Я думаю въ Китаѣ не было примѣра, что бы наслѣдственный участокъ перешелъ когда-нибудь въ чужія руки. Единственнымъ исключеніемъ являются земли, купленныя китайскимъ правительствомъ у владѣльцевъ для устройства европейскихъ кварталовъ въ портахъ, открытыхъ для заграничной торговли.

чаѣ недостатка въ деньгахъ, они могли бы выплатить слѣдующую въ возвратъ покупную сумму не сразу, а постепенными взносами».

— Теперъ я понимаю, какъ улажены были у васъ матеріальные интересы. Мнѣ хотѣлось бы однако узнать, какъ отражается раздѣлъ на семейномъ культѣ? Прекращается ли съ раздѣломъ такъ же и эта нравственная связь между членами семьи? Вообще, какія отношенія остаются послѣ того между дѣтьми и сохраняется ли у нихъ тогда какая-либо связь съ отцовскимъ домомъ?

— «На это отвѣтить нетрудно, Си-Лао-Йе. Вообще, къ раздѣлу прибѣгаютъ у насъ лишь тогда, когда дѣти уже возмужали и въ состояніи жить каждый своимъ домомъ. Въ большинствѣ случаевъ у нихъ у самихъ тогда есть жены и взрослые дѣти. Каждый можетъ, значить, у себя дома выполнять большинство обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ поклоненію предкамъ. Каждый имѣетъ на это полное право. По большей части, однако, правомъ этимъ начинаютъ пользоваться лишь послѣ того, какъ умереть кто-либо изъ основателей новой семьи (все равно отецъ или мать). До тѣхъ поръ, а иногда и послѣ того, общія семейныя собранія происходятъ у старѣйшаго изъ братьевъ. Во всякомъ случаѣ, у него обязательно справляются ежегодно поминки по родителямъ, особыя семейныя празднества, а также празднества въ честь временъ года. Если у нѣсколькихъ родственныхъ семействъ есть храмъ, специально посвященный поклоненію предкамъ, то всѣ семейныя собранія происходятъ въ этомъ храмѣ. На большія празднества, какъ напри- мѣръ, въ честь Конфуція и великихъ древнихъ мужей, собираются у старѣйшаго въ околоткѣ. Расходы на эти празднества покрываются сравнительно большею долей

наслѣдства, достающейя старшему въ родѣ, а также пожертвованіями, которыя на этотъ предметъ дѣлаются отъ времени до времени богатыми членами семьи. Если все это оказывается недостаточнымъ, то каждый изъ членовъ вноситъ посильную свою лепту. Такъ это дѣлалось и у насъ. Что касается до двоихъ изъ моихъ дядей, купца и ученаго, то когда они оказались не въ состояніи аккуратно присутствовать на семейныхъ празднествахъ, имъ дана была выписка изъ семейной книги, въ которой значилась ихъ родословная до четвертаго предка въ восходящемъ колѣнѣ, а затѣмъ они могли устраиваться какъ знали. Необходимо замѣтить, однако, что они рѣдко лишь упускали случай присутствовать у насъ на важныхъ семейныхъ празднествахъ».

— Благодарю васъ, Уангъ-Сиень-Сень. Мнѣ остается сдѣлать вамъ по этому поводу всего лишь еще два вопроса. Судебная власть семьи простирается ли также и на выдѣлившихся изъ нея членовъ, живущихъ въ томъ же околоткѣ или даже въ отдаленномъ округѣ?»

— «Безъ сомнѣнія простирается и на нихъ, Си-Лао-Йе; къ кому же стали бы они обращаться, какъ не къ своему семейному суду? Выписка изъ семейной книги дается имъ именно для того, чтобы они могли бы на нее сослаться въ доказательство своей принадлежности къ семьѣ. Развѣ можно допустить, чтобы какой-нибудь родственникъ попалъ на судъ къ мандаринамъ? Это было бы безчестіемъ для всей семьи. Мандарины и законъ, какъ говорится въ пословицѣ, существуютъ не для честныхъ людей».

— Пословица эта совершенно права. Объясните мнѣ теперь, сдѣлайте милость, въ такой ли степени обязательны для родственниковъ, какъ и поклоненіе предкамъ, расходы на буддистскіе обряды, совершаемые у васъ почти

всегда на похоронахъ, а также обязательно ли заказывать въ буддистскихъ пагодахъ молебны за упокой души усопшихъ?»

— «Нѣтъ это считается обязательнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда было предписано при жизни самимъ покойникомъ. Каждый, однако, если можетъ, выполняетъ также и буддистскіе обряды. Это въ сущности такіе пустяки, что изъ-за нихъ не стоятъ выдѣляться отъ другихъ, навлекая на себя, притомъ, подозрѣніе въ скупости».

— Судя по вашимъ словамъ, позволительно заключить, что вы не буддистъ».

— «Какъ же могу быть я буддистомъ, Си-Лao-Йе, когда я изучалъ философію. Подобно Учителю *) я считаю возможнымъ быть вполне увѣреннымъ лишь въ томъ, что живу. Я признаю истиннымъ и необходимымъ только такое знаніе, которое знакомить меня съ жизнью. Разумъ мой отказывается отъ всего остального. Однако-жъ я сказалъ бы вамъ неправду, Си-Лao-Йе, еслибъ сталъ увѣрять, что совершенно недоступенъ многимъ суевѣріямъ, которыя гораздо древнѣе буддизма, пристроившагося къ нимъ, чтобы лучше эксплуатировать народныя массы. Когда воздѣлываемыя растенія страдаютъ отъ дождя или засухи, какъ не пожелать, чтобы погода переѣнилась! А вѣдь отъ пожеланія до молитвы всего лишь одинъ шагъ. Тогда я, со всѣми своими, пристраиваюсь къ процессіи и вмѣстѣ со всѣми молю небесныхъ духовъ о заступничествѣ. Вы можете быть видѣли у меня дома раскрашенное изображение, стоящее надъ кухонной печью. Это изображение

(* Конфуцію.

буддистскаго святого, которое передается у насъ изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. Я увѣренъ, что наше бабье обращается къ нему отъ времени до времени съ молитвою. Знаю, что отъ этого никакого толку быть не можетъ, но съ этимъ изображеніемъ связано такъ много воспоминаній, что убирать его оттуда казалось бы мнѣ святотатствомъ. Какъ только родится у насъ ребенокъ, ему обыкновенно навязываютъ на шею старинную мѣдную монету, считающуюся у женщинъ могущественнымъ талисманомъ отъ всѣхъ болѣзней. Вы могли бы сами увидѣть такую монету у младшаго изъ моихъ внуковъ. Ни я, ни мой сынъ этому не противимся. Когда при-страивали еще флигель къ нашему дому, я согласился, чтобъ подъ порогомъ зарыли въ землю щепотку соли. нѣсколько зеренъ и лоскутъ красной бумаги, на которой было написано названіе одной изъ звѣздъ. Говорятъ, будто это спасаетъ рабочихъ отъ разныхъ напастей и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ счастье будущимъ жильцамъ дома. Долженъ признаться, что такія повѣрья мнѣ даже отчасти нравятся. Вы знаете, быть можетъ, что у насъ считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если піонъ цвѣтетъ хорошо и обильно и, напротивъ того, дурнымъ, если цвѣтовъ на немъ мало и они плохо распускаются. Разумѣется, во всемъ этомъ нѣтъ ни на волосъ смысла, а между тѣмъ я каждое утро поглядываю на крупные розовые и ярко-красные цвѣты нашего піона, и послѣ того на цѣлый день сердце мое полно радостью и надеждой. Замѣтили-ли вы, Си-Лао-Йе, какъ великолѣпенъ теперь этотъ піонъ? Правда, что у медали есть и обратная сторона. Еслибъ піонъ вздумалъ дурно цвѣсти, можно было бы невольно прійти въ дурное расположеніе духа. Я стараюсь впрочемъ, чтобы онъ всегда

цвѣлъ хорошо. Кромѣ того, всегда можно отыскать нѣсколько благопріятныхъ предзнаменованій, которыя могли бы служить противовѣсомъ дурному предсказанію. Самое существенное заключается въ томъ, чтобы не обращать ни на какое изъ нихъ черезчуръ много вниманія. Такъ вѣдь, сударь?

— Можетъ быть вы и правы, Уангъ-Мингъ-це, но мы съ вами кажется, довольно уже пофилософствовали. Не пора ли теперь вернуться къ своимъ оветкамъ (т. е. къ прежней темѣ разговора). Когда я прервалъ васъ своими разспросами, вашъ отецъ и его братья жили уже каждый своимъ домомъ.

— «И сверхъ того выплатили уже всѣ свои общіе долги. Въ три года они отдали сосѣдямъ и двоимъ выдѣлившимся братьямъ около двухъ тысячъ тайелей (16 тысячъ франковъ). Постройка четырехъ домовъ обоилась приблизительно въ 170 тайелей. Замѣьте, что этотъ расходъ мы покрыли вскорѣ послѣ выхода въ замужество младшей изъ моихъ теть, приданое которой обошлось по крайней мѣрѣ въ 200 тайелей. Немудрено, что отецъ и его братья были тогда въ очень затруднительномъ финансовомъ положеніи. Единственнымъ спасеніемъ для насъ было то, что и послѣ раздѣла они все-таки держались вмѣстѣ. Безъ этого, право не знаю, какъ бы мы и прожили. Въ пятерыхъ семьяхъ считалось уже во всѣхъ вмѣстѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ сорокъ душъ, но изъ нихъ всего лишь семь въ состояніи были работать въ полѣ. Мнѣ было тогда пятнадцать или шестнадцать лѣтъ, но родители надѣялись сдѣлать изъ меня ученаго, поэтому я сидѣлъ за книгами, не принося ни малѣйшей пользы. Остальная же семья, за исключеніемъ семерыхъ мужчинъ, годныхъ къ работѣ, состояла изъ женщинъ и дѣтей. Между тѣмъ земли у насъ было въ общей

сложности 120 меу, а съ такимъ количествомъ семеро рабочихъ управиться не могутъ. Вы скажете, пожалуй, что въ такомъ случаѣ намъ не зачѣмъ было покупать столько земли, но вѣдь слѣдуетъ подумать также и о будущемъ. Каждый годъ прибавлялось у насъ два или три ротика, требовавшихъ пищи. Уменьшить запашку было положительно невозможно. Оставалось одно лишь средство: нанять нѣсколькихъ работниковъ съ тѣмъ, чтобы отпустить ихъ впослѣдствіи, когда мальчики въ семьѣ подростутъ и втянутся въ дѣло. Такъ мы и сдѣлали. Вмѣсто одного работника, служившаго у насъ по найму круглый годъ, мы взяли троихъ. У насъ всегда былъ только одинъ буйволъ, а тутъ купили еще и другого. Это облегчило взрослымъ мужчинамъ работы, въ которыхъ требуется преимущественно сила. За то можно было лучше выполнять другія работы, гдѣ необходимо вниманіе и ловкость. Такимъ образомъ, собственно говоря, и хозяйство, и домоводство пошли у насъ лучше прежняго, но выгоды отъ новыхъ помощниковъ обнаружились не сразу. Мы израсходовали за послѣднее время такъ много денегъ, что запасной и оборотный капиталъ у насъ почти совсѣмъ истощился. Прежде чѣмъ земля могла создать его для насъ вновь, должно было пройти не мало времени, а каждый день приносилъ съ собою какіе-нибудь неотложные расходы. Мы не заботились, разумѣется, о хлѣбѣ насущномъ, такъ какъ у насъ дома было все свое, но въ такой многочисленной семьѣ, какъ наша, то и дѣло возникали другія потребности, которыя нельзя было уже удовлетворить домашними средствами. Не разъ заходила рѣчь о томъ: не лучше ли будетъ, если я прекращу дальнѣйшія занятія наукой? Долженъ сознаться, что, тѣ, кто говорили такимъ образомъ, были совершенно правы. Отцу

жилось, дѣйствительно, гораздо тяжелѣе, чѣмъ дядямъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли меньшее число дѣтей, другіе-же встрѣчали въ своихъ дѣтяхъ больше поддержки. У отца-же единственнымъ помощникомъ былъ мой старшій братъ. Отцу приходилось, поэтому, платить сравнительно большую долю жалованья работникамъ. Все это казалось мелочью и не бросалось въ глаза, а между тѣмъ въ общемъ результатъ изъ тысячи мелочей выростали крупныя затрудненія. Каждый разъ, однако, когда приходилось выдавать деньги на расходы, которые должны были нести сообща отецъ и его братья, мать не дѣлала никакихъ возраженій, потому что мы охотнѣе бы легли въ гробъ, чѣмъ опозорили бы себя не уплативъ своевременно слѣдуемой съ насъ доли. Когда же требовались деньги на что-либо другое, она вынимала сапеки изъ своего сундука не иначе, какъ послѣ долгаго причитыванья и ворчанья. Я теперь не могу безъ улыбки вспомнить объ этомъ и представляю себѣ, что дѣла могли бы легко пойти у насъ гораздо хуже, и что наше злополучное положеніе могло бы затянуться тогда надолго. Представьте себѣ, что каждая семья у насъ вздумала бы вести хозяйство отдѣльно. Никто не могъ бы тогда держать для себя буйвола, потому что на пять хозяйствъ у насъ ихъ было всего лишь два, а безъ буйвола пришлось бы плохо! Тоже и во всемъ остальномъ. Хорошо было и то, что отецъ и четверо братьевъ жили другъ возлѣ друга. Въ нравственномъ отношеніи между всѣми пятью семьями сохранялась такая же тѣсная связь, какъ еслибъ всѣ они жили попрежнему подъ однимъ кровомъ. Весьма важно чувствовать вездѣ кругомъ себя поддержку. Разумѣется, еслибъ мы разошлись по сторонамъ, то каждый не замедлилъ бы найти себѣ друзей и товарищей, но

все это было бы уже не то. Уже одна перемена мѣста значить многое. Тутъ приходится мѣнять свои привычки и хорошо знакомые способы хозяйства, а это дается не безъ труда. Здѣсь намъ все легко, потому что ужъ цѣлыхъ 800 лѣтъ, какъ все намъ извѣстно. Здѣсь все говоритъ намъ о родномъ, напоминаетъ о предкахъ. Вода, которая течетъ по полямъ, проведена ими, деревья посажены ими; ихъ храмы, гробницы и даже легенды, рассказываемыя матерями маленькимъ дѣтямъ, все здѣсь полно родныхъ намъ воспоминаній. Здѣсь мы уже цѣлыхъ 800 лѣтъ у себя дома.

Заканчивая эту часть своего разсказа, Уангъ-Мингъ-Це очевидно пришелъ въ нѣкоторое волненіе. Въ голосѣ его звучало совершенно особое, глубокое чувство. Не стану скрывать, что и я, со своей стороны, чувствовалъ себя тоже растроганнымъ, хотя у меня были на это другія причины. Я только что слышалъ отъ этого крестьянина исторію его семьи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Передо мною прошли послѣдовательныя поколѣнія его предковъ, которые ожили или, лучше сказать, продолжали жить въ его воспоминаніяхъ, а между тѣмъ самъ я долженъ былъ сознаться передъ собой, что, несмотря на мою принадлежность къ нашей хваленной цивилизаціи, столь высоко возносящейся надъ китайскими порядками, я все-таки не знаю, гдѣ именно почіетъ прахъ моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Къ чему умалчивать о томъ, что сознаніе это наполняло мою душу горечью и чуть не заставляло наворачиваться на глаза слезы. Передъ умственными моими очами возстало въ совершенно новомъ, невѣдомомъ мнѣ до тѣхъ поръ, блескъ и сіяніи великое имя отчизны. Идея отечества выяснилась мнѣ впервые съ такой глубиной, отчетливостью и высотой

мысли, по сравненію съ которыми прежняя безотчетная, сентиментальная моя привязанность къ ней показалась мнѣ вялой и холодной. Да и можетъ-ли на самомъ дѣлѣ существовать отечество и настоящая любовь къ нему тамъ, гдѣ жилья рѣдкаго населенія отдѣлены другъ отъ друга пустырями, никогда не попираемыми ногой человека, лѣсами, никогда не оживляемыми его присутвіемъ, степями, которыя никогда не были имъ воздѣланы? Можетъ ли быть отечество тамъ, гдѣ нѣтъ связи между послѣдующими поколѣніями, гдѣ никто не помнитъ своихъ предковъ, гдѣ разведенные ими сады сплошь и рядомъ переходятъ въ чужія руки или просто забрасываются? Можетъ-ли быть родина тамъ, гдѣ у гражданина нѣтъ собственнаго угла, а между тѣмъ немногія отдѣльныя личности владѣютъ громадными помѣстьями, гдѣ, вслѣдствіе этого, вмѣсто взаимной солидарности между людьми возникаютъ ненависть, отвращеніе и эгоизмъ? Можно-ли говорить о любви къ отечеству тамъ, гдѣ стараются, чтобъ рождалось поменьше дѣтей, гдѣ смотрятъ на будущее поколѣніе, какъ на врага?

Если хотите, чтобъ у васъ было отечество, уничтожьте пустыни, «распространите поле добра и постарайтесь сузить поле зла, безплодія и смерти» *), изгоните тунеядство изъ вашихъ нравовъ. Пусть населеніе родной вашей земли умножится настолько, чтобъ ни одно произнесенное слово не могло бы затеряться, подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ. Пусть каждая глыба земли, обработанная человѣческими руками, принесетъ хлѣбный колосъ. Упрочьте взаимную связь и солидарность между всѣми поколѣніями, даже и самыми отдаленными. Возстановите прошедшее въ своей памяти, а въ сердцахъ

---

*) Мишле, „La Bible de l'humanité“.

вашихъ внѣдрите будущее. Тогда у васъ будетъ отечество. Оно станетъ живою дѣйствительностью, когда 100 милліоновъ людей будутъ заразы произносить могучее и сладостное его имя, когда они въ состояніи будутъ слышать его зовъ.

Таковы были мысли, волновавшія меня во время молчанія, водворившагося послѣ заключительныхъ словъ Уангъ-Мингъ-Це. Не знаю, чему это и приписать: вліянію ли приближавшагося вечера, краснорѣчію ли послѣднихъ лучей солнца, которое, закатываясь для насъ, только лишь восходило въ отдаленной моей родинѣ, или, наконецъ глубокой тишинѣ, постепенно водворившейся около насъ и заставлявшей раскрываться сокровеннѣйшіе тайники нашихъ душъ? Досто вѣрно лишь, что между этимъ китайскимъ крестьяниномъ и мною возникла, подъ вліяніемъ одного и того же общаго намъ чувства, въ высшей степени могущественная симпатія. Мы глядѣли другъ на друга и, повидимому, онъ угадывалъ мое волненіе. Пусть тѣ, кому никогда не приходилось покидать свою родину, кто не испыталъ, до какой степени ощущается иногда необходимость видѣть и чувствовать ее повсюду, хотя бы даже мысленно и, прибѣгая къ самообольщенію, пусть такіе люди, если угодно, смѣются надо мной; но была минута, когда мнѣ казалось, что я и этотъ китаецъ, мы бросимся другъ другу въ объятія.

IV.

На другой день я опять зашелъ къ своему пріятелю. Онъ меня уже ждалъ.

— «Идите сюда, идите скорѣе!—радостно кричалъ онъ еще издалека, выбѣгая мнѣ на встрѣчу. —Вы, Си-Лао-Йе, намъ какъ разъ очень нужны!»

— Съ удовольствіемъ готовъ вамъ служить, Уангъ-Сіень-Сень! Скажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?

— «Дѣло идетъ о моей внучкѣ. Мы порѣшили выдать ее замужъ и ждемъ васъ чтобы назначить день свадьбы. Вы знаете, что у насъ 1-е, 6-е и 20-е каждого мѣсяца считаются благопріятными днями, но всей семьѣ очень бы хотѣлось, чтобы вы сдѣлали ей честь присутствовать на свадьбѣ, а потому желательно узнать, какой изъ этихъ трехъ дней будетъ для васъ удобнѣе?»

— Жаль, очень жаль, старшій братецъ, но я опасуюсь, что мнѣ наврядъ ли удастся прогостить до тѣхъ поръ. — Дѣйствительно, мѣсяцъ уже приближался къ концу, а свадьбу, по всѣмъ вѣроятіямъ, нельзя было сыграть раньше второй половины слѣдующаго мѣсяца. Взятый мною отпускъ между тѣмъ истекалъ, и мнѣ надлежало непремѣнно вернуться въ срокъ къ моему посту. Не безъ труда удалось растолковать все это моимъ пріятелямъ. Они были очень огорчены и, сказать по правдѣ, я былъ тоже очень опечаленъ невозможностью выполнить ихъ желаніе.

Очень рѣдко лишь китайская семья вступаетъ въ такую тѣсную дружбу съ чужеземцемъ. Приглашеніе на свадьбу было съ ея стороны такимъ доказательствомъ дружбы и довѣрія, что я былъ тронутъ до глубины души. Одно обстоятельство, впрочемъ, помогло мнѣ устоять противъ ея просьбъ и собственнаго моего влеченія. Первый отдѣлъ свадебныхъ празднествъ справляется на дому у родственниковъ жениха, а потому пришлось бы до извѣстной степени навязать меня въ гости незнакомой семьѣ. Къ тому же, мнѣ пришлось бы уѣхать еще нѣсколькими милями дальше отъ мѣста службы.

Отклонивъ такимъ образомъ приглашеніе, которое,

при другихъ обстоятельствахъ, принялъ бы съ радостью, я воспользовался однако представлявшимся случаемъ, чтобы поговорить съ Уангъ-Мингъ-Це. объ одномъ, давно уже интересовавшемъ меня вопросѣ. Молодые дѣвушки въ Китаѣ обыкновенно выходятъ очень рано замужъ и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ засиживаются дома, послѣ того, какъ достигнуть 15-ти или 16-тилѣтняго возраста. Между тѣмъ Сіу-Ліенъ *) была еще въ невѣстахъ, несмотря на то, что ей скоро уже должно было исполниться семнадцать лѣтъ. Въ Европѣ это не представляло бы ничего удивительнаго, даже и для дѣвушки, которая обладала бы такою же красотой, такою же нѣжной прелестью и такими же дивными глазками, черными, какъ у всѣхъ обитателей Небесной Имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразительными и нѣжными. Въ Китаѣ же подобный фактъ являлся исключеніемъ, узнать причины котораго побуждало меня не любопытство, а искренняя дружба къ каждому изъ членовъ этой милой семьи. Я не рѣшался до сихъ поръ заводить рѣчи о такомъ щекотливомъ предметѣ, тѣмъ болѣе что въ Китаѣ приличіе требуетъ говорить о женщинахъ какъ можно меньше и какъ можно сдержаннѣе. Теперь же поздравляя дѣда съ предстоящею свадьбой, о которой онъ сообщилъ мнѣ самъ, я могъ, не оскорбляя приличій, освѣдомиться о причинахъ, отстрочивавшихъ такъ долго счастье жениха и невѣсты.—«Дѣйствительно, слѣдовало бы поженить ихъ ужъ два года тому назадъ», отвѣчалъ мнѣ почтенный дѣдъ. «Объѣ семьи готовились какъ разъ тогда сыграть свадьбу и собирались уже назначить для этого подходящій день, когда моя внучка

---

*) Свѣже распустившійся цвѣтокъ кушинчика.

вдругъ захворала и послѣ того долго не могла хорошенько окрѣпнуть. Едва успѣла она выздоровѣть, какъ у жениха умираетъ бабушка; пришлось опять отложить свадьбу. Мы и теперь, собственно говоря, поступаемъ не по закону, потому что слѣдовало соблюдать трауръ въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ. Думаешь, однако, что для такихъ простолюдиновъ какъ мы, на которыхъ никто и вниманія то не обращаетъ, достаточно будетъ обождать со свадьбой и въ теченіе 300 дней. Духи предковъ простятъ намъ такое маленькое отступленіе отъ обычаевъ, и надѣюсь, что на этотъ разъ моя внучка сдѣлается вскорѣ госпожей Ку-Уангъ-Ше *)». — Надѣюсь на это тоже, Уангъ-Мингъ-Це, тѣмъ болѣе, что молодымъ людямъ должно быть порядкомъ наскучило ожиданіе. Видѣлись ли они другъ съ другомъ? — «Въ дѣтствѣ имъ случалось видѣться, но вотъ уже десять лѣтъ какъ они не встрѣчались.» — Ни разу не встрѣчались! — «Быть можетъ, имъ и пришлось за это время разъ или два увидѣть издалека другъ друга.» — Вѣдь тогда женихъ, пожалуй, не знаетъ въ лицо свою невѣсту, а невѣста въ свою очередь могла бы не узнать жениха? — «Весьма вѣроятно».

Я и самъ зналъ, что это было очень вѣроятно. Сколько разъ старался я уяснить себѣ причину такого обычая, тѣмъ болѣе страннаго, что будущимъ супругамъ не всегда удается свести между собою знакомство, хотя бы даже въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ большинствѣ случаевъ они до самой свадьбы не видятъ другъ друга въ лицо. Чему слѣдовало бы это приписать? избытку ли предосторожности или же чрезмѣрному равнодушію? Это оставалось для меня загадкой, объяснить которую было

---

*) Въ Китаѣ дѣвушка, выходя замужъ, не утрачиваетъ прежнюю свою фамилію, а присоединяетъ къ ней только фамилію мужа.

очень желательно. Я рѣшился сдѣлать для этого маленькую попытку.—А что будетъ, дѣдушка, если женихъ и невѣста не понравятся другъ другу?—«Съ какой стати это могло бы случиться, Си-Лao-Йе?»

— Не будемъ говорить о вашей внучкѣ и ея женихѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ я хотѣлъ бы узнать отъ васъ, Уангъ-Мингъ-Це, отчего у китайцевъ воспрещены всѣ сношенія между женихомъ и невѣстой?

— «Да просто потому, Си-Лao-Йе, что иначе и быть не могло. Вамъ извѣстно вѣдь, что наши нравы не допускаютъ внѣ брачнаго смѣшенія половъ и въ то же время запрещаютъ бракъ между близкими родственниками (женихъ и невѣста не должны даже носить одинаковую фамилію). Вы спросите, пожалуй, чего ради не позволяютъ у насъ юношамъ и дѣвицамъ видаться другъ съ другомъ? Думаю, что древніе мудрецы, выработавшіе для насъ законы и нравы, долго обсуждали этотъ вопросъ прежде, чѣмъ принять рѣшеніе, на которомъ остановились. Были ли они правы, или, напротивъ того, сдѣлали ошибку? Нельзя ли было придумать, что либо лучшее? Кто осмѣлится рѣшить такой вопросъ, не сравнивъ предварительно результаты нашихъ порядковъ съ тѣми, которые достигаются въ другихъ системахъ цивилизации? Вы, Си-Лao-Йе, знакомы и съ нашими порядками и видѣли многое что другое, а потому болѣе способны сдѣлать такое сравненіе.

Обычаи наши къ тому же на практикѣ гораздо гибче, чѣмъ въ теоріи. Принципіальная ихъ строгость хороша въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ ощутительными даже самыя ничтожныя уклоненія отъ установленнаго порядка. Можно поэтому всегда предотвратить нежелаемыя, слишкомъ большія, отклоненія. Въ концѣ кон-

цовъ каждый распоряжается у себя въ семьѣ по собственному своему усмотрѣнію. Никому нѣтъ дѣла до моихъ домашнихъ порядковъ до тѣхъ поръ, пока у меня въ семьѣ не случилось чего-нибудь несовмѣстнаго съ духомъ общепринятыхъ обычаевъ. Вы видѣли, какъ васъ встрѣтили и приняли всѣ у меня въ домѣ, хотя вы были для семьи не только чужой, но даже чужеземецъ. Долженъ сказать, впрочемъ, что я уже при первой встрѣчѣ зналъ о васъ больше, чѣмъ счелъ умѣстнымъ это выказать. Одинъ изъ моихъ пріятелей служить въ яменѣ Н-скаго Таотая, и я навелъ у него о васъ справки тотчасъ же послѣ перваго вашего свиданія съ моимъ сыномъ. Развѣ вы не сдѣлали бы того же на моемъ мѣстѣ? Теперь, что касается до жениха и невесты, то все же они не до такой степени чужды другъ другу, какъ вы это думаете. Свать, безъ котораго у насъ не заключается никакая свадьба *), и разныя кумушки доставляютъ имъ всѣ желаемыя свѣдѣнія. Опять-таки мы полагаемъ, что супружеское счастье зависитъ главнымъ образомъ отъ воспитанія, полученнаго женихомъ и невестой. Бракъ—дѣло очень серьезное, и мы стараемся по возможности ослабить роль, какую играетъ въ немъ восторженное чувство и воображеніе, мечты котораго такъ часто оказываются обманчивыми. Мы стараемся приучить своихъ дѣтей къ тому, чтобъ они обращали болѣе всего вниманія на характеръ человѣка. На этомъ фундаментѣ должна быть построена и взаимная симпатія между будущими супругами. Что можетъ быть естественнѣе, если они полагаются на насъ въ выборѣ для себя будущаго спутника жизни? Развѣ намъ не извѣстны лучше, чѣмъ

---

*) Даже и въ семьяхъ, близко знакомыхъ другъ съ другомъ. Китайскіе сваты напоминаютъ бретонскихъ базволаповъ.

нашимъ дѣтямъ, хорошія ихъ качества и недостатки—то, что въ нихъ можетъ нравиться или, напротивъ того, не нравиться другъ другу? Брачные переговоры тянутся у насъ всегда очень долго, и если мы, въ теченіе этого времени, замѣтимъ, что ошиблись, то какая-нибудь народная примѣта: пролетѣвшая такъ или иначе птица, зловѣщее сочетаніе тѣхъ или другихъ буквъ въ именахъ жениха и невесты и т. п. дадутъ намъ всегда желанный предлогъ разстроить свадьбу. Еслибъ молодымъ людямъ позволялось видѣться другъ съ другомъ, всѣ наши заботы о соотвѣтственности характеровъ могли бы пойти прахомъ. Что случилось бы тогда съ нашимъ принципомъ недопущенія браковъ между родственниками? Все пошло бы тогда вверхъ дномъ»!

— Все же, однако, Уангъ-Мингъ-Це, принимая въ расчетъ воспитаніе, которое вы даете дѣтямъ, такія предосторожности кажутся мнѣ чрезмѣрными.

— «Не слѣдуетъ требовать отъ дѣтей того, что не соотвѣтствуетъ ихъ природѣ и возрасту. Дѣти у насъ, Си-Лao-Йе, вовсе не такіе уже святые. Вспомните, что у насъ вступаютъ въ бракъ очень рано. Ожидать для этого, пока молодежь придетъ въ возрастъ разума, признается неумѣстнымъ. Такое промедленіе произвело бы въ нашемъ общественномъ строѣ ужасный беспорядокъ. Многимъ пришлось бы тогда вовсе не вкушать брачной жизни, особенно жѣ дѣвушкамъ, которыя, вообще говоря, старѣются скорѣе молодыхъ парней. Что случилось бы тогда съ нравственностью, общественнымъ бытомъ и справедливостью? Женившись, мы начинаемъ любить своихъ женъ, которыя, въ свою очередь, привязываются къ намъ и, могу сказать, живемъ счастливо. Изъ десяти тысячъ женатыхъ китайцевъ найдется развѣ лишь сто

такихъ, которые не могли бы этого подтвердить. Можете ли сказать мнѣ, Си-Лао-Йе, какой процентъ несчастныхъ супружествъ насчитывается въ странахъ, гдѣ браки заключаются при другихъ условіяхъ? Сколько оказывается тамъ старыхъ дѣвъ и старыхъ холостяковъ?»

Си-Лао-Йе не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и не зналъ бы, что на него отвѣтить. Онъ считаетъ за лучшее послѣдовать примѣру своего пріятеля, Уангъ-Мингъ-Це, и передать вопросъ на разрѣшеніе старшаго своего брата—уважаемаго читателя этой книги.

— «Очевидно, впрочемъ, продолжалъ Уангъ-Мингъ-Це, безъ сомнѣнія опасаясь затронуть самолюбіе европейца,—очевидно, что младшій вашъ братъ говоритъ о томъ, чего хорошенько не знаетъ. У каждаго народа свой особый характеръ, особые нравы и обычаи. Весьма вѣроятно, что дѣла идутъ у каждаго изъ нихъ не лучше и не хуже чѣмъ у любого другого».

Заключеніе это показалось мнѣ не особенно доказательнымъ, но я умолчалъ объ этомъ, чтобы не вдаваться въ отступленія, которыя и безъ того отвлекли уже насъ далеко отъ предполагаемой темы. Употребляя снова поговорку, очень понравившуюся моему пріятелю, я сказалъ ему: «не лучше ли будетъ, Уангъ-Сіень-Сенъ, вернуться къ нашимъ овечкамъ?»—Вернемся къ нимъ, Си-Лао-Йе. Впрочемъ семейная исторія, дошедшая уже до того времени, когда она становится собственной моей исторіей, можетъ быть закончена теперь въ нѣсколькихъ словахъ. Я дважды являлся на публичные экзамены и оба раза не имѣлъ успѣха, но тѣмъ не менѣе, благодаря дядѣ, мнѣ удалось получить мѣсто въ губернской канцеляріи. Это была очень скромная должность, на которой я надѣялся продолжать, не отягощая болѣе родителей, научныя мои

занятія съ тѣмъ, чтобы въ третій разъ попытать счастья на экзаменѣ.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Мнѣ стукнуло уже 30 лѣтъ, а предположенія мои такъ и оставались еще невыполненными. Я былъ женатъ, имѣлъ уже четырехъ дѣтей и долженъ былъ чѣмъ-нибудь ихъ кормить. Должностныя занятія оставляли мнѣ очень мало свободнаго времени. Чтобы заработать хотя немного денегъ, вдобавокъ къ получаемому содержанію, пришлось переписывать бумаги. Учиться было положительно некогда. Къ тому же я, признаться, и упалъ духомъ. Еслибъ даже третій экзаменъ и оказался удачнѣе двухъ первыхъ, то все же въ мои года поздненько уже было начинать административную карьеру. Пресмыкаться же всю жизнь въ низшихъ должностяхъ, какъ это дѣлали многіе другіе въ моемъ положеніи, и скитаться по всѣмъ областямъ, сопровождая вездѣ дядю, было мнѣ вовсе не по вкусу. Частенько задавалъ я себѣ вопросъ, не лучше ли будетъ бросить службу и вернуться опять къ земледѣлію. Мнѣ было тогда уже сорокъ лѣтъ, а сыну моему По-И должно было скоро исполниться 15. Работая вдвоемъ, думалъ я, мы будемъ въ состояніи нагнать потерянное время. Во всякомъ случаѣ я доставлю тогда сыну занятіе болѣе счастливое и почетное, чѣмъ то, которое было до сихъ поръ моимъ собственнымъ. Смерть отца пресѣкла всѣ остававшіяся еще недоразумѣнія. Я порѣшилъ сообща съ братьями вести наше хозяйство. Трое старшихъ моихъ дочерей были уже невѣстами, но я, подъ разными предлогами, откладывалъ ихъ свадьбы. На самомъ дѣлѣ у меня не было денегъ на приданое и въ то же время не хотѣлось въ этомъ сознаться. Съ помощью братьевъ всѣ три свадьбы

были сыграны совершенно приличнымъ образомъ. Послѣ того у меня родилось всего лишь еще двое дѣтей: дочь, которая, теперь нѣсколько лѣтъ какъ уже замужемъ и второй сынъ, самый младшій изъ всѣхъ, вы его у меня видѣли. Онъ тоже женился два года тому назадъ».

— Отчего, несмотря на молодость вашего второго сына, вы его выдѣлили? спросилъ я у своего пріятеля.

— «Я только что хотѣлъ вамъ это объяснить, Си-Лао-Йе. Два года тому назадъ ни я, ни мои братья, ни племянники, никто изъ насъ, однимъ словомъ, не думалъ о раздѣлѣ. У каждой семьи былъ собственный домъ, но мы вели хозяйство сообща. Не скажу, чтобы такое положеніе дѣлъ могло продлиться вѣчно и чтобы оно не представляло никакихъ неудобствъ. Никому, однако, не приходило въ голову его измѣнять. Съ женитьбой моего сына обстоятельства перемѣнились. Характеръ у невестки оказался беспокойный и недовѣрчивый. Ей все казалось, будто мужа ея обижаютъ. У насъ есть поговорка: «терпѣливо слушай жену но не слишкомъ вѣрь тому что она тебѣ говоритъ». Младшій мой сынъ былъ напротивъ того расположенъ во всемъ довѣрять своей женѣ, которая имѣла на него слишкомъ большое вліяніе. Она казалась всегда такою кроткой и послушной, а на самомъ дѣлѣ всегда ставила на своемъ. Даже и по отношенію къ моей женѣ она не выказывала той уступчивости и уваженія, которыхъ мы были въ правѣ отъ нея требовать. Чтобы пособить горю *) оставалось одно лишь средство:

---

*) По буквальному смыслу юридическаго и нравственнаго китайскаго кодекса можно было заключить, что у семьи Уангъ-Мингъ-Це имѣлся еще другой выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Изъ семи законныхъ поводовъ къ разводу, первымъ и самымъ главнымъ считается въ Китаѣ недостатокъ уваженія со стороны

выселить ее вмѣстѣ съ мужемъ изъ нашего дома. Чтобы устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ, мы рѣшили выдать имъ соотвѣтственную часть общаго имущества. Раздѣлъ состоялся назадъ тому лишь шесть мѣсяцевъ. Поэтому то, Си-Лао-Йе, младшій мой сынъ не живетъ теперь съ нами. Намъ тяжело было принять такое рѣшеніе, но теперь мы очень довольны полученными отъ него результатами. Сынъ часто бываетъ у насъ, и я не имѣю ни малѣйшаго повода упрекнуть его въ чемъ либо. Невѣстка, повидимому, все еще дуется, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, строптивость у нея скоро пройдетъ. Безъ сомнѣнія невѣстка не замедлитъ явиться къ намъ съ повинной, а мы въ свою очередь всячески облегчимъ для нея возможность примиренія. Мы съ женой порядкомъ уже состарились и не можемъ обойтись безъ дѣтей; естественно, что невѣстки должны замѣнить намъ родныхъ дочерей, вышедшихъ замужъ. Что можетъ быть прискорбнѣе убыли въ семьѣ? Какъ счастливы родители, у которыхъ сыновей больше, чѣмъ дочерей!»!

— Вы мнѣ, однако, не сказали еще, Уангъ-Мингъ-Це, за кѣмъ замужемъ ваши дочери?

жены къ свекру, или свекрови. Въ текстѣ законовъ не упоминается, однако, объ условіи, которое на практикѣ значительно смягчаетъ примѣненіе этого повода, а именно, о необходимости согласія мужа для того, чтобы разводъ могъ состояться. Существованіе этого условія на самомъ дѣлѣ препятствовало Уангъ-Мингъ-Це воспользоваться представлявшимся поводомъ—отослать жену младшаго сына обратно къ ея родителямъ. Въ сущности, упомянутый поводъ къ разводу имѣетъ характеръ своего рода гарантіи для жены, когда она недовольна мужемъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ Китаѣ родители сами выбираютъ невѣсту сыну. Въ заключеніе замѣтимъ, что буква закона или стариннаго обычая зачастую не вполне строго примѣняется на практикѣ.

— Я какъ разъ хотѣлъ этимъ закончить мою исторію, Си-Лао-Йе. Двѣ старшихъ дочери вышли у меня за крестьянъ, третья замужемъ за учителемъ, а четвертая—за купцомъ. Онѣ пріѣзжаютъ къ намъ два или три раза въ годъ. Хотя онѣ насъ и не забываютъ, но все-таки уже потеряны для семьи».

Такова семейная хроника Уангъ-Мингъ-Це. Я въ точности передалъ ее со словъ достопочтеннаго главы этой семьи и позволилъ себѣ сдѣлать лишь одно маленькое измѣненіе. Въмѣсто того, чтобы прямо обозначать возрастъ кого-либо изъ своихъ домашнихъ, Уангъ-Мингъ-Це, въ большинствѣ случаевъ, пояснялъ мнѣ, что это лицо родилось въ такомъ-то году царствованія такого-то богдыхана. Для китайцевъ, привыкшихъ къ этой системѣ лѣтоисчисленія, она не представляетъ повиdimому никакихъ неудобствъ, что говорить во всякомъ случаѣ въ пользу хорошаго ихъ знакомства съ національной своей исторіей. По ихъ мнѣнію, опредѣляя событія частной своей жизни годами царствованія богдыхана, они становятся въ болѣе тѣсную связь съ коллективною жизнью той части человѣчества, къ которой непосредственно принадлежать. Ради этой идеи они, безъ сомнѣнія, были бы способны принести и еще большія жертвы.

V.

«Хумень хіу уень юнь ку сэ, куань чо юнгъ сень пень-те чэ». (Входя въ домъ, не спрашивай о благосостояніи тѣхъ, кто въ немъ живетъ; взглядишь въ ихъ лица и узнаешь это самъ).

Познакомившись съ Уангами, я, разумѣется, долженъ

былъ сообразоваться съ этимъ національнымъ китайскимъ правиломъ. Проникшись его мудростью, я добросовѣстнѣйшимъ образомъ старался примѣнить это правило, знакомился со всѣми закоулками въ домѣ и тщательно изучалъ выраженіе лица всѣхъ его обитателей. Повсюду я видѣлъ порядокъ, довольство, благосостояніе и даже счастье, обусловленное сознаниемъ обезпеченности не только на завтра, но и на весьма долгое число слѣдующихъ дней. Попади я въ эту семью прямо изъ Франціи, я навѣрное вообразилъ бы себѣ, что она пользуется ежегоднымъ доходомъ въ пять или шесть тысячъ франковъ или же владѣетъ помѣстьемъ въ 30—40 гектаровъ плодородной земли на склонѣ, обращенномъ къ солнцу. Въ данномъ случаѣ, однако, я зналъ, что земли у нихъ было всего лишь 29 меу, т. е. немногимъ меньше двухъ гектаровъ (1,94). Я видѣлъ по сосѣдству много другихъ крестьянскихъ семействъ, жившихъ не хуже Уангъ-Мингъ-Це, а потому благосостояніе этой семьи не представлялось мнѣ особенно удивительнымъ. Съ другой стороны, впрочемъ, чѣмъ болѣе общимъ оказывался этотъ фактъ, тѣмъ болѣе приводилъ онъ меня въ восхищеніе. Чѣмъ болѣе удостовѣрялся я въ благосостояніи моего пріятеля, тѣмъ болѣе удовольствія доставляло мнѣ разлагать это благосостояніе на мельчайшія его подробности и выяснять себѣ его всеобщность. Мнѣ доставляло каждый разъ новое удовольствіе убѣждаться, что во всемъ этомъ не было никакой диковинки, являющейся исключительнымъ достояніемъ отдѣльной семьи или общины, отдѣльнаго уѣзда или области. Чѣмъ проще и общедоступнѣе казались мнѣ средства, объяснявшія плодородіе китайской почвы и богатство ея воздѣльвателей, тѣмъ желательнѣе было мнѣ убѣдиться въ отсутствіи осо-

быхъ, мѣстныхъ причинъ. Меня учили въ Европѣ, что для воздѣлыванья земли и полученія съ нея дохода, необходимо затрачивать по меньшей мѣрѣ 700—800 франковъ на гектаръ. Лишь съ помощью хитроумныхъ способовъ обработки человѣкъ можетъ добиться отъ нея вознагражденія за свой трудъ, да и это удастся ему не всегда. Между тѣмъ въ Китаѣ я удостовѣрился, что, соблюдая всего лишь три очень простыхъ и ничего нестоящихъ ему условія, первый попавшійся китаецъ, относясь къ землѣ справедливо, доставляя ей воду и удобреніе, можетъ получить отъ нея все, что угодно! Китай доказалъ мнѣ, что, почти безъ всякой затраты капитала, безъ всякой мудреной науки и безъ подавляющей тяжелой работы со стороны человѣка, земля уплачиваетъ ему сторицей за ввѣренное ей зерно, орошенное трудомъ его потомъ. Въ подтвержденіе такого крупнаго и могу сказать, такого утѣшительнаго факта, мнѣ кажется, что ни одно доказательство, сколько бы ихъ приведено ни было, не должно быть сочтено излишнимъ. Поэтому я никогда не упускалъ случаевъ собирать такія доказательства, а нигдѣ не представлялось мнѣ къ этому болѣе благоприятнаго случая, какъ въ семействѣ Уанговъ. Состояніе членовъ этого семейства, на основаніи вполне достовѣрныхъ свѣдѣній, обнѣмавшихъ періодъ въ нѣсколько столѣтій, построено было всегда на мелкомъ землевладѣніи и соотвѣтственно мелкомъ хозяйствѣ. Отдѣльныя семьи въ фамиліи Уанговъ никогда не владѣли болѣе, чѣмъ двумя гектарами земли. Разъ лишь Уангамъ пришлось хозяйничать на девяти гектарахъ, но это былъ исключительный казусъ и къ тому же на девяти гектарахъ хозяйничало тогда пять семействъ, состоявшихъ изъ 40 душъ. Этотъ весьма важный пунктъ выяснился мнѣ изъ

семейной хроники Уангъ-Мингъ-Це. Къ тому же, прочіе крестьяне, съ которыми мнѣ приходилось до тѣхъ поръ сталкиваться, несмотря на свою вѣжливость, гостепріимство и предупредительность, все же какъ будто нѣсколько меня чуждались. Можетъ быть, что бѣлая короткость съ семьей Уанговъ дозволила мнѣ подмѣтить у ея членовъ бѣлыя умственные и нравственные достоинства, чѣмъ у другихъ, или же они и въ самомъ дѣлѣ обладали сравнительно бѣлымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ (такъ какъ глава семьи былъ съ высшимъ образованіемъ). Во всякомъ случаѣ, между ними и мною установилась такая симпатія, что никакой вопросъ съ моей стороны не казался имъ пустымъ или нескромнымъ. Они, какъ нельзя лучше, понимали цѣль моихъ разспросовъ и старались облегчить ея достиженіе. Я рѣшился поэтому довести дѣло до конца. Въ данную минуту, однако, разспросы мои не переходили за предѣлы любознательности, которая не могла показаться оскорбительной никому изъ китайскихъ крестьянъ. Меня особенно интересовали способы веденія хозяйства, которыми Уанги были одолжены своимъ благосостояніемъ. Съ этой точки зрѣнія необходимыя для меня подробности представлялись китайцамъ не особенно существенными. Дѣйствительно, въ Китаѣ земледѣліе поставлено всюду въ сравнительно одинаковыя условія, такъ что доля самостоятельнаго почина, вносимаго въ хозяйство отдѣльнымъ лицомъ, можетъ, пожалуй, быть признана довольно второстепенной, тогда какъ съ другихъ точекъ зрѣнія она можетъ показаться весьма и очень значительной. Трудно составить себѣ о ней правильное представленіе, не зная общихъ условій веденія китайскаго хозяйства,

значительно упрощающих дѣло въ каждомъ частномъ случаѣ. Это требуетъ впрочемъ нѣкотораго объясненія.

Тремя главными факторами земледѣльческаго хозяйства въ Китаѣ являются мелкая поземельная собственность, употребленіе воды и особыя свойства удобренія. Факторы эти встрѣчаются всюду, и (позволю себѣ обратить вниманіе читателя на этотъ замѣчательный фактъ) они обуславливаются не случайностью, а вытекаютъ какъ предусмотрѣнное слѣдствіе изъ сознательной идеи, которая съ самой глубокой древности ознакомила съ этими факторами китайскій народъ и приучила его ими пользоваться. Относительно мелкаго землевладѣнія въ Китаѣ, достаточно будетъ вспомнить, что оно обусловлено тамъ фактомъ принадлежности земли коллективно всему народу, вслѣдствіе чего невоздѣлываемыя земли отбираются въ казну и отдаются тому, кто пожелаетъ ихъ обрабатывать. вмѣстѣ съ тѣмъ налогъ, установленный съ единицы поверхности земельного участка, устраняетъ тунеядцевъ отъ землевладѣнія. Неотчуждаемость и неприкосновенность вотчиннаго поля создаетъ его владельцу обезпеченное положеніе и, къ тому же, навсегда устраняетъ возможность поглощенія этого трудового клочка земли крупной собственностью. Принявъ во вниманіе общій характеръ китайскихъ постановленій, облегчающихъ продажу и раздробленіе всей остальной земельной собственности, за исключеніемъ вотчиннаго поля, нельзя не видѣть во всемъ этомъ благоразумныхъ мѣръ предосторожности, направленныхъ къ распространенію мелкаго землевладѣнія и неблагопріятствующихъ крупной земельной собственности *).

---

*) Китайцамъ никогда не приходило на умъ, чтобы крупная земельная собственность могла быть полезной и приносить обществу

Относительно примѣненія воды къ земледѣлію, мысль законодателя проявляется достаточно явственно въ сооруженіи колоссальнѣйшей и самой изумительной системы оросительныхъ каналовъ. Можно задать себѣ вопросъ: гдѣ могъ этотъ законодатель, за 3000 лѣтъ до нашего времени, когда населеніе Китая состояло всего лишь изъ немногихъ милліоновъ людей, почерпнуть вдохновенное предвидѣніе, побудившее къ созданію такого грандіознаго предпріятія. Эти громадныя водоемы, каналы и водостоки, еще и теперь изумляющіе воображеніе, прорыты на протяженіи многихъ тысячъ верстъ безъ сомнѣнія не для того, чтобы орошать необитаемыя пустыни, лѣса и степи. Очевидно, законодатель имѣлъ въ виду будущій приростъ населенія. Обеспечивъ каждому возможность пользованія землей, онъ хотѣлъ также обезпечить на вѣчныя времена возможность надлежащаго ея воздѣлыванія. Тамъ, гдѣ каждый клочекъ земли можетъ быть орошенъ, онъ поэтому самому можетъ

какія-либо услуги, хотя бы въ качествѣ временной мѣры. Напротивъ того, китайскіе законодатели были, можно сказать, постоянно озабочены мыслью оградить государство отъ появленія крупныхъ помѣстьевъ, которыя, разъ организовавшись, угрожали бы постоянной опасностью всему китайскому общественному строю. Было время, когда существовала и въ Китаѣ крупная поземельная собственность, но въ виду упомянутыхъ уже законовъ и постановленій она необходимо должна была имѣть характеръ случайности, долженствовавшей исчезнуть, такъ сказать, сама собою. Еслибъ потребовалось еще доказательство, можно было бы сослаться на Японію, цивилизація которой въ главныхъ своихъ чертахъ старалась подражать китайской. Дѣйствительно, въ Японіи крупной по земельной собственности вовсе не было. Лучше, чѣмъ допустить ея существованіе, японцы предпочли оставить подъ лѣсомъ и пустырями всю ту часть территоріи, которую по малочисленности

быть обработанъ. Вода оплодотворяетъ все. При ея со-
дѣйствіи даже песокъ покрывается жатвою. Что за дѣло
до того, что растительный слой тонокъ или даже, что
его вовсе нѣтъ? Тамъ, гдѣ дана возможность орошенія,
можно создать надъ непроницаемой почвой новую почву,
по которой будетъ протекать животворная влага. Если
вода всегда подъ рукою, къ чему глубокія запашки?
Тамъ, гдѣ вода на поверхности, растенію нечего искать
ее въ нѣдрахъ земли. Располагая водой, человѣкъ не
нуждается болѣе въ могущественныхъ, тяжелыхъ и до-
рого стоящихъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Ему не надо
также обзаводиться большимъ количествомъ рабочаго
скота. Вполнѣ достаточно имѣть одного буйвола, дере-
вянную соху, а то и просто заступъ или мотыгу—этимъ
и ограничивается весь арсеналъ земледѣльческихъ ору-
дій при существованіи хорошей системы оросительныхъ
каналовъ. Что можетъ быть дешевле и общедоступнѣе?
Что можетъ служить лучше оправданіемъ затраты уси-
лій, положенныхъ на сооруженіе такой системы?

Стоитъ только открыть книгу уставовъ династіи Чеу,
царствовавшей за 1200 лѣтъ до Р. Х., чтобъ убѣдиться
въ заботливости китайскихъ законодателей о снабженіи

населенія нельзя было подвергнуть интенсивной обработкѣ. Населе-
ніе Японіи было сосредоточено въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ
каждой семьѣ отводился небольшой участокъ земли, чтобы хо-
зяйничать на ней по китайскому способу. Остальная земля счи-
тается государственной собственностью и находится въ вѣдѣніи
микадо и дайміосовъ, которые берегаютъ ее для будущихъ поко-
лѣній. Японцы думаютъ, что, поступая такимъ образомъ, они не
остаются въ убыткѣ и что интенсивное воздѣлываніе небольшого
участка земли приносить болѣе какъ валового, такъ и чистаго до-
хода, чѣмъ могла бы дать экстенсивная обработка значительно боль-
шей территоріи.

воздѣлываемыхъ земель надлежащимъ удобреніемъ. Преимущественно рекомендуемое удобреніе было уже и тогда то самое, которое по настоящее время такъ повсемѣстно, и, можно сказать, такъ исключительно примѣняется въ Китаѣ, что европейцы называютъ его иногда «китайскимъ удобреніемъ».

Въ тѣ отдаленныя времена, земли, годныя для воздѣлыванія, имѣли въ Китаѣ еще сравнительно небольшое протяженіе и обрабатывались на счетъ государства, подобно тому, какъ это недавно дѣлалось и въ Японіи. Хозяйство на этихъ земляхъ велось на основаніи предписанія министерства народонаселенія и подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ. Тогда имѣлись особые инспектора, завѣдывавшіе колонизаціей края, земледѣльческими работами, орошеніемъ края и т. п. Они указывали колонистамъ, когда именно надлежитъ вспахивать землю, засѣвать ее, пересаживать молодыя растеньица изъ грядокъ въ поля, пускать на поля воду и сливать ее съ нихъ. Правительственные же чиновники опредѣляли, на какихъ земляхъ слѣдовало что сѣять, какое удобреніе слѣдовало давать тому или другому растенію въ томъ или другомъ періодѣ его развитія, причемъ пояснялось также какимъ образомъ надлежало примѣнять самое удобреніе, и т. п. Коротче сказать, это былъ періодъ примѣненнаго ко всему народу практическаго обученія земледѣлію, составляющему теперь благоденствіе и славу Китая. Въ Чеу-Ли (книгѣ уставовъ Чеу) содержится много относящихся сюда постановленій и предписаній, собранныхъ по порядку въ особыя главы. О какомъ же удобреніи главнымъ образомъ тамъ идетъ рѣчь? О самомъ обыкновенномъ и самомъ дешевомъ, такъ какъ оно ничего не стоитъ—объ удобреніи, для изготовленія котораго нѣтъ надобности

ни въ лугахъ, ни въ крупномъ скотѣ—которое производится самимъ человѣкомъ изо дня въ день уже вслѣдствіи самаго факта его существованія. Въ глазахъ китайскаго законодателя это и есть самое драгоценное удобрение. Для примѣненія его и была подготовлена мелкая земельная собственность. Чтобъ собирать это удобрение и примѣнять его надлежащимъ образомъ, законодатель считалъ желательнымъ дать каждому человѣку пользование участкомъ земли—частицу общаго достоянія. Благодаря одному этому удобрению возсоздается богатство почвы, человѣкъ обезпечиваетъ себѣ хлѣбъ насущный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу, немыслимую безъ такого обезпеченія. Съ помощью его человѣчество—*жизнь*—можетъ достигнуть неслыханнаго развитія. Немудрено, что въ Китаѣ относятся къ этому удобрению съ такою внимательностью и такимъ уваженіемъ. Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ заключить, чтобъ въ книгѣ уставовъ Чеу не обращалось вниманія на другіе сорта удобренья. Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ сортовъ кажутся теперь даже странными, если не принять въ расчетъ громадности тогдашнихъ лѣсовъ и многочисленность обитавшихъ въ нихъ дикихъ звѣрей. «Инспектора земледѣльческихъ работъ», говорится въ Чеу-Ли, «обратятъ свое вниманіе на хорошую подготовку сѣмянъ съ помощью надлежащихъ удобренья. Зерна, предназначенныя для посѣва, должны быть сперва вымочены въ наварѣ изъ бычачьихъ костей, затѣмъ, смотря по тому, будутъ ли ихъ сѣять на красной, черной или бѣлой, плотной, рыхлой или песчанистой почвѣ, ихъ слѣдуетъ опудрить высушеннымъ и измельченнымъ въ порошокъ удобреньемъ быка, барана, козы, собаки, свиньи, *лисицы*, *барсука*, *олени*» и т. д.

Я могу указать здѣсь только сущность этихъ земледѣльческихъ уставовъ, но не менѣе замѣчательны также и слогъ, которымъ они написаны. Слогъ этотъ представляетъ полнѣйшую аналогію съ библейскимъ, которымъ Всевышній говорилъ Моисею, а Моисей говорилъ своему народу. Между тѣмъ тутъ дѣло идетъ только о вспомогательныхъ удобреніяхъ, которыя вслѣдствіе своей рѣдкости могутъ имѣть лишь незначительное примѣненіе. Это лишь молочко и кашка для новорожденныхъ. Главное удобреніе и наиболѣе существенное, которое должно питать взрослыхъ, отъ котораго именно и зависятъ результаты будущей жатвы, удобреніе, къ которому авторъ Чеу-Ли относится съ полнымъ предпочтеніемъ—то самое, которое у насъ въ Европѣ возбуждаетъ наиболѣе равнодушія, презрѣнія, отвращенія и ненависти со стороны крестьянъ, инженеровъ и городскихъ думъ. На него возлагаютъ у насъ отвѣтственность за всѣ на пресшитуленія, за всѣ грѣхи нашего невѣжества и нашей неспособности. Въ защиту его противъ такого страннаго ослѣпленія представляется нашими учеными менѣе всего доводовъ. Это столь высоко цѣнимое въ Китаѣ удобреніе у насъ съ величайшею охотой согласны были бы препроводить въ море, еслибъ даже потребовалось затратить для достиженія такой цѣли многія сотни милліоновъ франковъ. И никому при этомъ не придетъ въ голову, что съ нимъ унесена будетъ въ море родная наша земля *).

---

*) Нѣтъ ничего удобнѣе, какъ сваливать собственные свои грѣхи на кого-либо, на что-либо. Затративъ 200 милліоновъ франковъ съ хвостикомъ, можно было бы выстроить великолѣпный каналъ, отводящій прямо въ Ла-Маншъ всѣ парижскія нечистоты. Послѣ этого совѣсть будетъ у насъ совершенно спокойна! На самомъ дѣлѣ вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думаютъ. Если правда, что продукты

«Инспекторы земледѣльческихъ работъ должны наблюдать за тѣмъ, чтобъ не терялось и не затрачивалось безъ нужды даже и малѣйшей частички этого удобренія, такъ какъ въ немъ лежитъ сила и спасеніе народа», говорится въ Чеу-Ли. «Да собираютъ его въ сосуды, гдѣ оно должно бродить въ теченіе 6-ти дней, а затѣмъ употребляйте его въ дѣло, разводя десятью частями воды. Рисъ надо поливать имъ во время произрастанія, не ранѣе и столько разъ, сколько требуется на самомъ дѣлѣ, но не болѣе, такъ какъ слѣдуетъ питать растеніе, а не землю. Излишекъ же удобренія можетъ испариться въ воздухъ. Гдѣ поля не орошаются, тамъ надо класть удобреніе возлѣ корня растеній въ то время, какъ зародыши начинаютъ пробиваться изъ земли. Если класть удобреніе между бороздами, значительная его часть будетъ ис-

---

отхожихъ мѣстъ угрожаютъ опасностью общественному здравію, то это лишь потому, что мы не умѣемъ, или же не можемъ употреблять ихъ своевременно въ качествѣ удобренія. Еслибъ наши земледѣльцы ощутили въ нихъ такую же потребность, какъ напр. китайскіе крестьяне, еслибъ они стали смотрѣть на нихъ какъ на величайшее сокровище и охотно увозить ихъ изъ городовъ, опасность эта исчезла бы сама собой. Соприкасаясь съ землей и растеніями, человеческое удобреніе влечетъ за собой однѣ лишь благотѣльные послѣдствія. Я самъ, проживя 10 лѣтъ въ Китаѣ, причемъ 5 лѣтъ были проведены въ мѣстности, гдѣ исключительно употреблялось это удобреніе, утверждаю и клянусь, что мое собственное здоровье, по прошествіи этихъ 5 лѣтъ, нисколько отъ него не пострадало и что народъ въ Китаѣ по меньшей мѣрѣ столь же здоровъ и столь же мало подверженъ заразительнымъ болѣзнямъ, какъ и народонаселеніе Европы. Дай Богъ, чтобы свидѣтельство мое было услышано! Если возражать, что наши общественныя условія не позволяютъ устроиться иначе, чѣмъ мы дѣлаемъ это теперь, тѣмъ хуже для нашихъ общественныхъ условій, такъ какъ это было бы для нихъ окончательнымъ, неопровержимымъ обвинительнымъ приговоромъ.

трачена даромъ. Поступая такимъ образомъ съ мудростью и бережливостью, израсходуютъ мало удобренія, получать обильныя жатвы, и люди будутъ счастливы.

Въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ зимой не снимаютъ жатвы, избытокъ удобренія надо высушить, дабы смѣшать съ землей и, сдѣлавъ изъ него кирпичъ, перевести въ южныя области.

Очевидно нельзя высказать въ болѣе точныхъ выраженіяхъ законъ правильнаго круговорота, строго соблюдаемый въ Китаѣ въ теченіе столькихъ вѣковъ. Единственно лишь благодаря соблюденію этого закона, китайское государство пережило въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ столько другихъ народовъ, о которыхъ остались у насъ лишь воспоминанія, и можетъ еще теперь успѣшно бороться съ военнымъ и промышленнымъ могуществомъ нашей цивилизованной Европы.

Въ законодательствѣ, составленномъ для Китая древними его мудрецами, имѣлось въ виду сдѣлать землю, воду и удобреніе общимъ достояніемъ. Цѣль эта до такой степени вошла въ сознаніе всего народа, что теперь въ Китаѣ не найдется въ сущности клочка земли, на которомъ она не была бы достигнута. Западные народы считали возможнымъ основать государственное свое единство на политическихъ договорахъ, на существованіи естественныхъ границъ, на сходствѣ языка, нравовъ и т. п. Мы знаемъ, однако, всю цѣну такихъ государственныхъ основъ, знаемъ какъ онѣ перемѣщаются и какъ, въ случаѣ надобности, игнорируются. Китай построилъ государственное свое единство на справедливости, на неразрывной связи между землей и воздѣлывающимъ ее человѣчествомъ.

Признаюсь, что не могу удержаться отъ улыбки, когда

ниѣ говорятъ о проектахъ завоеванія и раздѣла китайскаго царства. Чтобы завоевать Китай я знаю лишь одно средство: это ввести у себя такіе же порядки, какъ въ Китаѣ, но тогда мы прежде всего завоюемъ для себя родную свою страну, и всѣ государственныя наши подраздѣленія, вмѣсто того чтобы служить причинами раздора, сольются въ одно великое цѣлое,—въ объединенное человѣчество, котораго ничто не преодолѣть.

VI.

Спѣшу теперь же указать громадность результатовъ, полученныхъ при выполненіи только что рассмотрѣнной нами программы. Главнымъ и самымъ непосредственнымъ изъ нихъ было чрезвычайное развитіе мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Дѣйствительно, оно въ Китаѣ еще распространениѣ мелкаго землевладѣнія. Въ Срединномъ Царствѣ можно еще и теперь встрѣтить немногихъ богачей, обладающихъ помѣстьями въ 30, 50 и даже въ 300 гектаровъ, тогда какъ на всемъ протяженіи собственнаго Китая не найдется воздѣлываемаго участка, протяженіе котораго превышало бы 10—12 гектаровъ. Необходимо довольствоваться однимъ лишь констатированіемъ этого факта, не вдаваясь въ обсужденіе выгодныхъ или же невыгодныхъ его сторонъ, о которыхъ и безъ того было говорено многое. Надо полагать впрочемъ, что мелкое земледѣльческое хозяйство обладаетъ весьма выдающимися преимуществами, такъ какъ, въ Китаѣ ему отдаютъ предпочтеніе передъ крупнымъ даже и тамъ, гдѣ условія кажутся болѣе благоприятными этому послѣднему. Однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ преимуществъ мелкаго хозяйства было, если не

совершенное уничтоженіе, то по крайней мѣрѣ чрезвычайное сокращеніе полей, на которыхъ воздѣлывался кормъ для скота, взаимѣнь чего оказалось возможнымъ соотвѣтственно расширить поля для воздѣлыванія продуктовъ, непосредственно потребляемыхъ въ пищу человѣкомъ. Необходимо сдѣлать при этомъ, однако, оговорку. Вообще полагають, будто въ Китаѣ очень мало крупнаго рабочаго и убойнаго скота, что обуславливается будто бы недостаткомъ луговъ и выгоновъ. Предположеніе это совершенно ошибочно. Дѣйствительно, въ Китаѣ мало быковъ и лошадей, но за то число буйволовъ очень велико. Меня нисколько бы не удивило, еслибъ оно оказалось сравнительно больше числа быковъ и лошадей во Франціи, такъ какъ для вспахиванья и орошенія каждыхъ трехъ гектаровъ въ Китаѣ держать среднимъ счетомъ одного буйвола *). Фактъ этотъ, кажущійся на первый взглядъ совершенно несовмѣстнымъ съ отсутствіемъ выгоновъ, прекрасно объясняется, какъ мы увидимъ сейчасъ, существующей въ Срединномъ Царствѣ системой мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Пока мы удовлетворимся лишь ссылкой на означенный фактъ, позволяющій утверждать, что, не измѣняя своей хозяйственной системѣ, Китай могъ бы, еслибъ это оказалось необходимымъ, содержать несравненно большее количество убойнаго скота, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. Если въ Срединномъ Царствѣ откармливается сравнительно мало скота, то это слѣдуетъ приписать,

---

*) Если бы во Франціи водворилось мелкое земледѣльческое хозяйство по китайскому образцу, то въ ней пришлось бы держать болѣе шестнадцати милліоновъ головъ крупнаго рабочаго скота. Между тѣмъ численность этого скота доходитъ теперь лишь до тринадцати милліоновъ головъ.

во-первыхъ, тому обстоятельству, что количество мяса, равноцѣнное въ питательномъ отношеніи данному количеству риса или пшеницы, обходится гораздо дороже этихъ и вообще какихъ угодно другихъ растительныхъ продуктовъ *). Къ тому же китайцы далеко не такъ убѣждены какъ мы въ необходимости ежедневно употреблять въ пищу большое количество мяса. Наконецъ они сумѣли воспользоваться своими водоемами, рѣками и каналами для размноженія рыбы, разведеніемъ и выкармливаньемъ которой они занимаются въ широкихъ размѣрахъ, точно также какъ свиноводствомъ и птицеводствомъ. Такимъ образомъ имъ удастся обезпечить себѣ необходимое количество мясной пищи болѣе дешевымъ способомъ, чѣмъ при разведеніи крупнаго скота. Необходимо замѣтить также, что главнымъ воздѣлываемымъ продуктомъ въ Китаѣ является рисъ, вслѣдствіе чего при выборѣ рабочаго скота пришлось по необходимости остановиться на буйволѣ, мясо котораго очень невкусно. Нельзя также умолчать объ уваженіи и привязанности, которыя обыкновенно питаютъ китайцы къ животнымъ, помогающимъ имъ въ работѣ. Этихъ животныхъ лишь въ рѣдкомъ случаѣ посылаютъ на бойню; за ними лучше ухаживаютъ, чѣмъ въ Европѣ, и обращаются съ ними ласковѣе. Это тѣмъ естественнѣе и легче, что у каждой китайской семьи имѣется всего лишь одинъ буйволъ или быкъ. На него смотрятъ, какъ на добраго товарища, а онъ со своей стороны благодарить по-своему за такое хорошее обхожденіе усердіемъ, съ которымъ работаетъ. Уничтоженіе выгоновъ не вле-

---

*) См. Отчетъ, представленный министерству земледѣлія директоромъ земледѣльческаго департамента, Е. Тиссераномъ, по поводу международной вѣнской выставки 1873 года.

четь поэтому за собой ровно никаких неудобствъ. Нельзя приписывать ему сравнительный недостатокъ говядины въ нормальной китайской кухнѣ. Напротивъ того, китайская система мелкаго земледѣльческаго хозяйства могла бы содѣйствовать значительному увеличенію производства убойнаго скота, если бы обнаружилась въ этомъ потребность и еслибы не существовало иныхъ средствъ къ удовлетворенію таковой *).

Кромѣ уничтоженія выгоновъ, мелкое земледѣльческое хозяйство доставило Китаю много другихъ существенныхъ выгодъ. Оно дозволило ввести такое разнообразіе воздѣлываемыхъ растений и достигнуть такого высокаго качества продуктовъ, о какомъ нельзя было и мечтать въ крупномъ хозяйствѣ. Разнообразіе воздѣлываемыхъ растений, каждый сортъ которыхъ требуетъ за собой особаго ухода и такихъ попеченій, которыя совершенно не вяжутся съ приемами крупнаго хозяйства, доставляютъ въ мелкомъ хозяйствѣ не только сравнительно большіе барыши, но также и болѣе равномерное распредѣленіе труда. На всемъ протяженіи Китая насчитывается не менѣе семидесяти главныхъ воздѣлываемыхъ растений, а въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, которое ведется на двухъ или трехъ гектарахъ, число такихъ

---

*) Мы говоримъ здѣсь лишь о крупномъ убойномъ скотѣ. Что касается до овецъ, то ихъ совершенно не держатъ въ нѣкоторыхъ областяхъ. За то въ другихъ областяхъ, гдѣ на горахъ сохранились еще кое-какія пастбища, можно встрѣтить и овцеводство. Иногда, но въ рѣдкихъ случаяхъ, выкармливаютъ овецъ также въ хлѣбахъ и на пожняхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что овца оказывается для этого гораздо менѣе пригодной, чѣмъ быкъ. Кромѣ того овцы дурно разводятся въ низменныхъ и жаркихъ округахъ южнаго Китая. Мясо ихъ лѣтомъ считается тоже вреднымъ для употребленія въ пищу.

растений простирается отъ 8 до 10 и болѣе *). Это, собственно говоря, не земледѣліе, а садоводство. Говорятъ, что Китай настоящій садъ, и это въ дѣйствительности справедливо. Надо прибавить только, что не найдешь другого сада, который воздѣлывался бы лучше и давалъ болѣе громадный доходъ. Рись приносить тамъ отъ 3.500 до 10.000 килограммовъ съ гектара **), пшеница —отъ 15 до 30 и даже 60 гектолитровъ; чай же и шелковица даютъ отъ восьми до десяти тысячъ франковъ съ гектара. Столь же благодарнымъ оказывается разведеніе сахарнаго тростника, воскового дерева (*ligustrum*), на которомъ живетъ насѣкомое, доставляющее самый бѣлый и самый дорогой сортъ извѣстнаго намъ воска. Весьма выгодны дубовыя плантаціи, на которыхъ выкармливаютъ особые сорта шелковичнаго червя, доставляющаго только лишь въ двухъ областяхъ Китая сорокъ тысячъ тюковъ шелка въ годъ, а также насажденія лаковаго дерева, смола котораго безъ всякаго дальнѣйшаго приготовленія употребляется какъ лучшій и прекраснѣйшій лакъ въ мірѣ, и т. д., и т. д. Я указываю тутъ, разумѣется, прямо валовой доходъ. Но какими образомъ, спрашивается, можно было бы опредѣлить чистый доходъ съ того или другого рода воздѣлываемыхъ растений? какъ опредѣлить стоимость работы, потраченной на двѣ или три штуки пальмъ, пару деревьевъ, доставляющихъ сало, нѣсколько десятковъ кв. футъ поля, засаженнаго бобами, и нѣсколько кв. футъ грядокъ съ кра-

---

*) Въ запискѣ о земледѣльской географіи Китая, помѣщенной въ бюллетенѣ Географическаго общества за 1868 годъ, перечислены эти 70 главнѣйшихъ воздѣлываемыхъ растений.

**) Какъ напр. въ равнинѣ Чень-Ту, въ Сэ-Чуенѣ и многихъ другихъ мѣстностяхъ.

сильными растеніями? Самая мысль о такомъ точномъ расчетѣ представляется смѣшной. Можно вообразить себѣ, пожалуй, апельсинныя деревья, которыя въ дѣйствительности стоятъ отдѣльно, сосредоточенными вмѣстѣ, и рассчитать, сколько гектаровъ было бы ими въ такомъ случаѣ занято. Мнѣ приходилось иногда дѣлать эти расчеты, чтобъ дать какое-нибудь понятіе о взаимномъ отношеніи между различными воздѣлываемыми растеніями, но судить по одному растенію о доходѣ, который можно было бы получить съ цѣлаго гектара, засаженного такими растеніями, точно такъ же нераціонально, какъ было бы нераціональна попытка опредѣлить чистый доходъ, получаемый съ этого одного растенія. Дѣло въ томъ, что тысяча деревъ, произрастающихъ вмѣстѣ, дадутъ гораздо меньшій валовой доходъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эти деревья разбросаны небольшими группами, особенно же когда каждая изъ такихъ группъ принадлежитъ другому хозяину. Чѣмъ меньше деревъ, тѣмъ лучше ухаживаютъ за каждымъ. Тутъ повторяется слѣдовательно фактъ, о которомъ мы упоминали уже, говоря о положеніи буйвола въ китайской семьѣ.

Опредѣлить, во что обходится тотъ или другой продуктъ самому хозяину было бы еще труднѣе. Какъ рассчитать цѣнность такихъ безконечно малыхъ величинъ, какъ нѣсколько мгновеній, потребовавшихся на сборъ ягодъ масличнаго дерева, какъ двѣ или три минуты, израсходованныя на то, чтобы вылить ложку жидкаго удобрения у какого-нибудь стебелька риса или пшеницы. Можно-ли оцѣнить такія неоцѣнимыя вещи, какъ усердіе и любовь, вложенныя въ ту или другую работу? Въ сущности, все сводится къ одному и тому же: можно любить одну овечку, но нельзя такимъ же образомъ любить цѣлое

стадо. Липа, растущая у дверей моего дома, дороже для меня сотни липъ въ лѣсу. Отчего китайцамъ такъ хорошо дается разведеніе дубоваго шелковичнаго червя, попытки къ акклиматизаціи котораго у насъ производятся вотъ уже 24 лѣтъ безъ всякаго успѣха? Оттого, что каждая семья воспитываетъ у себя лишь небольшое количество этихъ червей. Какъ удастся китайцамъ сберегать воздѣлываемыя ими растенія отъ ржавчины, тли, павилики и др. паразитовъ, многіе изъ которыхъ теперь у нихъ совершенно истреблены? Посредствомъ тщательнаго ухода за каждымъ отдѣльнымъ растеніемъ. Допустимъ однако, что удалось бы въ точности разсчитать время, расходуемое такимъ образомъ по мелочамъ. Но въ такомъ случаѣ, во что оцѣнить самое это время? Большая часть работы производится членами семьи. О времени, которымъ она располагаетъ для работы, можно сказать то же, что и объ удобреніи: его не покупать стать! Время для работы получается у людей уже вслѣдствіе самаго факта ихъ существованія. Рабочихъ со стороны обыкновенно вовсе не нанимаютъ, а если и приходится ихъ нанимать, то въ такомъ маломъ количествѣ и за такую дешевую плату, что трудно было бы разсчитать, какая доля изъ нея приходится на тотъ или другой сортъ воздѣлываемыхъ растеній. Единственнымъ средствомъ къ опредѣленію выгоды различныхъ отраслей какого-либо земледѣльческаго хозяйства въ Китаѣ является опредѣленіе чистаго дохода со всего хозяйства, которое приходится рассматривать какъ одно нераздѣльное цѣлое. Доходность какой-либо отдѣльной отрасли можетъ быть исчислена лишь приблизительно, соображаясь съ ея значеніемъ въ общей системѣ хозяйства. Дѣйствительно, земледѣліе не то, что ремесленный трудъ: крестьянинъ

не, можетъ съ выгодою специализировать свой трудъ и свое производство. Извѣстныя работы должны быть выполнены къ опредѣленному времени. Что-же, спрашивается, дѣлать въ промежутокъ между ними? Еслибъ китаецъ сталъ воздѣлывать одинъ только рисъ или сахарный тростникъ, то, по снятіи жатвы, какое употребленіе нашелъ бы онъ для своего времени и своего участка земли? Неужели одно воздѣлываемое растеніе должно было бы покрывать всѣ расходы по семейному и хозяйственному бюджету? А если вдругъ на него случится неурожай? «Нѣтъ! это слишкомъ рискованно!» отвѣчаетъ китаецу мелкое земледѣльческое хозяйство. «Возьмись за меня, и я открою тебѣ тайну не терять попусту ни одной минуты, ни одной пяди земли. Возьмись за меня, и я обезпечу тебѣ впятеро большій доходъ съ поля, увеличу плодородіе его настолько, что ты въ состояніи будешь продавать произведенія его вдесятеро дешевле». Китай послѣдовалъ этому совѣту и не имѣлъ повода раскаиваться. Система китайскаго хозяйства не дозволяетъ, правда, рассчитать, во что именно обходится гарнецъ рису или фунтъ сахару, но, благодаря этой системѣ, всѣ земледѣльческіе продукты тамъ очень дешевы и, несмотря на то, почти каждая крестьянская семья живетъ въ такомъ же довольствѣ, какъ и семья моего пріятеля Уангъ-Мингъ-Це. Между прочимъ, вы можете купить въ Китаѣ шелкъ по такой дешевой цѣнѣ, что наши французскіе шелководы, несмотря на далекое разстояніе, сочтутъ себя въ опасности и станутъ ходатайствовать объ огражденіи ихъ интересовъ покровительственными пошлинами.

Способы, употребляемые въ мелкомъ хозяйствѣ и обуславливающіе его успѣшность, слишкомъ извѣстны для того, чтобы ихъ стоило описывать. Одинъ изъ нихъ

заслуживаетъ впрочемъ, чтобы о немъ было упомянуто особо: это пересадка воздѣлываемыхъ растений. Гдѣ-нибудь въ уголкѣ сада, на солнечной сторонѣ, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ сильныхъ вѣтровъ заборомъ или же стѣною дома, отводится для этого небольшой участокъ, который, въ случаѣ надобности, тщательно удобряется перегноемъ. На немъ устраиваютъ грядки такъ, чтобы ихъ можно было бы прикрыть рамами или же соломенными циновками, когда это потребуется для защиты молодыхъ растений отъ холода. Въ Китаѣ прибѣгаютъ къ такой искусственной защитѣ въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ зимы бываютъ долгія и холодныя. Въ приготовленные такимъ образомъ грядки высѣваютъ въ разбросъ (но очень густо) воздѣлываемыя растенія, а когда они достигнутъ нѣкотораго развитія, ихъ пересаживаютъ изъ грядокъ на поле, гдѣ они уже окончательно вызрѣваютъ. Часть своего существованія растенія эти проводятъ слѣдовательно на маленькомъ участкѣ всего лишь въ нѣсколько квадратныхъ метровъ. Такимъ образомъ они занимаютъ поле въ теченіе соотвѣтственно болѣе короткаго времени, вслѣдствіе чего съ даннаго поля можно, въ теченіе одного сезона, получить нѣсколько урожаевъ. Въ этомъ заключается главная цѣль пересаживанья, или лучше сказать извѣстнаго подъ этимъ именемъ способа воздѣлыванія, въ которомъ пересаживаніе является лишь однимъ изъ приѣмовъ. Кромѣ того достигаются этимъ путемъ и многіе другіе полезные результаты.

Тѣ, кто хоть сколько-нибудь занимался садоводствомъ, знаютъ, что растеніе, вообще говоря, будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще пересаживали его въ молодости. Въмѣсто одного корня у него развивается обыкновенно множество боковыхъ корней, которые, распространяясь

въ горизонтальномъ направленіи, сообщаютъ растенію большую устойчивость, вслѣдствіе чего оно менѣе страдаетъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Къ тому же эти корни, находясь близъ поверхности почвы, лучше всасываютъ въ себя питательные соки, доставляемые туда водою, воздухомъ и разными удобреніями, предлагаемыми человекомъ. Пересаженное растеніе развѣтвляется гораздо скорѣе и даетъ отъ себя гораздо больше отпрысковъ. Если пересадка произведена такъ, чтобъ можно было имѣть къ каждому растенію свободный доступъ для надлежащаго за нимъ ухода (а это именно и достигается пересадкой), то нѣтъ чудесъ, которые были бы невозможны для такого способа воздѣлыванія. Отъ одного зерна пшеницы удавалось получить при этомъ до шестидесяти колосьевъ *). Люцерна даетъ иногда съ нѣсколькихъ кустовъ, вмѣсто одного снопа, двѣнадцать и даже четырнадцать сноповъ. Мелкое земледѣльческое хозяйство сдержало, даже съ лихвою, всѣ свои обѣщанія. Оно не

---

*) Растенія, остающіяся долго въ расадникѣ, плохо кустятся, если не будутъ приняты особыя мѣры предосторожности. Къ тому же у нихъ проявляется склонность блекнуть и чахнуть. Чтобы противодействовать ей, китайцы смачиваютъ всегда передъ посѣвомъ зерно въ жидкомъ удобреніи, которое всасывается оболочками зерна и укрѣпляетъ сѣмянодоли, питающія молодое растеньице. Вслѣдствіе этого получаютъ болѣе здоровые и сильные всходы. Такимъ же образомъ смачиваютъ жидкимъ удобреніемъ и корни пересаживаемыхъ растений. Соблюдая эти предосторожности, можно пересаживать рисовыя и пшеничныя растеньица, достигшія уже вышины 15 — 20 сантиметровъ. Это нисколько не мѣшаетъ имъ куститься, и давать новыя отростки. Въ сѣверныхъ областяхъ Китая, крестьяне, вмѣсто того чтобъ разводить молодія растеньица въ особыхъ питомникахъ, зачастую покупаютъ изъ южныхъ областей готовую расаду.

только упятило число урожаевъ, получаемыхъ съ даннаго поля, но въ такой же степени увеличило и каждый отдѣльный урожай. Кромѣ того получается сбереженіе и въ сѣмянахъ. На гектаръ достаточно употребить нѣсколько литровъ зерна, вмѣсто двухъ съ половиной гектолитровъ, которые затрачиваются при обыкновенномъ способѣ посѣва. Это еще не все. Если при мелкомъ хозяйствѣ гектаръ приноситъ столько же, сколько получается въ крупномъ хозяйствѣ съ десяти или даже двадцати гектаровъ, то, съ уменьшеніемъ запашки, оно дозволяетъ кромѣ того уменьшить и количество рабочаго скота. Столь же благопріятно отражается оно и на упрощеніи земледѣльческихъ орудій, которому содѣйствовало уже введеніе искусственнаго орошенія. Если прибавить къ перечисленнымъ здѣсь земледѣльческимъ орудіямъ лейку и сажальный колъ, получимъ весь инвентаръ такихъ орудій. Этимъ, однако, не ограничиваются еще благодѣянія китайской системы мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Располагая по произволу водой и удобреніемъ, которыя у него всегда подъ рукой, понятно, что китайскій крестьянинъ мало интересуется хитроумными системами плодосмѣнности, рассчитанными на то, чтобъ, истощивъ землю, дать ей нѣкоторый отдыхъ, а затѣмъ вытянуть изъ нея опять возможно большее число соковъ. Китайцу незачѣмъ прибѣгать къ такимъ хитростямъ, ему не къ чему мудрить. Мѣсто всего этого заступаетъ искренняя преданность и справедливость, съ которыми онъ относится къ землѣ. За то и она воздастъ ему по заслугамъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ одни и тѣ же поля приносятъ дважды въ годъ одинаково богатые урожаи риса или пшеницы. Другія растенія, столь же истощающія почву, смѣняются другъ друга

на этихъ поляхъ черезъ каждыя 6 недѣль, а между тѣмъ послѣ всякой жатвы человѣкъ находитъ свою землю такой же покорной и тароватой, какъ прежде. За его глубокую къ ней преданность она отдается ему такъ всецѣло и беззавѣтно, какъ никогда женщина не отдается своему возлюбленному.

Мелкое земледѣльческое хозяйство, а въ особенности примѣняемая въ немъ система пересаживанья растений, оказываютъ китайцамъ еще одну услугу, позволяя имъ воздѣлывать нѣкоторыя однолѣтнія растенія, принадлежащія, собственно говоря, болѣе теплomu климату. Въ этомъ, собственно говоря, тоже нѣтъ никакой хитрости. Достаточно пригнать время посѣва этихъ нѣжныхъ растений такъ, чтобы ко времени ихъ пересаживанья *) весна принесла съ собою такое количество теплоты и свѣта, которое требуется для ихъ цвѣтенія и плодоношенія. Этотъ метеорологическій моментъ опредѣляетъ ихъ мѣсто въ ряду посѣвовъ, смѣняющихся на одномъ и томъ же участкѣ земли. Въ результатѣ получается настоящій сѣвооборотъ, зависящій однако единственно лишь отъ климатическихъ, но не отъ почвенныхъ условій и, кромѣ того, имѣющій исключительную цѣлью распространить полосу воздѣлыванья нѣжныхъ растений на одинъ или два градуса сѣвернѣе естественнаго предѣла. Въ качествѣ наиболѣе замѣчательнаго примѣра можно привести пшеницу, воздѣлываемую теперь въ Монголіи. Страна эта отличается долгими и холодными зимами, когда морозы доходятъ зачастую до 30°. Лѣто

---

*) Замѣтимъ кстати, что китайцы раздѣляютъ климаты не по температурамъ, а по степенямъ освѣщенія. У нихъ есть климаты въ 13, 13½, 14, 14½, 15 и болѣе часовъ, соотвѣтственно продолжительности наибольшаго въ нихъ дня.

бываетъ тамъ, правда, жаркое, но очень короткое, такъ что картофель вымерзаетъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ. При такихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ тамъ до сихъ поръ могли успѣшно расти только травы безбрежныхъ какъ море монгольскихъ степей, да нѣкоторыя породы деревьевъ, попадавшіяся на болѣе удобныхъ для того мѣстностяхъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ можно было еще встрѣтить кое-гдѣ въ Монголіи поля, засѣянные овсомъ или другими яровыми хлѣбами, но во всей странѣ не было рѣшительно ни одного пшеничнаго растеньица. Съ тѣхъ поръ, по теченію весьма немногочисленныхъ тамъ ручьевъ и рѣчекъ, осѣло болѣе многочисленное населеніе. Мелкое, интенсивное хозяйство стало примѣнять обычные свои способы воздѣлыванья растений и, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Великой Стѣны, гдѣ это хозяйство достигаетъ болѣе полного своего развитія, созрѣваетъ теперь уже пшеница, пересаживаемая въ концѣ мая въ поля изъ питомниковъ. Другое растеніе — травянистый хлопокъ, который вообще не переходитъ за 36 или 37° сѣв. шир. разводится въ Манджуріи сѣвернѣе 40° *). Можно было бы привести еще много подобныхъ примѣровъ, но, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать. Говоря теперь о климатическихъ условіяхъ, я долженъ воспользоваться случаемъ, чтобы отвѣтить на возраженіе, которое мнѣ не разъ доводилось слышать. Я могу предположить поэтому, что оно могло возникнуть также и въ умѣ читателя. «Въ Китаѣ,

---

*) Подобнымъ же образомъ заставляютъ у насъ вызрѣвать арбузы, дыни, сладкіе пататы и т. п. въ сѣверной полосѣ умѣреннаго пояса.

вѣдь, точно такъ же, какъ и въ Европѣ, падаетъ съ неба зачастую градъ», говорили мнѣ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, «и если ваши китайцы не закрываютъ своихъ полей дождевыми зонтами, то мы не видимъ, какимъ образомъ мелкое интенсивное хозяйство могло бы спасти ихъ отъ градобитія».

Несмотря на всю кажущуюся серьезность этого возраженія, методы китайскаго хозяйства позволяютъ отвѣтить на него вполне удовлетворительнымъ образомъ. Относительно существующихъ въ Китаѣ благопріятныхъ климатическихъ условій я не стану вдаваться въ объясненія причинъ, научное объясненіе которыхъ для меня недоступно, а вмѣстѣ съ тѣмъ я не рѣшаюсь предположить, чтобы китайцы могли заключить съ Провидѣніемъ какой-либо особый договоръ, обеспечивающій для нихъ благораствореніе воздушныхъ и изобиліе плодовъ земныхъ. Я долженъ, слѣдовательно, ограничиться указаніемъ на то, что въ Китаѣ погода далеко не такъ капризна, какъ у насъ *). Не только времена года, но даже и болѣе мелкія ихъ подраздѣленія выказываютъ въ Китаѣ, относительно времени своего наступленія, несравненно большую правильность. Китаецъ знаетъ, какъ нельзя лучше, напередъ, въ какой именно день ему придется замѣнить свою одежду болѣе легкой или болѣе теплой. Извѣстно заранее, сколько разъ будетъ итти дождь весною и осенью.

---

*) Иезуитскій патеръ Лебукъ, написавшій въ 1880 году книгу, озаглавленную „*Vie de Monseigneur Dubard*“ (Житіе епископа Дюбара), дѣлаетъ по поводу погоды въ Китаѣ такое же замѣчаніе; прибавляя, однако, что за послѣднее десятилѣтіе въ общемъ ея ходъ стали замѣчаться, повидимому, довольно значительныя отклоненія отъ правильности.

Расчеты эти въ очень рѣдкихъ лишь случаяхъ оказываются ошибочными.

Самыя страшныя изъ климатическихъ бѣдствій для Китая — это засухи. Онѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ зимнихъ снѣговъ. Когда на тибетскихъ горныхъ высяхъ, откуда берутъ начало обѣ громадныя рѣки, орошающія Китай, скопится мало снѣга, или же когда снѣга эти растаютъ слишкомъ быстро—всѣ мелкія рѣчки и каналы оросительной системы Срединнаго Царства вскорѣ пересыхаютъ. Странѣ угрожаетъ тогда неминуемый голодъ, если только не выпадутъ, такъ сказать, сверхкомплектные дожди. Никакого средства къ предотвращенію засухи китайцы придумать не могли. Наводненія, причиняемыя также тибетскими снѣгами, когда они скопляются въ слишкомъ большихъ количествахъ или же таютъ слишкомъ быстро, дѣлаютъ сравнительно менѣе зла, несмотря на опустошенія, которыя они производятъ среди такого густого населенія какъ китайское. Имъ противодействуютъ до извѣстной степени каналы, обширные водоемы и воздвигнутыя вдоль рѣкъ береговыя плотины. Къ тому же, какъ только спадетъ вода, крестьяне приводятъ въ порядокъ свои поля и засаживаютъ ихъ вновь молодыми растеньицами, выписанными изъ мѣстъ, не пострадавшихъ отъ наводненія. Въ нѣсколько дней слѣды произведенныхъ имъ опустошеній изглаживаются какъ бы волшебствомъ, къ величайшему изумленію присутствующихъ европейцевъ. Сильные дожди почти никогда не бываютъ настолько продолжительными, чтобъ причинить большіе убытки земледѣльцамъ. Обыкновенно дождевая вода не застаивается на поляхъ, а благополучно стекаетъ съ нихъ по отводнымъ каналамъ и рѣчкамъ. Что касается до раннихъ и позднихъ морозовъ, а также до града, то

китайцы не защищаютъ отъ нихъ своихъ полей соломенными циновками или покрывками, употребляемыми въ садоводствѣ для грядъ и парниковъ. Безъ сомнѣнія они сдѣлали бы это, еслибъ упомянутыя метеорологическія явленія случались въ Китаѣ такъ же часто, какъ въ Европѣ. При существующихъ, однако, тамъ условіяхъ они стараются исправить вредъ, причиненный градомъ, посадкой новыхъ растений изъ питомниковъ, т. е. тѣмъ же способомъ, который употребляется у нихъ, чтобы загладить опустошенія, причиненныя наводненіемъ.

VII.

Вода, земля и удобреніе, съ одной стороны, время, пространство, климатъ и сельско-хозяйственныя орудія съ другой—таково богатое наслѣдіе, оставленное предками китайскаго народа своимъ потомкамъ. Весьма важно обратить вниманіе на то, что въ Китаѣ человѣкъ не зависитъ отъ этихъ общихъ естественныхъ условій, съ которыми въ другихъ странахъ ему приходится скорѣе считаться, чѣмъ употреблять на свою пользу, которыя такъ часто дѣлаютъ его своимъ рабомъ и жертвой. Китаецъ же, дѣйствительно, подчинилъ ихъ своей власти. Вода въ своемъ теченіи соображается съ его потребностями, онъ дѣлаетъ съ землей то, что ему заблагоразсудится, онъ смѣтается надъ климатомъ, время для него ничто, онъ наполняетъ пространство и почти уничтожилъ необходимость въ орудіяхъ производства *).

---

*) Съ какими-нибудь пятидесятью франками, считая въ томъ числѣ и уплачиваемый нормальный налогъ, можно въ Китаѣ обработать и засѣять поле, достаточное для содержанія семьи изъ двухъ

Всѣ эти препятствія исчезли. Никогда человѣку не удалось одержать болѣе блестящей побѣды. Общество, вдохновленное основавшими его мудрецами, подготовило эту побѣду, съ этой именно цѣлью оно и предоставило себѣ коллективное право собственности надъ землей, обезпечивъ каждому возможность пользованія ею. Для этого то оно, поборовъ свое отвращеніе, и держало въ такой чести удобреніе, возбуждающее въ насъ лишь презрѣніе. Нигдѣ общество не сдѣлало столько для отдѣльнаго лица, нигдѣ отдѣльная личность не обязана ему въ такой степени своимъ существованіемъ и свободой. Но всѣмъ этимъ не исчерпываются еще заслуги общества.

Какъ уже упомянуто въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, трудъ считается у китайцевъ не наказаніемъ, а священнымъ долгомъ, на который небо благословило человѣческій родъ. Мы видѣли къ тому же, что механическое, мышечное усиліе, составляющее дѣйствительно тягостный трудъ, сведено въ работѣ китайскаго крестьянина къ сравнительно ничтожнымъ размѣрамъ. Да и можетъ развѣ какой-либо трудъ быть тягостнымъ для того, кто увѣренъ, что воспользуется его плодами и знаетъ, что плоды эти не будутъ отняты у него богачемъ тунеядцемъ или же превратностями погоды? Въ условіяхъ, въ которыхъ находится китайскій земледѣлецъ, трудъ его принимаетъ совершенно иной, болѣе интеллектуальный характеръ. Онъ становится не столько механической работой, сколько дѣломъ, требующимъ вниманія, разумнаго ухода, ловкости, смѣтки и даже изящнаго вкуса. Избавившись отъ

или трехъ человѣкъ. Я уже говорилъ и объясню еще впоследствии, что вопросъ объ орудіяхъ, потребныхъ для ремесленнаго производства, разрѣшенъ въ Китаѣ такимъ же образомъ, какъ и вопросъ о земледѣльческихъ орудіяхъ.

утомительнаго физическаго труда и не менѣе тягостныхъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, китайскій крестьянинъ сдѣлался артистомъ и до извѣстной степени даже ученымъ. Никто не могъ бы уловить съ большею точностью физиологическій моментъ наиболѣе удобный для пересаживанья риса, никто не въ состояніи былъ бы такъ хорошо угадать нужды пшеничнаго растеньица. Опрятность у него на поляхъ доведена до кокетства. Чтобы корнеплодные растенія могло примѣниться къ условіямъ обычной въ Китаѣ мелкой запашки, земледѣлецъ измѣнилъ ихъ форму, передѣлалъ ихъ по своему вкусу, какъ передѣлываетъ ваятель находящійся у него въ рукахъ комокъ глины. Корневища изъ длинныхъ сдѣлались короткими, толстыми, шарообразными, изумляющими своей громадностью. Китайскій крестьянинъ привелъ въ домашнее состояніе многія растенія, остающіяся для насъ еще дикими. Онъ заставилъ ихъ производить съѣдобные листья, плоды или корни *).

Переходя затѣмъ къ животнымъ, замѣтимъ, что онъ смягчилъ характеръ буйвола, сдѣлавшагося такимъ же покорнымъ и смирнымъ, какъ нашъ домашній быкъ. Онъ обратилъ въ домашнее состояніе насѣкомыхъ, казавшихся къ тому менѣе всего пригодными: бабочку обыкновеннаго шелковичнаго червя, которую мы отъ него заимствовали, и бабочку дубоваго шелковичнаго червя, которой мы до сихъ поръ не сумѣли воспользоваться, восковую кошениль, такую же мелкую и хрупкую какъ тля, живущая на розанахъ, но еще менѣе замѣтную въ теченіе одного

---

*) Такъ, одинъ изъ видовъ болотнаго тростника доставляетъ китайцамъ столовую овощь на подобіе спаржи или козелеца. Точно такъ же китайцы воздѣлываютъ и употребляютъ въ пищу корни кувшинчика, мясистые плоды *trapa bicornis* и т. д.

изъ періодовъ своего существованія, Китаецъ заставилъ всѣхъ этихъ дѣтей воздуха *), какъ онъ ихъ называетъ, платить ему дань, ежегодная цѣнность которой составляетъ многія сотни милліоновъ франковъ. Вотъ что предлагаетъ отдѣльная личность обществу въ возвратъ за полученныя отъ него благодѣянія. Дѣйствительно, всѣ эти побѣды, одерживаемыя ежедневно, принадлежать всецѣло инициативѣ отдѣльной личности, являются плодами его терпѣнія, наблюдательности, доброй воли и тщательнаго изслѣдованія. Коллективное общество, несмотря на все свое могущество, оказалось бы тутъ безсильнымъ. Ему надлежало исполнить давно уже законченныя теперь колоссальныя работы, требовавшія громаднаго напряженія силъ. Остающіяся теперь работы требуютъ только искусства и смѣливости, и вотъ они то и выпадаютъ на долю отдѣльной личности. Мы видимъ здѣсь рѣзкую грань между сферами коллективнаго и частнаго труда. Теперь коллективное общество, видимая и дѣятельная роль котораго снизошла до строго необходимаго минимума, какъ бы совершенно ступшевывается. Напротивъ того, въ сферѣ частнаго труда является въ полномъ блескѣ торжество человѣка надъ вещью, возвышеніе отдѣльной личности не надъ обществомъ, но въ обществѣ и чрезъ его посредство. Я имѣлъ уже случай указать на эту, повидимому единственную въ мірѣ, эволюцію, а теперь представляю читателю обстоятельное ея доказательство равно какъ и способъ, которымъ она произошла.

Китаецъ является артистомъ не только по отношенію къ земледѣльческой своей промышленности. Возь-

---

*) Тіеннь-сэ, что значитъ въ буквальному переводѣ дѣти неба.

мемъ напрімѣръ весь округъ Уангъ-Мо-Хи. Скажите на милость, можно ли гдѣ-нибудь найти болѣе гармоническое сочетаніе природы съ дѣломъ рукъ человѣческихъ? Вотъ передъ нами домъ Уангъ-Мингъ-Це. Развѣ не чувствуете вы между нимъ и всѣмъ, что его окружаетъ, такого тѣснаго согласованія, которое какъ бы исключаетъ возможность отдѣлить даже мысленно одинъ предметъ отъ другого? Домъ стоитъ на склонѣ холма, какъ разъ на своемъ мѣстѣ, и построенъ именно такъ, какъ слѣдовало. Тотъ, кто его строилъ, не ошибся въ своихъ расчетахъ. Домъ этотъ можетъ, какъ говорится, и себя показать и людей посмотрѣть. Онъ стоитъ среди маленькой группы изъ пяти или шести нѣсколько меньшихъ домиковъ, не далѣе какъ въ ста шагахъ отъ cadaго изъ нихъ, и очевидно можетъ быть только мирнымъ и гостепріимнымъ жилищемъ, вполне достойнымъ его обитателей, съ которыми мы имѣли уже случай познакомиться. Наружный его видъ до такой степени соотвѣтствуетъ ихъ характеру, что мнѣ было бы ужасно тяжело на душѣ, еслибъ соотвѣтствіе это въ дѣйствительности не подтвердилось. Еслибъ эта ферма была моя, я не промѣнялъ бы ее ни на что въ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ одной изъ сосѣднихъ фермъ. Обитатели ея не лишены извѣстнаго образованія. Глава семьи даже ученый, всѣ много читали и хорошо знакомы со своими національными поэтическими произведеніями.

Китайцы обожаютъ цвѣты и употребляютъ ихъ всюду. Они открыли между цвѣтами и живыми существами множество аналогій. Не рѣшаюсь сообщать съ какимъ цвѣткомъ сравнили они вашего покорнѣйшаго слугу. Что же сказать о почетѣ, которымъ пользуются у нихъ звѣзды? Отъ театра китайцы безъ ума. Вамъ, можетъ быть, уже

извѣстно, что полишинель, петрушка и арлекинъ заимствованы европейцами, у китайцевъ *). Сколько разъ мнѣ самому случалось на нихъ засматриваться! Маленькія дѣти въ Китаѣ знакомы съ баснями, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ вѣковъ. Хотите знать заготовки нѣкорыхъ изъ нихъ? «Кошка и мышь», «Слѣпой и хромой», «Два пріятели», «Заяцъ и черепаха», «Оселъ въ львиной шкурѣ», «Черепаха и двѣ утки», «Устрица и двое прохожихъ» и т. п. Васъ это удивляетъ, читатель? Вы можете быть думали, что басни эти изобрѣтены у насъ? А китайскіе рассказы про добрыхъ и злыхъ волшебницъ, про эльфовъ, подземныхъ духовъ и т. п. Послушавши ихъ, только и остается воскликнуть вмѣстѣ съ Соломономъ, что нѣтъ ничего новаго подъ луной! Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ, существуютъ, повидимому, и эти повѣрья. Откуда они взялись? Изъ Китая, Индіи или же изъ Европы? Этого никто не знаетъ, да не къ чему особенно и любопытствовать. Такія же точно соображенія приходятъ на умъ по поводу народныхъ китайскихъ сказокъ. Еслибъ позволило мѣсто, я познакомилъ бы васъ съ одною изъ нихъ, которая представляетъ разительное сходство съ похождениями Али-Бабы и сорока разбойниковъ въ арабскихъ сказкахъ изъ «Тысячи и одной ночи». За то возьму на себя смѣлость познакомить васъ съ одной изъ китайскихъ легендъ.

Надо вамъ сказать прежде всего, что для китайскаго уха звонъ металла обладаетъ совершенно особымъ очарованьемъ. Китайцамъ слышится дивная симфонія въ звукѣ гонга. Когда ударять въ самую середину этого оглуши-

---

*) См. „Путешествіе лорда Маркатнея въ Китай“, а также Denny's „Social life in China“ и т. д.

тельного для насъ инструмента, то звуковыя волны распространяются отъ центра къ окружности по кругамъ разной величины и разнаго тембра, соотвѣтственно выковѣ, которая придана была мастеромъ этому инструменту. Китайцы восторгаются этими звуками и прислушиваются къ нимъ даже тогда, когда они исчезли и разсѣялись въ воздухѣ, въ которомъ, рано или поздно, должны разсѣяться всѣ формы и всѣ звуки, всѣ люди и всѣ вещи. Колокольный звонъ дѣйствуетъ на нихъ подобнымъ же образомъ, но еще могущественнѣе возбуждая въ нихъ еще болѣе серьезное настроеніе. Когда съ высоты башенъ, на которыхъ помѣщаются колокола, раздается ихъ звонъ, медленно ударъ за ударомъ разносящійся въ пространствѣ, мысль воздымается вмѣстѣ съ нимъ и возносится также надъ землею юдолю. Душа чувствуетъ себя взволнованной и потрясенной какими то смутными, таинственными воспоминаніями. Она, такъ сказать, не прислушивается уже къ музыкальнымъ аккордамъ, а какъ бы стремится разгадать таинственныя созвучія этихъ воспоминаній съ собственной ея сущностью. Китайцы чувствуютъ все это и, подобно большинству народовъ употребляютъ колокола для выраженія религіозныхъ своихъ чувствъ.

Празднества ихъ народнаго религіознаго культа чувствуются между прочимъ и колокольнымъ звономъ. Чтобы указать высокое назначеніе своихъ колоколовъ, китайцы украшаютъ ихъ выпуклыми или врѣзанными надписями, напоминающими важныя историческія событія. Самые большіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самые знаменитые въ Китаѣ колокола находятся въ Кантонѣ и въ Пекинѣ. Двое изъ пекинскихъ колоколовъ имѣютъ не менѣе 18—20 футъ вышины. Колокола эти покрыты сплошь историческими

надписями, и когда ударяють въ нихъ по случаю большихъ празднествъ въ честь человѣчества, какъ на примѣръ въ день Новаго года, въ праздникъ Земли, Земледѣлія, и т. п., звонъ ихъ имѣеть совершенно опредѣленное значеніе. Это звучать надписи, отлитыя въ бронзѣ. Въ нихъ говоритъ могучій голосъ предковъ совершенно внятно для китайцевъ. Къ несчастію даже и къ самымъ чистымъ поэтическимъ мнѣямъ легко примѣшиваются разныя суевѣрія. Такъ, въ народѣ ходитъ повѣрье, будто человѣкъ, или по крайней мѣрѣ человѣческая кровь, въ сплавѣ съ колокольнымъ металломъ, обезпечивають успѣшность отливки и придаетъ кококоламъ большую звучность и музыкальность. О какомъ таинственномъ союзѣ между настоящимъ и прошедшимъ символически свидѣтельствуетъ эта кровавая жертва? Это могли бы вѣроятно объяснить лишь немногіе даже изъ китайскихъ ученыхъ. Какъ бы ни было, съ этими повѣрьями связана слѣдующая легенда.

Богдыханъ Юнгъ-Ло, третій изъ династіи Минговъ, царствовавшій съ 1403 по 1425 года нашей эры, страстно любилъ колокола. Онъ приказалъ отлить пять громадныхъ колоколовъ, наименьшій изъ которыхъ вѣсилъ болѣе 75,000 килограммъ. Отливка перваго колокола, башню для котораго только что построилъ богдыханъ, поручена было мандарину Хуангъ-Ю. Первая попытка отлить колоколъ не удалась. Вторая, произведенная спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тоже не увѣнчалась успѣхомъ. Оба раза металлъ оказался весь въ пузыряхъ и дыркахъ. Раздраженный богдыханъ объявилъ, что въ случаѣ третьей неудачи прикажетъ отрубить головному виновному мандарину. Разумѣется на эту угрозу не стоило обращать серьезнаго вниманія. Мало ли что можетъ сказать раздраженный богдыханъ! Къ тому же богдыханъ этотъ

былъ въ нормальномъ состояніи мудрымъ государемъ. Онъ велѣлъ уничтожить сочиненія по алхиміи, вводившія народъ въ заблужденіе, и кассировалъ монашескіе обѣты всѣхъ бонзовъ, удалившихся въ монастырь прежде сорокалѣтняго возраста. Самъ Юнгъ-Ло очень уважалъ науку и ученыхъ, а потому нельзя было опасаться, чтобы онъ вспомнилъ о своей угрозѣ и вздумалъ привести ее въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе достопочтенный мандаринъ Хуангъ-Ю могъ легко впасть въ немилость. Во всякомъ случаѣ, опасеніе новой неудачи, долженствовавшей компрометтировать еще болѣе его репутацію, являлось достаточнымъ поводомъ къ грусти, которую онъ не въ силахъ былъ скрывать.

У мандарина была дочь, которую онъ очень любилъ. Дѣвушкѣ, прелестной какъ первый цвѣтокъ квитоваго дерева, всего лишь было шестнадцать лѣтъ отъ роду. Дѣвушка эта, Куэ, видя, что отецъ ея груститъ, постаралась разузнать причину печальнаго его настроенія. Узнавъ въ чемъ дѣло, она, не задумываясь долго, пошла къ знаменитому въ то время астрологу освѣдомиться, чѣмъ именно были обусловлены первыя двѣ неудачи въ отливкѣ колоколовъ и какъ предотвратить третью неудачу. Астрологъ отвѣтилъ, что и въ третій разъ отливка будетъ такъ же безуспѣшна, какъ оба предшествовавшіе раза, если только въ колокольный металлъ не будетъ примѣшана кровь дѣвственницы. Опасаясь, что богдыханъ выполнитъ свою угрозу, Куэ страшно перепугалась и, чтобы спасти отца, рѣшилась принести себя въ жертву.

Получивъ отъ мандарина разрѣшеніе присутствовать при отливкѣ колокола, дѣвушка бросилась въ потокъ расплавленнаго металла. Катастрофу эту описываютъ слѣдующимъ образомъ: «Когда расплавленный металлъ устре-

мился въ приготовленную для него форму, среди окружающих водворилось мертвое молчаніе. У всѣхъ присутствовавшихъ замеръ духъ и въ стѣсненной груди остановилось біеніе сердца. Внезапно Куэ ринулась съ своего почетнаго мѣста въ свистѣвшій и кипѣвшій огненно-жидкій металлъ, восклицая: «Дѣлаю это для отца»! Тщетно одинъ изъ присутствовавшихъ старался ее удержать. Ему удалось только схватить ее за ножку, да и та выскользнула, такъ что въ рукахъ остался одинъ башмачекъ. Обезумѣвшій отъ горя отецъ хотѣлъ послѣдовать примѣру дочери, но его успѣли остановить и отвести домой въ состояніи полного умопомѣшательства. Предсказаніе астролога однако же подтвердилось. Никогда еще до того времени не удавалось отлить такого прекраснаго колокола. За то отъ бѣдняжки Куэ не осталось и слѣда. Вся она цѣликомъ вошла въ составъ колокольнаго металла. Съ того самаго раза, какъ только начали звонить въ этотъ колоколъ, у него, вслѣдъ за громкимъ мощнымъ первымъ звукомъ, слышится всегда еще второй звукъ: жалобный и протяжный, нѣжный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный глубокой скорби, — словно стонъ умирающей дѣвушки. Въ немъ ясно слышится слова «цзіэ, цзіэ!» т. е. «башмачекъ, башмачекъ»! Это бѣдняжка Куэ просить, чтобъ ей возвратили ея башмачекъ.

Такова легенда о колоколѣ, извѣстная почти каждому китайцу. Въ Фо-Кіенѣ вамъ ее разкажутъ въ каждомъ сельскомъ или городскомъ домѣ, въ которомъ вамъ заблагоразсудится о ней освѣдомиться. Легенды о драконахъ пользуются однако въ Китаѣ еще большей популярностью.

Чтобъ пересказать всѣ эти легенды, потребовалась бы цѣлая книга, а между тѣмъ трудно выбрать какую-либо

одну изъ нихъ, не упоминая объ остальныхъ. Чѣмъ руководствоваться при такомъ выборѣ? Отдать ли предпочтеніе тѣмъ легендамъ, гдѣ замѣчается сходство съ халдейскими, персидскими, египетскими и греческими мифами, или же тѣмъ, которыя напоминаютъ католическія, римскія, древне-саксонскія и т. п. преданія?

Есть китайскіе драконы, которые стерегутъ клады, подобно юрской Вуиврѣ и дракону Золотого Руна; есть и такіе, которые пожираютъ людей, подобно злему Гивру въ гербѣ города Милана, змѣю, поражаемому св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ и мецскому Граули. Есть драконы, враждующіе съ солнцемъ и луной. Драконовъ этихъ, причиняющихъ затменія, китайцы прогоняютъ ударами въ гонгъ, подобно тому, какъ римляне прогоняли ихъ трубными звуками. Наконецъ, у китайцевъ имѣется и добрый драконъ, подобный змѣю, служившему, по еврейскимъ и древне-галльскимъ преданіямъ, символомъ жизни. Онъ является символомъ единого, совокупнаго человѣка, рассматриваемаго какъ божество, атрибуты котораго символически изображаются змѣинымъ его туловищемъ, крыльями и карбункуломъ или державой на его головѣ. Вдаваться въ подробности завлекло бы меня уже слишкомъ далеко, такъ какъ, сопоставляя китайскіе мифы съ самыми поэтическими мифами другихъ народовъ, я имѣлъ только въ виду показать, что, по части воображенія, китайцы, эти земледѣльцы по преимуществу, не уступаютъ народамъ, отличающимся самой богатой фантазіей. Несомнѣнно, что въ сферѣ воображенія, искусства и поэзіи есть много другихъ сторонъ, на которыхъ я въ данномъ случаѣ не останавливался, но позволительно надѣяться, что сказаннаго мною будетъ вполне достаточно для простого очерка крестьянскаго быта въ Среднемъ

Царствѣ. Мы знаемъ теперь, что именно въ этомъ быту, опредѣляющемъ положеніе и состояніе семьи Уангъ-Мингъ-Це, зависятъ отъ общественныхъ, экономическихъ и физическихъ мѣстныхъ условий, намъ извѣстно какой является, подъ вліяніемъ этихъ условий, личная дѣятельность земледѣльца. Нѣсколько словъ и цифръ объяснить намъ все остальное. Это будетъ, собственно говоря, подробное исчисленіе, документальный перечень получаемыхъ семей доходовъ.

VIII.

Участокъ, обрабатываемый семьей Уангъ-Мингъ-Це, состоитъ изъ 29 меу (1,94 гектара), принадлежащихъ ей въ собственность. Изъ этого числа 11 меу расположены въ долину, а 18 лежатъ на холмѣ *). Земля въ долину вся орошается посредствомъ каналовъ и стоитъ не менѣе 400 франковъ за меу. На холмѣ всего лишь 5 меу не орошаются непосредственно, а только съ помощью ручной поливки. Остальные 13 меу засажены чай-

---

*) Это отношеніе между количествами земли, находящимися въ долину и на холмѣ, нѣсколько уклоняется отъ нормальнаго для мѣстности, гдѣ лежитъ Уангъ-Мо-Хи. Округъ этотъ и весь вообще Фо-Кіень, собственно говоря, страна гористая, такъ что долины тамъ занимаютъ сравнительно малое протяженіе. Въ большинствѣ другихъ сосѣднихъ округовъ преобладаютъ за то равнины или же широкія долины. Не бесполезно, быть можетъ, замѣтить, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ земля перваго сорта, на которой рисъ даетъ урожай отъ 3500 до 4500 килограммъ съ гектара, покупается среднимъ числомъ по 6000 — 6500 франковъ за гектаръ, тогда какъ за гектаръ земли втораго сорта, съ котораго собирается всего лишь отъ 1800 до 2500 килограммъ рису, платятъ отъ 4 до 5 тысячъ франковъ. Въ Уангъ-Мо-Хи и на холмахъ почти вся земля принадлежитъ къ одному изъ этихъ двухъ сортовъ.

ными кустами, и цѣнность ихъ зависитъ отъ возраста этихъ насаждений. Чайныя плантаціи даютъ полный сборъ лишь на четвертомъ году. Въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ съ нихъ не получается никакого дохода, а на восьмомъ году обыкновенно приходится замѣнять устарѣвшіе кусты новыми, молодыми. Въ немногихъ лишь случаяхъ оставляютъ чайные кусты до десятаго года, если этому благоприятствуетъ почва. Изъ 13 меу, засажженныхъ чайными кустами, два стоятъ по 210 франковъ, три по 360, другіе три по 390, еще три по 420 и два послѣднихъ по 480 франковъ. Такимъ образомъ вся чайная плантація представляетъ собой цѣнность въ 4890 франковъ, а всѣ 29 меу въ участкѣ Уангъ-Мингъ-Це—10.790 франковъ.

Читатель найдетъ въ концѣ книги всѣ подробности, относящіяся до земледѣльческаго хозяйства на этомъ участкѣ, до способовъ обработки каждаго поля и до получаемого съ него дохода, рассчитаннаго по вѣсу и цѣнности каждаго урожая. Необходимо однако повторить здѣсь сдѣланное уже мною въ одномъ мѣстѣ замѣчаніе. Подобно всѣмъ китайскимъ крестьянамъ, Уангъ-Мингъ-Це не ограничиваются продажей добываемыхъ ими сырыхъ продуктовъ. Они стараются по возможности ихъ предварительно обработать. Они не всегда перегоняютъ сами второй сортъ риса, изъ котораго въ Китаѣ выдѣлывается водка, такъ какъ фабрикація спиртныхъ напитковъ у нихъ по сосѣдству, равно какъ и во многихъ округахъ, производится въ крупныхъ размѣрахъ заводскимъ способомъ. Имъ выгоднѣе поэтому продавать свой рисъ прямо на водочный заводъ. Это однако исключительный случай. Они сами выдѣлываютъ масло и сахаръ, сами прядуть пеньку, хлопокъ и шелкъ. Что прикажете дѣлать?

Никто не ознакомилъ ихъ съ увлекательными теоріями западно-европейской политической экономіи. Не вѣдая самыхъ основныхъ ея принциповъ, они не имѣютъ надлежащаго понятія о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ раздѣленія труда. Правда, что мы, съ помощью нашихъ машинъ и прессовъ, нагрѣваемыхъ паромъ, добываемъ со ста килограммъ сурѣпнаго зерна 30 килограммъ масла, тогда какъ китайцы выжимаютъ на своихъ маслобойняхъ, приводимыхъ въ дѣйствіе буйволомъ, всего какихъ нибудь 25 и не болѣе 28 килограммъ. Хромая такимъ образомъ по части политической экономіи, китайцы прекрасно знаютъ свою общественную экономію. Если промышленныя производства стоятъ у китайцевъ на болѣе низкой степени развитія чѣмъ у насъ, за то въ земледѣліи они значительно насъ перещеголяли. Къ тому же у нихъ имѣется во всемъ этомъ своего рода расчетъ. Удерживая по возможности промышленность въ деревнѣ, они сохраняютъ тамъ рабочія руки, въ которыхъ, въ страдное время, могъ бы оказаться недостатокъ, еслибъ онѣ были сосредоточены на большихъ фабрикахъ и заводахъ. При этомъ избѣгаются также безработицы, которыми отъ времени до времени страдаютъ всѣ производства, обособившіяся отъ земли. Какъ бы ни было, при китайской системѣ хозяйства гектаръ, засѣянный сурѣпой, даетъ 2250 килограммъ зерна, тогда какъ при нашей системѣ съ него получается всего лишь 1400 или 1500 килограммъ. Въ концѣ концовъ китайцы оказываются въ барышахъ, такъ какъ у нихъ выходитъ масла съ гектара оказывается на 100 килограммъ больше, чѣмъ у насъ. Земледѣліе называютъ первою изъ всѣхъ отраслей промышленности. Надо побывать въ Китаѣ, чтобы убѣдиться, до какой степени это справед-

ливо. Мы привели уже этому одинъ примѣръ и можемъ, не выходя отъ Уангъ-Мингъ-Це, отыскать еще и другой—въ сахарномъ производствѣ. Два, поворачиваемые буйволомъ жернова, раздавливающіе сахарный тростникъ, три котла для варки, сгущенія и очистки сока, пере-ливаемого изъ одного котла въ другой, и печь, отопли-ваемая соломой, вотъ вамъ всѣ аппараты китайскаго са-харнаго завода. Яичный бѣлокъ для очищенія сока и нѣкоторое количество извести, содѣйствующей очище-нію и кристаллизациі сахара, представляютъ собою един-ственные, употребляемые при этомъ производствѣ, хи-мическія принадлежности. Понятно, что такими допо-топными способами нельзя получить изъ ста кило-граммъ тростника болѣе пяти килограммъ сахара. Про-центъ этотъ тѣмъ ничтожнѣе, что китайскій сахар-ный тростникъ чрезвычайно сладокъ. Говорятъ, что на Гваделупѣ, употребляя химическое удобреніе, выращи-ваютъ тростникъ, содержащій до 18% сахару *).

Не могу навѣрное сказать, сколько процентовъ са-хару содержится въ китайскомъ тростникѣ. Знаю только, что ни въ одной изъ посѣщенныхъ мною тропическихъ странъ мнѣ не случилось отвѣдывать болѣе сладкаго. Весьма вѣроятно, что упомянутый уже мною китайскій способъ добыванія сахара оставляетъ значительное его количество въ выжимкахъ, идущихъ на кормъ животнымъ. Несмотря на это, съ cadaго меу сахарной плантаціи получается 230 килогр. свѣтло-коричневаго сахара, на-поминающаго цвѣтомъ кофе, сильно разбавленный мо-локомъ. Съ гектара должно получиться по этому ра-счету около 3400 килогр. Между тѣмъ на Антильскихъ

---

*) Les engrais chimiques (химическія удобрения) G. Ville.

островахъ и о-въ Соединенія (Réunion), получается при употребленіи обыкновеннаго фермерскаго удобрения, не болѣе 2800—3000 килогр. сахара съ гектара. Такимъ образомъ и здѣсь совершенство приемовъ земледѣльческаго хозяйства вознаграждаетъ съ лихвою несовершенство приемовъ промышленнаго производства и оставляетъ въ рукахъ земледѣльца сравнительно большій барышъ, который въ концѣ концовъ идетъ въ пользу самой землѣ. Цѣна сахара въ Китаѣ, составляющая всего лишь 25 сантимовъ за килограммъ, настолько ничтожна, что значительное количество китайскаго сахара вывозится въ Индію и Калифорнію. Въ 1861 году вывезено было изъ двухъ лишь портовыхъ городовъ Кантона и Свату 27000 килогр. сахару. Бѣлый сахаръ стоитъ немного дороже, а именно около 35 сантимовъ за килограммъ.

Позволительно было бы задать вопросъ, отчего китайцы не могутъ достигнуть такого же совершенства въ области промышленнаго труда, какого они достигли уже въ земледѣліи? Теоретически это для нихъ было бы вполне возможно, но только лишь въ случаѣ, если дорого стоящія могущественныя паровыя машины были бы въ состояніи ужиться съ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, мелкой поземельной собственностью и всѣми китайскими порядками. Возможность этого на практикѣ далеко еще не выяснена, и это большое счастье для Европы, такъ какъ, еслібъ китайцы убѣдились въ умѣстности преобразовать свою промышленность на европейскій образецъ, то передъ европейцами оказалась бы слѣдующая дилемма: пришлось бы или погибнуть въ неравной борьбѣ или же, надѣливъ Китай усовершенствованными способами промышленнаго производства, надо было

бы заимствовать въ свою очередь китайскіе земледѣльческіе, экономическіе и соціальные порядки. Быть можетъ не мѣшало бы заблаговременно подумать объ этомъ заимствованіи. Я уже какъ то упоминалъ объ этомъ, но дѣло настолько важно, что не грѣхъ напомнить вторично.

Не къ чему, однако, преждевременно тревожиться: китайцы народъ очень консервативный и не падкій на нововведенія. Кромѣ того самый способъ ихъ земледѣльческаго хозяйства, потребности этого хозяйства и доставляемые имъ барыши—обеспечиваютъ ихъ отъ увлеченія производствами, которыя могли бы отрывать рабочія руки отъ земледѣлія. Возьмемъ на примѣръ воздѣлываніе чая. Сборъ чая сравнивали часто со сборомъ винограда въ юго-западной Европѣ. Сравненіе это совершенно вѣрно какъ съ точки зрѣнія доставляемыхъ выгодъ, такъ и по отношенію къ обстоятельствамъ, сопровождающимъ этотъ сборъ. Вся разница въ томъ, что, на примѣръ, во Франціи виноградныя лозы иногда совершенно погибаютъ, такъ что владѣльцы виноградниковъ, доведенные и разоренные въ конецъ, бросаютъ воздѣлываніе этого растенія. Въ Китаѣ нѣтъ ни морозовъ, ни филлоксеры, которые уничтожали бы сборы чая. Угрожающія ему опасности таковы, что, дѣйствуя энергически и быстро, человѣкъ можетъ ихъ предотвратить, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени.

Сырая и холодная погода, обуславливая медленный ходъ растительныхъ процессовъ и неравномѣрное развитіе листьевъ, понижаетъ достоинство, а слѣдовательно и цѣнность чая. Къ тому же самый сборъ идетъ медленнѣе и обходится дороже, такъ какъ необходимое по нормальному расчету число рабочихъ заподряжено заранѣе и должно во всякомъ случаѣ получить условленную плату.

Сырая и жаркая погода, при которой растительность развивается съ быстротою молніи, точно также чрезвычайно опасна. Тогда уже приходится не собирать чай, а спасать его съ возможною поспѣшностью отъ чрезмѣрнаго развитія, при которомъ листь становится жесткимъ и непригоднымъ для рыночной продажи. Какъ бы ни было велико число рабочихъ, въ нихъ постоянно оказывается тогда недостатокъ. Можно сказать, впрочемъ, что и при нормальныхъ условіяхъ сбора (происходящаго въ четыре приѣма) во второй его половинѣ никогда не ощущается избытка въ рабочихъ рукахъ. Эта вторая половина сбора, доставляющая самое большое количество чая, имѣетъ особенно важное значеніе не только для Китая, но также для Европы и для Америки. Смѣю увѣрить, что, въ виду важности обезпечить успѣхъ этого сбора, китайцы не усумнились бы пожертвовать интересами любой отрасли промышленности, какъ бы она ни обѣщала быть выгодной. Къ тому же, еслибъ они этого не дѣлали, что случилось бы тогда съ потребителями чая въ Англіи, Россіи и Соединенныхъ Штатахъ и со всѣми обществами воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаются въ Лондонѣ пароходы съ чаемъ новаго сбора. Тому изъ нихъ, который опередитъ всѣ остальные хотя бы на половину корпуса, выплачивается премія въ 500 тысячъ франковъ. Тѣмъ временемъ на другомъ полушаріи всѣ заняты сборомъ чайныхъ листьевъ. Мужчины и женщины, дѣти и старцы, юноши и молодыя дѣвушки—разсыпаются по холмамъ, причемъ мужчины и женщины работаютъ однако всегда на отдѣльныхъ участкахъ. Зачастую мѣстное населеніе оказывается недостаточнымъ. Къ нему на подмогу являются тогда жители сосѣднихъ равнинъ и долинъ, ко-

торымъ приходится иногда уходить изъ дому мѣли за четыре.

Какъ уже сказано, мужчины и женщины работаютъ отдѣльно. Необходимо, впрочемъ, сдѣлать при этомъ маленькую оговорку. Чайныя плантаціи невелики, хотя обыкновенно онѣ немного обширнѣе, чѣмъ плантаціи моихъ пріятелей Уангъ-Мингъ-Це. Работая на сосѣднихъ плантаціяхъ, нетрудно обмѣняться взглядомъ, словомъ или даже цвѣткомъ. Иногда въ обѣденное время, во время отдыха подъ открытымъ небомъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью развѣсистаго Ли-чи, вниманіе всѣхъ привлекаютъ звуки туземной гитары, служащія аккомпаниментомъ пѣнію. Съ первыхъ же аккордовъ всѣ узнаютъ любимое китайское Синъ-фа. Пѣвица смолкла, и все общество возвращается снова къ работѣ. Время это для китайцевъ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ для насъ время собиранія винограда. Къ тому же оно совпадаетъ съ работами на рисовыхъ поляхъ. Въ сѣверномъ Китаѣ оканчивается тогда молотба пшеницы, а въ южныхъ пахутъ земли подъ рисъ или занимаются уже пересадкой молодыхъ рисовыхъ растеньицъ въ поля. Черпаки водоподъемныхъ машинъ всюду въ движеніи. Вода плещется, брызжетъ, шумитъ и бѣжитъ повсюду. Какъ голы, печальны и пусты наши сельскіе пейзажи сравнительно съ такими картинами. Желательно было бы посмотрѣть на богача, который осмѣлился бы въ Китаѣ присвоить себѣ родникъ и провести изъ него воду подземными трубами въ свой собственный прудъ, оставляя безъ воды поля, подъ которыми идутъ эти трубы *).

---

*) Въ іюнѣ 1885 г. нѣсколько сотъ гектаровъ земляники въ окрестностяхъ Ссо совершенно выгорѣли отъ засухи, а между тѣмъ

необходима для жизни какъ солнце, земля и воздухъ. Никто не въ правѣ сказать: «она моя». Вода должна быть общимъ достояніемъ. Сознаніе этого глубоко коренится въ китайскомъ народѣ. Сельскій сторожъ, которому поручено крестьянской управой распредѣлять воду по оросительнымъ канавкамъ, никогда не имѣетъ случая подмѣтить даже и малѣйшаго злоупотребленія. Волостная управа, которой приходилось бы пресѣкать такія злоупотребленія, за неимѣніемъ повода къ этому, заботится лишь о содержаніи въ порядкѣ оросительныхъ каналовъ. Расходы на это покрываются взносами съ землеуладѣльцевъ, уплачивающихъ ежегодно по два сантима съ cadaго меу.

Внезапно раздается ударъ въ гонгъ; изъ-за холма появляется на крутой тропинкѣ торжественная процессія. Послѣ удара въ гонгъ слышатся протяжные клики глашатаевъ, идущихъ впереди. За глашатаями слѣдуютъ оруженосцы, полицейскіе стражники, виднѣются опахала, мандаринскій почетный зонтикъ и самъ мандаринъ. Это губернаторъ или градоначальникъ ближайшаго города. Крестьяне тотчасъ же окружаютъ его. Ставъ на какое-нибудь возвышеніе, онъ держитъ имъ рѣчь о землѣ, общей матери человѣческаго рода, говоритъ о служеніи ей, обязательномъ для cadaго, и увѣщаетъ добросовѣстно относиться къ этому служенію. Онъ говоритъ о рисѣ, пшеницѣ, кукурузѣ, сорго, просѣ и вообще о хлѣбномъ зернѣ, какъ о символѣ мира и единенія между людьми. Вслѣдъ затѣмъ онъ передаетъ наилучшимъ землеуладѣльцамъ, на которыхъ ему уже было указано или тутъ же указывается присутствующими, заслуженные ими знаки

вода текла по трубамъ всего лишь въ нѣсколькихъ футахъ ниже поверхности полей, которыя бы ей слѣдовало орошать.

отличія—большіе куски шелковой ткани съ именемъ удостоившихся награды и соотвѣтствующей надписью. Эти знаки отличія вывѣшиваются въ парадной комнатѣ дома и составляютъ не малую гордость для всей семьи. Наконецъ мандаринъ удаляется. Крестьяне условливаются сообщая, когда именно устроить празднество въ честь отличившихся сотоварищей и отвести ихъ съ торжествомъ въ пагоду буддійскаго святого, покровительствующаго земледѣлію. Этотъ святой, считающійся покровителемъ *пяти зеренъ*, одинъ и тотъ же на всемъ протяженіи Китая.

У чайныхъ плантацій есть также свой особый, покровительствующій имъ святой. Весь сборъ чая состоитъ, собственно говоря, изъ четырехъ послѣдовательныхъ сборовъ. По окончаніи третьяго изъ нихъ устраивается пиршество во дворахъ и галлереяхъ пагоды, посвященной чайному святому, а иногда, за недостаткомъ мѣста, даже и въ окружающихъ улицахъ. Столы и стѣны украшаются при этомъ гирляндами, цвѣтами и плодами.

Каждый изъ участвующихъ проходитъ въ торжественной процессіи мимо статуи святого и предлагаетъ ему чашку чая новаго сбора. Праздникъ этотъ заканчивается, какъ и всѣ прочія китайскія празднества, театральнымъ представленіемъ и пирушкой.

Я позволилъ себѣ немного увлечься сборомъ чая въ надеждѣ, что читатель мнѣ это извинить. Къ причинамъ, долженствующимъ, по моему мнѣнію, уберечь китайцевъ отъ нарушенія вѣрности землѣ, присоединяется еще очарованіе, окружающее тамъ земледѣльческія работы. Какія узы могутъ быть надежнѣе и прочнѣе удовольствія, здоровья и богатства, обезпечиваемыхъ земледѣліемъ въ несравненно большей степени, чѣмъ Любою другою отраслью труда?

Заканчивая главу о земледѣльческомъ хозяйствѣ Уангъ-Мингъ-Це и отсылая желающихъ ознакомиться съ дальнѣйшими подробностями къ приложеніямъ, помещеннымъ въ концѣ книги, считаю необходимымъ, однако, выставить здѣсь на видъ общіе результаты этого хозяйства.

Поля, находящіяся въ долинѣ, приносятъ въ общей сложности доходъ въ 1971 франкъ. Затѣмъ съ чайныхъ плантацій Уангъ-Мингъ-Це получаетъ 3033 франка, а съ остальныхъ нагорныхъ полей—1365 франковъ. Весь же валовой его доходъ достигаетъ почтенной суммы въ 6369 франковъ.

Франкъ не можетъ, однако, служить правильной монетной единицею для Китая и Европы, такъ какъ представляетъ въ нихъ далеко не одну и ту же цѣнность. Умѣстно поэтому привести также и вѣсъ продуктовъ, собранныхъ съ полей. Оказывается, что Уангъ-Мингъ-Це получили: 9910 килогр. рису, 2100 килогр. пшеницы, 1604 килогр. чая, 300 килогр. крупныхъ бобовъ, 160 килогр. кукурузы, 291 килогр. масла, 180 килогр. гречи, 230 килогр. сахару, 180 килогр. табаку, 5000 килогр. ямса, 9600 килогр. рѣпы, 15000 килогр. капусты, 80 штукъ бумажной ткани, 9720 килогр. клевера, 1095 килогр. маслособойныхъ выжимокъ, 1200 килогр. стеблей и листьевъ сорго, сои и сахарнаго тростника на кормъ скоту, 15.000 килогр. рисовой и пшеничной соломы, кукурузныхъ стеблей, бобовины, гречаной соломы (не всегда принимавшихся въ соображеніе при расчетѣ денежной стоимости урожаевъ), а также нѣкоторое количество плодовъ, овощей и т. п. Все это собрано въ одинъ годъ съ земельного участка, поверхностью въ 1 гектаръ и 94 ара, т. е. менѣе чѣмъ въ двѣ десятины.

Сравнивая результаты воздѣлыванія различныхъ растений, нѣкоторые читатели могли бы, пожалуй, спросить, отчего Уангъ-Мингъ-Це не отдаетъ предпочтенія болѣе выгоднымъ, какъ напр. чаю и ямсу? Никто не принуждалъ вѣдь его воздѣлывать также и всѣ прочія растенія, доставлявшія ему сравнительно меньшій доходъ. На это Уангъ-Мингъ-Це могъ бы прежде всего отвѣтить, что наилучшее средство къ сохраненію надлежащей цѣны какому-нибудь продукту — не посылать этотъ продуктъ въ избытокъ на рынокъ, а потому не воздѣлывать его въ слишкомъ большомъ количествѣ. Разумѣется онъ прибавилъ бы къ этому, что разнообразіе воздѣлываемыхъ растений даетъ его семьѣ работу круглый годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо лучше обезпечиваетъ отъ неблагоприятныхъ случайностей, зависящихъ какъ отъ погоды, такъ и отъ состоянія рынковъ, чѣмъ воздѣлыванье какого-либо одного продукта на всемъ участкѣ, а въ особенности, если принять въ расчетъ, что, по снятіи жатвы, пришлось бы замѣнить прежнее воздѣлываемое растеніе новымъ, для котораго потребуется измѣнить соотвѣтственнымъ образомъ 'сельско-хозяйственные принадлежности. Онъ сослался бы на пословицу: «не сади всѣ яйца въ одну корзину». Къ сожалѣнію, у насъ въ Европѣ пословица эта далеко не пользуется такимъ авторитетомъ какъ въ Китаѣ. Можетъ быть также онъ присовокупилъ бы, что не видитъ ничего добраго, великодушнаго, справедливаго, человѣчнаго и, наконецъ, даже выгоднаго въ конкуренціи между друзьями и сосѣдями, которая разстроила бы только сельско-хозяйственные порядки, выработанные многолѣтнимъ опытомъ и усвоенные всѣми.

Кромѣ перечисленныхъ уже полевыхъ продуктовъ, семья Уанговъ получаетъ еще со скотнаго двора и съ птицеводства доходъ въ 773 франка *).

Взявъ въ общей сложности всѣ доходы, получаемые семьей Уангъ-Мингъ-Це съ крестьянскаго своего хозяйства, найдемъ, что они простираются до 7142 франковъ. Разсмотримъ теперь каковы ея расходы.

IX.

Первое мѣсто между ними слѣдуетъ отвести поземельному налогу, падающему почти полностью на поля, которыя лежатъ въ долинѣ или равнинѣ. Поля, засѣваемые рисомъ или же пригодныя для этого, т. е. земли, которыя могутъ быть орошены, оплачиваются нѣсколько большимъ налогомъ. Если они засѣяны рисомъ, налогъ взимается частью натурой, частью же деньгами **). Во всякомъ случаѣ, поземельный налогъ не превышаетъ въ общей сложности 1 франка 13 сантимовъ съ меу и взимается лишь разъ въ годъ съ перваго урожая. Если урожай этотъ ниже посредственнаго, правительство нерѣдко дѣлаетъ скидку съ налога даже и въ томъ случаѣ, когда слѣдующія затѣмъ жатвы оказываются болѣе удовлетворительными. За свои 11 меу въ долинѣ Уангъ-Мингъ-Це платитъ 12 франковъ 65 сантимовъ. Налогъ съ нагорной земли сравнительно ничтоженъ и составляетъ менѣе 5 сантимовъ съ меу. Вся сумма уплачиваемаго поземельнаго налога составляетъ такимъ образомъ лишь 13 фр. 65 сент.

*) См. приложение.

**) Въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ вмѣсто риса воздѣлывается пшеница, просо, кукуруза и т. п., налогъ взимается также на половину натурой, на половину деньгами.

Затѣмъ слѣдуетъ содержаніе въ порядкѣ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей, какъ-то: земледѣльческихъ орудій, мельницы, маслобойни, приборовъ для фабрикаціи чая, прядильныхъ и ткацкихъ станковъ, аппаратовъ для сахарнаго производства, и т. п. Капиталь, затраченный на эти принадлежности, простирается въ общей сложности до 578 фр. Отчисляя 10% на ремонтъ *) найдемъ, что содержаніе сельско-хозяйственныхъ принадлежностей въ порядкѣ должно обходиться среднимъ числомъ ежегодно въ 58 франковъ.

Для обсымяненія полей употреблено было 130 килогр. рису на 26 меу (считая по 5 килогр. на меу). Здѣсь принять во вниманіе и второй посѣвъ. Такъ какъ за 60 килогр. рису илатится 8 фр., то эти 130 килогр. обошлись 17 фр. Затѣмъ 70 килогр. пшеницы для 14 меу (тоже по 5 килогр. на меу) стоили 9 фр., при цѣнѣ 8 фр. за 60 килогр. Остальныя сѣмяна не стоитъ перечислять отдѣльно. Вообще они огуломъ обошлись дешевле 20 фр. Всего же на сѣмяна затрачено 46 фр.

Переходя къ удобренію, замѣтимъ, что не всѣ растенія одинаково требовательны на этотъ счетъ. Растенія, отъ которыхъ желательно получить много листьевъ, какъ напр. кормовыя сорго и соя, а также табакъ и разные сорта капусты нуждаются въ 800 килогр. удобренія на каждое меу. Хлѣба и вообще зерновыя растенія удовлетворяются нѣсколько меньшимъ количествомъ обыкновеннаго удобренія, но за то для нихъ прибавляется нѣкоторое количество минеральныхъ удобреній, какъ напр. золы, извести, ила со дна каналовъ и т. п. Для сахарнаго тростника, кромѣ 800 ки-

---

*) См. приложение.

логр. обыкновеннаго удобренія, прибавляютъ 300 килогр. золы. Для кукурузы, гречихи и гороха кладутъ на меу 500 килогр. удобренія и 150 килогр. золы. Для хлопка требуется лишь 300 килогр., а для пшеницы, посаженной по снятіи клевера, 200 килогр. удобренія; подъ рисъ кладется 600 килогр. удобренія и 150 килогр. золы на каждый меу. По расчетамъ самого Уангъ-Мингъ-Це, ему приходится ежегодно затрачивать на всѣ свои поля до 30.000 килогр. удобренія и 10.000 килогр. золы. И то и другое производится у него дома и не было зачтено въ доходъ, а потому не можетъ быть выведено и въ расходъ. Необходимо принять въ соображеніе лишь то количество золы и удобренія, которое покупается на сторонѣ. 10.000 килогр. удобренія производится самою семьей, наемными рабочими и домашнимъ скотомъ, а 5 тысячъ килогр. золы получается изъ печей или изготовляется изъ разныхъ отбросковъ, какъ напр. старыхъ тряпокъ, костей и т. п., сжигаемыхъ въ закрытыхъ сосудахъ. Двадцать тысячъ килогр. удобренія приходится покупать по 5 фр. за 600 килогр. что составитъ за все количество 166 фр., а 5000 килогр. недостающей золы обходится въ 60 фр. (считая по 12 фр. за 600 килогр.). Такимъ образомъ весь расходъ на удобреніе составляетъ 226 франковъ. Удобреніе привозится на особо-устроенныхъ для этого судахъ изъ сосѣдняго города и даже изъ Фу-Чеу.

Потребная для хозяйства наемная работа слагается изъ двухъ годовыхъ рабочихъ, которымъ платять по 100 фр. каждому, служанки, нанятой за 40 фр. въ годъ, и 60 добавочныхъ наемныхъ рабочихъ дней, причемъ поденную плату взрослыхъ и малолѣтнихъ работниковъ можно положимъ круглымъ числомъ въ 26 сант. въ день,

а въ общей сложной въ 15 фр. Плата за трудъ составить такимъ образомъ 225 фр., разумѣется не принимая въ расчетъ работу самой семьи и содѣйствіе сосѣдей, которымъ Уанги, при случаѣ, оказываютъ подобныя же услуги.

Главнымъ расходомъ является пропитаніе семьи, стоимость котораго въ общей сложности доходить до 1589 фр. *). Раздѣливъ эту сумму на 14 членовъ семьи, получимъ для каждого изъ нихъ годичный расходъ въ 116 фр. За эту сумму на каждого приходится ежедневно, кромѣ вина, сахара, соли, чая, жира, масла и кухоннаго отопленія, 1071 килогр. риса, пшеницы и сушеныхъ овощей, 227 гр. мяса или рыбы, 245 гр. свѣжихъ или соленыхъ овощей и грибовъ, а всего 1543 килогр. на каждую порцію. При этомъ надо однако принять во вниманіе, съ одной стороны, что въ семьѣ, кромѣ взрослыхъ имѣются также старики и дѣти, а съ другой стороны, что изъ этого же числа отпускается 60 обѣдовъ наемнымъ рабочимъ. Кромѣ того, приходится зачастую кормить гостей, такъ какъ семья очень гостепріимная. Въ областяхъ внутренняго Китая, въ урожайный годъ, расходъ на пищу составляетъ не болѣе 100 фр. съ человѣка.

Содержаніе домашняго скота, считая одинъ прокормъ, обходится 552 фр. 20 сант. **).

При этомъ еще двѣ статьи расхода упущены по незнанію, куда именно ихъ отнести. Одна изъ нихъ касается приготовленія чая. За исключеніемъ перваго сбора такъ-называемаго цвѣточнаго чая, который су-

---

*) См. приложение.

**) См. приложение.

шится просто на вольномъ воздухѣ, всё прочіе сорта слегка прожариваются. Въ урожайный годъ требуется для высушки 48 килогр. чаю не менѣе 18 килогр. угля. Уангъ-Мингъ-Це собираетъ 1546 килогр. чаю и, слѣдовательно, затрачиваетъ 576 килогр. древеснаго угля, за который платитъ 57 фр., считая по 6 фр. за 60 килогр. Кромѣ того не упомянуть расходъ въ 55 фр. на покупку 12 маленькихъ порослятъ, которые откармливались въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и были затѣмъ проданы.

Надо принять также во вниманіе расходъ на ремонтъ и содержаніе въ порядкѣ жилыхъ и нежилыхъ строеній. Жилой домъ Уангъ-Мингъ-Це состоитъ изъ трехъ корпусовъ, изъ которыхъ одинъ—главный—соединяетъ середины двухъ остальныхъ, расположенныхъ параллельно другъ другу, такъ что въ общей сложности получается нѣчто въ родѣ Н. Домъ построенъ посрединѣ двора, обнесеннаго стѣной.

О китайцахъ говорятъ, что, въ числѣ многихъ другихъ своихъ странностей, они начинаютъ постройку домовъ обыкновенно съ крыши. Въ сущности тутъ нѣтъ ничего страннаго, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться, разсмотрѣвъ причины, побуждающія китайцевъ строить свои дома такимъ образомъ. Стѣны у нихъ складываются безъ фундамента. Утрамбовавъ хорошенько землю, возводятъ прямо на ней стѣны, укладывая въ первый слой широкія плиты. Затѣмъ кладка продолжается кирпичами на ребро, въ родѣ того какъ строятся дѣтьми домики изъ костей домино. Нижнія клѣтки до половины заполняются кирпичами, чтобы придать стѣнамъ большую устойчивость, но во всякомъ случаѣ опереть крышу на такія легкія стѣны нельзя. Такой способъ постройки обладаетъ двумя важными преимуществами: во-

первыхъ, онъ обходится очень дешево, а во-вторыхъ, не позволяетъ сырости проникать изъ земли по стѣнамъ внутрь дома. Что касается до крыши, то её устанавливаютъ на деревянныхъ столбахъ, подъ каждымъ изъ которыхъ выводится небольшой фундаментъ (глубиной въ 3 или 4 фута). Чтобы не портить стѣнъ при рытьѣ ямъ, необходимыхъ для фундамента и при установкѣ самой крыши, постройка дома начинается всегда съ этой послѣдней. Въ каждомъ изъ корпусовъ имѣется по пяти комнатъ въ 8 метровъ длины и 5 метровъ ширины. Полы кладутся сверхъ бетонной заливки, на кирпичномъ цоколѣ въ 30 или 40 сантиметровъ вышины. Стѣны, отдѣляющія одну комнату отъ другой, складываются изъ пусто-тѣлыхъ кирпичей; сквозь эти кирпичи пропускаютъ бамбуковыя трости, оконечности которыхъ за дѣлываются въ пазы деревянныхъ стоекъ, вслѣдствіе чего постройка, несмотря на свою легкость, оказывается очень прочной. Снаружи весь домъ имѣетъ по фасаду 33 метра въ длину и приблизительно столько же въ глубину. Онъ обращенъ на сѣверъ и на югъ по слѣдующей причинѣ: въ каждомъ изъ корпусовъ имѣются двери и окна лишь съ одной стороны. Они выходятъ во дворъ и обращены по возможности на югъ. Окна не прорѣзаются въ стѣнахъ, какъ это дѣлается у насъ. Стѣна, въ которой предполагается устроить окна, выводится лишь до подоконниковъ, оттуда же до самой крыши все пространство выполняется окнами и дверями, въ промежуткахъ между которыми устанавливаются деревянные щиты. Въмѣсто оконныхъ стеколъ употребляется особымъ образомъ приготовленная бумага или же шлифованныя устричныя раковины, доведенныя до такой тонины, что просвѣчиваютъ. Крыша тянется во-

кругъ всего двора, образуя веранду, подъ которой семья проводить большую часть дня.

Описанный мною домъ Уангъ-Мингъ-Це обошелся въ 3200 фр. Ремонтъ его и содержаніе въ порядкѣ обходится не болѣе 150 фр. въ годъ.

Перечисляя всѣ статьи расхода мы нашли, что поземельный налогъ составляетъ 13 фр. 65 сант., ремонтъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей—58 фр., расходъ на сѣмяна—146 фр., на удобрение—226 фр., наемный трудъ—225 фр., прокормленіе людей—1589 фр., прокормленіе домашнихъ животныхъ—552 фр., древесный уголь для просушки чаю—57 фр., покупка поросятъ—55 фр., ремонтъ построекъ—150 фр. Итого въ общей сложности—2988 фр. Вычтя эту сумму изъ валового дохода въ 7142 фр., получили бы чистый доходъ въ 4154 фр.

— «Вы забываете, однако, о домашней утвари, одеждѣ и т. п.»!...—Обождите немного, старшій братецъ.

Х.

Если вы думаете, читатель, что мнѣ легко было проникнуть во внутренніе, семейные апартаменты и составить инвентарь носильному и постельному бѣлью, а также содержимому шкафовъ и буфетовъ, то вы жестоко ошибаетесь. Даже и во Франціи подобное любопытство считается не вполне пристойнымъ, не говоря уже о Китаѣ. У достопочтенныхъ Уангъ-Мингъ-Це двери гостиной были открыты для меня настежь. Точно также я имѣлъ свободный доступъ во всѣ амбары и сараи, въ другіе же апартаменты мнѣ не доводилось и заглядывать. Я долго затруднялся даже высказать мучившее меня желаніе ихъ осмотрѣть и послѣ долгихъ колебаній рѣшился на-

конецъ это сдѣлать. «Я спрошу объ этомъ матушку», отвѣчалъ мнѣ Уангъ-Мингъ-Це. По всѣмъ вѣроятіемъ для разрѣшенія такого важнаго дѣла пришлось собрать семейный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ почтенной старушки. Быть можетъ также надо было кое-что прибрать и привести въ порядокъ. Во всякомъ случаѣ лишь по прошествіи трехъ дней сама г-жа Уангъ, въ качествѣ завѣдующей департаментомъ внутреннихъ дѣлъ, заявила, что мнѣ разрѣшается осмотрѣть также и малыя комнаты. Мы тотчасъ же и приступили къ осмотру. Я поочередно освидѣтельствовалъ всѣ комнаты, не исключая также и кухни. Все время, пока продолжался осмотръ, мнѣ такъ и казалось, что я въ Лотарингіи, у какого-нибудь богатаго землевладѣльца наканунѣ свадьбы кого-нибудь изъ его дѣтей. Разница замѣчалась лишь въ немногихъ мелочныхъ подробностяхъ. Мебель, домашняя утварь и полы, тамъ гдѣ они не были покрыты цыновками, блистали своею чистотой. Дверцы шкафовъ были полуотворены такъ, что сквозь нихъ можно было видѣть все, что стояло на полкахъ. Не будемъ однако забѣгать впередъ и постараемся изложить въ порядкѣ результаты осмотра.

Домъ, какъ уже упомянуто, расположенъ фасадомъ на сѣверъ и югъ. Окна и двери выходятъ на югъ, такъ какъ вѣтры съ юга считаются благопріятными для здоровья. Впрочемъ при постройкѣ дома руководствовались не однимъ лишь этимъ соображеніемъ, а посовѣтывались также съ *Фонгъ-Шуей*. Что такое въ сущности эта Фонгъ-Шуей? Чтобы объяснить это были написаны цѣлыя томы, которые однако ничего не разъяснили. Признаюсь, что я самъ лично не могу хорошенько растолковать ея значенія. Сколько можно судить, это нѣчто въ

родѣ геомантической системы, основанной на наблюденіяхъ, которыя, по крайней мѣрѣ намъ европейцамъ, должны казаться имѣющими эмпирическій характеръ. Наблюденія эти касаются извѣстныхъ топографическихъ условій, которыя надо соблюдать при выборѣ мѣста для постройки дома, сооруженія гробницы и т. п. Выполняя эти условія получаешь всѣ шансы на то, чтобъ жить счастливо. Если-же, напротивъ того, приходится въ новомъ домѣ испытать цѣлый рядъ бѣдствій или неудачъ, то это приписывается невыполненію означенныхъ условій. Такъ, напримѣръ, необходимо, чтобъ вѣтеръ, *фонгъ*, съ извѣстныхъ странъ свѣта, не задерживался передъ домомъ какимъ-либо припятствіемъ, какъ напримѣръ холмомъ или вообще какимъ-либо возвышеніемъ, тогда какъ, напротивъ того, слѣдуетъ не допускать до дома другіе вѣтры, вліяющіе неблагопріятно. Точно также не слѣдуетъ, чтобы струя текучей воды (*шуй*) шла ближе извѣстнаго разстоянія въ направленіи параллельномъ фасаду дома. Если мѣстныя условія какой-нибудь долины, равнины или холма не удовлетворяютъ требованіемъ Фонгъ-Шуй, то жители сооружаютъ на общій счетъ башню, вышина которой рассчитывается извѣстнымъ образомъ такъ, чтобы парализовать вліяніе неблагопріятныхъ вѣтровъ. Необходимо также при постройкѣ дома избѣгать сосѣдства другихъ зданій или возвышенностей, откуда можно было бы смотрѣть во внутрь двора, и т. п. Кромѣ всего этого, въ Фонгъ-Шуй содержится много другихъ правилъ, совокупность которыхъ составляетъ чуть не цѣлую науку, имѣющую своихъ специалистовъ-знатоковъ, съ которыми всегда при случаѣ и совѣтуются. Читатель скажетъ, пожалуй, что все это одно ребячество и суевѣріе. Какъ знать? Во всякомъ случаѣ Уангъ-

Мингъ-Це, человекъ неглупый, счелъ умѣстнымъ сообразоваться съ этими повѣртіями и не полагаетъ, чтобъ они были лишены всякаго основанія.

Большія ворота, ведущія во дворъ, днемъ всегда открыты, но позади ихъ установленъ большой деревянный подвижной щитъ, служащій какъ-бы ширмой отъ нескромныхъ взоровъ. Дворъ, очень чистый, вымощенъ большими гранитными плитами. Веранда, на которой семья проводитъ почти цѣлый день, меблирована нѣсколькими стульями и двумя деревянными лакированными столами. Тамъ же стоитъ и ткацкій столикъ. Колонки, поддерживающія кровлю веранды, а также и деревянная отдѣлка внутри и снаружи, все это покрыто превосходнымъ красно-бурымъ лакомъ. Средній корпусъ дома выше боковыхъ. Въ немъ помѣщается гостиная, которая по праздникамъ преобразуется въ залъ предковъ. Вправо отъ нея лежатъ комнаты бабушки и старшей дочки По-И, которая всегда ей прислуживаетъ. Влѣво идутъ комнаты самого Уангъ-Мингъ-Це, г-жи Уангъ и двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Оттуда, поворачивая назадъ во дворъ, можно пройти въ лѣвый флигель. Въ первой комнатѣ живетъ самъ По-И съ женой. Тамъ же стоитъ и кровать маленькаго ребенка, а во второй комнаткѣ спятъ трое старшихъ мальчиковъ. Въ правомъ флигелѣ жилъ прежде По-Сенъ со своей молодой женой; теперь же флигель пустой и даже безъ мебели. Онъ станетъ опять жилымъ, когда женится старшій сынъ По-И. Выходящія на сѣверъ половины обоихъ флигелей заключаютъ въ себѣ амбары, помѣщенія для маслобойни и сельско-хозяйственныхъ орудій, кухню и комнату для служанки. Наемные рабочіе ночуютъ у себя дома.

Входя въ гостиную или парадный залъ, видишь прямо пе-

редь собой узадней стѣны длинный столикъ съ двумя курильницами, двумя большими вазами и двумя оловянными подсвѣчниками. Кромѣ того на немъ стоятъ нѣсколько вазъ съ цвѣтами и нѣсколько растений въ горшкахъ. Надъ столомъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ шкафъ въ родѣ этажерки, содержащій въ себѣ лакированныя дощечки съ именами предковъ. Онъ открывается лишь при торжественныхъ случаяхъ. По обѣ стороны шкапа висятъ таблицы изъ превосходной красной бумаги, на которыхъ начертаны китайскими буквами стихи, поучительныя изреченія и правила нравственности. Вдоль стола идетъ помость, поднятый на одну ступеньку надъ поломъ. На этомъ помостѣ диванъ или, лучше сказать, кушетка съ бамбуковымъ сидѣньемъ. Вдоль лѣвой поперечной стѣны поставленъ большой парадный сундукъ съ семейными архивами, а напротивъ него, у правой поперечной стѣны, книжный шкафъ, по обѣ стороны которыхъ размѣщены картины (преимущественно цвѣты и пейзажи). Возлѣ дивана стоятъ, съ каждой его стороны, по срединѣ комнаты, два кресла, отдѣленные маленькимъ столикомъ на одной ножкѣ. Между обѣими парами креселъ помѣщается большой четырехугольный квадратный столъ. Вся эта мебель изъ чернаго дерева. Возлѣ стѣнъ и вездѣ, гдѣ остается свободное мѣсто, расположены простые стулья изъ лакированнаго дерева. Полъ устланъ большою цыновкой. Мебель, находящаяся въ этой гостиной и спальняхъ, стоитъ въ общей сложности 1844 фр. *).

Въ кухнѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе прикрѣпленное надъ печью, большое раскрашенное изображеніе, представляющее старика и старуху въ сидячемъ

---

*) См. приложение № 1.

положеніи. Это буддистскіе геніи—покровители кухни, или, лучше сказать, домашняго очага, первымъ зачаткомъ котораго была всегда кухня. По китайскимъ простонароднымъ повѣріямъ кухонные духи покровительствуютъ дому и членамъ живущей въ ней семьи. Вечеромъ, въ двадцать-третій день послѣдняго мѣсяца въ году, они покидаютъ землю и восходятъ на небо дать отчетъ великому Устроителю вселенной о поведеніи всѣхъ, состоявшихъ подъ ихъ охраной, и возвращаются къ исполненію своихъ обязанностей лишь въ ночь перваго дня Новаго года. Повѣріе это представляетъ большую аналогію со многими традиціями западно-европейскихъ народовъ, исповѣдующихъ католицизмъ. За время отсутствія добрыхъ геніевъ приводятъ кухню въ порядокъ, замѣняютъ старое закоптѣвшее ихъ изображеніе новымъ и тушатъ всѣ огни въ домѣ. Утромъ, въ первый день Новаго года, приготовляются праздновать ихъ возвращеніе ровно къ двумъ часамъ ночи. Многіе не ложатся спать до самаго этого времени: тогда разводять на кухонномъ очагѣ новый огонь и готовятъ первый обѣдъ въ Новомъ году. Прежде чѣмъ отвѣдать этого обѣда, предлагаютъ его вернувшимся съ неба домашнимъ духамъ. Такое вниманіе является тѣмъ болѣе заслуженнымъ, что эти добрые геніи приносятъ съ неба китайскимъ дѣтямъ множество подарковъ, ожидаемыхъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ дѣти ждутъ у насъ подарковъ на Рождество или на Пасху. Мебель въ кухнѣ и въ комнатѣ служанки стоитъ въ общей сложности 381 фр., что съ вышеприведенными 1844 фр. составитъ всего 2225 фр. Считая 10% съ этой суммы на ремонтъ мебели и содержаніе ея въ порядкѣ, найдемъ, что чистый доходъ семьи, опредѣленный нами,

въ 4154 фр., долженъ быть уменьшенъ на 222 фр. и окажется равнымъ всего лишь 3932 фр.

XI.

— Госпожа Уангъ,—сказалъ я женѣ моего пріятеля,—еслибъ похвала человѣка, мало опытнаго въ хозяйствѣ, могла имѣть какой-либо вѣсъ въ вашихъ глазахъ, я бы сказалъ вамъ, что въ жизнь свою не видалъ дома въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ у васъ. Г-жа Уангъ отвѣчала мнѣ улыбкой, свидѣтельствовавшей, что и въ Китаѣ хозяйкамъ нравятся подобные комплементы.—Однако же,—прибавилъ я, — у васъ въ шкапахъ (г-жа Уангъ бросила на меня при этомъ взглядъ изподлобья)... я видѣлъ въ шкапахъ множество вещей, съ употребленіемъ которыхъ хотѣлъ бы познакомиться. Тамъ было, напримѣръ...

— «Я очень хорошо понимаю, Си-Лао-Йе, что вы просто-на-просто хотите составить всему у насъ въ домѣ подробный инвентарь». — Вы угадали это, г-жа Уангъ. — «Въ такомъ случаѣ, Си-Лао-Йе, надо спросить разрѣшенія у бабушки». Г-жа Уангъ ушла, и вмѣсто нея вернулась сама бабушка. — «Дочь сказала мнѣ, Си-Лао-Йе, что вы хотите осмотрѣть все въ нашихъ шкапахъ?» — Да, сударыня, если только это васъ не очень беспокоитъ. — «Особеннаго безпокойства тутъ не будетъ, кромѣ того, что дѣтямъ придется поработать, но они для васъ сдѣлаютъ это охотно». При этихъ словахъ она постучала въ полъ своей клюкой. Всѣ домашніе тотчасъ же сбѣжались на этотъ зовъ. — «Вотъ видите ли», сказала она, «Си-Лао-Йе хочетъ узнать всю нашу подноготную. Увѣрена, что вы съ удовольствіемъ выполните его желаніе». Г-жа Уангъ объяс-

нила тогда, въ чемъ заключалась моя просьба. Г-жа По-И расхохоталась, Сиу-Лиенъ тоже. Двѣ младшихъ ея сестренки и братья, не исключая и трехлѣтняго мальчугана, послѣдовали примѣру старшей сестры. «Какъ, Си-Лао-Йе, вы хотите пересчитать весь нашъ домашній скарбъ!»—Если вамъ угодно будетъ на это согласиться, господа.—«Неужто-же, Си-Лао-Йе, вы будете осматривать всѣ наши платья»?—Съ вашего дозволенія, многоуважаемая дѣвица Сиу-Лиенъ.—«Неужели, Си-Лао-Йе, вы въ самомъ дѣлѣ хстите, Си-Лао-Йе?»...—Разумѣется, дурнушка *).—«Неузто, Ти-Лао-Йе?»—И ты туда же, шалунъ? Убирайся по добру по здоровому! Всѣ выбѣжали изъ комнаты, смѣясь какъ сумасшедшіе. Служанка тотчасъ-же подмела полъ веранды, и всѣ домашніе стали выносить туда содержимое своихъ сундуковъ и шкаповъ. Бѣлье и платья раскладывались сперва на полу, но вскорѣ мѣста тамъ болѣе не оказалось. Шалуны дѣти принялись тогда выкладывать свой скарбъ у моихъ ногъ, мнѣ на колѣни, на плечи и даже на голову. Я превратился въ настоящаго старьевщика. Это словцо, употребленное мной въ видѣ протеста, навело ихъ на мысль. Каждый собралъ свое имущество въ особый узелъ. Маленькая Хонгъ-Ю **) вышла на середину въ качествѣ оцѣнщика и приступила къ аукціонной продажѣ всего домашняго скорба своей семьи. Торговля шла очень бойко, причемъ Уангъ-Мингъ-Це, По-И, или которая нибудь изъ замужнихъ женщинъ не позволяли покупщикамъ особенно зарываться. Такимъ образомъ составленіе инвентаря носильнаго платья сопровождалось весе-

---

*) У-кiao, это была вличка, которой дразнили въ семьѣ одну изъ дѣвочекъ, кстати, очень хорошенькую.

**) Рубинъ.

лыми шутками и непрерывнымъ смѣхомъ дѣтей и взрослыхъ, не исключая и вашего покорнѣйшаго слуги. Не скрываю, что въ теченіе этого времени моя напускная важность и обычный декорумъ отчасти пострадали, но зато и мнѣ, и всѣмъ остальнымъ было очень весело.

Не стану приводить здѣсь подробностей аукціона, читатель найдетъ ихъ въ приложеніяхъ. Ограничусь только огульными результатами. Мужской гардеробъ оцѣненъ былъ въ 1152 фр., а женскій въ 1527 фр. и 50 сант. Вычтя изъ этой суммы стоимость карманных часовъ и драгоценностей, равняющуюся 462 фр. и полагая, что дорогія платья изнашиваются не такъ скоро, какъ дешевыя, думаю, что семья Уанговъ должна ежегодно расходовать на свой гардеробъ четвертую часть его стоимости, т. е. приблизительно 500 фр. Скинувъ эту сумму съ цифры чистаго дохода, получимъ, что онъ, вмѣсто 3932 фр. составитъ всего лишь 3432 фр.

Уангъ-Мингъ-Це учить самъ маленькихъ дѣтей своей семьи, къ которымъ во время уроковъ присоединяется еще нѣсколько дѣтей изъ сосѣднихъ домовъ. Такимъ образомъ семьѣ не приходится нести обычныхъ затратъ на школьнаго учителя. Кромѣ предметовъ, входящихъ обыкновенно въ программу первоначальнаго образованія, Уангъ-Мингъ-Це занимается со всѣми учениками также и рисованіемъ.

Статья чрезвычайныхъ расходовъ семьи является одной изъ самыхъ интересныхъ. Подъ эту рубрику подпадаютъ расходы на религіозные обряды, на развлечения и на врачей, что уже само по себѣ позволяетъ составить нѣкоторое понятіе о физическомъ, нравственномъ и духовномъ состояніи цѣлаго народа. Слѣдуя поговоркѣ: *mens sana in corpore sano*, (здравый духъ въ здоровомъ тѣлѣ), отведемъ первое мѣсто расходамъ на излѣченіе

болѣзней. Кромѣ того случая, когда хворала Сіу-Ліенъ, семья Уангъ-Мингъ-Це вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ ни разу не обращалась къ врачу. Ей приходилось только адресоваться при рожденіи дѣтей къ повивальнымъ бабкамъ.

— Значить у васъ нѣтъ враговъ,—сказалъ я Уангъ-Мингъ-Це.

— «Я васъ не понимаю хорошенько», Си-Лао-Йе.

— Да вѣдь здѣшній народъ приписываетъ болѣшинство болѣзней чьей-нибудь враждѣ и ненависти.

— «Учитель говоритъ объ этомъ иначе, Си-Лао-Йе, онъ говоритъ, что все человѣчество въ совокупности можетъ разсматриваться какъ одинъ человѣкъ, который, если все у него въ порядкѣ, закаленъ отъ всякихъ болѣзней, не боится ни холоду, ни жары и успѣшно противодѣйствуетъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, если только всѣ органы его здоровы. Въ тотъ день, когда водворится наконецъ вполнѣ миръ и согласіе между людьми, человѣчеству незачѣмъ будетъ уже бояться болѣзней. Физическія болѣзни суть только слѣдствія нравственныхъ болѣзней, несправедливости и вражды, раздѣляющихъ еще людей на противоположные лагери. Вотъ что сказалъ Конфуцій».

Я со своей стороны подумалъ, что Конфуцій можетъ быть со своей точки зрѣнія, пожалуй, и правъ, но что, по всѣмъ вѣроятіямъ, самый родъ занятій семьи Уангъ-Мингъ-Це долженъ благотворно дѣйствовать на состояніе здоровья ея членовъ. Всѣмъ извѣстно, что сельско-хозяйственныя полевые работы содѣйствуютъ развитію физической силы и ловкости. Можно было бы упрекнуть, однако, наши европейскіе способы земледѣлія въ томъ, что они развиваютъ только мускулы и вовсе

не содѣйствуютъ умственному развитію. Китайская система мелкаго интенсивнаго хозяйства не заслуживаетъ этого упрека. Разнообразіе встрѣчающихся въ ней работъ и соображеній до чрезвычайности напрягаетъ умственную дѣятельность. Напряжение это не только постоянно поддерживается — оно, кромѣ того, оказывается въ высшей степени разнообразнымъ. Чѣмъ болѣе число воздѣлываемыхъ растений, тѣмъ сложнѣе уходъ за ними. Каждый сортъ растенія имѣетъ свои особенности, которыя должны быть приняты въ расчетъ. Кромѣ того, въ мелкомъ хозяйствѣ приходится обращать вниманіе на каждое растеніе въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, какое-нибудь растеніе имѣетъ нездоровый видъ, тогда какъ сосѣднее находится въ цвѣтущемъ положеніи. Можетъ быть, на это растеніе напали какія-нибудь насѣкомыя или же оно страдаетъ отъ худосочія? Размышляя и отыскивая причину, человѣкъ находитъ средство помогать больному растенію и, спасая его, помогаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самому себѣ сохранить необходимое равновѣсіе между различными отправленіями своего организма, равновѣсіе, безъ котораго организмъ расслабляется, расшатывается и утрачиваетъ способность сопротивляться болѣзнетворнымъ причинамъ. Такъ-называемыя нервныя болѣзни въ Китаѣ очень рѣдки. Онѣ встрѣчаются тамъ развѣ лишь между курильщиками опиума.

Я говорилъ здѣсь только о вліяніи полевыхъ работъ въ китайской системѣ сельскаго хозяйства, но связанныя съ нею домашнія, промышленныя производства, въ свою очередь, тоже необходимо способствуютъ повышенію средняго уровня умственнаго развитія въ народѣ. Никто изъ путешественниковъ не отрицаетъ въ китайцахъ понятливости и чрезвычайной легкости, съ какой они выучи-

каются всякимъ ремесламъ. Развѣ не можетъ китайская система хозяйства служить объясненіемъ даже и этого столь замѣчательнаго факта? Говорятъ же, что человѣкъ, воздѣлывая и улучшая землю, воздѣлываетъ и улучшаетъ самого себя!

Статья расходовъ на религіозные обряды и празднества является у семьи Уангъ-Мингъ-Це довольно сложной. Изъ главы о положеніи труда въ Китаѣ читателю уже извѣстно, что нигдѣ въ одно и то же время не исповѣдуютъ заразъ столько религій, какъ въ Китаѣ. Вопервыхъ, всѣ исповѣдуютъ тамъ великую религію прогресса черезъ посредство труда, основанную на объединеніи неба, земли и человѣка. Обряды этой религіи являются лишь символическими воплощеніями ея принциповъ. Это скорѣе философія, чѣмъ религія въ искаженномъ теперь къ несчастію смыслѣ этого слова. Кромѣ этой философской религіи имѣется еще вытекающая изъ нея же религія предковъ, являющаяся какъ бы частнымъ примѣненіемъ общихъ философскихъ принциповъ къ каждой отдѣльной семьѣ.

Праздники и торжества, состоящіе въ связи съ этими двумя главными основными китайскими религіями, уже и сами по себѣ довольно многочисленны и доставляютъ достаточно дней для отдыха. Не считая праздниковъ въ дни солнцестоянія и равноденствія, въ память предковъ, Конфуція и другихъ великихъ мужей, не считая ежемѣсячныхъ и двухмѣсячныхъ семейныхъ собраній, учрежденныхъ съ цѣлью возбуждать и поддерживать самую чистую и наиболѣе истинную сторону религіознаго китайскаго чувства, можно сказать, что каждый мѣсяцъ въ году ознаменовывается какимъ-нибудь празднествомъ или торжествомъ, состоящимъ въ связи съ обѣими этими на-

родными религіями. Такъ, напримѣръ, въ первомъ мѣсяцѣ, кромѣ религіозныхъ, гражданскихъ и семейныхъ празднествъ въ честь Нового года, у китайцевъ бываетъ торжественная процессія въ честь весны, праздникъ небеснаго дракона и ночной праздникъ съ фонарями. Во второмъ мѣсяцѣ справляются поминки въ память усопшихъ; въ третьемъ—память добрыхъ домашнихъ духовъ; въ четвертомъ—праздникъ дѣтей; въ пятомъ—праздникъ водянаго дракона; въ шестомъ — праздникъ звѣздъ млечнаго пути, который вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ женщинъ. Потомъ идутъ празднества въ честь луны, престарѣлаго возраста, празднества въ честь пагодъ, благодарственные молебны послѣ сбора разныхъ воздѣлываемыхъ растений, и т. п. Я перечислилъ только нѣкоторые праздники; чтобъ описать хотя наиболѣе интересные потребовался бы цѣлый томъ. Но всему этому необходимо прибавить еще особые празднества разныхъ ремесленныхъ цеховъ и корпорацій, а также годовщины, справляемые сословіемъ ученыхъ, и т. п. Въ дѣйствительности у китайцевъ имѣется больше, чѣмъ у какого-нибудь другого народа дней, такихъ которые посвящаются воспоминанію о національномъ единствѣ и упроченію этого единства. При всѣхъ этихъ торжествахъ не обращается вниманія на различіе сословій, чиновъ, состояній или же вѣроисповѣданій. Участіе въ нихъ не возбраняется никому. Отыскивая символическое значеніе этихъ празднествъ, найдемъ, что въ нихъ воплощается идея и духъ солидарности всего человѣчества.

Кромѣ этихъ общихъ празднествъ имѣются еще ряды и празднества второстепенныхъ религій, являющихся выраженіемъ частныхъ вѣрованій, которыя въ Китаѣ не столько соединяютъ людей, сколько разъеди-

няють ихъ другъ отъ друга. Я говорилъ уже въ одной изъ предшествовавшихъ главъ объ этихъ религіяхъ и не намѣренъ теперь возвращаться къ нимъ вторично. Уангъ-Мингъ-Це и его семья считаются буддистами, но въ дѣйствительности они въ такой же степени буддисты, въ какой многіе европейцы номинально считаются католиками или протестантами. Это не мѣшаетъ имъ аккуратно вносить свою лепту при сборѣ пожертвованій на содержаніе пагодъ и другія нужды буддистскаго вѣроисповѣданія. Какъ бы ни было, расходы на буддистскіе религіозные обряды, на поклоненіе предкамъ и большіе національныя торжества оказываются, относительно, довольно умѣренными. Протестантскій миссіонеръ Ятсъ считаетъ, что каждый китаецъ затрачиваетъ на это 3—4 франка въ годъ. Для семьи Уангъ-Мингъ-Це расчетъ этотъ довольно вѣренъ, вслѣдствіе чего расходъ на религіозные обряды можно опредѣлить для нея въ 50 франковъ.

Театръ и разныя другія удовольствія обходятся ей вчетверо дороже, а именно въ 200 франковъ, включая сюда угощеніе пріятелей, взносы въ складчину на общественныя пиршества и театральныя представленія, даваемые пріѣзжими артистами. Затѣмъ, семья Уангъ-Мингъ-Це дѣлаетъ ежегодно добровольный взносъ въ 30 франковъ на покрытіе расходовъ на содержаніе мостовъ, тропинокъ и общественныхъ пагодъ *). Три вышеприведенныя суммы, взятыя вмѣстѣ, составятъ 280 фр., вычтя которые изъ 3435 фр., получимъ окончательный чистый доходъ въ 3155 фр.

---

*) Содержаніе каналовъ оплачивается, какъ было уже упомянуто, особо.

Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что въ данномъ случаѣ не были приняты въ расчетъ проценты съ капитальной стоимости имущества. Въ Европѣ всякая отчетность, имѣющая нѣкоторое притязаніе на точность, неминуемо должна была бы вычесть эти проценты изъ чистаго дохода. Въ Китаѣ думаютъ иначе. Тамъ не знаютъ людей, живущихъ доходами со своего капитала, подобно тому, какъ неизвѣстна тамъ и сама операція помѣщенія таковыхъ, съ цѣлью полученія на нихъ процентовъ. Капиталъ пріобрѣтаетъ тамъ цѣну настолько, насколько онъ оказывается производительнымъ, а ссуды имѣютъ для заимодавца въ дѣйствительности характеръ участія въ предпріятіи должника и притомъ участія съ ограниченной отвѣтственностью. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что процентъ по ссудамъ оказывается и очень высокимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствительно выплачивается. Неудивительно также, что законъ и заимодавцы такъ снисходительны къ несчастнымъ банкротамъ. Къ тому же займы заключаются всегда на короткіе сроки, а вслѣдствіе высокой нормы процента, должникъ заинтересованъ въ гораздо большей степени чѣмъ заимодавецъ въ скоромъ возвращеніи ссуды. Человѣкъ, живущій доходами съ капитала, безсрочно помѣщеннаго имъ на проценты, былъ бы въ Китаѣ явленіемъ совершенно необыкновеннымъ. Короче сказать, капиталъ, въ видѣ орудія производства, земли или денегъ имѣетъ въ Срединномъ Царствѣ цѣнность лишь для того, кто работаетъ имъ самъ. Ни одному китайцу не приходила въ голову фикція предполагать, будто капиталъ самъ-по-себѣ обладаетъ производительной способностью. Никто тамъ не воображаетъ себя въ одномъ лицѣ заимодавцемъ и должникомъ, владыкой и рабомъ своего капитала. По-

этому то Уангъ-Мингъ-Це не соглашался на отчисленіе процентовъ со своего капитала отъ полученной имъ чистой прибыли. На мои возраженія онъ отвѣчалъ.

— «Что бы сталъ я дѣлать здѣсь съ капиталомъ? У насъ нѣтъ государственнаго банка, который сталъ бы принимать вклады и давать на нихъ проценты, нѣтъ людей, которые стали бы охотно занимать деньги, чтобы зарабатывать для меня проценты. Необходимо, чтобы я самъ или вмѣстѣ съ дѣтьми орудовалъ своимъ капиталомъ. Вслѣдствіе разныхъ превратностей судьбы я не могъ обзавестись большою семьей, но По-И, у котораго уже теперь шестеро дѣтей, надѣюсь, не остановится на этой цифрѣ. До поры до времени мы отдаемъ лишнія наши сбереженія одному изъ моихъ братьевъ, купцу въ Фу-Чеу, который употребляетъ ихъ въ торговыхъ своихъ оборотахъ. Мы состоимъ теперь участниками въ его торговлѣ, но вскорѣ должны будемъ вытребовать часть своего капитала обратно, такъ какъ самимъ понадобятся деньги, чтобы выдать замужь Сіу-Ліенъ. Вскорѣ затѣмъ потребуется женить старшаго моего внука, и намъ придется подумать о томъ, чтобы расширить хозяйство, прикупивъ гдѣ-нибудь по сосѣдству еще кусочекъ земли. Вы скажете, пожалуй, что мы все-таки оказываемся кредиторами и должниками по отношенію другъ къ другу. На самомъ же дѣлѣ мы только работаемъ другъ для друга. Когда наконецъ года заставятъ меня удалиться на покой, мои дѣти станутъ въ свою очередь работать для меня. Вѣдь работалъ же я для нихъ. Это будетъ, значить, совершенно правильная комбинація».

— И притомъ, Уангъ-Мингъ-Це, весьма простая и благотворная по своимъ послѣдствіямъ.

ХІІ.

День начинается у моихъ пріятелей, Уангъ-Мингъ-Це, на разсвѣтѣ. Первымъ встаетъ всегда По-И. Разбудивъ старшихъ дѣтей и служителей, онъ возвращается къ себѣ. Нѣсколько мгновеній спустя раздаются у него и его отца три удара въ полъ. Дѣти являются тогда къ нимъ для оказанія необходимыхъ услугъ, но прежде чѣмъ войти ожидаютъ новаго сигнала. Тогда они являются привѣтствовать родителей, подаютъ имъ чай, помогаютъ одѣться, умыться, и т. д. *). Затѣмъ супруги обращаются другъ къ другу и взаимно обмѣниваются большимъ поклономъ. Такимъ образомъ начинается день.

Первый утренній завтракъ состоитъ изъ риса, капусты или другихъ, заготовленныхъ въ прокъ овощей, маленькихъ соленыхъ рыбокъ и раковъ, а также горохового сыра подъ соусомъ, изъ ячменя и бобовъ **). Питьемъ служить чай, который подается обыкновенно къ концу завтрака, а не во время ѣды. Въ полдень сервируютъ второй завтракъ, который отличается отъ утренняго лишь тѣмъ, что овощи подаются свѣжія, варенныя въ жирѣ или гороховомъ маслѣ. Къ тому же и самыя порціи больше, чѣмъ при утреннемъ завтракѣ. Еще обильнѣе обѣдъ, который бываетъ около четырехъ часовъ пополудни. Кромѣ овощей и закусокъ, къ обѣду подается нѣчто въ родѣ горохового вермишеля, поджареннаго въ жирѣ, а также маленькіе хлѣбцы изъ пшеничной или

---

*) Въ Китаѣ поцѣлуи между родителями и дѣтьми не употребительны.

**) Соусъ этотъ, называемый соей, хорошо извѣстенъ теперь уже и въ Европѣ.

рисовой муки. Ужинаютъ китайцы въ семь часовъ вечера. Ужинъ у нихъ такой же, какъ полдникъ, но за ужиномъ каждому полагается еще небольшая порція водки. Къ завтраку, обѣду и ужину всегда подаются разнообразныя закуски, какъ на примѣръ: маринованныя водоросли, грибы, осьминоги, и т. п. Водоросли часто являются за столомъ въ качествѣ особеннаго блюда. Кромѣ всего этого каждому предоставляется ѣсть сколько угодно плодовъ, соотвѣствующихъ времени года.

Лѣтомъ китайскіе мои пріятели ѣдятъ еще пятый разъ, между утреннимъ завтракомъ и полдникомъ, а именно въ 9 часовъ утра. Самое меню тоже отчасти измѣняется. Въ 9 часовъ утра, кромѣ овощей, подаютъ нѣчто въ родѣ размазни, сваренной изъ пшеничныхъ зеренъ. Въ полдень и за ужиномъ добавляютъ къ обычнымъ блюдамъ свинину или утятину. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается также и порція водки. Въ праздничныя дни пища значительно улучшается. Кромѣ увеличенныхъ мясныхъ порцій, добавляется еще десертъ, состоящій изъ пирожнаго, конфетъ, фруктоваго варенья, и т. п. Хозяева и слуги ѣдятъ одновременно, хотя и за особыми столами, и получаютъ одинаковыя блюда.

Насытившись, каждый занимается своимъ дѣломъ. Обыкновенно женщины не работаютъ на поляхъ, хотя есть области, въ которыхъ имъ это и случается дѣлать, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ округахъ. Какъ бы ни было, въ Уангъ-Мохійскомъ округѣ онѣ не выходятъ изъ дому и изъ сада. Исключеніемъ является лишь страдное время собиранія чая. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы женщины сидѣли тамъ сложа руки. Для нихъ находится не мало работы и притомъ очень утомительной. Онѣ, наравнѣ съ мужчинами, обрабатываютъ зерна,

занимаются высушиваніемъ, обдиркой, бѣленіемъ риса, обращаютъ зерна въ муку, и т. п. Дабы составить себѣ понятіе объ этихъ работахъ, надо принять во вниманіе, что на высушку 915 килогр. рису передъ уборкой его въ амбаръ надо затратить цѣлый рабочій день. Обдирка 180 килогр. рису требуетъ также цѣлаго рабочаго дня.

Сушеніе, соленіе, маринованіе и вообще заготовленіе въ прокъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ лежитъ также на женщинахъ, а это работа не малая. Надо принять въ расчетъ также хлопоты по кухнѣ, стирку бѣлья, содержаніе въ чистотѣ цѣлаго дома, уходъ за свиньями и за домашней птицей. Всѣ это дѣлаютъ у моего пріятеля двѣ замужнія женщины и молодыя дѣвушки, которымъ помогаетъ служанка, а иногда, по окончаніи полевыхъ работъ, также и мужчины. Какъ только является свободное время, женщинамъ приходится очищать хлопокъ, заниматься пряжей или тканьемъ. У молодыхъ дѣвушекъ есть всегда также разныя мелкія работы, свойственныя ихъ полу: какое-нибудь шитье, вышиванье и т. п. Имъ случается даже иногда изготовлять такія работы на продажу, причемъ заработанныя деньги поступаютъ имъ въ полную собственность. Часть одежды для членовъ семьи изготовляется также женщинами. Когда мужчинамъ нечего дѣлать ни въ полѣ, ни дома по хозяйству, какъ это бываетъ напримѣръ въ долгіе зимніе вечера, они плетутъ соломенные или веревочныя лапти, которыхъ такое громадное количество изнашивается въ Китаѣ, или же вяжутъ на продажу рыболовныя сѣти. Заработокъ этотъ обыкновенно также не поступаетъ въ общую кассу. Уангъ и его жена завѣдуютъ всѣмъ хозяйствомъ. Кромѣ управленія домомъ, г-жа Уангъ исполняетъ еще обязанности министра финансовъ:

деньги всё у нея на рукахъ. Самымъ высшимъ значеніемъ въ семьѣ пользуется, однако, старуха—мать Уанга. Лишь два года тому назадъ официально передовѣрившая свою власть сыну и невѣсткѣ. Не далѣе какъ въ 1865 г. она еще сама управляла домомъ, по крайней мѣрѣ номинально, и передала свои полномочія какъ разъ въ тотъ день, когда праздновалась девятидесятая годовщина ея рожденія. На праздникъ присутствовали всё сосѣди, а также друзья и родственники, прибывшіе даже изъ Фу-Чеу, чтобы поздравить старушку и выразить ей свое почтеніе. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы торжественно заявить, что удаляется на покой. Съ тѣхъ поръ, она дѣйствительно ни во что не входитъ, но ее все-таки же не забываютъ. Всё о ней заботятся, каждый старается смягчить уваженіемъ и услужливостью доживаемые ею послѣдніе годы.

Старушка была еще въ живыхъ въ 1869 году, когда, передъ отъѣздомъ изъ Китая, я прощался съ этой семьей, гдѣ встрѣтилъ такой сердечный и радушный приемъ. У стариковъ и дѣтей три года значать многое. Старая бабушка еще больше согнулась и одряхлѣла, но за все это время она ни разу не хворала. Уангъ-Мингъ-Це и По-И со своими женами пользовались также всё три года прекраснымъ здоровьемъ. Сіу-Лиень давно покинула родительскій домъ. Она вышла замужъ и была уже матерью двоихъ дѣтей. Старшій изъ ея братьевъ, А-Пе, тоже женился и былъ уже отцомъ толстаго мальчугана, котораго я видѣлъ собственными глазами. Другіе малолѣтніе члены семьи тоже подросли. Чэнъ, второй сынъ По-И, сталъ уже настоящимъ мужчиной. Дурнушечка и маленькая Рубинъ превратились во взрослыхъ дѣвушекъ. Даже прежній шалунъ, А-Сэнъ, совсѣмъ перемѣнился и

сдѣлался такимъ скромнымъ, что какъ будто вовсе меня не узнавалъ. За то у него оказался новый десяти тысячный братецъ, большіе глаза котораго смотрѣли на меня очень смѣло и пристально.

Хозяйство Уангъ-Мингъ-Це тоже нѣсколько измѣнилось. Къ участку земли прикупили еще дюжину меу, вслѣдствіе чего пришлось принанять одного работника, мѣсто котораго скоро заступитъ, однако, Чэнь.

Какіе счастливые часы провелъ я среди этихъ прекрасныхъ людей! Какія пріятныя воспоминанія оставили они во мнѣ. Отчего, однако, всякій разъ воспоминанія эти возбуждаютъ у меня въ умѣ другія печальныя мысли? Отчего тамъ, въ Китаѣ, такъ много благоденствія, комфорта, счастья и спокойной увѣренности въ будущемъ? Отчего у насъ такая необезпеченность, неуувѣренность въ будущемъ, такая бѣдность?

Можно было бы отвѣтить на это, что благоденствію Уанговъ много помогаютъ чайныя плантаціи; но развѣ у насъ во Франціи нѣтъ виноградной лозы, шелковицы, масличнаго дерева, свекловицы, табаку и множества другихъ растений, которыя, при хорошемъ воздѣлываніи, могли бы оказаться столь же доходными какъ и чайное дерево? Развѣ у насъ не было марены, которую, при болѣе разумномъ уходѣ, можно было бы, вѣроятно, отстоять противъ конкуренціи фабричныхъ красильныхъ продуктовъ?

Можно сказать, пожалуй, что Уанги живутъ въ странѣ, гдѣ за годъ можно снять съ одного поля пять урожаевъ. Безспорно! Но съ другой стороны у нихъ живетъ, на пространствѣ менѣе чѣмъ въ два гектара, семья въ 14 душъ. Еслибъ было даже доказано, что въ нашемъ климатѣ можно снять съ поля только одинъ урожай,

все-таки же во Франціи по этому разсчету могло бы жить 70 миллионовъ душъ. Впрочемъ допущеніе возможности одного лишь урожая въ годъ совершенно произвольно. Садовники наши снимаютъ съ грядъ гораздо большее число урожаевъ. Допустивъ же только два урожая съ cadaго участка, получимъ, что Франція могла бы прокормить населеніе въ 140 миллионовъ душъ.

Можно было бы сдѣлать также и другія возраженія, какъ напримѣръ указать на чрезвычайную умѣренность китайскаго налога, являющуюся столь рѣзкой противоположностью съ подавляющими требованіями нашего государственнаго бюджета. Могутъ сослаться также на изолированное положеніе Китая и выгоды, которыя оно доставляетъ, дозволяя странѣ обходиться безъ заграничныхъ войнъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождая туземную промышленность отъ иностранной конкуренціи.

Всѣ такія и подобныя имъ возраженія уже предусмотрены въ этой книгѣ. Не къ чему себя обманывать. Если умѣренность налога въ Китаѣ является одной изъ причинъ народнаго благосостоянія, она не единственная и въ особенности далеко не самая непосредственная его причина. На самомъ дѣлѣ, гораздо правильнѣе будетъ признать народное благоденствіе въ Китаѣ окончательнымъ результатомъ всего китайскаго общественнаго и государственнаго строя и, прежде всего, самой системы податнаго обложенія и землевладѣнія. Благодаря этой системѣ, лежащей всѣмъ своимъ гнетомъ на тунеядство, безплодіе и смерть, вся земля въ Китаѣ воздѣлывается, а народонаселеніе достигло такой неслыханной въ Европѣ густоты. Благодаря этой системѣ, освобождающей отъ налога всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, а также благодаря неслыханнымъ размѣрамъ внутренняго потреб-

ленія, должно было, въ свою очередь, возрасти также и производство до такихъ размѣровъ, однимъ изъ образчиковъ котораго, хотя и не самымъ выдающимся, является хозяйство семьи Уангъ-Мингъ-Це. Благодаря этой системѣ опредѣленнаго разѣ навсегда налога и существующимъ въ Китаѣ условіямъ землевладѣнія, крестьянинъ, которому не приходится платить, по мѣрѣ улучшенія своего хозяйства, все болѣе и болѣе высокую ренту, обращается самъ въ собственника, что служитъ для него еще большимъ поощреніемъ къ труду, т. е. къ производству. Наконецъ, благодаря той же системѣ налога и землевладѣнія, пробудились въ Срединномъ Царствѣ всѣ силы природы и человѣка и, пробудившись, объединились въ неслыханно могучую *жизнь*.

Распредѣленный поголовно налогъ составляетъ среднимъ числомъ едва лишь три франка на душу. При поземельномъ распредѣленіи онъ составитъ не болѣе пяти франковъ съ гектара. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что съ нагорныхъ земель взимается не болѣе 75 сантимовъ съ гектара, хотя онѣ даютъ такой же доходъ, какъ и земли въ равнинѣ. Неужели вы думаете, что китайскому правительству было бы трудно увеличить налогъ на одинъ или на два франка съ гектара, особенно же съ нагорныхъ земель? Развѣ китайскіе крестьяне, въ родѣ Уангъ-Мингъ-Це, получающаго болѣе 3000 франковъ чистаго дохода менѣе чѣмъ съ двухъ гектаровъ земли, не могли бы безъ всякаго для себя ущерба согласиться на такое ничтожное увеличеніе налога? Китайское правительство, повидимому, не замышляло еще ничего подобнаго. Это слѣдуетъ приписать или уваженію, которое оно питаетъ къ труду, или же нежеланію измѣнять въ чемъ бы то ни было древнія государственныя учрежденія. Быть мо-

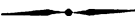
жетъ также, что правительство богдыхана считаетъ какъ бы случайными обязательства, возникающія для него изъ сношеній съ Европой. Во всякомъ случаѣ оно, для покрытія чрезвычайныхъ своихъ расходовъ, прибѣгало къ временнымъ чрезвычайнымъ же мѣрамъ, сводившимся къ налогу съ богатыхъ людей, въ особенности же съ людей, занимающихся торговлей и промышленностью. Когда, однако, выяснится для китайскаго правительства неизбѣжность означеннаго увеличенія расходовъ, когда въ этомъ убѣдятся также ученое сословіе и народъ, неужели вы думаете, что нельзя будетъ увеличить тоже и государственные доходы на какихъ-нибудь двѣсти или триста милліоновъ франковъ, что въ такихъ мѣстностяхъ какъ Уангъ-Мо-Хи будетъ равносильно добавочному налогу въ сорокъ или пятьдесятъ сантимовъ на душу? Ошибочно поэтому полагать, будто, въ случаѣ иного географическаго положенія, Китаю пришлось бы обзавестись также иными учрежденіями, или что нынѣшніе китайскіе порядки неминуемо должны будутъ претерпѣть коренныя измѣненія, вслѣдствіе установившихся сношеній съ Европой. Напротивъ того, порядки эти именно и позволяютъ китайскому государственному строю оказаться на уровнѣ всѣхъ требованій, которыя могутъ быть къ нему предъявлены.

Относительно торговой и промышленной заграничной конкуренціи необходимо замѣтить, что внутренніе китайскіе рынки ограждены отъ нея не изолированнымъ положеніемъ страны, которое къ тому же является далеко не такъ полнымъ, какъ это обыкновенно думаютъ въ Европѣ. Несравненно лучше, чѣмъ таможенными, защищаются эти рынки—даже и отъ вооруженныхъ попытокъ проникнуть на нихъ—обиліемъ, дешевизной и разно-

образіемъ туземнаго производства, а также чрезвычайной густотой населенія. Европейскіе товары не могутъ проникнуть въ Китай просто потому, что Китай самъ переполненъ и товарами, и людьми. Это опять-таки обуславливается китайскими учрежденіями, въ особенности же китайской системой налога и землевладѣнія. Возникшій предо мною вопросъ такъ и остается поэтому безъ отвѣта. Отчего теперь во Франціи не 70 милліоновъ жителей? Отчего народонаселеніе ея не достигнетъ со временемъ до 140 милліоновъ?

Собственно говоря, между европейцами и китайцами нѣтъ существеннаго различія. Развѣ основной принципъ китайской цивилизаціи не тотъ самый, на которомъ построены всѣ прочія великія цивилизаціи и религіозныя вѣрованія? Развѣ этимъ основнымъ принципомъ и догматомъ не оказывается всюду взаимная солидарность и единеніе? Вся разница въ томъ, что у китайцевъ этотъ принципъ получилъ болѣе обширное практическое значеніе, что они подчинили ему и сообразовали съ нимъ весь свой законъ, всѣ свои порядки.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Подробности земледельческаго хозяйства на участкѣ Уангъ-Мингъ-Це и доходовъ, получаемыхъ съ этого участка.

Въ долину рисъ является главнымъ воздѣлываемымъ растеніемъ. Имъ засаживается все поле. Ежегодно получаютъ двѣ жатвы. Рисъ перваго сбора, или обыкновенный рисъ, высаживаютъ въ поле въ маѣ мѣсяцѣ, а жнутъ въ началѣ іюля. Онъ даетъ среднимъ числомъ урожай въ 380 килогр. съ меу. Рисъ втораго сбора, изъ котораго гонится водка, высаживается въ поле въ іюлѣ мѣсяцѣ, а созрѣваетъ въ октябрѣ. Урожай его достигаетъ до 400 килогр. съ меу, но рыночныя цѣны на него нѣсколько ниже, чѣмъ на рисъ перваго сбора. Со своихъ 11 меу долинной земли Уангъ-Мингъ-Це получаетъ 4180 килогр. рису перваго сбора, стоящаго 8 фр. за пикуль въ 60 килогр. *) и 4400 килогр. рису втораго сбора, по 7 фр. за пикуль, т. е. въ общей сложности приблизительно 1070 фр. за рисъ въ зернѣ и, кромѣ того, 6500 килогр. рисовой соломы, стоимостью въ 60 фр.

---

*) Дороговизна эта объясняется сосѣдствомъ морскаго побережья. Далѣе, внутри страны, цѣна на рисъ не превышаетъ 6—7 фр. за пикуль.

Снявъ вторую жатву, наскоро вспахиваютъ бывшее подъ нимъ поле плугомъ и, раздѣливъ его на четыре равныхъ участка, сѣютъ на одномъ изъ нихъ рѣпу, а на другомъ—бобы, на третій высаживаютъ изъ питомника капусту, а на четвертый—сурѣпу. Всѣ эти растенія сѣются и высаживаются правильными рядами и въ надлежащемъ разстояніи другъ отъ друга. Десять или двѣнадцать дней спустя, помѣщаютъ между ними, также рядами, обыкновенный или же черный клеверъ, который высѣвается также, соблюдая надлежащее разстояніе между отдѣльными растеніями. Слѣдуетъ замѣтить, что каждое сѣмя предварительно смачиваютъ навозной жижой и высѣваютъ его лишь когда оно начнетъ проростать.

Рѣпа, принадлежащая къ очень крупному сорту, родится на каждомъ меу въ количествѣ 2600 килогр., цѣною по одному франку за пикуль, такъ что весь урожай съ $2\frac{3}{4}$ меу можно оцѣнить въ 110 фр. Крупныхъ бобовъ получается съ каждого меу 120 килогр., по 11 фр. за пикуль, а со всего засѣяннаго ими участка—525 килогр., стоимостью въ 60 фр. Капусты собирается съ меу 4000 килогр., по 95 сант. за пикуль, а съ отведеннаго для нея участка—11000 килогр., стоящихъ 174 фр. Сурѣпнаго зерна родится съ каждого меу 150 килогр., а съ $2\frac{3}{4}$ меу—418 килогр., изъ которыхъ выжимается 104 килогр. масла, цѣною въ 22 фр. за пикуль, т. е. въ общей сложности 38 франковъ. Кромѣ того получается 310 килогр. избоины, которая продается какъ удобрение и кормъ для скота по $8\frac{1}{2}$ фр. за пикуль, что составитъ 43 фр., а вмѣстѣ съ 38 фр., вырученными за масло, дастъ 81 фр. со всего участка засѣяннаго сурѣпой. Вообще же третій урожай съ 11 меу долиннаго поля можно оцѣнить въ 425 фр.

Клеверъ сѣется главнымъ образомъ для того, чтобы зарыть его потомъ въ землю въ качествѣ зеленого удобрения, весьма улучшающаго качество почвы. Значительную часть клевера скашиваютъ, впрочемъ, на сѣно, идущее на кормъ скоту. Китайскія хозяйки умѣютъ также изъ ростковъ молодого клевера готовить отличную столовую овощь, которую солятъ и заготавливаютъ

въ прокъ. Большая часть клевера употребляется, однако, какъ удобрение для нагорныхъ земель. Разсчитывая весь сборъ клевера такъ, какъ еслибъ онъ употреблялся на сѣно, найдемъ, что при урожаѣ въ 540 килогр. съ меу или 5940 килогр. со всего долиннаго участка, онъ представляетъ цѣнность въ 120 фр. за сѣно и 5 фр. за сѣмяна, а всего 125 фр.

Упомянутыя растенія одновременно высаживаются изъ питомниковъ въ поле и созрѣваютъ тоже одновременно. Уходъ за ними, равно какъ и уборка ихъ, не требуетъ чрезвычайныхъ усилій со стороны семьи и годовыхъ рабочихъ. Такъ, напримѣръ, капуста и рѣпа могутъ оставаться въ полѣ неопредѣленное время. Особенно торопиться съ ихъ уборкой нечего. Во всякомъ случаѣ ихъ не замѣняютъ тотчасъ же другими растеніями, такъ какъ необходимо, чтобы всѣ 11 меу были совершенно свободны къ первымъ числамъ февраля мѣсяца. Тогда, чтобы размягчить землю, пускаютъ на поле воду, а когда она стечетъ, запахиваютъ клеверъ въ землю плугомъ. Два или три дня спустя, вторично вспахиваютъ землю и высаживаютъ изъ питомника растенія, долженствующія дать съ долиннаго участка пятый сборъ.

Изъ числа 11 меу, 7 обыкновенно засаживаютъ пшеницей (а иногда ячменемъ), а четыре—мелкими бобами или же чаще горохомъ. Въ рисовыхъ округахъ, какъ напримѣръ въ округѣ Уангъ-Мо-Хи, пшеница родится хуже, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ округахъ, гдѣ она воздѣлывается по преимуществу. Тамъ она нерѣдко приноситъ 300 и даже болѣе килогр. съ меу. Здѣсь же, быть можетъ вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, заставляющихъ ее слишкомъ быстро итти въ колось и созрѣвать, пшеница даетъ урожай не болѣе какъ въ 150 килогр. съ меу, продающихся по той же цѣнѣ, какъ и рисъ перваго сбора, т. е. по 8 фр. за пикуль *). На первый взглядъ это кажется страннымъ, такъ какъ пшеница питательнѣе риса, но дѣло въ томъ, что населеніе южныхъ округовъ

---

*) Цѣна эта тоже высока.

болѣе привыкло къ рису, а потому тамъ пшеница, на которую существуетъ постоянный спросъ лишь въ сѣверныхъ округахъ, находитъ менѣе покупателей. Со всѣхъ семи меу получается пшеницы на 140 фр. и кромѣ того на 30 фр. соломы. Я долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ упомянуть объ одной операци, которую я совсѣмъ упустилъ изъ виду, говоря о подготовленіи зеренъ къ посѣву. Всѣ хлѣбныя зерна предварительно посыпаются порошкомъ, состоящимъ изъ извести и золы, и вываливаются въ этомъ порошокѣ, убивающемъ яички и зародыши паразитовъ, въ особенности же головни.

Китайскій горохъ (или такъ-называемая соя) обработанъ уже на себя вниманіе европейскихъ агрономовъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ его начали воздѣлывать въ западной Европѣ, гдѣ отдаютъ полную справедливость какъ самому гороху, который, по содержанію азотистаго вещества, не уступаетъ мясу, такъ и остающейся отъ него соломѣ, являющейся очень цѣннымъ кормомъ для скота. Въ Китаѣ горохъ этотъ идетъ частью на выдѣлку особаго масла, частью же на изготовленіе вермишели и гороховаго сыра, который въ большомъ употребленіи у китайцевъ. Масла въ этомъ горохѣ сравнительно немного, по крайней мѣрѣ его нельзя извлечь болѣе 17%, но за то выжимки продаются по очень высокой цѣнѣ. Съ меу получается 153 килогр. сои, что составить съ 4 меу 612 килогр. гороху, которые даютъ 104 килогр. масла, стоимостью въ 48 фр. (по 45 сант. за килогр.) и 500 килогр. выжимокъ, цѣнностью въ 53 фр. (8½ фр. за пикуль). Прибавивъ сюда еще 20 фр. за гороховую солому, получимъ въ общей сложности 121 фр. Вообще же пятый сборъ съ долиннаго поля (при воздѣлываніи пшеницы и гороха) можетъ быть оцѣненъ въ 291 фр.

Всѣ пять урожаевъ, снятые съ 11 меу долинной земли, представляютъ въ совокупности цѣнность въ 1971 фр.

По уборкѣ гороха и пшеницы, снова тотчасъ же пу-

скаютъ на поле воду и, передъ посадкой тамъ риса, дважды пропахиваютъ поле плугомъ.

Воздѣлываніе нагорныхъ земель сравнительно сложнѣе. Уангъ-Мингъ-Це владѣютъ тамъ 18-ю меу, изъ числа которыхъ 13 заняты чайной плантаціей. Изъ этихъ 13 меу два засажены лишь однолѣтними, а два — двулѣтними кустами, съ которыхъ еще не собираютъ чай. Чтобъ получить съ нихъ какой-нибудь доходъ, воздѣлываютъ въ промежуткѣ между чайными кустами другія растенія. Затѣмъ три меу съ трехлѣтними чайными кустами даютъ половинный сборъ чаю, но съ нихъ получается также половинный сборъ хлопка или кукурузы. На пяти остальныхъ меу чайной плантаціи, дающихъ полный сборъ, воздѣлывается исключительно лишь драгоценный чайный кустарникъ. Мы прежде всего имъ и займемся. Собираніе чая производится въ четыре приѣма. Первый сборъ дѣлается съ возможной поспѣшностью, когда почки начинаютъ зеленѣть. Получаемый при этомъ чай, называемый чаемъ изъ почекъ, очень уважается китайцами, которые платятъ за него до 9 фр. за фунтъ въ 600 гр., но съ меу его получается всего лишь 1 фунтъ. Второй сборъ чаю имѣетъ болѣе существенное значеніе. Онъ производится спустя 20 или 25 дней послѣ перваго и доставляетъ съ cadaго меу отъ 120 до 130 килогр. чаю, продающагося по 150 фр. за пикуль. На этотъ сборъ воздѣлыватели чая и возлагаютъ главнымъ образомъ свои надежды. Совершеннаго неурожаа при немъ къ счастью никогда не бываетъ. Нѣсколько дней спустя приступаютъ къ третьему сбору, доставляющему съ cadaго меу 61 килогр., стоимостью 71 фр. за пикуль.

Наконецъ, четвертый и послѣдній сборъ по осени даетъ еще 37 килогр. чаю съ меу, но чай этотъ продается лишь по 60 фр. за пикуль. На плантаціи Уангъ-Мингъ-Це съ пяти меу, дающихъ полный, и съ трехъ меу, дающихъ лишь половинный сборъ, получается всего:

При 1-мъ сборѣ	58 килогр.	по	9 фр.	за	600 гр.	. . . . .	58 фр
„ 2-мъ „	910 „	„	150 „	„	60 килогр.	. . .	2265 „

" 3-мъ "	396	" "	70	" "	60	" . . .	470 "
" 4-мъ "	240	" "	60	" "	60	" . . .	240 "
							Итого . . . 3033 фр.

Пять меу нагорной земли, пригодные для орошенія, и такое же протяженіе чайной плантаціи, слишкомъ молодой еще для сбора съ нея чаю, можно было бы употребить для воздѣлыванія тѣхъ же растений, какъ и въ долинѣ. Уангъ-Мингъ-Це отвелъ отъ двухъ меу воду: на одномъ онъ развелъ садъ, а на другомъ посадилъ ямсъ. Третье меу занято подъ сахарнымъ тростникомъ. Эти три меу оказываются фактически изъятыми изъ обыкновеннаго хозяйства и сѣвооборота, такъ какъ на нихъ воздѣлываются болѣе чѣмъ въ теченіе года одни и тѣ же растенія. Мы упомянемъ о нихъ впослѣдствіи, а передъ тѣмъ разсмотримъ хозяйство на двухъ орошаемыхъ меу, воздѣлываемыхъ также какъ и долинныя поля.

На этихъ двухъ меу сажаютъ сперва обыкновенный рисъ, дающій на нихъ урожаемъ немногимъ меньшій, чѣмъ въ долинѣ, а именно всего лишь 365 килогр. съ меу. По снятіи его, нагорное поле не засаживаютъ, однако, опять рисомъ, который могъ бы итти для водочнаго производства. Правительство и общественное мнѣніе въ Китаѣ смотритъ благосклоннѣе на воздѣлываніе болѣе необходимыхъ продуктовъ. Земледѣльцы, рассчитывающіе удостоиться награды и заслужить общее уваженіе, ограничиваютъ поэтому воздѣлываніе менѣе полезныхъ продуктовъ извѣстными предѣлами. Въмѣсто риса, перегоняемаго на водку, сажаютъ на холмахъ такъ-называемый горный рисъ, требующій къ тому же гораздо меньше воды, что заслуживаетъ быть принятымъ во вниманіе, такъ какъ, въ это время года, воды въ оросительныхъ каналахъ гораздо меньше. Съ меу получается лишь 300 килогр. горнаго рису, но онъ продается по той же цѣнѣ, какъ и обыкновенный рисъ, вслѣдствіе чего за оба урожая получается съ двухъ меу 177 фр. (т. е. 1330 килогр. рису по 8 фр. за пикюль). Послѣ риса засаживаютъ поле сурьпой, дающей съ двухъ меу 300 килогр. сѣмени или

же 75 килогр. масла, по 37 сант. за килогр., и 215 килогр. выжимокъ, по 8½ фр. за пикуль, а всего въ общей сложности 51 фр. 75 сант. Затѣмъ съ этихъ же двухъ меу снимается 1080 килогр. клевера, стоимостью въ 23 фр., и 300 килогр. пшеницы, стоимостью въ 45 фр. (включая сюда и солому). Цѣнность всѣхъ пяти урожаевъ на этихъ двухъ меу можетъ быть такимъ образомъ опредѣлена въ 296 фр.

Пять меу, непригодныхъ для орошенія, раздѣлены на три поля, изъ которыхъ въ одномъ два меу, а въ двухъ остальныхъ по одному. Въ первомъ полѣ сѣютъ рядами и въ ямкахъ зерна хлопчатника или, если надо поторопиться, высаживаютъ туда молодыя растенія изъ питомника. Хлопчатникъ остается въ полѣ цѣлыхъ четыре мѣсяца, съ начала мая и до начала сентября. Кромѣ того, чтобы приготовить поле подъ хлопокъ, нельзя ничего высѣвать на немъ послѣ пятой жатвы, а когда хлопокъ созрѣетъ, то на отведенномъ для него участкѣ уже слишкомъ поздно сажать обыкновенныя воздѣлываемыя растенія. Хлопчатникъ поэтому самъ по себѣ довольно неудобенъ съ точки зрѣнія земледѣльческаго хозяйства и еслибъ продавать хлопокъ сырымъ, то отъ него получалось бы мало барыша. Дѣло принимаетъ совершенно иной характеръ, когда хлопокъ перерабатываютъ дома. Онъ даетъ тогда по вечерамъ работу какъ женщинамъ, занимающимся очисткой его отъ сѣмянъ и превращеніемъ въ пряжу, такъ и мужчинамъ, превращающимъ эту пряжу въ ткань. Съ каждаго меу хлопчатника получается около 90 килогр. сырцевого хлопка и, слѣдовательно, 60 килогр. очищенного хлопка (по 70 сант. за килогр.) и 27 килогр. зеренъ (по 25 сант. за килогр.), не считая 90 килогр. соломы, стоимостью въ одинъ фр. Такимъ образомъ, съ трехъ меу получилось бы всего только немногимъ болѣе 129 фр. Превративъ же 180 килогр. очищенного хлопка въ бумажную ткань, Уангъ-Мингъ-Це получаютъ 80 штукъ тканей, стоимостью каждая по 2 фр. 25 сант., а 80 килогр. зеренъ даютъ 8 килогр. масла, цѣною по 45 сант. за килогр., и 70 килогр. выжимокъ, продающихся по 7½ фр. за пикуль, такъ что въ общей слож-

ности хлопков приносить хозяйству доходъ въ 257 фр. 60 сант.

За три или четыре дня передъ тѣмъ, какъ начинаютъ раскрываться головки хлопчатника, засѣваютъ въ промежуткахъ между растеніями гречу, тоже рядами и въ ямкахъ. Ряды эти далеко отстоятъ другъ отъ друга и за молодой гречей нельзя имѣть надлежащаго ухода до тѣхъ поръ, пока не окончится сборъ хлопка. При такихъ обстоятельствахъ съ меу получается не болѣе 60 килогр. гречи, стоимостью въ 5 фр., и, кромѣ того, на 1 фр. гречаной соломы, что составить съ трехъ меу всего лишь 18 фр. Послѣ гречи высѣваютъ клеверъ, котораго получается съ трехъ меу 1620 килогр., стоимостью въ 35 фр. Послѣ клевера высѣвается пшеница, которая даетъ съ трехъ меу 450 килогр., цѣнностью въ 66 фр. (вмѣстѣ съ соломой).

На одномъ изъ двухъ другихъ меу получается сперва 180 килогр. табачныхъ листьевъ, по 60 сант. килогр., т. е. 108 фр 60 сант.; потомъ 4000 килогр. листьевъ и стеблей кормового сорго, по 2 фр. за пикуль, т. е. 132 фр. Затѣмъ 2600 килогр. рѣпы, по 1 фр. за пикуль—43 фр., 540 килогр. клеверу, стоимостью 11 фр. и, наконецъ, 150 килогр. пшеницы, цѣнностью въ 20 фр.

Съ послѣдняго меу получается 160 килогр. кукурузы (по 6 фр. за пикуль)—на 16 фр., 4000 килогр. листьевъ и стеблей сорго, по 2 фр. 20 сант. за пикуль—145 фр., 4000 килогр. капусты (95 сант. за пикуль) — 62 фр., 540 килогр. клеверу—11 фр. и 150 килогр. пшеницы—20 фр. Остаются затѣмъ три меу подъ ямсомъ, сахарнымъ тростникомъ и садомъ. Ямсъ даетъ съ меу 5000 килогр., продающихся по 4 фр. за пикуль, что составить съ каждаго меу 333 фр., но онъ занимаетъ поле въ продолженіе цѣлыхъ почти двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого годичный доходъ съ меу подъ ямсомъ можно принять всего лишь въ 166 съ половиною франковъ.

Сахарный тростникъ требуетъ особаго удобренія. Одинъ обыкновенный навозъ для него не годится, такъ какъ даетъ слишкомъ малое процентное содержаніе са-

хара. Поэтому сахарныя плантаці попеременно удобряють то навозомъ, то золой, причемъ. преимущество отдають золѣ, приготовленной изъ морскихъ травъ (которыя при сжиганіи складываются въ кучу и заваливаются землей, такъ что сжиганіе ихъ происходитъ какъ бы въ закрытомъ сосудѣ). При такихъ условіяхъ и достаточномъ орошеніи съ одного меу плантаці получается 4600 килограм. тростника, дающаго 250 килограм. сахару, на сумму 57 фр. 50 сант. (считая по 25 сантимовъ за килогр.). Положивъ цѣнность остатковъ отъ производства, равной 8 франкамъ, получимъ въ общей сложности доходъ въ 65 фр. и 50 сант.

Въ саду и на окраинахъ полей у моего пріятеля растутъ семь пальмъ, доставляющихъ пеньку, четыре апельсинныхъ дерева, шесть деревьевъ, доставляющихъ сало, три масличныхъ дерева и, кромѣ того, маленькая бамбуковая рощица. Пальмы даютъ ему матеріалъ для пряжи, за которую выручается 16 фр. Съ четырехъ апельсинныхъ деревъ получается отъ 1200 до 1300 апельсиновъ, цѣною въ 6 фр., считая по 50 сант. за сотню. Деревья, съ которыхъ получается сало, даютъ 60 килогр. зеренъ, представляющихъ цѣнность въ 6 фр. (по 10 сант. за килогр.). Три масличныхъ дерева приносятъ 35 килогр. ягодъ, т. е. 3 фр. 50 сант. (тоже по 10 сант. за килогр.). Бамбуковая рощица даетъ ежегодный доходъ въ 10 фр., частью въ видѣ камыша, служащаго для приготовленія разныхъ орудій и мебели, частью же въ молодыхъ росткахъ, употребляемыхъ какъ овощъ. Такимъ образомъ доходъ съ сада и отдѣльно растущихъ деревьевъ простирается въ общей сложности до 31 фр. 50 сант., кромѣ нѣкотораго количества плодовъ и овощей для домашняго обихода, не вошедшихъ въ этотъ расчетъ.

Плоды сальнаго и масличнаго деревьевъ имѣются въ слишкомъ маломъ количествѣ для того, чтобы ихъ стоило перерабатывать дома, а потому ихъ отправляютъ на рынокъ.

Семья Уанговъ, какъ уже сказано, получаетъ доходы не съ одного лишь воздѣлыванія полей. Она держитъ

буйвола; но такъ какъ для него въ ея собственномъ хозяйствѣ нѣтъ работы на круглый годъ, то буйвола этотъ отдается въ наемъ выдѣлившемуся изъ семьи младшему сыну и двумъ или тремъ сосѣдямъ. Въ теченіе 140 дней въ году буйволъ, зарабатывая своимъ хозяевамъ по полутора франка въ день, выручаетъ 210 фр. Еще значительнѣе доходъ съ птичьяго двора и съ выкармливанія поросятъ. Въ промежуткахъ между уборкой воздѣлываемыхъ растений и посадкой новыхъ выпускаютъ на поля поросятъ, утокъ, куръ, которые находятъ себѣ тамъ обильную пищу, особенно же послѣ того, какъ была пущена вода. За поросятами и домашней птицей ухаживаютъ женщины и молодыя дѣвушки, которыя отлично выучиваются этому дѣлу. Никто лучше г-жи Уангъ не умѣетъ составлять и разнообразить, соответственно времени года, мѣсиво для поросятъ. Г-жа По-И съ неподражаемымъ искусствомъ отличаетъ хорошія яйца отъ болтуновъ и приготовляетъ кормъ для цыплятъ. Поросятъ Уангъ-Мингъ-Це дома не выводитъ. Это особая специальность. Чтобы не вырождались раса туземныхъ свиней, которыя не очень крупны ростомъ, но рано развиваются и быстро жирѣютъ, приходится иногда выписывать изда-лека борововъ. Къ тому же въ мелкомъ хозяйствѣ было бы неудобно выкармливать заразъ всѣхъ новорожденныхъ поросятъ даже и отъ одной свиньи. Несравненно проще и выгоднѣе отдѣлять въ данномъ случаѣ выкармливаніе отъ производства. Уанги, какъ и прочіе сосѣдніе земледѣльцы, выкармливаютъ поросятъ четыре раза въ годъ, каждый разъ по три поросенка. Покупаютъ поросятъ въ возрастѣ 6 или 7 недѣль и продаютъ ихъ черезъ три мѣсяца уже откормленными. При покупкѣ поросенокъ вѣситъ 15 — 16 килогр. и стоитъ всего лишь 4 фр. 60 сант., а при продажѣ онъ вѣситъ 112 килогр. и стоитъ 32 фр. 50 сант. (по 29 сант. за килогр.). За двѣнадцать штукъ откормленныхъ поросятъ Уанги выручаютъ поэтому 390 фр. Поросятъ никогда не откармливаютъ до максимума ожирѣнія. Это обошлось бы слишкомъ дорого и не окупило бы расходовъ по производству добавочнаго вѣса.

У г-жи Уангъ двѣ козы, которыя ежегодно приносятъ по парѣ козлятъ. Эти козлята продаются въ четырехмѣсячномъ возрастѣ по 5 фр. за штуку, что составить 20 фр. за четырехъ.

Птичій дворъ, на которомъ постоянно держится дюжина куръ и штукъ 20 утокъ, ежегодно доставляетъ 150 цыплятъ и молодыхъ утокъ, стоящихъ 45 фр. (по 30 сант. за штуку). Кромѣ того, съ него получается 2000 куриныхъ яицъ на 58 фр. (по 35 сант. дюжина) и 1500 утиныхъ яицъ на 50 фр. (считая по 40 сант. за дюжину). Такимъ образомъ, скотный и птичій дворъ доставляютъ Уангамъ доходъ въ 773 фр. Нечего и говорить, что куры и цыплята на китайскихъ рынкахъ не такъ аппетитны какъ наши и гораздо легковѣснѣе. Курица не вѣситъ тамъ болѣе полутора фунтовъ. Китайцы роняются болѣе всего за дешевизной, а производство второго фунта мяса обходится гораздо дороже, чѣмъ производство перваго. Если цыпленокъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 фунта стоитъ 30—35 сант., то при вѣсѣ въ $2\frac{1}{2}$ —3 ф. онъ обойдется не менѣе 78—80 сант. Чтобы приобрести откормленныхъ куръ и цыплятъ, вѣсомъ въ 5—6 фунт., надо ихъ предварительно заказать или же купить у торговца, знакомаго съ требованіями своего кліента. Однако же, въ большихъ городахъ, на рынкахъ, нерѣдко встрѣчаются куры въ 3 или 4 фунта вѣсомъ.

Продукты птичьяго двора отправляются на рынокъ самими хозяевами или же уступаются на мѣстѣ скупщикамъ, которые потомъ перепродаютъ ихъ на рынки. Въ большинствѣ случаевъ скупщики довольствуются сравнительно ничтожнымъ барышомъ. Они покупаютъ поросятъ и козъ по рыночной цѣнѣ, рассчитывая только фунтъ въ 18 унцій, вмѣсто 16. Точно также на каждую дюжину яицъ хозяйка прибавляетъ имъ двѣ штуки лишнихъ. Въ большихъ городахъ перекупщики получаютъ, впрочемъ, гораздо большіе барыши.

Подробный инвентарь сельско-хозяйственных орудій.

1 большая водокачальная машина съ приводомъ для буйвола, зачастую одолажаемая сосѣдямъ, стоитъ 58 фр.; 1 такая же машина меньшей величины для двухъ рабочихъ—32 фр., 1 плугъ—15 фр., 1 деревянная борона—12 фр., 2 большихъ желѣзныхъ грабель (по 2 фр. штука)—4 фр., 5 ручныхъ двоезубыхъ мотыгъ (по $1\frac{1}{2}$ фр. штука)— $7\frac{1}{2}$ фр., 2 большихъ мотыги съ 4 зубьями (по $2\frac{1}{2}$ фр.)—5 фр., 2 серпа (по $2\frac{1}{2}$ фр.)—5 фр., 1 ящикъ для вымолачиванія риса—15 фр., 4 ведра для носки удобренія (по 5 фр. за пару)—10 фр., 4 такихъ же ведра меньшей величины (по 4 фр. за пару)—8 фр., 2 большихъ ложки для удобренія (по $1\frac{1}{2}$ фр. за штуку)—3 фр., 2 такихъ же малыхъ ложки (по 1 фр. 10 сант.)—2 фр. 20 сант., 3 большія глиняныя вазы для удобренія (по 7 фр. за штуку)—21 фр., 2 деревянные лопаты (по 2 фр.)—4 фр., 2 молотильныхъ цѣпа для пшеницы (по 2 фр. 25 сант.)—4 фр. 50 сант., 2 коромысла для ведеръ (по 1 фр. 25 сант.)—2 фр. 50 сант. Итого земледѣльческихъ орудій на 208 фр. 70 сант. Затѣмъ для подготовленія и помола зеренъ имѣются еще слѣдующія орудія: 1 деревянная мельница для обдирки риса—10 фр. *), 1 ручная вѣялка—12 фр., 2 сита (по 1 фр. 25 сант.)—2 фр. 50 сант., 1 мукомольная мельница съ каменными жерновами—18 фр., ступа съ пестомъ—15 фр. Всего въ общей сложности на 57 фр. 50 сант. Для изготовленія чая употребляются: 4 кирпичныя печи (по 12 фр.)—48 фр., 4 желѣзныхъ противня (по 6 фр.)—24 фр., 50 цыновокъ для просушки чая (по 1 фр.)—50 фр., 4 маленькія деревянные лопаточки для переворачиванія чайныхъ листьевъ (по 25 сант.)—1 фр. Всего же на 123 фр.

Для обработки хлопка и для выдѣлки бумажныхъ

---

*) Буйволоный приводъ къ ней тотъ же, какъ и для водокачальной машины.

тканей служить: 1 машинка для очистки хлопка отъ сѣмянъ—9 фр., 2 самопрядки (по 3 фр.)—6 фр., 1 ткацкій станокъ—28 фр. Всего же на 40 фр.

Кромѣ того въ хозяйствѣ Уанговъ имѣется: 1 мельница для сурѣпы—18 фр., прессъ для выжиманія масла—40 фр., 1 мельница для выдавливанія сока изъ сахарнаго тростника (съ каменнымъ бѣгуномъ)—40 фр., 3 котла (по 7 фр.)—21 фр. и 2 желѣзные ложки (по 3 фр.)—6 фр. Всего на 125 фр.

Я чуть было не забылъ про соломорѣзку (сѣчку), стоящую 20 фр., и 4 чана (по 3 фр. за штуку) для приготовления корма скоту, общемою стоимостью въ 12 фр.

Цѣнность всѣхъ перечисленныхъ здѣсь хозяйственныхъ орудій и принадлежностей составляетъ въ общей сложности 578 фр. 20 сант. Содержание ихъ въ порядкѣ должно ежегодно обходиться, среднимъ числомъ въ 10% съ этой суммы, т. е. въ 58 фр.

Расходы на пищу семьи и домашнихъ.

Главнѣйшія статьи расходовъ слѣдующія: 5 килогр. рису (по 8 фр. за пикуль)—664 фр., 250 килогр. пшеницы (по той же цѣнѣ)—32 фр., 150 килогр. гороха-сои для приготовления вермишели и сыра *ту-су* (считая по 18 сант. за килогр., какъ если бы горохъ шелъ на приготовленіе масла)—27 фр., соленой капусты и рѣпы 800 килогр. на 18 фр. (среднимъ числомъ по 1 фр. за пикуль), сушеныхъ овощей 100 килогр. на 28 фр. (по 20 фр. за пикуль), мелкихъ бобовъ, бадиджановъ и т. п. 500 килогр. (по 4 фр. за пикуль)—34 фр., морскихъ водорослей 180 килогр. (по 15 фр. за пикуль)—45 фр., сушеной и соленой рыбы, креветокъ, раковъ, ракушекъ и т. п. 420 килогр. (по 27 фр. за пикуль)—189 фр., свѣжей рыбы 400 килогр. (по 4½ фр. за пикуль)—30 фр., свѣжей свинины 110 килогр. (по 34 сант. за килогр.)—32 фр., соленой свинины и ветчины 50 килогр. (по 1 фр. за килогр.)—50 фр., бара-

нины и козьяго мяса 40 килогр. (по 25 сант. за килогр.)—8 фр., куръ и утокъ 150 штукъ (по 30 сант. за штуку)—45 фр., свиного сала 120 килогр. (по 75 сант. за килогр.)—90 фр., куриныхъ яицъ 450 штукъ (по 25 сант. дюжина)—14 фр. 15 сант., сушеныхъ грибовъ 60 килогр.—20 фр., масла 200 килогр., употребляемаго въ пищу и для освѣщенія (по 45 сант. за килогр.)—90 фр., соли 120 килогр. (считая сюда и ту, которая скармливается скоту по 3 фр. за пикуль)—6 фр., чаю 60 килогр.—70 фр., сахару 90 килогр. (по 25 сант. за килогр.)—22½ фр., водки 100 килогр. (по 10½ фр. за пикуль)—17 фр., соломы для отопленія кухни—50 фр.; плоды и ликеры домашняго производства въ счетъ не включены. Затѣмъ вся сумма расходовъ по этой статьѣ составляетъ 1589 фр.

Прокормленіе домашняго скота и птицъ.

Кормъ буйволу даютъ въ разныя времена года различный, но всегда мѣсиво. Солома, клеверъ, сушеное или свѣжее сорго, рѣпа, избоина—все это мелко рубится и смѣшивается съ небольшимъ количествомъ воды и соли. Въ теченіе года буйволъ съѣдаетъ 6500 килогр. рисовой соломы (по 65 сант. за пикуль)—60 фр. 20 сант., 2000 килогр. клеверу (по 1 фр. 20 сант. за пикуль)—39 фр. 60 сант., 5000 килогр. рѣпы (1 фр. за пикуль)—83 фр. 70 сант., 1000 килогр. кормовой сои (по 2 фр. 20 сант. за пикуль)—33 фр. 70 сант., 450 килогр. избоины (по 8½ фр. за пикуль)—63 фр. 75 сант. Всего же кормъ его стоитъ 311 фр. 20 сант., не считая 3000 и даже болѣе килогр. разныхъ отбросовъ, рисовой и пшеничной мякины, отрубей, мелкихъ зеренъ и т. п.

Поросята съѣдаютъ тоже въ видѣ мѣсива 1590 килогр. рѣпы, на 25 фр., 450 килогр. избоины, на 63 фр. 75 сант., 1500 килогр. сорго и выжимокъ сахарнаго тростника (по 2 фр. 20 сант. за пикуль)—55 фр. Всего же кормъ ихъ обходится въ 143 фр., также не принимая

въ расчетъ громадной массы разныхъ отбросовъ, мякины, отрубей, мелкихъ зеренъ, остатковъ отъ овощей, обрѣзковъ ямса, и т. п., вѣсомъ въ общей сложности не менѣе 4000 килогр.

Курамъ и цыплятамъ значительная часть корма дается также въ видѣ мѣсива. На нихъ полагается 120 килогр. гречи или пшеницы нисшаго сорта (по 5 фр. за пикуль)—10 фр., 100 килогр. избойны—15 фр., 100 килогр. крупныхъ бобовъ (по 11 фр. за пикуль)—19 фр., 100 килогр. кукурузы (по 6 фр. за пикуль)—10 фр., 250 килогр. рису (по 8 фр. за пикуль)—33 фр., 180 килогр. ямса (по 4 фр. за пикуль)—12 фр. Всего же въ общей сложности 98 фр., тоже не считая 400 или 500 килогр. разныхъ отбросовъ, подбираемыхъ ими въ полѣ.

Что касается до козъ, то получаемое отъ нихъ молоко потребляется полностью дома. Уангъ-Мингъ-Це считаетъ, что молоко это равноцѣнно стоимости корма, сѣдаемаго козами. Правильнѣе было бы сказать, что содержаніе ихъ вовсе не было принято въ расчетъ. Это фантазія г-жи По-И, которая непременно хотѣла кормить дѣтей молокомъ. Продовольствіе же домашней птицы и скота, за исключеніемъ козъ, составляетъ въ общей сложности 552 фр. 20 сант.

Инвентарь мебели.

Длинный столъ въ залѣ стоитъ 45 фр. Четыреугольный столъ—36 фр. Шкафъ надъ длиннымъ столомъ—60 фр. Китайскія вазы, подсвѣчники и цвѣточные вазы—70 фр. Сундукъ для архива—30 фр. Книжный шкафъ—30 фр., 4 кресла и 2 столика—110 фр., 10 штукъ разныхъ стульевъ и табуретовъ—40 фр., а всего 421 фр. Въ другихъ комнатахъ имѣются 3 большихъ кровати по 138 фр.—314 фр., 3 дѣтскихъ кровати по 30 фр.—60 фр. и 1 маленькая кроватка—10 фр. Всѣ эти кровати съ камышевыми плетенками, сверхъ которыхъ кладутъ тюфяки или, лучше сказать, одѣяла, такъ какъ въ

Китаѣ не употребляютъ такихъ тюфяковъ какъ у насъ. Мѣсто ихъ заступаютъ толстыя ватныя одѣяла. На каждую кровать полагается два такихъ одѣяла. Они стоятъ по 20 фр. штука для большихъ кроватей и по 12 фр. штука для маленькихъ, что составитъ 240 фр. для всѣхъ 8 кроватей. Въ жаркое время года, вмѣсто того чтобы ложиться прямо на тюфякъ, покрываютъ его тонкой цыновкой. Для каждой кровати полагается 1 цыновка, стоимостью отъ 1 до 2 фр., что составитъ для 8 кроватей приблизительно 12 фр. Китайцы и китаянки спятъ обыкновенно въ исподнемъ бѣлѣ. Каждая кровать снабжена также пологомъ. Для трехъ большихъ кроватей пологъ стоитъ по 20 фр. штука, а для 4 меньшихъ по 12 фр. Считая за пологъ дѣтской кроватки всего лишь 6 фр., получимъ за всѣ 8 пологовъ—114 фр. Вообще кровати съ постелями и пологомъ стоятъ въ совокупности 790 фр. Это немного дороговато, но китайцы считаютъ кровать, послѣ гроба, самой важной мебелью. Богачи заводятъ себѣ гробы и кровати цѣнностью въ нѣсколько тысячъ франковъ.

За кроватями слѣдуютъ 4 шкафа въ комнатахъ старушки Уангъ-Лай-лай, ея внушки Сіу-Ліенъ, самого Уангъ-Мингъ-Це и По-И. Первый изъ нихъ стоитъ 50 фр., два другихъ—40 и 36 фр., а послѣдній—20 фр. Кромѣ того есть еще 8 сундуковъ камфарнаго дерева и кожаныхъ чемодановъ по 10—12 фр. штука, общемою стоимостью въ 90 фр. Три большихъ круглыхъ стола и 1 четырехугольный столъ, цѣною всего въ 65 фр. Четыре большихъ умывальныхъ стола съ оловянными и фарфоровыми приборами. Первые изъ нихъ стоятъ по 35 фр., а вторые по 15. Стоимость всѣхъ четырехъ умывальныхъ столовъ 100 фр. Туалетныя принадлежности трехъ дамъ и молодой дѣвушки стоятъ для каждой среднимъ числомъ по 10 фр., а для всѣхъ—40 фр.; 4 зеркала (по 3 фр.).—12 фр. Сверхъ того въ этихъ 4 комнатахъ имѣется 2 большихъ кресла и 10 стульевъ, общей цѣной въ 120 фр.; 8 маленькихъ оловянныхъ подсвѣчниковъ, по 2½ фр., и 2 мѣдныхъ лампы по 6 фр. въ общей сложности 30 фр. Вся мебель тамъ изъ бѣлаго лакированнаго дерева.

Въ другихъ дѣтскихъ комнатахъ, кромѣ кроватей, имѣется въ каждой лишь 2 скамьи по 2 фр., сундукъ въ 5 фр. и 1 умывальный столикъ съ гарнитурой изъ самаго плохого фарфора, стоящій не болѣе 6 фр. Общая цѣнность мебели въ этихъ двухъ комнатахъ не превышаетъ такимъ образомъ 30 фр.

Вообще же стоимость всей перечисленной до сихъ поръ мебели простирается до 1844 фр.

Въ комнатѣ служанки стоитъ кровать съ одѣялами, цыновкой и пологомъ, цѣнностью въ 50 фр., сундукъ въ 5 фр., умывальный столикъ въ 6 фр. и двѣ скамьи по 2 фр. Въ общей сложности мебели тамъ наберется на 65 фр.

За этимъ слѣдуетъ инвентарь кухонной мебели и принадлежностей: 1 кирпичная печь съ пятью очагами—50 фр., 5 желѣзныхъ котловъ по 3 фр.—15 фр., 6 желѣзныхъ кастрюль по 1 фр.—6 фр., 3 большихъ мѣдныхъ ложки, чтобы размѣшивать рисъ, по 2 фр.—6 фр., 6 маленькихъ мѣдныхъ ложекъ по 25 сент.—1 фр. 50 сент., еще 6 маленькихъ ложекъ по 20 сент.—1 фр. 20 сент., 3 желѣзныхъ лопатки по 1 фр. 50 сент.—4 фр. 50 сент., 2 щипцовъ по 1 фр. 25 сент., 2 фр. 50 сент., 5 крышекъ для котловъ по 2 фр.—10 фр., 4 большихъ глиняныхъ сосуда для воды по 8 фр.—32 фр., 6 большихъ горшковъ для консервовъ по 7 фр.—42 фр., 2 кухонныхъ шкафа по 16 фр.—32 фр., 2 стола по 5 фр.—10 фр., 1 чурбанъ для рубки мяса—6 фр., 50 простыхъ чашекъ—3 фр., 50 фарфоровыхъ тарелокъ—6 фр., 20 блюдецъ—6 фр., 20 мисокъ—7 фр., 30 меньшихъ мисокъ—8 фр., 40 чайныхъ чашекъ съ крышками и блюдецками—6½ фр., 40 маленькихъ чашекъ для водки—2 фр., 50 фарфоровыхъ ложекъ—2½ фр., 40 паръ деревянныхъ мисочекъ—1½ фр., 40 паръ бамбуковыхъ мисочекъ—75 сент., 2 большихъ кухонныхъ ножа по 1 фр. 25 сент.—2 фр. 50 сент., 6 бамбуковыхъ корзинъ по 1 фр. 10 сент.—6 фр. 60 сент., 6 ведеръ по 3 фр.—18 фр., 4 меньшихъ ведра по 2 фр. 40 сент.—9 фр. 60 сент., 6 деревянныхъ лакированныхъ мисокъ по 2 фр.—12 фр., 4 скамьи по 1 фр. 50 сент.—6 фр. и 4

бамбуковыхъ стула по 60 сант.—2 фр. 40 сант. Кухонная мебель и принадлежности стоятъ въ общей сложности 316 фр.

Инвентарь одежды.

Мужской гардеробъ состоитъ изъ 3 парадныхъ касторовыхъ шляпъ съ кистями изъ краснаго шелка, шнурами и на атласной подкладкѣ по 8 фр.—24 фр., 3 простыхъ валеныхъ шляпъ по 2 фр.—6 фр., 5 войлочныхъ колпаковъ по 65 сант.—3 фр. 75 сант., 5 атласныхъ колпаковъ на подкладкѣ съ красными шелковыми кистями по 2 фр. 25 сант.—11 фр. 25 сант., 5 атласныхъ воротниковъ на подкладкѣ по 1 фр. 85 сант.—6 фр. 25 сант., 20 рубахъ изъ бумажной ткани по 2 фр.—40 фр. (Это, собственно говоря, маленькая рубашка въ родѣ курточки.) 20 панталонъ изъ бумажной ткани по 1 фр. 75 сант.—35 фр., 5 паръ стеганныхъ гамашъ на ватѣ, надѣвающихся сверхъ панталонъ, по 6 фр.—30 фр., 4 большихъ рабочихъ передника, въ родѣ юбокъ, по 6 фр.—24 фр., 4 пары брюкъ изъ толстой ткани для работы зимой по 7 фр.—28 фр., 4 большихъ плаща (*ма-куа*) на ватѣ по 12 фр.—48 фр., 3 стеганныхъ халата на ватѣ для взрослыхъ по 22 фр.—66 фр., 2 такихъ же халата для мальчика по 16 фр.—32 фр., 6 большихъ халатовъ изъ бумажной матеріи по 11 фр.—66 фр., 3 маленькихъ халата по 9 фр.—27 фр., 3 халата изъ голубой шелковой матеріи по 40 фр.—120 фр., 3 суконныхъ накидки и пелеринки (*ма-куа*) по 12 фр.—36 фр., 3 пары шелковыхъ гамашъ по 7 фр.—21 фр., 3 большихъ шелковыхъ пояса по 4½ фр.—13 фр. 50 сант., 6 бумажныхъ поясовъ по 2 фр.—12 фр., 3 суконныхъ накидки на барашковомъ мѣху по 36 фр.—108 фр., 3 казакина на мѣху по 21 фр.—63 фр., 3 большихъ жилета по 9 фр.—27 фр., 3 такихъ же меньшей величины по 6 фр.—18 фр., 20 паръ чулокъ, сшитыхъ изъ бумажной ткани, по 1 фр. 25 сант.—25 фр., 10 паръ обыкновенныхъ башмаковъ изъ

толстой шелковой тафты по 3 фр. 40 сант.—34 фр., 5 паръ атласныхъ башмаковъ на подкладкѣ по 5 фр.—25 фр., 10 паръ кожаныхъ башмаковъ разной величины по 2 фр.—20 фр., 4 дождевыхъ зонта изъ бумаги, пропитанной масломъ, по 2 фр. 80 сант.—11 фр. 20 сант., 3 рабочихъ ватерпруфа изъ пальмовой пенъки по 6 фр.—18 фр., 2 пары серебрянныхъ часовъ по 72 фр. пара (китайцы почти никогда не покупаютъ часы по-штучно, имъ продаютъ часы парами въ особыхъ для того футлярахъ)—144 фр., 6 вѣеровъ по 75 сант.—4 фр. 50 сант. Веего же на 1152 фр. 45 сант.

Гардеробъ трехъ дамъ и трехъ молодыхъ дѣвушекъ состоитъ: изъ трехъ серебрянныхъ шпилекъ для волосъ по 70 фр. 50 сант.—22 фр. 50 сант., 3-хъ такихъ же шпилекъ меньшей величины по 3 фр. 20 сант.—9 фр. 60 сант., 2-хъ шпилекъ съ нефритовыми головками по 12 фр.—24 фр., 5-ти серебрянныхъ колецъ, стоящихъ 50 фр., 4-хъ паръ серебрянныхъ серегъ по 9 фр.—36 фр., 6-ти серебрянныхъ браслетовъ, общей стоимостью въ 110 фр., 2-хъ паръ нефритовыхъ серегъ по 15 фр.—30 фр., 2-хъ нефритовыхъ браслетовъ—40 фр., 3-хъ шиньоновъ по 3½ фр.—10 фр. 50 сант., 30 штукъ искусственныхъ цвѣтовъ—20 фр., 6 атласныхъ чепчиковъ разной величины по 3 фр.—18 фр., 24 рубашекъ бумажной ткани по 2 фр.—48 фр., 24 такихъ же панталонъ по 1½ фр.—36 фр., 10 юбокъ по 5 фр.—50 фр., 4 шелковыхъ плаща по 10 фр.—40 фр., 4 шелковыхъ платьевъ по 36 фр.—144 фр., 3 болѣе нарядныхъ платьевъ по 50 фр.—150 фр., 6 нарядныхъ шелковыхъ поясовъ по 10 фр.—60 фр., 4 шелковыхъ панталонъ на ватѣ для взрослыхъ по 14 фр.—56 фр., 2 меньшихъ панталонъ по 9 фр.—18 фр., 4 плаща изъ бумажной ткани на ватѣ по 10 фр.—40 фр., 4 шелковыхъ платьевъ на ватѣ по 45 фр.—180 фр., 4 шелковыхъ кофты для взрослыхъ по 11 фр.—44 фр., 2 такихъ же маленькихъ кофты по 7 фр.—14 фр., 3 очень нарядныхъ шелковыхъ кофты на барашковомъ мѣху по 24 фр.—72 фр., 4 большихъ ватерпруфа изъ бумажной ткани по 10 фр.—40 фр., 12 передниковъ по 50 сант.—6 фр., 6 домашнихъ шел-

ковыхъ передниковъ по 4 фр.—24 фр., 15 паръ башмаковъ по 2 фр. 50 сент.—37 фр. 50 сент., 6 паръ болѣе нарядныхъ башмаковъ по 4 фр.—24 фр., 4 дождевыхъ зонтовъ по 2 фр. 50 сент.—10 фр., 6 простыхъ вѣеровъ по 25 сент.—1 фр. 50 сент., 4 болѣе нарядныхъ по 2 фр. 50 сент.—10 фр. Одежда маленькаго ребенка въ общей сложности стоитъ 50 фр. Все же вмѣстѣ составить 1527 фр. 60 сент., а прибавивъ сюда стоимость мужского гардероба въ 1152 фр. 45 сент., получимъ для всей семьи стоимость одежды въ 2680 фр.
